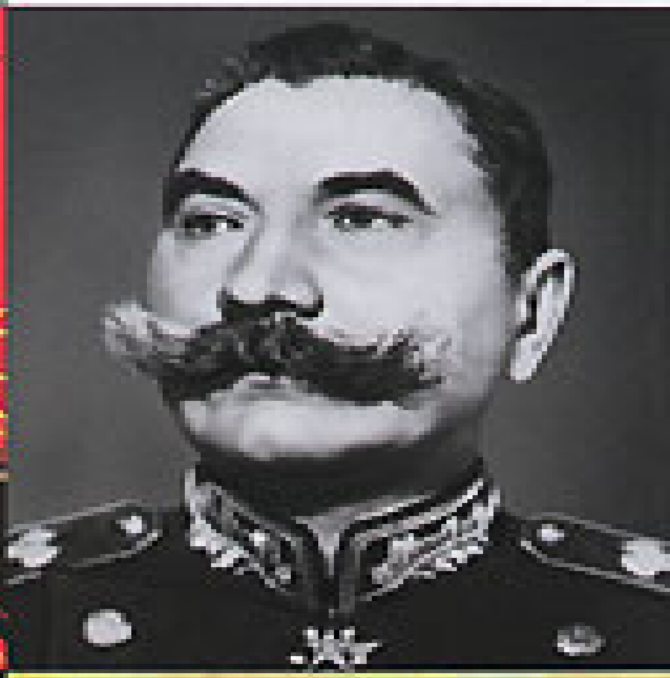
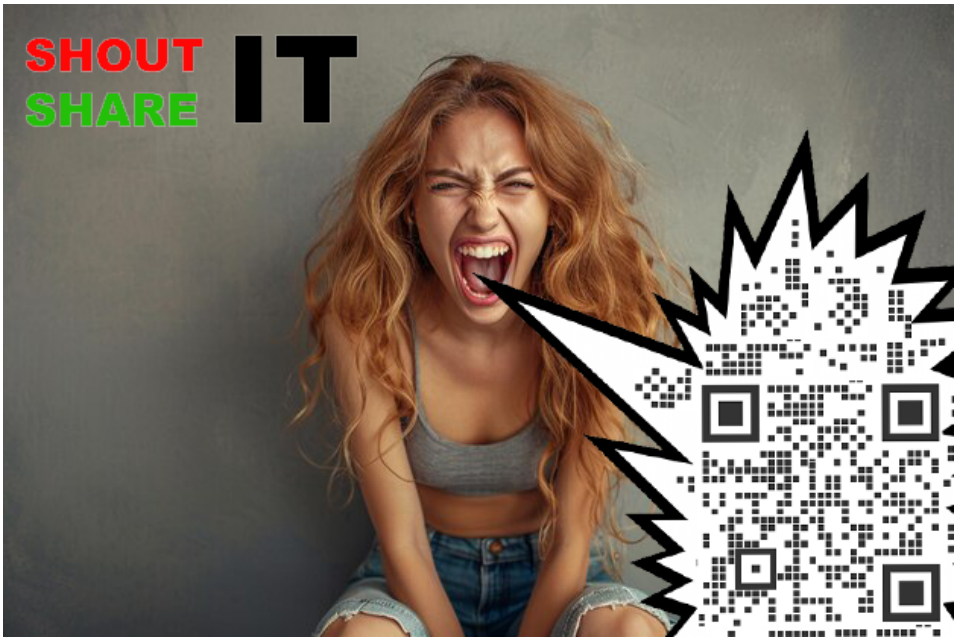
БУДЕННЫЙ



Борис Соколов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семен Михайлович Буденный (1883–1973) – герой Гражданской войны, командир легендарной Первой конной, один из самых популярных советских военачальников. Множество стихов, песен, романов изображали его прямым и бесхитростным наездником-рубакой, но на самом деле он был достаточно умен и осторожен, чтобы уцелеть в годы сталинских репрессий и навязать Красной армии свою линию на укрепление конницы в ущерб моторизованным частям. Великая Отечественная война доказала пагубность подобного курса и завершила полководческую карьеру Буденного, который еще много лет играл роль живой легенды, связующего звена современности с героикой первых советских лет. Превратности биографии знаменитого маршала исследует известный историк Борис Соколов – автор более 40 книг, посвященных истории и культуре России XX века.

- Борис Соколов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. М. БУДЕННОГО
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Борис Соколов
Буденный: Красный Мюрат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кем же все-таки был Семен Михайлович Буденный? Об этом спорят до сих пор. По мнению одних – живая легенда, командарм Первой конной, герой Гражданской войны, беспримерный знаток лошадей, возродивший советское коневодство, блестящий кавалерийский тактик, преданный слуга советской власти, отец солдатам, любящий семьянин, самородок из низов, добившийся маршальского жезла. По убеждению других – фельдфебель-самодур, чья жестокость по отношению к подчиненным проявилась еще в царской армии; человек, хладнокровно застреливший свою первую жену и чуть ли не самолично отвезший вторую супругу на Лубянку; бездарный полководец, чья неспособность вести современную войну ярко проявилась в годы Великой Отечественной; губитель истинно народных героев Бориса Думенко и Филиппа Миронова или (в зависимости от политических симпатий пишущего) «белых рыцарей» Краснова, Деникина и Врангеля; грубый солдафон, умевший только гулять и пить с соратниками-конармейцами; один из организаторов «великой чистки» в Красной армии в 1937–1938 годах. Здесь перечислены далеко не все эпитеты, которыми в разное время награждали Семена Михайловича его друзья и враги в зависимости от собственных политических предпочтений. Где же здесь правда?

Что-то из приведенных оценок справедливо, а что-то, как водится, весьма далеко от истины. Но, надо думать, вряд ли народ стал бы петь песни о совсем уж никчемном человеке. Причем петь их начали в первые годы советской власти, когда официальный культ Буденного и Конармии еще не успел сложиться. Да и красноармейский шлем недаром прозвали «буденовкой». Как известно, этот шлем, созданный по эскизу художника В. М. Васнецова, был разработан еще при царском правительстве, и его предполагалось назвать «богатырка», но история и народ рассудили иначе. Надо сказать, что обаянию Буденного поддались и многие представители интеллигенции – об этом говорит количество посвященных ему и его армии романов, стихов, а потом и художественных фильмов. Конечно, многие из них были созданы по заказу, но немало было и тех, что сочинялись по зову сердца. Должно быть, романтически мыслящим творцам культуры неразлучный с конем командарм представлялся кем-то вроде кочевника-скифа, пришествие которого воспевал А. Блок. Таким персонажем не грех было восхититься, а то и поучиться у него «новой революционной

нравственности».

К тому же Буденный действительно был одним из самых способных красных командиров, поднятых советской властью из низов. Неслучайно он единственный из военачальников-кавалеристов благополучно прошел всю Гражданскую войну, не потерпев ни одного настоящего поражения, в отличие, скажем, от Д. П. Жлобы или Г. Д. Гая, не допускал антисоветских выступлений, как Ф. К. Миронов, или полного разложения своего войска, как Б. М. Думенко (хотя следует признать, что буденновская Конармия не раз подходила к тому краю, за которым разложение могло превратиться в хаос). Для того чтобы держать в руках такую неуправляемую массу, как буденновцы, требовался недюжинный талант организатора, трибуна, вождя. Этими качествами никак не могла обладать ординарная посредственность, какой стремятся представить Буденного некоторые его недоброжелатели. По-своему Семен Михайлович был личностью сложной и противоречивой. Он верно служил отнюдь не самому демократичному политическому режиму и по своему положению никак не мог остаться в стороне от проводившихся в стране и в армии репрессий. Однако при этом о своих товарищах и бойцах-конармейцах он всегда заботился и, когда было можно, отводил от них карающую длань. Да, он бил подчиненных, но без крайней нужды не расстреливал. Главное же заключалось в том, что Семен Михайлович мыслил настоящую жизнь только на коне, в родимых донских степях. Может, потому и противился слишком уж быстрому сокращению конницы в межвоенный период, что чувствовал себя своего рода последним рыцарем, которому нечего будет делать на поле битвы, если с него исчезнет конница. Вторая мировая, война машин, была уже не его войной.

Рыцарский дух у Буденного сочетался с трезвым расчетом. Он был одним из немногих военных высшего ранга, кому посчастливилось избежать репрессий 1937–1941 годов.

И дело здесь, вероятно, объясняется не только его твердой поддержкой Сталина (Тухачевский тоже никогда против Сталина не выступал и его меры по подготовке к большой войне безоговорочно поддерживал). Неменьшую роль сыграло то, что Семену Михайловичу удалось подать себя Иосифу Виссарионовичу как человека недалекого, политических амбиций не имеющего и на роль нового Бонапарта никак не годящегося. Благодаря этому он и уцелел. Очевидно, еще в годы Гражданской войны Буденный понял, что при большевиках лезть в политику смертельно опасно. И великолепно сыграл роль лихого рубаки, который за советскую власть и лично товарища Сталина снесет

любую голову. Потом, после Великой Отечественной, он так же умело принял облик живой легенды, воплотившей дух «той единственной гражданской». Его привечали все сменявшиеся в Советской стране правители, от Ленина до Брежнева. Всем он оказался нужен, ни при одном из них не попал в опалу. Так что по-своему Семен Михайлович оказался совсем неплохим политиком, хотя на лавры Наполеона никогда, разумеется, не претендовал – ни на поле брани, ни в политических ристалищах.

В то же время только революция 1917 года и советская власть вознесли Буденного к маршальским высотам. Не будь революции, сын крестьянина из донских иногородних в своей карьере дальше вахмистра никогда бы не продвинулся, хотя бы по причине весьма скромного образования. Если бы повезло, Семен Михайлович скопил денег и, выйдя в отставку, открыл небольшой конный завод, при котором и зажил бы себе в достатке, но не в славе. Исторической личностью его сделали революция и большевики. Безусловно, время сделало Буденного. Но Семен Михайлович и сам формировал историческое время – не только в Гражданскую войну, но и после нее.

В этой книге я постараюсь рассказать как можно правдивее и об исторических деяниях Семена Михайловича Буденного, о частной жизни маршала и о гранях его личности – как светлых, так и темных. Удалось ли это – судить читателю.

Глава первая
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В Гражданскую войну в советских газетах Буденного называли «первой саблей молодой республики, преданным сыном коммуны». Белые именовали его «красным Мюратом», в честь храброго командира наполеоновской кавалерии, поляки – «советским Макензеном» по имени немецкого генерала, прорвавшего русский фронт в Галиции в 1915 году столь же стремительно, как ворвалась в Польшу Первая конная армия пять лет спустя. Во всех этих определениях что-то есть, но ни одно из них нельзя считать полным. Буденный – это Буденный, сын своей эпохи и своей родины, «батюшки тихого Дона».

Донские степи издавна славились своими конями и лихими наездниками, которые гарцевали на них. Здесь, посреди донских степей, на хуторе Козюрин станицы Платовской 13 (25) апреля 1883 года в семье крестьянина-батрака Михаила Ивановича Буденного и его жены Маланьи Никитичны родился будущий командарм Первой конной, маршал и трижды Герой Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Еще при жизни этот человек стал живой легендой. О нем пели песни, его именем называли города, села и колхозы. Даже порода лошадей, выведенная на Дону еще в конце XIX века, была впоследствии названа «буденновской».

За Семеном Михайловичем прочно закрепилась слава создателя советской кавалерии, лихого наездника-рубаки, крупного полководца Гражданской войны, наконец, заботливого и справедливого «отца-командира». Как и всякий миф, эта легенда в чем-то верно передает реальный буденновский образ, а в чем-то очень сильно деформирует его. Мы попробуем восстановить основные вехи подлинной биографии командарма Первой конной, попытаемся понять, что это был за человек, что толкнуло его в революцию, какую роль он сыграл в развитии Красной армии, каким был в частной жизни.

Родители Буденного были не казаками, а иногородними, то есть осевшими на Дону выходцами из русских и украинских губерний. Дед будущего командарма покинул свою родину, слободу Харьковскую Бирючинского уезда Воронежской губернии, вскоре после отмены крепостного права из-за того, что не мог выплачивать подати за полученную им землю. Судя по фамилии, он происходил из слободских украинцев – переселившихся еще в XVII веке в Россию выходцев из польской Украины. В поисках

лучшей доли Иван Буденный вместе с женой и тремя малолетними детьми отправился в область Войска Донского. Иногородние на Дону были людьми второго сорта по сравнению с казаками, наделенными сословными привилегиями, главной из которых было право владеть благодатной донской землей. Иногородние же приобретать землю не могли, поэтому Буденным пришлось батрачить на богатых казаков. Вскоре, однако, отец будущего командарма выбился в мелкие торговцы, которых называли коробейниками.

В мае 1875 года Михаил Иванович Буденный женился на Маланье Никитичне Емченко, также происходившей из бывших крепостных и, судя по фамилии, тоже украинке. Хотя украинского языка, замечу, ни один из супругов не знал. Это и не удивительно – в ту пору в Российской империи официально не существовало не только такого языка, но и слова «Украина» – употреблялось только название «Малороссия». Молодые поселились на хуторе Козюрин неподалеку от станицы Платовской. В семье Михаила Ивановича, кроме Семена, было еще семеро детей – четверо братьев и три сестры, из которых он был вторым по старшинству. Сначала родился Григорий, потом Семен, а дальше пошли Федора, Емельян, Татьяна, Анастасия, Денис и Леонид. В дальнейшем Емельян, Денис и Леонид командовали в Конармии эскадронами. А вот с Григорием вышла незадача. Но об этом – чуть позже.

В 1890 году Буденные попробовали перебраться на Ставрополыцину, но там не задержались, а обосновались на хуторе Литвиновка в 40 километрах к западу от станицы Платовской, на берегу реки Маныч. Поднакопив немного средств торговлей, Михаил Иванович смог арендовать землю, хотя и на кабальных условиях испольщины – землевладельцу-казаку приходилось отдавать половину урожая. В 1892-м Семен начал работать мальчиком на побегушках у купца первой гильдии Яцкина, а до этого он уже помогал отцу пахать землю. У Яцкина он оставался несколько лет – привозил товары в лавку, бегал с поручениями, прибирался в купеческом доме.

После Яцкина юному Буденному довелось работать помощником кузнеца. Его отец пользовался уважением среди односельчан – он был выборным старостой иногородних, заступался за них перед местным казачьим атаманом. Это, кстати сказать, доказывает, что совсем уж захудалыми бедняками Буденные не были. Скорее – из более или менее крепких середняков. Кулаки на общественные должности обычно не шли, – все их время отнимало хозяйство, – но и бесштанную голытьбу на них тоже никогда не выбирали. Раз свое хозяйство не

смог поставить, где уж ему представлять общественные интересы!

В семье Буденных по вечерам умели веселиться, несмотря на тяжелые трудовые будни. Отец хорошо играл на балалайке, а Семен – на гармошке. Страсть к гармони Семен Михайлович сохранил на всю жизнь. Его игру ценил Сталин, и это немало способствовало карьере Буденного.

Хотя с ранних лет Семену Михайловичу пришлось трудиться ради куска хлеба, он всегда находил время отдаться любимой страсти – лошадям. Его односельчанин Константин Федорович Новиков вспоминал: «Семен с малых лет любил лошадей. На масленицу у нас обычно устраивались соревнования – надо было на всем скаку поднять с земли фуражку и надеть ее на голову, пролезть на галопе под живот лошади и сесть с другой стороны. Семен всегда здесь был первым».

Уже к 17 годам Буденный был одним из лучших наездников в станице. И получил первую в жизни награду, пусть и довольно скромную. Летом 1900 года станицу Платовскую посетил военный министр генерал А. Н. Куропаткин. В его честь были устроены скачки с рубкой лозы и чучел. От иногородних выступил Семен Буденный – он лихо рубил чучело, потом лозу, обошел всех и пришел к финишу первым. Семен уже тогда умел выжать из лошади все силы, но так, чтобы конь при этом остался в строю. Куропаткин наградил победителя серебряным рублем.

Было ли это на самом деле, сказать трудно. Документов, естественно, сохраниться не могло – не стал бы министр на каждый наградной рубль смету оформлять. И знаем мы об этом эпизоде только со слов самого Семена Михайловича. А он, как выясняется, частенько любил прихвастнуть, причем особенно много фантазий вышло из-под пера его лиг-сотрудников касательно первого периода его биографии – до службы в Красной армии.

Позднее Семен был смазчиком и кочегаром на локомобильной молотилке купца Яцкина, а затем будто бы даже дорос до машиниста. Последнее, кстати, вызывает сомнения. Ведь образование у него было только начальное, а работа машиниста все-таки требовала определенных технических знаний. Как вспоминала дочь маршала Нина, «когда Григорий уехал, старшим из сыновей стал папа. Для начала его отдали мальчиком в магазин к купцу Яцкину. Папа был интересный мальчишка, и дочери Яцкина с ним много возились… В пятидесятые годы они ему звонили и просили помочь. Им хотелось машину купить. Папа им помог – в свое время сестры Яцкины и грамоте его выучили, и математике, а он добро помнил».

Нина Семеновна упомянула об эмиграции брата Семена

Григория. Этот факт позднее, когда Буденный стал одним из вождей Красной армии, мог сильно повредить его карьере. Ведь у Семена Михайловича появилась бы в анкете очень опасная во второй половине 30-х годов графа – наличие родственников за границей. Да не каких-нибудь там дальних, седьмая вода на киселе, не троюродного племянника, а самого настоящего родного брата. Однако, судя по всему, Семену Михайловичу удалось утаить эмиграцию брата и от НКВД, и от кадровиков Наркомата обороны.

Как позже стало известно, в 1902 году старший брат Семена Григорий эмигрировал за океан – сначала в Аргентину, а потом в США. Он батрачил у немца-колониста, вместе с ним уехал на другой континент и уже там женился на его вдове. Умер брат командарма уже после Второй мировой войны. Тогда же прервалась переписка его семьи с семьей Семена Михайловича. Видно, чекисты опекали Буденного не слишком плотно, если связь с заграничной родней так и не выявили. Но тогда, в начале XX века, до всего этого было еще далеко.

В начале 1903 года Семен обвенчался в платовской церкви с казачкой Надеждой Ивановной – одной из первых красавиц соседней станицы. А уже 15 сентября 1903 года его призвали на военную службу. Когда Семен уходил в армию, мать сорвала у околицы цветок бессмертника и сказала: «Пусть этот бессмертник сохранит тебе жизнь». И это пожелание сбылось как по-писаному. За всю свою долгую боевую жизнь Семен Михайлович ни разу не был ранен ударом сабли – помогли умение хорошо ездить верхом и блестящее владение холодным оружием.

Призыв происходил в Бирючинском уезде Воронежской губернии, откуда родом был дед Семена Михайловича и где его отец получал паспорт. Семья оставалась приписанной к этому уезду, хотя давно уже жила в других местах. Определили Буденного в драгунскую маршевую роту, располагавшуюся в уездном городке Бирюч. В царской армии, как позднее в советской с середины XX века, махровым цветом цвела дедовщина, и в первые годы службы Семен сполна познал ее прелести. Зато он показал себя первым в джигитовке. Однажды один из унтер-офицеров, желая подшутить над искусным наездником, попросил его показать класс на необъезженном жеребце по кличке Ангел. Этот Ангел оказался сущим дьяволом и так и норовил сбросить седока. Но не таков был Семен Михайлович – он держался в седле как влитой. И тогда обезумевший жеребец, закусив удила, ринулся на колючую ограду, но Буденный дал шпоры, натянул поводья и перепрыгнул ограду как барьер на скачках. После этого потрясенный Ангел

присмирел и больше не взбрыкивал. А Семена Михайловича крепко зауважали сослуживцы. Старослужащие больше не рисковали над ним издеваться, тем более что умельца приметили офицеры и стали просить объезжать их лошадей.

Когда началась Русско-японская война, Буденного с группой драгун направили на пополнение 46-го казачьего полка в Маньчжурии, охранявшего тыл русской армии. С японцами драться полку не пришлось, зато он поучаствовал в схватках с бандами хунхузов, грабивших русские обозы. В одной из стычек Буденный получил первое легкое ранение. После войны он остался служить в Приморском драгунском короля датского Христиана IX полку, расположенном в селе Раздольном под Владивостоком (монарх далекой Дании был его почетным шефом на правах тестя императора Александра III). Первая русская революция практически не затронула Приморье, и о бурных событиях в Европейской России драгуны узнавали только из газет. Осенью 1906 года Буденный отличился на учениях, захватив батарею условного противника. Командир полка направил толкового драгуна, блестящего знатока лошадей в Петербургскую школу наездников, готовившую инструкторов для кавалерийских полков.

16 января 1907 года Буденный прибыл в Петербург, впервые оказавшись в столице империи. Школа наездников располагалась в здании Высшей офицерской кавалерийской школы на Шпалерной. Здесь Семен Михайлович учился искусству верховой езды у самого Джеймса Филлиса, всемирно знаменитого британского жокея, руководившего кавалерийской школой с 1898 года и произведенного в полковники русской армии. Буденный оказался одним из лучших в своем выпуске; у Филлиса он научился всем способам подчинения лошади воле всадника. В школе будущий глава Первой конной также познакомился с великим разнообразием существующих в мире лошадиных пород. Вероятно, Буденный был знаком с книгой «Основы выездки и езды», впервые вышедшей на русском языке в 1901 году. Она переиздавалась и после революции, последний раз – в 1941 году, с благословения Семена Михайловича.

В мае 1908 года Буденный был произведен в младшие унтер-офицеры. Обучавшиеся в школе несли караул в Зимнем дворце, где Буденному довелось не раз видеть императора Николая II и даже здороваться с ним за руку. После первого года обучения Семен занял первое место на соревнованиях по выездке, что давало ему право пройти второй год обучения и возможность остаться в школе инструктором-наездником. Но летом того же года Буденный предпочел вернуться в Приморский драгунский

полк и служить там сверхсрочную. Уже в сентябре за успехи в обучении молодых драгун верховой езде Буденному, занимавшему должность полкового наездника, присвоили звание старшего унтер-офицера. Одно время он также исполнял обязанности вахмистра эскадрона. Буденный с гордостью писал отцу: «Я тебе говорил, что стану унтер-офицером, и, как видишь, стал им». Семен Михайлович всегда добивался поставленной цели.

Зять Буденного, известный актер Михаил Державин, утверждал: «Они все были не такими простенькими, как сейчас принято считать. Я как-то прихожу в Ленком на репетицию, а Анатолий Васильевич Эфрос меня спрашивает: „Миша, а вот скажи, Буденный 'Войну и мир' читал?“ Мне это странным показалось. „Хорошо, – говорю, – я спрошу“. Приезжаю к нему на дачу и так тихо спрашиваю: „Семен Михайлович, вы читали 'Войну и мир'?“ Он говорит: „Первый раз, сынок, прочел еще при жизни Льва Николаевича“. Выходит, он еще в Маньчжурскую войну, до 1910 года, до кончины Льва Николаевича Толстого, прочитал. Он вообще много читал, любил Чехова».

О «Войне и мире» Буденный говорил: «Каждый русский человек, особенно военный, должен не раз и не два прочесть эту вещь. Лично я не могу быть равнодушным к этому роману». «Холстомера» того же Толстого он цитировал наизусть. Как видно, в школе наездников обучали не только выездке, да и досуга на восточной российской окраине было с избытком, что располагало к чтению. Читать-то Семен Михайлович читал, а вот писал не слишком грамотно, о чем свидетельствуют его собственноручные записки, относящиеся к периоду Гражданской войны. Сказывался недостаток образования.

Летом 1914 года, незадолго до начала Первой мировой войны, Буденный наконец получил отпуск с правом выезда из части и побывал в родных местах. Дочь Нина вспоминала: «Его жена оказалась хорошей работницей, и папин папа, мой дедушка, был доволен невесткой. Но там были всякие обстоятельства… Да и то сказать: сколько может женщина без мужа жить?» Можно предположить, что и Буденный в Петербурге, а потом и на Дальнем Востоке вел далеко не монашескую жизнь. Да и на этот раз законным супругам довелось пробыть вместе не больше месяца – грянула Первая мировая. Трудно сказать, была ли у Буденного и его первой жены настоящая любовь – ведь они столько лет провели в разлуке. Похоже, что эта свадьба вообще была совершена по сговору родителей, что было тогда обычным делом в крестьянской и казачьей среде.

Должность полкового наездника была весьма выгодной.

Буденный объезжал лошадей офицерам, причем за приличные деньги. Дочь Нина вспоминала, что отец «подумывал о конном заводе. У него… после революции деньги пропали… Он зарабатывал тем, что всем офицерам лошадей выезжал. Папа копил на свою мечту, а они у него брали в долг – потому что хорошо пьянствовали и в карты играли… Там были не бог весть какие деньги, но на начальный капитальчик для маленького конного заводика ему бы хватило». Выходит, Семен Михайлович еще и деньги одалживал, скорее всего, под проценты. А благодаря трезвому образу жизни особенно тратить их не приходилось. Так что «красный Мюрат» оказался прирожденным коммерсантом. Это еще раз доказывает, что Буденные были людьми не бедными, раз Семен Михайлович всего за каких-нибудь шесть лет – с момента окончания школы наездников и до начала Первой мировой, – сумел скопить капитал, достаточный для приобретения конного завода, пусть и небольшого. Так что большевистская революция с ее национализацией банков крепко ударила по финансовому благополучию будущего маршала. И особой симпатии большевики сами по себе у будущего советского маршала не должны были вызывать. Однако логика Гражданской войны на Дону, логика противостояния иногородних и казаков навсегда привела Буденного в большевистский лагерь. Где, кстати сказать, наибольших успехов он достиг именно в области коневодства. Лошадей Буденный любил и хорошо знал, как с ними обращаться.

Обычно выпускников петербургской офицерской школы после увольнения в запас с удовольствием брали тренерами на конные заводы. Лучших мастеров по выездке трудно было сыскать. Однако Семен Михайлович в запас уходить не собирался. Напомним, что он собирался открыть конный заводик, пусть маленький, зато свой. А армейскую службу использовал для того, чтобы накопить необходимый первоначальный капитал. Не исключено, что к лету 1914 года он уже скопил достаточную сумму и в отпуск в родные края приехал как раз затем, чтобы присмотреть подходящий завод. Владеть конным заводом на Дону иногородним никто не запрещал, а держать его можно было и на арендованной земле. Главную ценность ведь представляли кони, а не земля. Не исключено, что вскоре Буденный уволился бы из армии. Не будь войны и революции, Семен Михайлович, вполне возможно, стал бы успешным коннозаводчиком средней руки. А если бы бизнес пошел хорошо, то, вполне возможно, выбился бы и в миллионщики, но в историю бы точно не попал. Однако такому мирному течению жизни помешали война и последовавшая за ней революция, которая и обессмертила имя Буденного.

Известие о начале войны застало Семена Михайловича в

Платовской. В свой полк он больше не вернулся. Его направили в Армавир, в запасный полк Кавказской кавалерийской дивизии, предназначенной для действий против Германии. Уже 15 августа маршевые эскадроны направились на фронт, в район польского города Калиш к западу от Варшавы. В начале сентября Буденный оказался в 18-м Северском драгунском полку Кавказской кавалерийской дивизии на должности взводного унтер-офицера 5-го эскадрона. В этой же должности он закончил Первую мировую войну.

Воевал Буденный храбро и умело, но позднейшие официальные биографы, да и сам Семен Михайлович в мемуарах «Пройденный путь» непомерно раздули и преувеличили его подвиги на фронтах Первой мировой, многие из которых не находят документального подтверждения. Согласно закону конструирования героического мифа, герой должен быть героем всегда. И в ранней юности, когда он выигрывает скачки в присутствии самого военного министра, и в годы войны, когда сам Бог велел ему обрести полный георгиевский бант, и, уж конечно, в свой звездный час, в годы Гражданской, когда он будто бы стал создателем советской конницы и сыграл решающую роль в победах Красной армии над Деникиным, белополяками и Врангелем. Правда, в годы Великой Отечественной войны похвастать Семену Михайловичу оказалось нечем – тут уж самые апологетически настроенные биографы оказались бессильны. Поэтому о деяниях Буденного в Великую Отечественную упоминают лишь скороговоркой, подчеркивая лишь его роль последнего командующего кавалерией Красной армии, которая опять-таки в значительной мере свелась к заботе о людях и лошадях, но отнюдь не к планированию боевых операций, в чем Буденный вообще никогда не был силен.

Согласно утверждению Семена Михайловича, свой первый подвиг он совершил под польской деревней Бжезины. 8 ноября 1914 года утром кавалеристы выдвинулись на опушку леса в полукилометре от Бжезин и начали скрытое наблюдение. В засаду, устроенную взводом Буденного, попал немецкий обоз. Драгуны, потеряв всего двоих убитыми, взяли пленных и несколько повозок с оружием и обмундированием. Буденный получил знак отличия Георгиевского креста – солдатский Георгий 4-й степени. Его портрет будто бы напечатали в газетах – правда, газет этих дотошные биографы так и не сыскали.

Но вскоре с наградой якобы пришлось расстаться. В конце ноября 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию перебросили на Кавказский фронт. В немецкой колонии Александрдорф близ Тифлиса, где располагался полк, Буденный в

драке ударом кулака серьезно покалечил другого унтер-офицера – Хестанова. При сравнительно небольшом росте (172 см) Семен Михайлович обладал большой физической силой и ударом кулака запросто сбивал человека с ног. Так что драка с кем-либо из унтер-офицеров вполне могла иметь место, однако все дальнейшее – плод полета творческой фантазии Семена Михайловича. 3 декабря военно-полевой суд будто бы приговорил Буденного к лишению «Георгия». Перед строем драгун с него сорвали крест. От более серьезного наказания Буденного, по его словам, отмазал ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов, командир эскадрона, утешивший своего любимого унтера: «Не отчаивайся, Семен. Человек ты справедливый. Хитрость, смекалка и сила у тебя есть, а кресты – дело наживное». В этой истории правдой может быть только то, что эскадронный командир, питавший очевидную симпатию к Буденному (тот ведь наверняка объезжал его лошадь), замял дело с избиением Хестанова. Но никакого суда над Буденным, как мы убедимся дальше, не было, и ордена у него никто не отбирал.

Следующий подвиг, опять-таки по версии Буденного, заключался в следующем. В январе 1915 года под городом Ван в Турции его взвод захватил турецкую трехорудийную батарею. За это Семену Михайловичу якобы вернули «Георгия».

В январе 1916 года Кавказская дивизия участвовала в походе экспедиционного корпуса генерала Н. Н. Баратова в Персию. У города Менделидж Буденный со своим взводом прикрывал отход полка, трое суток сдерживал турок, а во время одной из контратак взял в плен неприятельского офицера. Так он заработал Георгия 3-й степени. Все это опять-таки со слов самого Семена Михайловича, а он – источник довольно ненадежный. Сомнения закрадываются еще и оттого, что подвиги у него оказываются уж больно результативные – и пленных берет, и батареи захватывает. Обычно к солдатским «Георгиям» представляли за куда менее громкие подвиги. Например, вот за что получил «Георгия» 4-й степени один из родственников буденновского эскадронного командира, кабардинского князя Крым-Шамхалова, служивший в 3-й сотне Черкесского конного полка Кавказской туземной конной дивизии: «Младший урядник Магомет-Гери Крымшамхалов (IV степени – № 183986). С 22 по 24 января 1915 года у деревни Кривка на высоте 706 неоднократно передавал донесения и приказания в передовые окопы. Особое хладнокровие и мужество вышепоименованный всадник проявил 24 января, когда весь этот день была усиленная стрельба со стороны противника, и только благодаря своей храбрости исполнил возложенную на него задачу, хотя и подвергался

опасности для жизни». Кстати, Первую мировую войну Магомет-Гери закончил корнетом, кавалером офицерского ордена Святого Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, затем воевал в белой армии, дослужился до полковника, эмигрировал. Не исключено, что ему доводилось скрестить шашки в боях и с самим Семеном Михайловичем.

В феврале 1916 года, уже в Месопотамии, у местечка Бекубэ, взвод Буденного послали в рейд по тылам врага. Через 22 дня он вернулся с пленными и трофеями. На сей раз грудь Семена Михайловича украсил Георгий 2-й степени. Под персидским городом Керманшах дивизия снова вела оборонительные бои в течение трех месяцев. Здесь Буденный получил самого почетного Георгия 1-й степени. Это случилось в марте 1916 года, когда он с четырьмя драгунами захватил в плен шестерых турецких солдат и унтер-офицера. По утверждению Буденного, он стал обладателем полного георгиевского банта – четырех крестов и четырех георгиевских медалей. Правда, за что он получил медали, так и осталось неясным. Его апологеты распространяли слухи, будто бы все четыре степени медали автоматически полагались кавалерам всех четырех степеней Георгиевского креста. Однако подобного нет ни в статуте Георгиевского креста, ни в статуте Георгиевской медали, принятых в 1913 году. Там лишь утверждалось, что нижние чины, имеющие 3-ю и 4-ю степени Георгиевского креста, при пожаловании медалью «За усердие» представлялись прямо к шейной серебряной медали, а имеющие 1-ю и 2-ю степени Георгиевского креста – прямо к золотой шейной медали. Медаль «За усердие» как раз и была заменена вскоре Георгиевской медалью, но все равно эта медаль не жаловалась кавалерам Георгиевских крестов автоматически. Просто им при представлении к Георгиевской медали сразу же жаловалась эта медаль более высокой степени.

Ниже я приведу еще доказательства того, что Буденный никак не мог быть обладателем всех четырех степеней Георгиевского креста. Сейчас же ограничусь одним, но вполне убедительным. Согласно статуту, при увольнении в запас чины, награжденные знаком 2-й степени, представлялись к званию подпрапорщика (или соответствующего ему), а награжденные 1-й степенью представлялись к такому же званию при награждении. Буденный в царской армии, по крайней мере, по его словам, выше старшего унтер-офицера не поднялся. Между тем если он уже весной 1916 года был обладателем всех четырех степеней Георгиевского креста, то времени для производства в подпрапорщики было предостаточно. Скрывать свое производство в подпрапорщики в советский период Семену Михайловичу вроде бы не было никаких

резонов. Ведь не скрывал же, например, этот факт своей биографии настоящий обладатель полного банта Георгиевских крестов Иван Тюленев, в будущем – соратник Буденного по Конармии. Все тюленевские кресты, в отличие от буденновских, находят полное подтверждение в приказах по 5-му Каргопольскому драгунскому полку. Иван Владимирович был произведен в подпрапорщики, а затем послан в школу прапорщиков для производства в первый офицерский чин, но, как кажется, не успел ее закончить из-за Октябрьской революции.

Между прочим, двойная фамилия буденновского эскадронного командира, ротмистра Крым-Шамхалова-Соколова, вероятно, объяснялась тем, что он принял православие, а с ним – и русскую фамилию. Если это так, то скорее всего это был ротмистр 18-го драгунского Северского полка Михаил Августович Соколов, удостоенный 7 апреля 1915 года ордена Святого Георгия 4-й степени.

Думаю, что объяснение в случае с буденновскими мемуарами может быть таким. Семен Михайлович присочинил себе дополнительные кресты и медали, чтобы выглядеть первым по числу наград как среди односельчан, так и среди будущих однополчан по Гражданской войне. Сослуживцев по 18-му Северскому драгунскому полку там не было – туда не призывали донских иногородних, по крайней мере, из того округа, где жил Буденный. Он же оказался в этом полку чисто случайно, потому что в момент начала войны был в отпуске, далеко от полка, в котором проходил службу. Так что уличить его в присвоении не принадлежавших ему крестов и медалей никто не мог.

По свидетельству родных и близких, больше всех своих наград трижды Герой Советского Союза Буденный ценил Георгиевские кресты, только их считая настоящей наградой. Интересно, что ношение георгиевских знаков в советское время совсем не поощрялось, поскольку на них был изображен портрет императора Николая II. Не носил их и наш герой, но хранил дома на почетном месте и не раз с гордостью показывал гостям.

О Февральской революции Буденный узнал в персидском порту Энзели, откуда солдат отправляли на родину после завершения Месопотамской экспедиции. 18-й Северский драгунский полк расквартировали под Тифлисом, там же его привели к присяге Временному правительству и провели выборы солдатских комитетов. Буденного, по его уверению, избрали председателем эскадронного комитета и членом полкового. А 15 июля 1917 года Семена Михайловича будто бы выбрали председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного. Какое-то время ему пришлось быть во главе

дивизионного комитета вместо заболевшего председателя – полк тогда стоял уже в Минске.

16 июля в здании Минского Совета Буденный познакомился с большевиком Михаилом Васильевичем Фрунзе, который в то время жил под чужой фамилией Михайлов, так как до революции числился в полицейском розыске, да и теперь, после июльского большевистского путча, мог опасаться ареста. Фрунзе работал представителем союза земств и городов по снабжению Западного фронта (фронтовики полупрезрительно называли их «земгусарами»). Тогда, летом 17-го, Фрунзе-Михайлов являлся председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губернии, членом исполкома Минского городского Совета и фронтового комитета армий Западного фронта. В дальнейшем, по уверениям Семена Михайловича, он и Фрунзе подружились, и дружба эта сохранилась до самой смерти Михаила Васильевича. В то же время со стороны Фрунзе никаких свидетельств его тесной дружбы с Буденным не имеется. А по биографиям и взглядам это были очень разные люди, начиная с национальности. Один – донской иногородний, русский, крестьянский сын, другой – молдаванин, сын военного фельдшера. Один с начальным образованием, другой несколько лет проучился в Петербургском политехническом институте, откуда ушел в революцию. Один вплоть до осени 1917 года никаких симпатий к революции не выказывал и никакой политической деятельностью не занимался, а, наоборот, мечтал о собственном конном заводике. Другой – большевик с дореволюционным стажем, член РСДРП с 1904 года, аскет, всего себя отдающий делу революции. Один – страстный любитель лошадей, другой к лошадям вполне равнодушен. Казалось бы, что между ними общего?

Правда, психологи и историки давно подметили, что в дружбе нередко сходятся кричащие противоположности. Вспомним, как Пушкин писал о дружбе Онегина и Ленского: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой». Но, замечу, пушкинские герои были все-таки людьми одного круга, в отличие от Буденного и Фрунзе. И не находились один у другого в подчинении, в отличие от Буденного, который всегда вынужден был по службе исполнять распоряжения Фрунзе. Как мы убедимся далее, в 1917 году познакомиться Семен Михайлович и Михаил Васильевич никак не могли. Вероятно, Буденный впервые встретился с Фрунзе только осенью 1920 года, в период подготовки последнего решающего наступления на Врангеля. Тогда, кстати сказать, между Фрунзе и руководством Первой конной не раз возникали острые

разногласия. В дальнейшем Буденный, конечно, тоже подчинялся Фрунзе как командующему войсками Украины и Крыма, но опять-таки их тесная дружба в документах и свидетельствах современников никакого отражения не находит. Скорее можно предположить, что с Фрунзе, как со старым партийным товарищем, больше общался Ворошилов.

Осенью 1917 года, после провала выступления генерала Корнилова, большинство офицеров Кавказской дивизии бежало и руководство дивизией перешло к солдатскому комитету, в котором Семен Михайлович, как он отмечает в мемуарах, играл далеко не последнюю роль.

Такова официальная версия биографии Буденного в Первую мировую войну, которую он отстаивал в своих устных и письменных воспоминаниях. Реальная биография, как выясняется, от нее весьма существенно отличается. Как пишет известный историк Гражданской войны В. Д. Поликарпов, никаких следов участия Буденного ни в полковом, ни в дивизионном комитетах не обнаруживается: «В своей автобиографии, помещенной в Энциклопедическом словаре Гранат, он (Буденный. – *Б. С.)* сам указывал, что сначала, до 1913 г., служил в Приморском драгунском полку в Приамурском военном округе (Хабаровск), после чего получил отпуск и уехал в Донскую область. «Грянула империалистическая война, – пишет он далее. – Я не поехал в свой полк, а был назначен в г. Армавир в 18-й драгунский запасный эскадрон Кавказской кавалерийской дивизии». Дивизия эта была то на Турецком, то на Австрийском фронте, то на Кавказе (в окрестностях Тифлиса) и в июле – августе 1917 г. была переброшена на Западный фронт в Минск. Именно с этим полком (18-м драгунским Северским короля датского Кристиана IX) Кавказской кавалерийской дивизии связаны мемуарные фантазии С. М. Буденного, выразившиеся в его утверждении: «Я был избран председателем полкового комитета, а вскоре вошел в состав дивизионного комитета», потом повторенном в его «Пройденном пути», в записках Н. Буденной… во всех биографических справках, печатавшихся в советских энциклопедиях, и… 5 июля 2003 г. еще раз подкрепленном в… «Справке 'Известий'», где со всей определенностью, как и в «Пройденном пути», сказано: «Летом 1917-го избирался председателем солдатского комитета Кавказской кавдивизии».

В архиве, однако, сохранились документы Кавказской кавалерийской дивизии и 18-го драгунского Северского короля датского Христиана IX полка, где в 1917 году проходил службу Буденный. Протоколы и списки дивизионного комитета (Совета солдатских депутатов), на беду буденновских мемуаристов, тоже

уцелели и позволяют уточнить следующее. На 17 июля 1917 года (т. е. до переброски дивизии с Кавказского фронта на Западный) председателем комитета был прапорщик Ольшевский; после перевыборов комитета по прибытии дивизии в Минск председателем становится подпоручик Е. Р. Турман. Тот же Турман (уже поручик) остался председателем комитета и после переименования его, по постановлению съезда полковых комитетов, в военно-революционный комитет; 18 января 1918 г. председателем значится солдат Демещенко. Председателем полкового комитета 18-го драгунского Северского короля датского Христиана IX полка был старший унтер-офицер Иван Зимогляд. Ни в одном списке, ни в одном вообще документе не фигурирует С. М. Буденный – не только как председатель, но и хотя бы и как член или «кандидат в члены» комитета» (существовала тогда и такая категория солдатских избранников). Нет его фамилии и в списках присутствовавших на заседаниях комитетов, нет никаких следов его участия в какой бы то ни было общественной деятельности ни в полку, ни за его пределами».

Надо сказать, что дивизионный комитет Кавказской кавалерийской дивизии действительно занимал активную политическую позицию, но она была совсем не такой, как позже пишет Буденный. Вот протокол пленарного заседания комитета от 29 октября 1917 года. По докладу председателя дивизионного комитета Турмана (он же – член Комитета спасения революции Западного фронта) принята резолюция: «1) Кавказская кавалерийская дивизия единодушно осуждает безумную попытку кучки авантюристов захватить власть силою оружия… а потому и изъявляет свою полную готовность подавить восстание всеми силами. 2) Дивизионный комитет одобряет все действия, принятые для водворения порядка в г. Минске частями дивизии под руководством Комитета спасения революции, начальника дивизии и президиума дивизионного комитета…»

Верность дивизии существующей власти стала одной из причин переброски ее с Кавказского на Западный фронт в июле – августе 1917 года для подавления революционных центров, в первую очередь Минского Совета и военной большевистской организации. Эту карательную службу дивизия выполняла успешно и без каких-либо колебаний, вопреки вымыслам Буденного. В. Д. Поликарпов подводит итог: «Ни военная организация большевиков Западного фронта, ни Минская партийная организация, так же как руководители большевиков города, области и фронта М. В. Фрунзе и А. Ф. Мясников, никаких связей с дивизионным комитетом через С. Буденного, от которого, – по его рассказам, – „во многом зависело настроение

дивизионного комитета“, устанавливать не могли и никаких указаний давать ему не могли. Досужим вымыслом являются и описанные Буденным в мемуарах и повторяемые в апологетических сочинениях других авторов эпизоды разоружения, якобы по указанию М. В. Фрунзе, корниловских войск в Орше, исполненного будто бы бригадой Кавказской кавалерийской дивизии под руководством Буденного – председателя дивизионного комитета».

Таким образом, Буденный в мемуарах сильно «революционизировал» свою биографию 1917 года и сделал себя гораздо более политически сознательным, чем был на самом деле. В этом он среди советских военачальников был не одинок – можно вспомнить хотя бы совершенно фантастическую биографию маршала Александра Ильича Егорова, под чьим командованием Буденному довелось сражаться в Гражданскую войну. Чтобы скрыть его участие в карательных экспедициях на Кавказе в годы первой русской революции 1905–1907 годов, ему, с согласия Троцкого, придумали увольнение из армии и эмиграцию в Италию, где он будто бы стажировался в качестве оперного баритона, а еще до революции, в 1904 году, вступил в «тайный социалистический кружок». Подкорректированы были и позднейшие мемуары маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Правда, там исправления были по мелочи – насчет добровольности прихода в Красную армию первого и времени вступления в Красную гвардию второго. Так же выдумывалось членство этих и других военачальников в полковых, дивизионных и эскадронных комитетах – для придания им революционных заслуг. Но такой эпической фантазии, как у Буденного и его литзаписчиков, у других маршалов все-таки не было.

Думаю, что вплоть до Октябрьской революции Семен Михайлович политикой совершенно не интересовался, был рьяным служакой и вряд ли с восторгом воспринимал свершившиеся революционные перемены. И только начавшаяся Гражданская война заставила его сделать определенный политический выбор.

Кстати, сотрудники Российского государственного военно-исторического архива установили, что до момента переброски Кавказской кавалерийской дивизии на Западный фронт Буденный был награжден только двумя Георгиевскими крестами, а также, возможно, имел одну или две Георгиевские медали. Поскольку на Западном фронте в боевых действиях дивизия уже не участвовала, новых наград в Первой мировой войне Семен Михайлович при всем желании заработать не мог. Замечу, что на фотографии 1915 года Буденный запечатлен всего лишь с одним Георгиевским

крестом и одной медалью. Но медаль эта, как кажется, не Георгиевская, а за участие в Русско-японской войне.

Трудно сказать, насколько реальны подвиги, описанные в буденновских мемуарах. Не исключено, что они все-таки отражают реальные наградные представления, хотя и не обязательно к Георгиевским крестам и медалям. Но что известно точно, так это то, что история с первым крестом, который у Буденного потом якобы отобрали за то, что он съездил сослуживцу по морде, является чистой воды фантазией. Такой серьезный дисциплинарный проступок не мог не отразиться в приказе по 18-му Северскому драгунскому полку. Однако никаких следов такого приказа в хорошо сохранившемся полковом архиве так и не было найдено. Между тем, согласно статуту Георгиевского креста, «имеющие Георгиевский крест, как служащие, так и запасные и отставные нижние чины, впавшие в преступление, лишаются Креста не иначе, как по суду». Таким образом, Буденного никак не могли без суда лишить заслуженной награды. Вероятно, Семен Михайлович придумал эту историю для того, чтобы таким своеобразным способом опровергнуть упорно циркулировавшие слухи о его жестокости по отношению к подчиненным во время службы в царской армии. Буденный хотел доказать: мол, если бил, то исключительно за дело, и только таких мерзавцев, как унтер-офицер Хестанов, обижавший простых солдат. Ведь, по версии Семена Михайловича, конфликт произошел после того, как унтер избил одного из драгун, а когда Буденный вступился за него, Хестанов ткнул его в плечо и злобно выругался. Лишь тогда будущий командарм Первой конной нанес зубодробительный удар обидчику и нокаутировал его.

Таким образом, к тому моменту, когда к власти пришли большевики, будущий советский маршал политикой не интересовался, в комитеты не лез, а продолжал нести службу, стараясь не поддаваться революционному хаосу. И вряд ли даже в самых смелых мечтах возносился туда, куда вскоре забросила его судьба.

Глава вторая
НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

После Октябрьской революции и начавшейся стихийной демобилизации армии Буденный 19 ноября 1917 года прибыл в родную станицу. Большевики объявили о национализации банков и конфискации находившихся там сбережений. Это Буденного вряд ли обрадовало: пропали средства, которые он с таким трудом копил на конный заводик. Но, надо полагать, Семен Михайлович долго не горевал, трезво оценив ситуацию. С потерей нажитого пришлось смириться как с неизбежной данностью. Теперь надо было постараться предложить свой боевой опыт новой власти, которая, во всяком случае, казалась более прочной, чем не пользовавшееся в последние месяцы никаким авторитетом Временное правительство. Проблема выбора облегчалась тем, что среди противников большевиков были казаки, а с ними у иногородних всегда были натянутые отношения – прежде всего по земельному вопросу. Да к тому же многие казаки, что греха таить, откровенно презирали «мужичье» и смотрели на иногородних как на непрошеных гостей. Советская власть, уравнявшая неказачье население в правах с казаками, сразу же привлекла на свою сторону основную массу иногородних. Большинство из них служили в армейской кавалерии и за годы войны приобрели боевой опыт не меньший, чем у казаков, и шашкой, пикой и винтовкой владели ничуть не хуже коренных сынов Тихого Дона.

Буденный всегда говорил: «Дон – моя земля!» Теперь за эту землю предстояло драться с казаками. На Дону, где генералы Корнилов, Алексеев и Деникин при поддержке донского атамана Каледина формировали Добровольческую армию, разгоралась Гражданская война. В этой войне иногородние и беднейшие казаки были на стороне большевиков, а основная масса казачества, пусть и не без колебаний, склонялась к белым. 12 января 1918 года Буденного, по его словам, избрали заместителем председателя Платовского станичного Совета.

В феврале на съезде Советов в станице Великокняжеской Семен Михайлович стал членом президиума окружного Совета и заведующим земельным отделом Сальского округа. Тогда же в округе начали формироваться красные партизанские отряды для борьбы с войсками донского походного атамана генерала Петра Харитоновича Попова. Один из отрядов возглавил Буденный.

Отметим, что этот отряд вступил в борьбу уже после того, как атаман Каледин покончил с собой – это случилось 29 января (11 февраля) 1918 года. Избранный походным атаманом генерал Назаров распустил правительство и принял на себя всю полноту власти, но уже 23–25 февраля Ростов-на-Дону и Новочеркасск были заняты советскими войсками.

Как известно, после самоубийства Каледина несколько сотен офицеров во главе с П. Х. Поповым ушли в Степной поход и сплотили вокруг себя 1727 человек боевого состава, в том числе 617 конных при 5 орудиях и 39 пулеметах. Обе стороны применяли партизанскую тактику действий, связанную с внезапными налетами и засадами. В конце февраля казаки Попова заняли Платовскую. Семен Михайлович покинул станицу вместе с братом Денисом, к ним присоединились еще пять всадников, а вскоре отряд увеличился до 24 человек. 24 февраля Буденный совершил успешный ночной налет на Платовскую, после чего к нему присоединилось еще несколько десятков односельчан. В тот момент станицу занимал отряд полковника Гнилорыбова, насчитывавший до 300 человек. Он был захвачен врасплох и с большими потерями в панике отступил. Буденный захватил богатые трофеи: 2 орудия с 300 снарядами, 4 пулемета, 300 винтовок. Это был первый успех Семена Михайловича в Гражданской войне. По утверждению дочери Нины, отец «никогда не боялся брать на себя ответственность, решения принимал молниеносно и в военном отношении был очень хитроумным человеком». Вместе с ним в отряде воевала и его жена Надежда, которая заведовала снабжением и медицинской частью.

3 марта 1918 года «похабный» Брестский мир отдал немцам Украину. С приближением немецких войск на Дону вспыхнуло мощное антисоветское восстание. 8 мая 1918 года казаки и немцы выбили красных из Ростова-на-Дону. Отряд Буденного, ведя арьергардные бои, отступил к Царицыну. В июне советские партизанские отряды объединились в один отряд под командованием Григория Шевкоплясова. Всю кавалерию отряда возглавил Думенко, а Буденный стал у него заместителем.

Борис Мокеевич Думенко, иногородний, как и Буденный, в Первую мировую служил в конно-артиллерийском полку, дослужился до чина вахмистра, имел полный бант – четыре солдатских «Георгия». Может, Семен Михайлович для того и придумал легенду о собственном полном банте, чтобы быть не хуже Думенко. Потом, уже в Гражданскую, Думенко сам себя произвел в есаулы и ходил в мундире с золотыми погонами, пока партизаны не потребовали их снять. С тех пор Думенко выдавал себя за ротмистра, что было чистой ложью, зато делало его еще

более подозрительным в глазах большевистских комиссаров, которых Борис Мокеевич, как и евреев, не жаловал. До поры до времени Думенко с Буденным служили вместе и вполне ладили между собой, да и позднее, когда их пути разошлись, острых конфликтов у них не возникало. Как мы убедимся далее, Буденный не был инициатором расправы над Думенко и отнюдь не стремился «утопить» его на следствии, как утверждали некоторые разоблачители перестроечных времен. Зато после гибели Думенко Семен Михайлович постарался присвоить себе всю славу организатора первых отрядов советской кавалерии на Дону. Он всячески противился реабилитации Думенко, чтобы не разрушать собственный миф и не допустить появления соперника в исторической памяти народа.

Под Царицыном Буденный впервые встретился со Сталиным. Это произошло на совещании на хуторе Дубовка 23 июля 1918 года, когда советские войска отступали к Царицыну. В октябре 1918-го из партизанских отрядов была сформирована 1-я Донская Советская стрелковая дивизия, которой вначале командовал В. С. Ковалев, а с 11 ноября – Г. К. Шевкоплясов. Она вошла в состав сформированной 3 октября 10-й армии, которой командовал К. Е. Ворошилов. В дивизии был сформирован 1-й Социалистический кавалерийский полк. Им командовал Б. М. Думенко, помощником которого стал Буденный. Полк успешно сражался с армией генерала Краснова на подступах к Царицыну. Вскоре он был развернут в бригаду, а затем в Сводную кавдивизию, где Буденный стал начальником штаба. 10 января 1919 года, когда Думенко заболел тифом, Буденный повел Особую кавалерийскую дивизию по вражеским тылам. Рейд продолжался 37 дней. Буденновцы разбили в районе Дубовки, Давыдовки и Карповки 23 казачьих полка, захватили 48 орудий, более 100 пулеметов, прошли по вражеским тылам более 400 километров. Командующий Царицынским фронтом А. И. Егоров в приказе писал: «Кольцо осады Царицына было разорвано только благодаря доблестным действиям славной конницы Буденного… Результатом ее действий явился полный разгром противника перед фронтом северного участка и центра 10-й армии… Наша армия, окрыленная боевыми успехами конницы Буденного, с повышенным настроением рванулась вперед, преследуя отступавшего противника на Маныч». Армия Краснова вынуждена была отступить от Царицына, а начавшийся массовый уход с фронта верхнедонских полков поставил ее в критическое положение. Только благодаря помощи Добровольческой армии А. И. Деникина казакам удалось все-таки удержать фронт.

В боях Буденный был ранен в левую ногу и правую руку, но

оставался в строю. В приказе Реввоенсовета республики № 26 от 29 марта 1919 года был специально отмечен успешный рейд Особой кавдивизии. Буденного в числе других командиров наградили орденом Красного Знамени. По поводу царицынских боев Троцкий писал в своей предсмертной книге «Сталин», работу над которой оборвал удар ледоруба Рамона Меркадера: «Для того, чтобы выдвинуть с низов более близких Советскому режиму командиров, была произведена специальная мобилизация бывших царских унтер-офицеров. Большинство из них были возведены в унтер-офицерский чин в последний период войны и не имели серьезного военного значения. Но старые унтер-офицеры, знавшие хорошо армию, особенно артиллеристы и кавалеристы, были нередко гораздо выше офицеров, под командой которых они состояли. К этой категории принадлежали такие люди, как Крыленко, Буденный, Дыбенко и многие другие. Эти элементы набирались в царские времена из более грамотных, более культурных, более привыкших командовать, а не пассивно повиноваться, и естественно, если в число унтер-офицеров проходили исключительно сыновья крупных крестьян, мелких помещиков, сыновья городских буржуа, бухгалтеры, мелкие чиновники и пр., в большинстве случаев это были зажиточные или богатые крестьяне, особенно в кавалерии. Такого рода унтер-офицеры охотно брали на себя командование, но не склонны были подчиняться, терпеть над собой командование офицеров и столь же мало тяготели к коммунистической партии, к ее дисциплине и к ее целям, в особенности в области аграрного вопроса. К заготовкам по твердым ценам, как и к экспроприации хлеба у крестьян, такого рода крепкие унтер-офицеры относились с бешеной враждой. К такого рода типам относился кавалерист Думенко, командир корпуса под Царицыном и прямой начальник Буденного, который в тот период командовал бригадой или дивизией. Думенко был более даровит, чем Буденный, но кончил восстанием, перебил коммунистов в своем корпусе, попытался перейти на сторону Деникина, был захвачен и расстрелян. Буденный и близкие к нему командиры также знали период колебания. Восстал один из начальников царицынских бригад, подчиненный Буденному, многие из кавалеристов ушли в зеленые партизаны.

Измена Носовича (бывшего полковника царской армии, служившего в штабе обороны Царицына и после разоблачения заговора перебежавшего к Краснову. – *Б.* С), занимавшего чисто бюрократический административный пост, имела, разумеется, меньший вред, чем измена Думенко. Но так как военная оппозиция сплошь опиралась на фронте на такие элементы, как

Думенко, то об его мятеже сейчас не упоминают совсем. Разумеется, высшее руководство армии несло ответственность и за Носовича, и за Думенко, ибо в своем строительстве пыталось комбинировать, сочетать разные типы, проверяя их друг через друга. Ошибки при назначениях и измены были везде. В Царицыне, где условия были особые: обилие конницы, казачье окружение, армия, созданная из партизанских отрядов, специфический характер руководства – все это создавало здесь условия для большого количества измен, чем где бы то ни было. Винить в этом Сталина или Ворошилова сейчас было бы смешно. Но столь же нелепо взваливать ответственность за эти эпизоды сейчас через двадцать лет на главное командование, на руководство армии».

Конечно, Лев Давыдович описывал события двадцатилетней давности по памяти, не имея под рукой документов, и многое напутал. Похоже, он соединил в одно целое Думенко и Миронова и приписал этому собирательному образу действия, который ни один из расстрелянных Советской властью кавалерийских начальников на самом деле не совершал. Миронов в качестве собирательного героя Троцкого не устраивал, поскольку был не унтер-офицером, а офицером, войсковым старшиной. Опальному же председателю Реввоенсовета хотелось проиллюстрировать свой тезис об особой роли в формировании Красной армии кадровых унтер-офицеров, откуда проистекали как ее сильные стороны (близость командиров к солдатской массе), так и слабые (партизанщина, нежелание подчиняться офицерам-специалистам, недостаток образования). В действительности причастность Думенко к убийствам комиссара и других политработников его корпуса так и не была доказана, и корпус свой он с фронта не уводил; о его же намерении соединиться с Деникиным ходили только слухи, вряд ли справедливые. Миронов – тот действительно самовольно направил свой недоформированный корпус на фронт, но не для того, чтобы перейти к Деникину, а чтобы драться против него. Здесь, повторю, Троцкий или невольно ошибался, или сознательно искажал истину, чтобы задним числом оправдать расправу над Думенко.

Но вот насчет положительной в целом оценки Буденного Лев Давыдович явно не кривил душой, хотя Семен Михайлович и находился в стане его врагов. Однако Троцкий не считал его серьезным политическим противником, прекрасно сознавая всю политическую незначительность Буденного. Впрочем, Лев Давыдович и Ворошилова не считал сколько-нибудь серьезной политической величиной, справедливо полагая, что тот – всего лишь послушный исполнитель сталинской воли. За Буденным же

бывший председатель Реввоенсовета признавал умение вести за собой бойцов – именно это означало умение командовать в условиях Гражданской войны. Когда он говорил, что Думенко был даровитее Буденного, то, вероятно, имел в виду красноречие Бориса Мокеевича, а отнюдь не наличие у него каких-либо особых стратегических способностей. К наличию таких способностей у бывших унтер-офицеров Троцкий вообще относился скептически.

Вероятно, прав Троцкий и в том, что экспроприации крестьянского добра не вызывали восторга у Буденного. Однако Семен Михайлович хорошо знал свое воинство и чувствовал, до каких пределов можно было бороться с грабежами. Разумеется, когда эксцессы перехлестывали через край и грозили разложением Конармии, меры принимались суровые и решительные. Мы еще в этом убедимся. Однако попытка полностью пресечь грабежи грозила тем, что Буденный останется командармом без армии, и он это прекрасно понимал.

Что же касается колебаний Буденного, о которых писал Троцкий, то никаких объективных доказательств их наличия у командарма Первой конной так никогда и не было найдено. На протяжении 20-х годов большевики не раз подозревали Буденного в том, что он при первой возможности может отшатнуться от большевиков и присоединиться к крестьянским повстанческим движениям, а то и возглавить их. Подозревал Семена Михайловича даже его лучший друг Ворошилов. Однако, похоже, страхи насчет Семена Михайловича были изрядно преувеличены. Троцкий справедливо отмечал, что измена отдельных бойцов и командиров Конной армии, нередко переходивших к белым целыми полками, никак не может быть поставлена в вину ни Буденному, ни Ворошилову. Тем более что большинство казаков в изменивших полках прежде служили у белых и вошли в состав Конармии только после взятия Новороссийска.

Буденный был человеком себе на уме, но безусловно лишенным политических амбиций. Он был до крайности тщеславен, но к власти не стремился – может быть, потому, что не имел склонности к администрированию. По многим свидетельствам, как руководитель в мирное время он был никакой, да и в Великую Отечественную ничем выдающимся не отличился. Буденный жил по принципу: от добра добра не ищут. Раз советская власть его привечает, раз у него есть могущественные покровители и защитники в лице Сталина и Ворошилова, готовые всегда прикрыть Конармию от гнева центральных органов, то совершенно незачем лезть в какие-либо опасные авантюры, изображая из себя нового Махно. Тем более что конкурировать с настоящим Махно Семену Михайловичу

было трудно – по уровню харизматичности Нестор Иванович его превосходил на целую голову. Махно ведь фактически создал и собственную армию, никому, кроме него, не подчинявшуюся, и даже собственное мини-государство на юге Украины (если, конечно, термин «государство» применим к анархистскому образованию). Вождь анархистов был замечательным оратором и умел воодушевлять соратников в самой безнадежной обстановке. Буденный же, по воспоминаниям всех его знавших, отличался редким косноязычием. И вообще не очень понятно, как ему удавалось держать под своей властью десятки тысяч своевольных бойцов. Очевидно, какой-то внутренней харизмой он обладал, и ему беспрекословно подчинялись те, кто прежде имел гораздо большие заслуги и считался куда более лихим конником. Например, тот же Тюленев, подпрапорщик и полный георгиевский кавалер, служил у Буденного всего лишь комбригом.

Но Семен Михайлович чувствовал, что не сможет командовать всеми вооруженными силами, а тем более – управлять государством. Правда, он, как и подавляющее большинство людей, был более высокого мнения о своих способностях, чем окружающие, и искренне верил, что рожден настоящим командующим армией, а то и фронтом (хотя в Великую Отечественную выяснилось, что фронтом командовать ему явно не по силам). Однако даже на пост главнокомандующего или военного министра Семен Михайлович никогда не замахивался, знал свой шесток и понимал, что военному лезть в политику – гиблое дело, особенно в советское время. Один из его соперников, Миронов, как раз за политику и поплатился жизнью, поскольку всерьез возомнил себя третьей силой на российской шахматной доске, способной бороться и с белыми, и с большевиками. Буденный такой ошибки никогда не допускал даже в мыслях. Его тщеславие вполне удовлетворяли внешние почести, а их ему советская власть воздавала с лихвой. Буденный превратился в фигуру символическую. Пропаганда много лет создавала его плакатный образ, иллюстрирующий, какие возможности создает советская власть для народа – крестьянин-бедняк, искренне принявший идеи коммунизма, стал одним из первых советских маршалов и выдающихся полководцев. Правда, Буденный был сыном не совсем уж бедного крестьянина, да и в идеалы коммунизма, похоже, никогда не верил, но это неверие, разумеется, никак не афишировал. А внешность для плакатов и фотографий была очень подходящая – симпатичный бравый кавалерист. Одни усы чего стоили!

Перейти же к белым Семен Михайлович никак не мог, даже

если бы вдруг у него возникло такое желание. Один он никакого интереса ни для Краснова, ни для Деникина не представлял. Резвее что покричали бы с недельку местные газеты, что вот, знаменитый Буденный отрекся от большевиков. С армией же перейти он никак не мог. Ведь костяк Конармии составляли иногородние, которым нечего было делать у белых, где основу конницы составляли их исконные враги – казаки. Командовать казаками Буденному никто бы, естественно, не позволил. А для неказачьей конницы у Деникина было с избытком офицеров, за неимением вакансий служивших рядовыми, так что и здесь Семену Михайловичу ничего не светило. Подозрения Троцкого, Ворошилова и других комиссаров относительно Буденного не имели, как видим, под собой никакой реальной почвы.

При этом заслуги Буденного охотно признавали и сами белогвардейцы. Вот что пишет, например, о царицынских боях белоказачий мемуарист генерал А. В. Голубинцев: «Развернувшись, наши части начали наступление, стараясь охватить село с фланга и отрезать путь отступления на Дубовку. После краткой перестрелки противник, прикрываясь артиллерией, отошел на посад Дубовку. Из опроса захваченных в Давыдовке пленных и рассказа священника, в доме которого находился штаб красной конницы, мы узнали, что село занимала конная дивизия Думенко, командовал ею временно ввиду ранения в руку в бою 30 декабря начальника дивизии его помощник – Семен Буденный. Маленькая деталь: священник обратил внимание, что „товарищ“ Буденный, получая донесения, долго и усердно их рассматривал, затем, передавая их начальнику штаба или адъютанту, говорил: „Ничего не разберешь, так непонятно, сукины сыны, пишут!“» В последнее все-таки верится с трудом. Конечно, ни Шекспиром, ни Львом Толстым Буденный не был, но грамоту, несомненно, знал, и достаточно неплохо, иначе никто бы не оставил его на сверхсрочную, не назначил бы взводным унтер-офицером и исполняющим обязанности вахмистра.

Тем не менее тот же Голубинцев признает, что Буденный лихо бил белых: «По докладу командира 16-го конного полка полковника Дьяконова части, занимавшие Прямую Балку, получив приказ о наступлении на Дубовку, начали строиться и выходить из села, ожидая подхода главных сил отряда. Вперед была выслана разведка, а правый фланг, надеясь на части, находившиеся, согласно сообщению генерала Татаркина, в Тишанке, охранялся лишь заставами. В это время совершенно неожиданно со стороны Тишанки на наш правый фланг обрушился конный отряд Буденного с двумя бронемашинами.

Внезапное появление броневиков с пулеметами произвело панику в 16-м конном полку. Полк бросился в соседнюю балку, тянувшуюся слева, параллельно нашему движению. 5-й пеший полк мужественно принял атаку, встретив красных ружейным и пулеметным огнем.

Подавляющее число противника, внезапность и, главным образом, благодаря невиданным еще машинам, казавшимся неуязвимыми, заставили полк, потерявший половину людей, также отходить по балке группами к Давыдовке.

Появление у противника машин произвело сильное впечатление на все наши части. Нервность повысилась как следствие неподготовленности к борьбе с броневиками и кажущейся беспомощности остановить их стремительность. Призрак бронемашин еще несколько дней витал над частями, и иногда появление на горизонте кухни вызывало тревожные крики: «Броневик!»»

Таким образом, Буденный достиг победы, одним из первых в Гражданской войне использовав бронетехнику для совместной с кавалерией атаки позиций неприятельской пехоты. Особая кавдивизия за этот подвиг была награждена почетным революционным оружием, а Буденный одним из первых в республике получил орден Красного Знамени.

А 26 апреля 1919 года Семен Михайлович сделался командиром 1-го Красного кавалерийского корпуса, оставаясь одновременно начальником 4-й кавдивизии, в которую была переименована Особая донская кавдивизия. 25 мая Думенко был тяжело ранен в грудь в бою у реки Сал. Вместе с Думенко ранили и его начальника – командарма-10 Егорова. Но ранение у будущего маршала СССР оказалось неопасным, а Думенко дивизионные врачи считали безнадежным. Погибни тогда Борис Мокеевич – превратился бы в легендарного героя Гражданской войны, вроде Щорса или Чапаева. Тогда бы уже в 20-е и 30-е годы о Думенко писали бы книги, снимали фильмы. Его именем называли бы города и колхозы, корабли и пионерские отряды. И Семен Михайлович Буденный в этом случае наверняка нашел бы в мемуарах несколько теплых слов о погибшем начдиве, об их короткой, но крепкой дружбе, закаленной в боях, и о том, что Думенко был верным сыном партии и народа. Но Бориса Мокеевича отвезли к тогдашнему светилу медицины – саратовскому доктору С. И. Спасокукоцкому, крупнейшему специалисту по желудочно-кишечной и легочной хирургии. И Сергей Иванович его спас. В результате Думенко ждали расстрел по несправедливому приговору и запоздалая реабилитация в 60-е годы, яростная критика в статьях и мемуарах Буденного. Первый

начдив Особой кавдивизии так и остался на периферии истории Гражданской войны. Его место заняли Буденный и Ворошилов.

14 сентября 1919 года кавкорпус Буденного разоружил Особый казачий корпус Ф. К. Миронова, бывшего войскового старшины, самовольно двигавшийся на фронт борьбы с Деникиным и объявленный советской властью вне закона. Приказ РВС Республики от 12 сентября 1919 года № 150 гласил: «Бывший казачий полковник Миронов одно время сражался в красных войсках против Краснова. Миронов руководствовался личной карьерой, стремясь стать Донским атаманом. Когда полковнику Миронову стало ясно, что Красная Армия сражается не ради его, Миронова, честолюбия, а во имя крестьянской бедноты, Миронов поднял знамя восстания. Вступив в сношение с Мамонтовым и Деникиным, Миронов сбил с толку несколько сот казаков и пытается пробраться с ними в ряды дивизии, чтобы внести туда смуту и передать рабочие и крестьянские полки в руки революционных врагов. Как изменник и предатель Миронов объявлен вне закона. Каждый честный гражданин, которому Миронов попадется на пути, обязан пристрелить его, как бешеную собаку. Смерть предателю!.. Председатель РВСР Троцкий».

Интересно, что ранее бойцы Миронова сами порой участвовали в расказачивании, хотя их командир и выступал против политики компартии в этом вопросе. Так, в хуторе Большом Усть-Хоперской станицы казаки 1-го Донского революционного полка 23-й дивизии, которой командовал Миронов, изрубили, предварительно оттаскав за бороды, 20 стариков «за злостную агитацию» (те пытались их «усовестить и наставить на путь истинный»). В станице Нижнечирской красные казаки разбили лавки и раздавали имущество населению, попутно устроив самосуд над «местной контрой».

Председатель Реввоенсовета знал, что ни с каким Деникиным Миронов соединяться не собирается: тот бы его немедленно повесил. Да и мироновские казаки не горели особым желанием переходить к белым. Но, чтобы настроить против Миронова других красноармейцев, и в том числе бойцов Буденного, Троцкий сознательно передернул факты и обвинил Миронова в измене.

Таким образом, Буденный был уверен, что Миронов планирует переметнуться к белым. На самом деле Филипп Кузьмич собирался бороться с Деникиным, но без комиссаров, в которых видел угнетателей и истребителей казачества. Часть казаков Миронова были включены в корпус Буденного. Это произошло у хутора Сатаровский станицы Старо-Анненской. Семен Михайлович писал в мемуарах: «Я хотел ехать к Миронову,

чтобы арестовать его, но Городовиков подскочил к Миронову, взял его под конвой и привел ко мне.

Миронов страшно возмущался.

– Что это за произвол, товарищ Буденный? – кричал он. – Какой-то калмык, как бандит, хватает меня, командира красного корпуса, тянет к вам и даже не хочет разговаривать. Я построил свой корпус, чтобы совместно с вашим корпусом провести митинг и призвать бойцов к усилиям для спасения демократии.

– Какую вы демократию собрались спасать? Буржуазную! Нет, господин Миронов, поздно, опоздали!.. Вы обезоружены как изменник, объявленный вне закона.

– Вот какой ты, незаконный живешь, а еще ругаешься! – укоризненно покачал головой Городовиков».

Сразу после ареста совещание командного и политического состава корпуса Буденного утвердило приказ, согласно которому объявленный вне закона Миронов должен был быть расстрелян, а другие командиры мятежного корпуса – преданы суду. Но Миронова спас Троцкий, неожиданно прибывший в расположение буденновцев. У Льва Давыдовича были насчет Миронова свои планы. В период наступления Деникина большевикам требовалось привлечь на свою сторону хотя бы часть казачества. А Миронов был популярен среди казаков. Поэтому после показательного судебного процесса, на котором Филипп Кузьмич и его товарищи были приговорены к смерти, ВЦИК их помиловал. Троцкий был инициатором помилования, что видно из двух его телеграмм в адрес члена Военного совета Южного фронта: «По прямому проводу. Шифром. Балашов. Смилге. Отчет о мироновском процессе наводит на мысль, что дело идет к мягкому приговору. Ввиду поведения Миронова полагаю, что такое решение было, пожалуй, целесообразно. Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия и на казачество в целях его раскола. Для этой миссии, может быть, воспользоваться Мироновым, вызвав его в Москву после приговора к расстрелу и помиловав его через ВЦИК – при его обязательстве направиться в тыл и поднять там восстание. Сообщите ваши соображения по этому поводу. 7 октября 1919 года. № 408. Предреввоенсовета Троцкий».

Во второй телеграмме говорилось: «Я ставлю в Политбюро Цека на обсуждение вопрос об изменении политики к донскому казачеству. Мы даем Дону, Кубани полную „автономию“, наши войска очищают Дон. Казаки целиком порывают с Деникиным. Должны быть созданы соответственные гарантии. Посредниками могли бы выступать Миронов и его товарищи, коим надлежало бы отправиться вглубь Дона. Пришлите Ваши письменные

соображения одновременно с отправкой сюда Миронова и других. В целях осторожности Миронова сразу не отпускать, а отправить под мягким, но бдительным контролем в Москву. Здесь вопрос о его судьбе сможет быть разрешен. 10 октября 1919 года. № 408. Пред-реввоенсовета Троцкий».

Миронов был введен в состав Донского совнаркома, затем командовал 2-й Конной армией в боях в Северной Таврии и при взятии Крыма. О нем и о его соперничестве с Буденным в боях против Врангеля мы еще поговорим. Пока же только укажем, что председатель культпросвета махновской армии Петр Аршинов в мемуарах утверждал: «Вел тайную переписку с махновским штабом и командарм 2-й Конной Миронов, чья кавалерия брала Крым бок о бок с Повстармией. Родной брат командарма с 1919 г. был в махновщине начштаба 2-го Азовского корпуса. И, по словам Белаша (начальник штаба махновской повстанческой армии. – *Б.* С.), 2-я Конная готова была восстать по первому сигналу».

Конечно, в мемуарах один из идеологов махновского движения мог и присочинить насчет переговоров Миронова с Махно. Но идеологическая близость у двух этих деятелей, безусловно, была. Миронов, как и Махно, хотел быть крестьянским вождем и не любил коммунистов и продразверстку, хотя никогда не заявлял открыто о своей приверженности анархизму. Кстати сказать, именно пятитысячный экспедиционный корпус повстанческой армии Нестора Махно под руководством Семена Каретникова нанес основной удар по врангелевскому конному корпусу генерала Барбовича и первым форсировал Сиваш. Между прочим, 2-я Конная лишь ненамного превосходила махновцев по численности, насчитывая всего 6 тысяч человек и далеко уступая в этом отношении 1-й Конной.

В 1921 году Миронов был вновь арестован и расстрелян по приказу Дзержинского. Можно не сомневаться, что вопрос о судьбе Филиппа Кузьмича решался на Политбюро, но соответствующий протокол до сих пор не обнародован.

Из Бутырской тюрьмы Миронов написал главе ВЦИК М. И. Калинину длинное письмо, надеясь на снисхождение. Вот его избранные места:

«Уважаемые товарищи и граждане!

В письме (№ 61, «Правда») Центрально-контрольной комиссии говорится:

«Партия сознает себя единой сплоченной армией, передовым отрядом трудящихся, направляющей борьбу и руководящей ею так, чтобы отстающие умели подойти, а забежавшие вперед не оторвались от тех широких масс, которые должны претворить в жизнь задачи нового строительства…»

За 4 года революционной борьбы я от широких масс не оторвался, но отстал ли или забежал вперед, и сам не знаю, а сидя в Бутырской тюрьме с больным сердцем, чувствую, что сижу и страдаю за этот лозунг…

К Вам обращается тот, кто ценой жизни и остатков нервов вырвал 13–14 октября 1920 года у села Шолохова победу из рук барона Врангеля, но кого «долюшка» сохранила, чтобы дотерзать в Бутырской тюрьме, тот, кто в смертельной схватке свалил опору Врангеля – генерала Бабиева, и от искусных действий которого застрелился начдив Марковской, генерал граф Третьяков.

К Вам обращается тот, кто в Вашем присутствии 25 октября 1920 года на правом берегу Днепра у села Верхне-Тарновское звал красных бойцов 16-й кавдивизии взять в ту же ночь белевший за широкой рекою монастырь, а к Рождеству водрузить Красное знамя труда над Севастополем. Вы пережили эти минуты высокого подъема со 2-й Конной армией, а как она и ее командарм исполнили свой революционный долг, красноречиво свидетельствует приказ по Реввоенсовету республики от 4 декабря 1920 года за № 7078.

К Вам обращается тот, кто вырвал инициативу победы из рук Врангеля 13–14 октября, кто вырвал в эти дни черное знамя генерала Шкуро с изображением головы волка (эмблема хищника-капиталиста) с надписью «За единую и неделимую Россию» и передал Вам в руки как залог верности социальной революции между политическими вождями и с ее вождями Красной Армии.

К Вам обращается за социальной справедливостью именно усталый и истерзанный, и если Вы, Михаил Иванович, останетесь глухи до 15 апреля 1921 года, я покончу жизнь в тюрьме голодной смертью.

Если бы я хоть немного чувствовал себя виноватым, я позором счел бы жить и обращаться с этим письмом. Я слишком горд, чтобы входить в сделку с моей совестью. Вся моя многострадальная жизнь и 18-летняя революционная борьба говорят о неутомимой жажде справедливости, глубокой любви к трудящимся, о моем бескорыстии и честности тех средств борьбы, к которым я прибегал, чтобы увидеть равенство и братство между людьми.

Мне предъявлено чудовищное обвинение «в организации восстания на Дону против Советской власти». Основанием к такой нелепости послужило то, что поднявший восстание в Усть-Медведицком округе бандит Вакулин в своих воззваниях сослался на меня как на пользующегося популярностью на Дону, что я его поддержу со 2-й Конной армией. Он одинаково сослался и на

поддержку т. Буденного. Вакулин поднял восстание 18 декабря 1920 года, а я в это время громил на Украине банды Махно, и о его восстании мне стало известно из оперативных сводок. Помимо восстания в означенном округе, таковые почти одновременно вспыхнули в других округах, под влиянием, как можно судить, антоновского восстания в Воронежской губернии. Ссылка Вакулина на поддержку Антонова была естественна, но ссылка на меня и т. Буденного – провокационная ложь…

…Не хочу допускать мысли, чтобы Советская власть по подлому необоснованному доносу гильотинировала одного из лучших своих борцов – «доблестного командира 2-й Конной армии», как сказано в приказе РВС Республики от 4 декабря 1920 года за № 7078. Не хочу верить, чтобы подлая клевета была сильнее очевидности моих политических и боевых заслуг перед социальной революцией и Советской властью, моей честности и искренности перед ней. Не хочу верить, чтобы подлая клевета затмила яркий образ ордена Красного Знамени, этого символа мировой пролетарской революции, который я ношу с нескрываемой гордостью. Не хочу верить, чтобы под ядовитым дыханием клеветы потускнел клинок золотого почетного оружия и чтобы минутная стрелка золотых часов остановила свой ход, когда рука предателя сдавит мое горло под его сатанинский хохот.

Не хочу верить, чтобы старый революционер, ставший на платформу Советской власти с первой минуты ее зарождения – 25 октября 1917 года, – чтобы старый революционер из царских офицеров, гонимых за «красноту», помогший генералу Каледину оставить рабочих в покое, бивший Краснова, Деникина и Врангеля, был томим в тюрьме на радость врагам.

Я хочу верить, что вновь поведу красные полки к победе к Бухаресту, Будапешту и т. д., как я говорил, в злополучное 8 февраля злополучной для меня «пятерке», в коей нашлись провокаторы.

Откуда же я черпал такую надежду?

Прежде всего в своей невиновности перед Советской властью. Затем то, что заставляло страдать и неотвязчиво стучало в голову, признано Вами и X съездом партии: «Без сплоченного союза рабочих и крестьян победа невозможна. Что эти основные силы, на которых держится революция, – разлагаются, и наша задача снова сплотить и объединить их, чтобы каждый понял, что усталость грозит не только партии коммунистов, но всему трудовому населению республики». (Газ. «Правда» № 63.)

Я ратовал за самостоятельность трудящихся масс – смотрите показание следователю от 26 февраля, а 22 марта появляется

статья в газете «Правда» № 61, где говорится, «что нужна самодеятельность земледельца». Отстал ли я или забежал и тут – не знаю.

Все вышеизложенное, в связи «с новым поворотом в хозяйственной политике Советской власти» (газ. «Правда» № 62), в связи со «взятым курсом на решительное сближение с массами» (газ. «Правда» № 58), дает мне веру, что ВЦИК по Вашему докладу ускорит мое освобождение, ибо я не признаю за собою никакой вины.

Режим тюрьмы пагубно действует на мое слабое, расшатанное тяжелою многолетнею борьбою здоровье. Я медленно чахну.

Что помогло мне сделать на протяжении месяца, с 5 сентября по 5 октября 1920 года, 2-ю Конную армию не только боеспособной, но и непобедимою, несмотря на двукратный ее перед этим разгром, несмотря на пестрое пополнение, бросавшееся наспех республикой со всех концов? Только искренний голос души, которым я звал разбить

Врангеля. Только таким голосом можно увлечь массу. Эхо его Вы найдете в моих мемуарах «Как начался разгром Врангеля», отобранных у меня при аресте.

«К массам» – главный лозунг X съезда. И если этот лозунг иллюстрировать декретом (газ. «Известия» № 67) о разрешении свободного обмена, продажи и покупки хлебных и зернофуражных продуктов, то, казалось бы, что для Советской власти как раз наступило время через меня как партийного и для партии претворить в жизнь во всей силе брошенный лозунг и решительно сблизиться с массами, – а меня вместо этого бросили в тюрьму. Этот новый декрет перенес мои воспоминания назад и заставляет поделиться с Вами весьма характерным явлением нашего бурного времени.

В числе отобранных у меня при аресте бумаг и документов имеется ряд заявлений на то, как население Усть-Медведицкого округа, гонимое голодом, вынуждалось ехать в соседний Верхне-Донской округ, где еще в отдаленных станицах и хуторах имелись запасы хлеба, чтобы на последнюю рубашку выменять кусок хлеба для пухнущих детей, и как оно там безбожно обиралось.

Приемы агентов власти на местах были просты. Если им нужны были вещи, то, не допуская обмена, они отбирали их; если нужен был хлеб, то они, дав возможность совершиться обмену, выпускали назначенную жертву в путь, а потом, нагнав, отбирали хлеб.

Страдания и слезы голодных, обираемых людей заставили меня поднять этот вопрос на окружной партийной конференции в

Михайловке 12 февраля 1921 года и всесторонне его осветить, дабы принять какие-нибудь меры и против надвигающегося голода, и против чинимого над голодными людьми произвола, а также и в целях приобретения на весну посевного материала, чтобы не повторить осеннего опыта, когда из-за отсутствия семян поля остались необсемененными.

Предложение мое вызвало горячие споры близоруких политиканов, не замедливших бросить мне обвинение в тенденции к свободной торговле, то есть чуть ли не контрреволюции, что заставило меня сделать протест против пристрастного освещения моей мысли. Я думаю, что это было зафиксировано протоколом для очередного доноса на крамольные мои мысли.

Отстал ли я тут или забежал вперед, но жизнь нам показала, что и центральная власть 23 марта 1921 года своим декретом о свободном обмене, продаже и покупке стала на ту же точку зрения, что и я.

И вот за эту прозорливость меня собираются судить. Советская власть фронт принуждения заменила фронтом убеждения, на котором я был так силен (разгром Каледина, Краснова, Врангеля), но стоять в ряду бойцов этого жизненного фронта мне пока не суждено…

…Еще раз хочу верить, что, освободив меня от клеветы и тяжкого незаслуженного подозрения, вернув мне вновь доверие, как перед разгромом Врангеля, ВЦИК найдет во мне по-прежнему одного из стойких борцов за Советскую власть. Ведь это испытание для коммунистов не за горами. В своей речи товарищ Ленин говорил: «Оказалось, как оказывается постоянно во всей истории революции, что движение пошло зигзагами…» (газ. «Правда» № 57).

Острые углы этих зигзагов в 1918–1919 годах больно резали мою душу за темное, невежественное, но родное мне донское казачество, жестоко обманутое генералами и помещиками, покинутое революционными силами, заплатившее десятками тысяч жизней и полным разорением за свою политическую отсталость, а в 1920–1921 годах эти углы стали еще больнее резать за судьбы социальной революции при страшной экономической разрухе.

И теперь, когда всеми осознаны эти острые углы, когда сами вожди открыто признались в том, если бы я действительно был виноват, мое оправдание, что мы зашли дальше, «чем теоретически и политически было необходимо», когда произнесено, чтобы отстающие успели подойти, а забежавшие вперед не оторвались от широких масс; когда сказано, что «мы

должны помогать везде и всюду усталым и истерзанным людям», неужели клевета восторжествует над тем, кто искренне и честно, может быть, спотыкался и ошибался, отставая и забегая, но шел все к той же, одной для коммунистов цели – для укрепления социальной революции.

Неужели светлая страница крымской борьбы, какую вписала 2-я Конная армия в историю революции, должна омрачиться несколькими словами: «Командарм 2-й Конной Миронов погиб голодной смертью в Бутырской тюрьме, оклеветанный провокацией».

Да не будет сей позорной страницы на радость битым мною генералам Краснову и Врангелю и председателю Войскового круга Харламову.

1921 год. 30 марта. Бутырская тюрьма.

Остаюсь с глубокой верой в правду – бывший командарм 2-й Конной армии, коммунист Ф. К. Миронов».

Советская власть только в одном пошла навстречу просьбам Миронова: не дала ему умереть в тюрьме вследствие голодовки, а, не дожидаясь 15 апреля, расстреляла его уже 2-го числа. Скорее всего, в Политбюро решили, что второй раз судить ранее судимого, но помилованного Миронова нецелесообразно – пропагандистского эффекта уже не будет. Наоборот, открытый процесс вызовет недовольство среди тех казаков, которые сражались вместе с Мироновым. Также нехорошо будет, если он умрет в тюрьме в результате голодовки – революционерам полагалось умирать от голодовок в царских, а не в советских тюрьмах. Поэтому предпочли Миронова тихо расстрелять, никак об этом не оповещая общественность.

Обвинение было сформулировано задним числом, уже после того, как Миронов был расстрелян в тюрьме часовым по постановлению Президиума ВЧК от 2 апреля 1921 года. Текст этого постановления столь секретен, что не найден до сих пор. Можно предположить, что он хранится в Президентском архиве (бывшем архиве Политбюро ЦК), так как все многолетние поиски в архивах ФСБ так и не увенчались успехом. Кроме того, повторю, что этому постановлению Президиума ВЧК наверняка предшествовало решение Политбюро, которое, скорее всего, хранится в том же недоступном для простых смертных Президентском архиве.

В годы Гражданской войны часто сперва расстреливали, а потом задним числом оформляли обвинительное заключение. Вот этот поразительный документ – посмертное обвинительное заключение на Ф. К. Миронова, причем следователь, его составивший, искренне верил, что подследственный все еще жив:

«Заключение. 1921 года, августа 13 дня, я, сотрудник по поручению 16 спец. отдела ООВЧК Копылов, рассмотрел настоящее дело по обвинению в организации контрреволюционных ячеек с целью свержения коммунистической партии бывш. командиром 2-го конкорпуса (к тому времени Вторую Конную спешно переформировали во Второй кон-корпус. – *Б.* С.) Миронова Филиппа Козьмича, 48 лет, происходящего из казаков станицы Усть-Медведицкой.

На произведенном по сему поводу следствии выяснилось, что направлявшийся в распоряжение Главнокомандующего Всеми Вооруженными Силами Республики на основании приказа по войскам Кавфронта от 20.1. с. г. за № 160 § 1 и телеграммы заместителя Председателя Рев. Совета Республики от 4.XII – п. г. за № 7078 и имевший 10-дневный отпуск от Рев. Воен. Совета Кавфронта бывш. командующий 2-м конкорпусом Миронов 6 февраля проезжал в станицу У.-Медведицкую через слободу Михайловку, не явился ни в Нарком, ни в Ревком, ни в штаб командующего У.-Медведицкого Военного округа, а остановился ночевать у кулака станицы Арчадинской, наказав в Исполкоме лошадей на утро следующего дня для дальнейшего передвижения. Утром 7.11, явившись в Арчадинский Исполком, Миронов в присутствии граждан избил предисполкома тов. Барышникова за неприготовление лошадей к просимому времени, избиение тов. Барышникова Мироновым сопровождалось словами: «Неудивительно, что такие старые революционеры, как Вакулин, восстают против такой сволочи из коммунистической партии, где сапожники не делают дела, а управляют государством».

2. 8.11 вечером на квартире Миронова после состоявшегося митинга в станице У.-Медведицкой, на котором выступал Миронов, восхваляя бандита Вакулина, состоялось собрание, на котором Миронов коснулся формы правления РСФСР и подчеркнул, что в данное время правит государством не народ, а маленькая кучка людей: Ленин, Троцкий и др., которые бесконтрольно распоряжаются достоянием и честью народа. Попутно Миронов останавливал внимание участников собрания на инородническом происхождении лидеров партии и наталкивал их мысль на то, что такое положение неустойчиво и ненормально. Для большей вескости и авторитетности своего мнения Миронов сослался на беседу с председателем ВЦИК Калининым, который якобы также не уверен в прочности существующего строя. Коснувшись международного положения Советской Республики, Миронов подчеркнул то обстоятельство, что блокада Республики не прорвана, рабочие Запада отвернулись от Российского

пролетариата, и Антанта не отказалась от интервенции, и весною Врангель во главе 60 тысяч армии при поддержке иностранцев предпримет поход против Советской власти. Развивая дальше мысль свою, Миронов указал, что Ленин и Троцкий, разочаровавшись в революционности западно-европейского пролетариата, направляют свою агитацию на Восток, с целью зажечь его огнем революции. Миронов остановился на политике Советской власти в казачьих областях, стремящихся к тому, чтобы казаков из положения хозяев и господ обитаемых ими земель поставить в положение подневольное. Такая политика Советской власти в целом, по мнению Миронова, приведет Республику к краху, который произойдет весной или осенью этого года. Подготовив в умах участников собрания антисоветское настроение, Миронов предложил организовать ячейки и рекомендовал на первых порах не отходить от Советов, а работать в них. Задача этих ячеек – бороться с коммунистами и развивать в массах идею необходимости учредительного собрания. Для технической связи и конспирации Миронов ознакомил участников собрания с шифром, причем раздал каждому слепок сургучной печати и схему организаций контрреволюционных ячеек. На заседании Миронов доложил об антисоветских настроениях кубанских казаков, делегация которых жаловалась ему на свою судьбу, на что Миронов ответил, что если они будут восставать, то он их будет усмирять. Миронов тут же разъяснил, что кубанцы поняли его не в буквальном смысле слова, а иносказательно, т. к. он их никогда не будет подавлять. По окончании заседания Миронов рекомендовал всем держаться конспиративно и не болтать о данном соседям.

3. На телефонограмму члена Донисполкома, председателя Тройки по восстановлению Советской власти в У.-Медведицком округе с сообщением, что именем Миронова злоупотребляют банды Вакулина, определенно утверждает, что в своих действиях против Советской власти встретят поддержку его, Миронова, и что демобилизованные из 2-й Конной упорно твердят о том, что с приездом Миронова начнется чистка, а посему просил написать воззвание к населению с опровержением этой клеветы, связанной с его именем, и указать преступность, провокационность подобных слухов и на митингах проводить эту линию. Миронов ответил, что к подобному роду слухов он относится безразлично, ибо его имя треплется повсюду.

4. 10 февраля Миронов явился на партийную конференцию в сел. Михайловка, на вопрос присутствующего на конференции члена Донисполкома, поручившего Миронову от имени Окрпарткома выпустить воззвание к населению с опровержением

гнусных наветов в связи с его именем, выполнил ли он это поручение, Миронов ответил уклончиво: «Голова болит». В приветствии 2-й Конной Миронов на конференции подчеркнул свои персональные заслуги и высказал так: «Мы выполнили свой долг, а коммунисты на местах окопались и ничего не делают, и необходимо произвести чистку партии». Два раза Миронов пытался сорвать конференцию, но безуспешно. В посевной кампании Миронов выступил с предложением разрешения покупки семян на вольном рынке в соседних губерниях. Касаясь госразверстки, Миронов возмущался тем, что у крестьян силою оружия отнимают хлеб. По мнению Миронова, коммунисты должны честно признать, что из создавшегося положения они страну не выведут, и потому должны отойти от власти.

По докладу хозяйственного строительства Миронов в своей речи заявил, что необходимо объявить свободную торговлю хлебом. Коснувшись на конференции Вакулина, Миронов не счел нужным заклеймить его, как изменника, а, наоборот, обозвал его честным революционером и коммунистом, вынужденным восстать благодаря безыдейным коммунистам и ненадежности Советского аппарата. Характерно, что на конференции всех возражающих ему и инакомыслящих Миронов называл господами, Миронов противопоставил себя, пользующегося доверием населения, – коммунистической партии и органам Советской власти, к каковым население относится враждебно.

11 февраля начали прибывать на станцию Арчада части конкорпуса. Высланною разведкою установлено, что красноармейцы определенно ждали Миронова, который должен сделать чистку их тыла и примазавшихся коммунистов и вообще установить новый порядок. Положение создавалось серьезное – запахло антисоветским душком среди местного населения. Достоверно подтверждается, что Миронов имел тайную связь с темными и подозрительными элементами.

На основании вышеизложенного и принимая во внимание, что организация авантюристов с целью свержения коммунистической партии является не первой авантюрой Миронова, полагал бы о применении высшей меры наказания обвиняемому Миронову… Что же касается арестованной Мироновой Н. В., жены обвиняемого Миронова, за отсутствием улик обвинения полагал бы о необходимости изолирования в пределы Архангельской губернии, ввиду возможности со стороны ея зловредной агитации, могущей пагубно отразиться на казачестве Донской области, среди коего имя Миронова популярно.

Справка: Миронов Ф. К. содержится во внутренней тюрьме

ВЧК.

Сотрудник поручений 16 Спец. отд. В. Копылов. 13.8.21 г.».

И тут же резолюция: «Тов. Копылов. 1) Миронов расстрелян. 23.8.21 г.».

То, что даже следователь не знал, что Миронова казнили еще несколько месяцев назад, говорит о сугубой секретности его казни.

Надо признать, что при большевиках Миронов был обречен. Он, как и Думенко, мечтал о воплощении в жизнь крестьянской утопии: чтобы ни кадетов, ни большевиков, а власть народная, то есть крестьянская. Правда, главная крестьянская партия, эсеры, к взглядам которых были близки и Думенко, и Миронов, за месяцы, прошедшие с момента Февральской до Октябрьской революции, показала свою полную неспособность к управлению. То же самое произошло и с левым крылом эсеров, оформившимся в отдельную партию и еще восемь месяцев остававшимся у власти в блоке с большевиками – утопия всегда остается утопией. Шансов победить большевиков у Миронова не было, а то, что он любил их ничуть не больше, чем белых, несмотря на свое членство в РКП(б), в Кремле хорошо знали от многочисленных осведомителей в мироновском окружении.

Пока победа в Гражданской войне оставалась под вопросом, Думенко и Миронов были нужны, даже необходимы. Когда основные силы белых были разгромлены, казнили Думенко. К тому времени в Красную армию уже вовсю вступали казаки и конкурент Буденного из иногородних больше не был нужен. Миронова продержали на воле чуть дольше – он был еще нужен, чтобы агитировать тех донских казаков, которые остались у Врангеля. А вот после разгрома Врангеля Миронов стал для советской власти опасен. Полыхало антоновское восстание на Тамбовщине, восстал Кронштадт. Ленин, Троцкий, Сталин, другие вожди боялись, что Миронов станет новым Антоновым и поднимет казачество против Советов. Поэтому спокойнее было его расстрелять – пусть даже безо всякой вины, при явно сфабрикованных обвинениях.

В отличие от наивного Филиппа Кузьмича, Буденный был куда большим политическим реалистом, прямо в политику не лез, в разговорах осторожничал, с Ворошиловым не ссорился и жил душа в душу – хотя, наверное, догадывался, что друг Клим строчит на него доносы. А Миронова позднее, уже после реабилитации, поливал в печати как мог, изображая авантюристом, примазавшимся к революции.

Скрупулезный биограф Миронова Е. Ф. Лосев отмечает: «В журнале „Дон“ № 8, 1969, напечатано: „Один журналист

утверждал, что Миронов якобы еще в 1906 году вел революционную работу, возил революционный наказ станиц и казачьих частей в Государственную думу и за это был посажен в тюрьму. К Февральской революции он, будучи награжден десятью царскими орденами, будто бы присоединился к „платформе“ большевиков, а затем выступил против Каледина. Но вся эта „революционность“ Миронова ни одним документом не подтверждается. Нет свидетельств ни о поездке в Петербург с революционным наказом, ни о том, что он сидел в тюрьме“.

Горько и больно сознавать, что эти слова принадлежат… С. М. Буденному. И не только эти. Буденный всю посмертную память Миронова чернил. Зачем он это делал? Чего ему самому не хватало для пристойной жизни? Власти? Славы? Почета? Денег? Всего у него, кажется, было в избытке. Что мучило-грызло полководца гражданской войны? Ревность-зависть даже к мертвому герою? Неужели он духовно не поднялся выше вахмистерского мышления? Вина Буденного безмерна, потому что им написанное – ложь».

В действительности Миронов был подлинным народным заступником задолго до 1917 года. За то, что он отвез в Петербург наказ от своих земляков, протестовавших против использования казаков в качестве карателей, Миронова после Русско-японской войны изгнали из армии. У Буденного же до 1917 года никаких революционных заслуг не было. Вот он и ревновал к Миронову на старости лет и пытался отнять у Филиппа Кузьмича подлинные факты его биографии.

В тот день, когда Буденный разоружал корпус Миронова, Думенко вступил в командование 2-м конно-сводным корпусом. Перед этим, в августе, Думенко встретился с Иваром Смилгой, членом Реввоенсовета Южного фронта. Смилга впоследствии вспоминал: «В разговоре со мною он больше всего останавливался на военных эпизодах недавних боев. Поддерживать разговор на политические и стратегические темы он был не в состоянии. Начавшиеся в это время успехи Буденного приводили его в нескрываемое раздражение. Зная по рассказам о его военных способностях, я большую часть своих первых крайне невыгодных впечатлений о Думенке отнес за счет состояния его здоровья, которое еще не было восстановлено».

По рассказу Смилги, в 1919-м, не Буденный завидовал прежней славе Думенко, а, наоборот, Думенко тяжело переживал тогдашнюю славу Буденного. Ивар Тенисович в данном случае – свидетель беспристрастный, для него глубоко чужды и подозрительны оба крестьянских полководца, Думенко и Буденный, тем более что последнего поддерживает Сталин, а

Смилга – человек Троцкого.

Сам Троцкий так описывал события, предшествовавшие решающим сражениям на деникинском фронте, в которых Буденный со своей армией сыграл главную роль: «Наступление на Южном фронте по плану главнокомандующего началось в середине августа. Через полтора месяца, в конце сентября, я писал в Политбюро: „Прямое наступление по линии наибольшего сопротивления оказалось, как и было предсказано, целиком на руку Деникину… В результате полуторамесячных боев… наше положение на Южном фронте сейчас хуже, чем было в тот момент, когда командование приступало к выполнению своего априорного плана. Было бы ребячеством закрывать на это глаза“. Слова „как и было предсказано“ ясно говорят о тех трениях, которые предшествовали принятию стратегического плана и имели место в июне и начале июля.

Итак, ошибка плана была для меня настолько несомненна, что когда он был утвержден Политбюро – всеми голосами, в том числе и голосом Сталина против меня – я подал в отставку. Решение Политбюро по поводу отставки гласило:

"Секретно
Копия с копии
Москва 5 июля 1919 года

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (Большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Кремль

Орг. и Полит. Бюро ЦК, рассмотрев заявление т. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии.

Орг. и Полит. Бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий. В своих званиях Наркомвоена и Предреввоенсовета т. Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта с тем Комфронтом

(Егорьевым), коего он сам наметил, а ЦК утвердил.

Орг. и Полит. Бюро ЦК предоставляют т. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг. и Полит. Бюро ЦК настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их ввиду сосредоточения своей работы на Южфронте. Ввиду этого Орг. и Полит. Бюро ЦК отклоняет и выход т. Троцкого из Политбюро и оставление им поста Председателя Реввоенсовета Республики (Наркомвоена).

Подлинный подписали:

Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова.

С подлинным верно: Секретарь ЦК Елена Стасова".

Я взял отставку назад и немедленно отправился на Южный фронт, где открывавшееся в середине августа наступление скоро приостановилось, не дав результатов. Роковая ошибочность плана стала ясна многим работникам, в том числе и Лашевичу, перешедшему с Восточного фронта на Южный. 6 сентября я телеграфировал с фронта Главкому и ЦК, что «центр тяжести борьбы на южфронте всецело перешел на Курско-Воронежское направление, где резервов нет», и предложил ряд войсковых перегруппировок, означавших в совокупности ликвидацию несостоятельного плана. Под моей телеграммой подписались Серебряков и Лашевич. Но главнокомандующий упорствовал, и Политбюро решительно поддержало его. В тот же день, 6 сентября, я получил ответ.

За два месяца ход военных операций не только опрокинул первоначальный план, но и ясно указал главную операционную линию. Однако за два месяца непрерывных и безрезультатных боев многие дороги оказались разрушены, и сосредоточение резерва представляло неизмеримо большие трудности, чем в июне – июле. Радикальная перегруппировка сил являлась, тем не менее, необходимостью. Я предлагал конный корпус Буденного переправить походным порядком и передвинуть ряд других частей в северо-восточном направлении.

Тем временем начатое наступление приостановилось, положение на Кубани, где увязли лучшие войска, продолжало оставаться крайне тяжким, Деникин продвигался на Север. «Для проверки оперативного плана, – писал я в конце сентября, – нелишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на Южном фронте имелось не менее 180 000 штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов. В результате полуторамесячных боев мы имеем жалкое топтание на месте в восточной половине Южного фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организма – в западной половине. Причину неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, т. е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги. Атмосфера 'народной' донской войны оказывает расслабляющее влияние на наши части. В этих условиях деникинские танки, умелое маневрирование и пр. оказываются в его руках колоссальным преимуществом».

Однако теперь дело шло уже не о плане, а о его последствиях, материальных и психологических. Главнокомандующий надеялся, видимо, в соответствии с правилом Наполеона, упорствуя в ошибке, извлечь из нее все возможные выгоды и добиться в конце концов победы. Политбюро, теряя доверие, упорствовало в собственном решении. 21 сентября наши войска покинули Курск. 13 октября Деникин взял Орел, открыв себе дорогу на Тулу, где были сосредоточены важнейшие военные заводы, а дальше уже шла Москва. Я поставил перед Политбюро ребром альтернативу: либо менять оперативный план, либо эвакуировать Тулу, разоряя военную промышленность и открывая дорогу на Москву. Главнокомандующий, меняя по частям старый план, уже сосредоточивал кулак. Но к этому времени упрямство главнокомандующего, которое поддерживало Политбюро, было сломлено».

В середине октября была закончена новая группировка войск для контрудара. Одна группа сосредоточена была к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую железную дорогу. Другая группа, к востоку от Воронежа, возглавлялась конным корпусом Буденного. Это и было уже шагом к той группировке, на которой в последний раз настаивали 6 сентября Троцкий, Лашевич и Серебряков.

Упомянутая троица вполне разумно планировала нанести главный удар по Деникину в рабочем Донбассе, сочувственно

настроенном к Красной армии, а не во враждебных ей казачьих районах Дона и Кубани.

Генерал армии И. В. Тюленев оставил нам выразительную зарисовку Буденного накануне решающих сражений. Иван Васильевич, назначенный помощником начальника штаба кавкорпуса, в августе 1919 года представлялся Буденному: «Во дворе дома, где располагался Буденный, меня встретила молодая женщина, как я узнал позже, – жена Семена Михайловича Надежда Ивановна. Когда я спросил у нее, где могу видеть комкора, она крикнула в сторону сарая:

– Сема, ты скоро? Тут к тебе товарищ пришел. В ответ из сарая послышалось:

– Где он там, этот товарищ? Пусть идет сюда.

Вошел я в сарай, смотрю – стоят двое, одетые в зеленые суконные френчи. Один высоченный, другой среднего роста. Подхожу к высокому, докладываю о прибытии, а он, смеясь, кивает головой в сторону другого, очищающего копыта коня. Я в смущении молчу. К нам подходит Надежда Ивановна и говорит, обращаясь к мужу:

– Сема, да брось ты с конем возиться, товарищ ждет тебя. Буденный оторвался от своего дела, испытующе оглядел меня с головы до ног и лукаво улыбнулся:

– Тюленев? Добро пожаловать. Что, воевать приехали или только посмотреть, как мы воюем? Завтра предстоит большой бой. Я вот коня себе готовлю. А вы успеете собраться к утру, чтобы вместе с нами пойти бить врага?

Я пробормотал что-то в ответ, означающее «успею». Буденный усмехнулся в усы:

– Наверное, думали, что в штабе корпуса вам придется только бумагами заниматься? Нет, брат, у нас так не принято. Воевать так воевать по-настоящему, не карандашом, а саблей. Впрочем, пером тоже не грешно владеть. У нас в таких людях нехватка большая, замучили мы этим делом начальника штаба Погребова. Так вот вы у него помощником и будете. Это, конечно, не значит, что вы засидитесь в штабе. У нас штабные работники больше на коне с саблей в руке…

– Слушаюсь, товарищ Буденный! – переборов робость, подтянулся я».

Далее Тюленев замечает: «Семен Михайлович Буденный вместе со штабом корпуса постоянно находился на самых трудных участках».

Из этого мемуарного свидетельства можно заключить, что штабная работа была Буденному не по душе. Он любил руководить непосредственно на поле боя и лучше всего

чувствовал себя во время лихой кавалерийской атаки. По своей психологии Семен Михайлович на всю жизнь остался типичным полевым командиром. В то же время он был прост в обращении, не зазнавался, со всеми подчиненными держался ровно и приветливо, умел завоевать их симпатию.

Второй после Царицына звездный час Буденного настал под Воронежем осенью 1919 года, когда Вооруженные силы Юга России генерала Деникина рвались к Москве.

Свое генеральное наступление ВСЮР развернули в июне 1919 года, когда отразили попытки Красной армии отбить Донбасс, хоть и потеряв при этом часть Донской области.

25 июня добровольцы взяли столицу Советской Украины Харьков, на следующий день – Екатеринослав (нынешний Днепропетровск). Кавказская армия генерала Петра Врангеля 30 июня овладела сильно укрепленным Царицыном – важнейшим узлом обороны красных. 3 июля Деникин огласил так называемую «московскую директиву», ставящую конечной целью захват Москвы. К тому времени подчиненные ему силы насчитывали около 105 тысяч штыков и сабель, что было недостаточно для наступления на широком фронте почти в 1000 километров против превосходящего по численности противника. Деникинские войска, как и Красная армия, давно уже комплектовались путем принудительной мобилизации. Ленин проницательно заметил, что массовая мобилизация погубит Деникина, как прежде погубила Колчака. Так и получилось.

Почему же мобилизация не повредила Красной армии? Дело было в разном социальном составе вооруженных сил противоборствующих сторон. Крестьяне-середняки составляли большинство и у белых, и у красных, и одинаково часто переходили от одних к другим и обратно или дезертировали и возвращались в родные деревни. Исход войны определяло соотношение между более или менее надежными контингентами Красной армии и ее противников. И здесь явный перевес был на стороне большевиков. Они могли почти полностью полагаться на поддержку рабочих, а также сельских бедняков и безземельных батраков, составлявших более четверти всего крестьянства. Эти категории населения можно было без особого труда мобилизовать и за паек, денежное довольствие и амуницию отправить воевать в любую губернию – дома им терять все равно было нечего. Об этом хорошо говорил Ленин в апреле 1919 года в связи с мобилизацией на Восточный фронт: «Мы берем людей из голодных мест и перебрасываем их в хлебные места. Предоставив каждому право на две двадцатифунтовые продовольственные посылки в месяц и сделав их бесплатными, мы одновременно

улучшим и продовольственное состояние голодающих столиц и северных губерний». Фактически это было чуть прикрытым воплощением давнего большевистского лозунга «Грабь награбленное!».

Кроме того, привлеченные интернационалистской идеологией большевиков, на их стороне сражались многие бывшие пленные: австрийцы, венгры, дезертиры из чехословацкого корпуса, а также латыши и эстонцы, родина которых была оккупирована германскими войсками. Немало было в Красной армии китайцев и корейцев, в годы Первой мировой использовавшихся для работ в прифронтовой полосе. Латышские и интернациональные части сражались упорно, поскольку в случае поражения не могли рассчитывать на снисхождение, и проявляли полную безжалостность к местному населению. У белых же стойких кадров было куда меньше: офицеры, юнкера и небольшая часть интеллигенции, готовая сражаться с большевиками либо за будущее Учредительное собрание, либо за восстановление монархии (эти две последние группы к тому же враждовали друг с другом). В целом из примерно 250 тысяч офицеров русской армии около 75 тысяч оказалось в рядах Красной армии, до 80 тысяч вообще не приняли участия в Гражданской войне, и только около 100 тысяч служили в антисоветских формированиях (включая армии Польши, Украинской Народной Республики, закавказских и балтийских государств). Что касается враждебных большевикам зажиточных крестьян и казаков, то они часто не хотели воевать за пределами своей губернии или области, чтобы не удаляться от хозяйства. Это ограничивало возможности белых армий по проведению крупномасштабных наступательных операций и быстрой переброске частей с одного участка фронта на другой.

В ходе начатого в июле 1919 года наступления армии Деникина вместо Москвы, как планировалось, двинулись на Украину, захватив ее восточную часть и Приднепровье с Киевом и Екатеринославом. В Киев 31 августа одновременно вступили части Добровольческой армии и войска «незалежной Украины» под командованием Симона Петлюры. Под давлением добровольцев украинцы вынуждены были оставить город. В результате Деникин получил нового врага в лице Петлюры и вынужден был отвлечь несколько тысяч бойцов для борьбы с армией УНР. Еще хуже была потеря времени. Только 12 сентября войска Деникина начали наступление в собственно московском направлении. К тому времени армии Колчака были уже основательно разбиты и советскому командованию не составляло труда перебросить основную массу войск с Восточного фронта на

Южный против новой угрозы.

Деникину удавалось добиться успеха во многом благодаря казачьим кавалерийским корпусам. Чтобы справиться с ними, Красной армии нужна была кавалерия. 20 сентября 1919 года председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий бросил лозунг «Пролетарий, на коня!». В рамках этого призыва и была сформирована Конармия, хотя сам Троцкий предпочел оставить буденновское соединение корпусом, чтобы оно могло по усмотрению командования фронта придаваться тем или иным армиям. Это объяснялось тем, что в стратегические способности Буденного и Ворошилова Лев Давыдович не верил и имел на то свои основания.

Троцкий так вспоминал о формировании красной конницы: «Труднее всего было создавать кавалерию, потому что старая кавалерия родиной своей имела степи, населенные богатыми крестьянами и казаками. Создание кавалерии было высшим достижением этого периода. В четвертую годовщину Красной армии 23 февраля 1922 г. „Правда“ в очерке гражданской войны давала такое изображение формирования красной конницы: „Мамонтов, производя сильные разрушения, занимает на время Козлов и Тамбов. 'Пролетарий, на коня! – клич т. Троцкого – в формировании конных масс был встречен с энтузиазмом, и уже 19 октября армия Буденного громит Мамонтова под Воронежем“. Кампания для создания красной конницы составляла основное содержание моей работы в течение месяцев 1919 года.

Армию, как сказано, строил рабочий, мобилизуя крестьянина. Рабочий имел перевес над крестьянином не только в своем общем уровне, но в особенности в умении обращаться с оружием, с новой техникой. Это обеспечивало рабочим в армии двойной перевес. С конницей дело обстояло иначе. Родиной конницы являлись русские степи, лучшими конниками были казаки, за ними шли степные богатые крестьяне, имевшие лошадей и знавшие лошадь. Конница была самым реакционным родом войск и дольше всего поддерживала царский режим. Формировать конницу было поэтому трудно вдвойне. Надо было приучить рабочего к коню, надо было, чтобы петроградский и московский пролетарий сели на коня сперва хотя бы в роли комиссаров или простых бойцов, чтобы они создали крепкие и надежные революционные ячейки в эскадронах и полках. Таков был смысл лозунга «Пролетарий, на коня!». Вся страна, все промышленные города покрылись плакатами с этим лозунгом. Я объезжал страну из конца в конец и давал задания насчет формирования конных эскадронов надежным большевикам, рабочим. Мой секретарь Познанский лично с большим успехом занимался формированием

кавалерийских частей. Только эта работа пролетариев, севших на коня, превратила рыхлые партизанские отряды в кавалерийские действительно стройные части».

Буденный наверняка без энтузиазма воспринял лозунг: «Пролетарий, на коня!». Ведь на практике он означал, что в кавалерийских дивизиях появится больше комиссаров, коммунистов и просто рабочих, державшихся в седле, как мешок с картошкой, но зато считавшихся новой властью «благонадежными». Но Семен Михайлович благоразумно смолчал. С точки зрения же Троцкого, наличие пролетарской прослойки в буденновской вольнице должно было повысить устойчивость кавалерии в бою, поскольку пролетариям было нечего терять, и предотвратить грабежи, столь свойственные красным кавалеристам, равно как и их белым противникам. Боеспособность Конармии в результате действительно выросла, а вот борьба с грабежами и еврейскими погромами, как мы увидим дальше, оказалась гиблым делом – они не прекращались вплоть до самого конца Гражданской войны. Но Буденному, Ворошилову и другим руководителям Конармии с помощью комиссаров и коммунистов все-таки удавалось избежать полного разложения, не останавливаясь перед расстрелом погромщиков, так что после каждой очередной волны грабежей и насилий Первая конная оказывалась в состоянии продолжать боевые действия.

Под Воронежем 1-й Красный кавалерийский корпус Буденного разбил главную кавалерийскую силу Вооруженных сил Юга России – Донской корпус под командованием генерала Константина Константиновича Мамонтова и Кубанский корпус генерала Андрея Григорьевича Шкуро. Вот как описал боевые действия под Воронежем А. И. Егоров в книге «Разгром Деникина»: «В это время корпус Буденного был сосредоточен в станице Казанской Донского войска на левом (восточном) берегу Дона, с задачей: переправиться через Дон и ударить в юго-восточном направлении по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов в разрез Донской и Добровольческой армий. Операция назначалась на 17 сентября…

Узнав о новом рейде Мамантова (это более правильное написание фамилии генерала, которого советские историки почему-то стали называть Мамонтовым. – *Б.* С.), Буденный нарушил приказ своего командующего юго-восточным красным фронтом Шорина, самовольно повернул свой корпус на север и двинулся к Таловой, которая находилась в 150 верстах от станицы Казанской, чтобы разбить корпус Мамантова. Следуя за Мамантовым, Буденный, пройдя Таловую, двинулся дальше на север до села Тулина, пройдя 250 верст за 10 дней. Отсюда он

двинулся на Усмань-Собакино и Графскую, где и произошла встреча с двумя казачьими корпусами – Мамантова и Шкуро».

Егоров пишет, что корпус Шкуро по занятии Рамони и Графской устремился на север, на Усмань, и далее на Грязи, о чем говорят и сводка Донской армии, и генерал Деникин. Мамантовский же корпус стремился держать связь со своим правофланговым 3-м Донским корпусом, на юго-восток, разбросавшись по фронту на 50 верст. По словам Егорова, «конному корпусу Буденного приказано: с приданными ему кавалерийскими частями 8-й армии разбить эту конницу противника и способствовать своими активными действиями 8-й армии при выполнении ею поставленной задачи – вновь выйти на линию реки Дона. Однако Буденный не без основания считал невозможным оставить у себя в тылу и на левом фланге такого активного противника, как Мамантов, и, желая в то же время облегчить положение своих 12-й и 13-й дивизий, ставил своей ближайшей целью разбить и отбросить Мамантовский корпус.

1 октября, в районе с. Московского, Буденный вступает в единоборство с Мамантовым и постепенно теснит его части на северо-запад. Последние отходят к Воронежу… Но на левом фланге обстановка складывается крайне неблагоприятно для армии: части 3-го Донского корпуса развивали свой первоначальный успех, и 9-я армия откатывалась все дальше и дальше к северо-востоку и востоку, увлекая за собою и фланги 8-й армии.

6 октября Буденный подошел к рубежу Ново-Усмань. В 7 часов утра 12 полков противника повели наступление. Завязался ожесточенный и упорный бой, длившийся до глубокой ночи. В результате боя белые были опрокинуты. Буденный подошел к Воронежу. На следующий день конный корпус вновь переходит в наступление, но белые сумели за ночь организовать сопротивление, и бой не увенчался успехом… Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамантова на запад от Лона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, все же не достиг главного – оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, но не были разбиты, чем, главным образом, объясняется медленное продвижение вперед Конного корпуса Буденного в последующие дни».

Одной из причин поражения белых под Воронежем было то, что в критический момент им пришлось перебросить часть корпуса Шкуро на юг Украины для борьбы с Махно. 25 сентября командующим Донской армией генералом Сидориным была получена из Таганрога, из ставки генерала Деникина, следующая

телеграмма: «Немедленно направить на станцию Волноваха одну из конных дивизий корпуса генерала Шкуро». Далее телеграммы повторялись почти каждый день, приобретая все более тревожный оттенок – махновцы пошли в наступление, угрожая вовсе выбить деникинцев с Украины. 4 октября Сидорин получил еще одно приказание: «Минуя всякие препятствия, завтра, 5 октября, двинуть Терскую дивизию на юг, в распоряжение генерала Ревишина».

6 октября сам Деникин телеграфировал: «По последним сведениям, Горско-Моздокский полк находится в бою восточнее села Давыдовка (в 50 километрах к югу от Воронежа. – *Б.* С.), а Волговский полк опять введен в дело у Воронежа. Приказываю немедленно вывести дивизию из боя и спешно вести в тыл. Махновцами заняты Александровск, Мелитополь, Бердянск, и сегодня они ведут наступление на Мариуполь. Преступление задерживающих дивизию ничем оправдано быть не может (Таганрог, 6 октября, 4 часа утра. Деникин)».

Уже на следующий день, 7 октября, командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский телеграфировал генералу Шкуро о категорическом требовании Деникина: «Немедленно, минуя всякие препятствия, отправить Терскую дивизию в распоряжение генерала Ревишина». В той же телеграмме говорилось, что «для расследования причин задержки дивизии отправляется генерал Лихачев».

8 октября генерал Май-Маевский вновь сообщал Шкуро и Сидорину: «Мариуполь занят махновцами, что создает уже угрозу ставке. Надеюсь, что ввиду такой обстановки, несмотря на известное мне трудное условие, в котором Вы находитесь до подхода частей Мамантова, все же, со свойственной Вам энергией, примете немедленно и решительно все меры к тому, чтобы Терская дивизия была переброшена к генералу Ревишину в наикратчайший срок». На эти тревожные телеграммы из ставки находившейся в Таганроге генерал Сидорин ответил: «Приказал произвести посадку на Лихую из Кантемировки мой единственный резерв Тульскую пехотную бригаду. Вместе с тем докладываю, что 1-й эшелон Горско-Моздокской бригады отправлен на станцию Лиски сегодня в 17 ч. 30 м. по назначению. Погрузка бригады закончится утром 7 октября».

Своевременно узнав об ослаблении корпуса Шкуро, красные сразу же возобновили наступление. 6 октября Буденный к вечеру занял станцию Передаточная в 7 километрах к востоку от Воронежа и отрезал железнодорожный путь на юг, к Лискам, где 7 октября грузилась одна из бригад Терской дивизии. Вторая бригада с генералом Владимиром Агоевым по железной дороге

двинулась на запад, через узловую станцию Касторная, направляясь потом на юг, в Волноваху.

Вот что писал о боях под Воронежем сам Буденный: «4 октября по пути нашего движения от Воробьевки к Таловой над колонной корпуса появился самолет. Нетрудно было определить, что самолет принадлежит белым, так как ни в 8-й, ни в 9-й, ни в 10-й Красных армиях авиации не было. Самолет сделал вираж и стал кружиться над колоннами дивизий. Тотчас же было приказано опустить знамена и всем махать шапками.

Самолет еще больше снизился, сделал разворот и пошел на посадку. Он не успел еще остановиться, как был окружен со всех сторон кавалеристами.

Летчик выскочил из кабины самолета и спросил:

– Вы мамонтовцы?

– Да, мамонтовцы. Руки вверх!

На допросе было установлено, что летчик вылетел из Воронежа с задачей найти Мамонтова в треугольнике Таловая, Бобров, Бутурлиновка и передать ему приказ генерала Сидорина и письмо Шкуро.

Приказ и письмо, изъятые у летчика, содержали очень ценные для нас сведения.

Сидорин в своем приказе ставил группе генерала Савельева и корпусу генерала Мамонтова задачу окружить и уничтожить 8-ю Красную армию, обеспечив беспрепятственное продвижение Донской армии на Москву. Аппетит у Сидорина оказался большим. Можно было лишь удивляться его плохой осведомленности: он ставил задачу группе генерала Савельева, которая уже была разгромлена нами.

В записке, приложенной к приказу, Сидорин рекомендовал Мамонтову связаться с заместителем командующего 8-й Красной армией Ротайским. «Действуйте быстро и решительно, – писал Сидорин, – на Ротайского можно положиться».

Шкуро в своем письме сообщал, что он занял Воронеж, и просил Мамонтова прислать ему боеприпасов, так как он ожидает наступления красных с севера, а боеприпасов не имеет.

Шкуро, видно, рассчитывал, что Мамонтов, начав новый рейд по тылам 8-й армии, поделится с ним награбленным имуществом и боеприпасами.

Приказ Сидорина и письмо Шкуро были немедленно отправлены командующему 9-й Красной армии Степину с просьбой ознакомиться с ними и срочно отправить их в штаб Южного фронта.

Поздно вечером 4 октября мы вступили на станцию Таловую. Части корпуса, уставшие от продолжительного марша, расположились на ночлег в соседних со станцией поселках. Оказалось, что Мамонтов еще прошлой ночью был в Таловой, но в четыре часа утра у белых поднялась тревога, и Мамонтов, забыв в спешке свою исправную легковую автомашину, выступил с корпусом вдоль железной дороги в направлении Воронежа. Наконец-то мы нашли Мамонтова…

С Таловой началась наша погоня за Мамонтовым. Он уходил вдоль железной дороги, разрушая на своем пути мосты, расстреливая рабочих-железнодорожников. С великой радостью встречал нас трудовой народ Воронежской губернии. Люди приглашали бойцов в свои дома, делились с ними хлебом и одеждой, отдавали для наших лошадей последние запасы сена. Тысячи людей просили принять их в корпус. Добровольцев было так много, что мы решили принимать лишь тех, кто имел собственную лошадь, седло и шашку. Остальных группировали в команды и отправляли на пополнение 8-й армии (идея Троцкого наступать по неказачьим районам оказалась плодотворной; того же мнения, замечу, изначально держались и Буденный с Ворошиловым. – *Б. С.)*.

…В то время как Конный корпус преследовал Мамонтова, 8-я армия, в тылу которой происходило преследование, под давлением противника с фронта оставила рубеж реки Дон и начала отходить, особенно своим правым флангом, со стороны Воронежа. Положение осложнялось тем, что в руководстве армии произошло крупное предательство: заместитель командующего армией, тот самый бывший царский генерал Ротайский, о котором упоминал в своей записке Сидорин, с группой штабных военспецов перешел на сторону белых.

Потерявшая веру в свое командование и расстроенная рейдом Мамонтова, 8-я армия вслед за Воронежем оставила Лиски и покатилась на восток, потеряв связь с соседними армиями. Дело могло окончиться для 8-й армии полной катастрофой, если бы Конный корпус своевременно не разгромил на Дону группу генерала Савельева и не вышел к Таловой для противодействия Мамонтову.

Ночью 7 октября, когда корпус сосредоточился в районе Сергеевка, Мартын, Романовка, Нащекино, мною была получена директива командующего Южным фронтом, подписанная А. И. Егоровым и И. В. Сталиным. В директиве говорилось:

> "Согласно директиве Главкома № 4780/оп, ваш корпус переходит в подчинение непосредственно мне, 8-я армия отходит на линию реки Икорец от ст. Туликова до Устья. По имеющимся сведениям, Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже и действуют в направлении на Грязи.
>
> Приказываю:
>
> Корпусу Буденного разыскать и разбить Мамонтова и Шкуро. Для усиления вас приказываю командарму 8-й передать вам конную группу 8-й армии и 56-ю кавбригаду. Последнюю условно, если вы признаете это желательным, ибо, по имеющимся сведениям, она склонна уклоняться от боев и не исполнять боевых приказов. Вам предоставляется, кроме того, право потребовать от командарма 8-й один-два батальона пехоты для обеспечения устойчивости ваших действий. Питание корпуса огнеприпасами производите через штарм 8. Связь со мной держите через штарм 8 или по радио через Козлов.
>
> Получение сего приказа донесите…"

В соответствии с полученной задачей корпус был сосредоточен северо-восточнее Воронежа с целью нанести удар по Воронежу, имея прямую связь с правым флангом 8-й армии. К

этому времени разведка корпуса установила связь с подчиненной нашему корпусу кавгруппой 8-й армии, которая 12 октября под нажимом противника отошла из Графской в Девицу (несколько километров юго-восточнее Усмани).

Разведкой было установлено также, что противник из района Графской распространялся в направлении Верхней Хавы. Исходя из сложившейся обстановки, утром 13 октября я отдал приказ корпусу сосредоточиться для нанесения решительного удара на Графскую. Дивизии корпуса и кавгруппа 8-й армии вышли в исходные для атаки районы, но противник, не приняв боя, отошел в направлении Воронежа. Поздно ночью 13 октября корпусу был отдан приказ с утра перейти в наступление, овладеть Тресвятской и выйти на линию Рамонь, Углянец, Тресвятская, Чебышевка.

Однако с утра 14 октября противник силами восьми кавалерийских полков Шкуро перешел сам в наступление в направлении Тресвятская, Горки, Орлово с целью нанести удар по левому флангу корпуса. Корпус, отбив атаки противника, перешел в контрнаступление. В результате четырехчасового боя в районе Тресвятская, Орлово противник понес большие потери и отошел в направлении Бабяково, Новая Усмань. Конный корпус вышел в район Орлово, Горки, Тресвятская, Никоново.

15 октября белые крупными силами, при поддержке трех бронепоездов, вновь перешли в наступление на Орлово и сначала потеснили части 4-й дивизии, но успехом им пришлось пользоваться недолго. 4-я дивизия перешла в контратаку и отбросила белогвардейцев в исходное положение.

Противник, потерпевший поражение в бою с Конным корпусом, отошел на рубеж Чертовицкое, Боровое, Ново-Усмань и 14 и 15 октября вел усиленную разведку расположения корпуса. Теперь наш левый фланг действовал уже в связи с частями 8-й армий, две стрелковые дивизии которой – 12-я и 16-я, – потерявшие связь со штабом армии, временно перешли в наше оперативное подчинение. Однако правый фланг корпуса оставался открытым. Сосредоточение крупных сил белой кавалерии севернее и северо-восточнее Воронежа давало все основания предполагать, что противник попытается еще нанести удар по этому, незащищенному флангу корпуса, в разрыв между 8-й и 13-й армиями. Перед нами встал вопрос: продолжать ли наступление на Воронеж или же привести корпус в порядок, а затем уже нанести противнику решительный удар.

Проанализировав создавшуюся обстановку, мы пришли к выводу, что в силу ряда обстоятельств немедленное наступление корпуса на Воронеж нецелесообразно.

Во-первых, корпус был утомлен многодневными боями.

Нужно было дать хотя бы кратковременный отдых, чтобы привести части в порядок и подтянуть тылы.

Во-вторых, не было достаточно точных сведений о силах противника в Воронеже. Мы знали, что в Воронеже находятся корпуса Мамонтова и Шкуро, но не исключено было, что в Воронеже находятся и другие части белых.

В-третьих, мы не имели никаких сведений о системе обороны противника на подступах к Воронежу и в самом Воронеже и не располагали данными о возможности форсирования такой серьезной водной преграды, как река Воронеж.

В-четвертых, необходимо было время и для того, чтобы правофланговые части 8-й армии подготовились для совместных действий с корпусом. Приступая к такой серьезной операции, как овладение Воронежем с открытым правым флангом, надо было обеспечить хотя бы его левый фланг.

16 октября, учитывая сложившуюся обстановку, я выслушал мнение начдивов и, посоветовавшись с комиссаром и начальником штаба корпуса, отдал корпусу приказ на закрепление по рубежу Излегоша, Рамонь, Тресвятская, Рыкань для подготовки решительного удара с целью овладения Воронежем…

Ждать наступления противника – таково было мое окончательное решение. Это решение было объявлено на совещании начдивов и наштадивов, командиров бригад, полков и их начальников штабов. Командирам всех степеней, комиссарам и начальникам штабов я приказал с полным напряжением готовить части и соединения к бою в любую минуту и вести усиленную разведку противника…

Три дня корпус стоял под Воронежем, ожидая наступления противника. А наступления все не было…

На совещании мы составили и затем отправили в Воронеж с двумя пленными казаками обращение к трудовому казачеству, находившемуся в рядах белой армии.

В обращении говорилось:

> "Братья трудовые казаки!
>
> Отпуская ваших станичников, захваченных в плен нашими разведчиками 16 октября с. г., Федора Зозеля и Андрея Ресуна 1-го партизанского полка 5-й сотни, заявляем вам, что вы напрасно губите себя и свои семьи, оставленные вами далеко на Кубани и Дону, воюя с нами. Мы знаем, за что воюем – за свободу своего трудового народа, а вы – за генералов, помещиков, которые забирают у ваших отцов и жен хлеб и скот,

отправляют его в Англию в обмен на патроны, снаряды и пушки, которыми вы слепо убиваете таких же трудовых братьев крестьян и казаков, сражающихся за лучшее будущее всего трудового народа.

Бросайте, братья, воевать, расходитесь по домам или переходите на нашу сторону…

Командир Кон(ного) корп(уса) ст(арший) уряд(ник) С. Буденный.

Донской казак, инспектор Конкорпуса Ефим Щаденко.

Казак Голубинской станицы С. А. Зотов".

На этом же совещании кем-то было внесено предложение, вызвавшее веселое одобрение – написать письмо Шкуро.

Прославившийся своей жестокостью Шкуро мнил себя полководцем нового времени и питал зависть к славе других, в частности и к темной славе генерала Мамонтова. Он считал себя завоевателем Воронежа и был недоволен приходом в город Мамонтова, так как опасался попасть в его подчинение. Отношения между Шкуро и Мамонтовым обострились с первых же дней, когда сотни Шкуро встретили мамонтовцев пулеметным огнем при их подходе к Воронежу. После отъезда Мамонтова из Воронежа Шкуро полностью взял власть в свои руки…

Письмо писали все, как в свое время казаки турецкому султану: не стесняясь в выражениях, не придерживаясь дипломатических тонкостей.

Если исключить некоторые чересчур красочные выражения, то содержание письма было примерно такое:

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напоминаю: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный».

Переслать письмо генералу Шкуро не представляло особой трудности. Наши разведчики часто пробирались в Воронеж и отлично знали, где расположен штаб Шкуро. Отвезти письмо

взялся один из наших лихих храбрецов Олеко Дундич (хорват, настоящее имя которого было Томо. Попав в 1916 году в русский плен, он впоследствии присоединился к отряду Буденного. Погиб в бою в 1920 году. – *Б. С.)*.

В Воронеж с письмом генералу Шкуро Дундич, переодевшись в форму белогвардейского офицера, поехал вечером. Он благополучно добрался до штаба Шкуро, передал письмо дежурному офицеру, а затем объездил весь город, изучая систему обороны противника…

Итак, мы ожидали наступления противника. Наше ожидание вызвало, очевидно, недовольство и в штабе Южного фронта. Надо думать, что оно было воспринято по меньшей мере как недопустимая медлительность и недостаточная решительность командования Конного корпуса. Об этом свидетельствует полученная нами 18 октября директива Реввоенсовета Южного фронта, копии которой были посланы командующим 8-й и 13-й армиями и начальнику штаба Реввоенсовета республики. В директиве говорилось о том, что на Кавказе разрастается восстание против белых, что командующим войсками против повстанцев назначен Шкуро, одна из дивизий которого уже на Кавказе и разбита в боях, что, по данным воздушной разведки, обнаружившей переброску эшелонов из Воронежа на Касторное, есть возможность предположить, что части корпуса Шкуро из района Воронежа уводятся и заменяются Тульской пехотной дивизией и вновь прибывшими частями из Новочеркасского, Ростовского, Гундоровского и Митякинского полков, что левофланговые части 13-й армии пересекли железную дорогу Елец – Касторное в районе Екатериновки, и отсюда делался вывод, что «общая обстановка на фронте требует самых активных действий».

Мы ничего не знали о восстании на Кавказе, не пользовались данными воздушной разведки, не имели точных сведений о действиях левофланговых частей 13-й Красной армии, но противника перед своим корпусом знали хорошо. Нам достоверно было известно, что корпус Шкуро в полном составе находился в Воронеже и являлся основной ударной силой белых. Предположения, основанные на данных воздушной разведки о переброске белых войск из Воронежа, казались нам неубедительными. Если действительно летчики заметили эшелоны, следующие из Воронежа на Касторное, то это скорее всего были поезда с награбленным в Воронеже имуществом и бежавшей из Воронежа буржуазией.

Предположение, что корпус Шкуро заменяется Тульской дивизией, было равносильно утверждению, что белые решили

сдать Воронеж. Тульская дивизия была советским формированием, захваченным Мамонтовым во время его первого рейда в районе Грязи, Тамбов, Козлов. При отходе на юг Мамонтов увел эту дивизию с собой и разместил ее в районе Нижнедевицка. Дивизия эта не представляла собой серьезной силы – она буквально разбегалась. Дезертиры из Тульской дивизии одиночками, мелкими и даже большими группами пробирались лесами севернее Воронежа в расположение частей Конного корпуса, и мы передавали их 12-й стрелковой дивизии. Что касается Новочеркасского, Ростовского, Гундоровского и Митякинского полков, то таких частей либо вообще не существовало, либо около Воронежа и близко не было.

И на основе этих малоправдоподобных предположений давалось указание:

> «Не втягивать части корпуса в позиционное расположение, а действовать маневром. Безотлагательно разбить противника в районе Воронежа, дав возможность 8-й армии выйти на указанную линию, имея в дальнейшем задачу стремительного маневра в направлении Касторное, Курск».

Составители директивы, по-видимому, не имели представления о сложившейся обстановке под Воронежем (крупное превосходство сил противника, его неоспоримое позиционное преимущество, состояние погоды и т. д.)…

Особенно удивляло меня то, что эту директиву подписали Егоров и Сталин.

Это, очевидно, объяснялось тем, что штаб Южного фронта не был еще полностью очищен от очковтирателей и дезинформаторов, и они сумели приложить свою руку к директиве. Кто-то, видимо, рассчитывал, что, толкнув Конный корпус на превосходящие силы противника, засевшего в Воронеже, он приведет его к поражению.

Но мы были тверды в ранее принятом решении – ждать наступления белых – и не сомневались, что наступающий противник будет разгромлен, после чего корпус сможет нанести удар в районе станции Касторная и таким образом полностью выполнить задачу, поставленную командованием фронта.

Ожидая наступления противника, мы неустанно готовили части и соединения к самому решительному, ожесточенному бою….

Не знаю уж, повлияло ли на Шкуро наше письмо, рассчитанное на то, чтобы привести его в ярость, но он, как и ожидалось, решил воспользоваться тем, что Конный корпус

выдвинулся вперед с открытым флангом, что главные силы 8-й армии еще не подтянулись к Воронежу и что между 8-й и 13-й армиями был большой разрыв.

На четвертые сутки нашего ожидания, когда дождь перестал и на смену ему пришла теплая погода, а с нею и плотные, непроглядные туманы, Шкуро перешел в наступление. Ночью 19 октября его конные части выступили из района Бабяково, Новая Усмань и на рассвете под прикрытием тумана ворвались в село Хреновое и потеснили заслоны 6-й кавалерийской дивизии. Но этот успех белогвардейцев был очень кратковременным. Получив сведения о нападении белых на Хреновое, начальник дивизии Апанасенко развернул главные силы дивизии в боевой порядок и перешел в контрнаступление. Тем временем 4-я дивизия, поднятая по тревоге, спешно выступила в направлении села Новая Усмань на помощь 6-й дивизии. Удачным маневром Городовиков вывел свои части в тыл противника, связанного боем с 6-й дивизией, и нанес белогвардейцам внезапный удар. Сильный туман не позволял ни нам, ни противнику применять пулеметы и артиллерию, поэтому бой с первых же минут принял характер ожесточенной сабельной рубки. Зажатые с фронта и тыла, белые не выдержали натиска наших частей и, оставив село Хреновое, в панике побежали в направлении Воронежа, бросая застрявшую в грязи артиллерию, пулеметы, санитарные линейки. Однако лошади противника, изнуренные ночным маршем по тяжелой дороге, уже не могли соперничать в резвости с лошадьми наших бойцов. Путь отступления белоказаков был устлан их трупами.

Преследование противника велось до реки Воронеж, где наши передовые части были остановлены огнем автоброневиков и бронепоездов, выдвинутых Шкуро для прикрытия своей конницы. Кроме того, со стороны Сомово, при поддержке бронепоездов, перешла в контрнаступление пехота противника, стремясь нанести фланговый удар нашей 6-й дивизии, занявшей село Бабяково. Но белогвардейская пехота вырвалась слишком далеко и оказалась полностью вырубленной подошедшей бригадой 4-й кавалерийской дивизии. Наиболее эффектно действовали бронепоезда противника. Один из них, скрытый в выемке железной дороги между Воронежем и станцией Отрожка, обстреливал наши части, занявшие оборону по левому берегу реки Воронеж, и те, что наступали вдоль железной дороги на станцию Отрожка. Наши артиллеристы, выкатившие орудие для стрельбы прямой наводкой, не смогли подбить бронепоезд. Тогда я с эскадроном особого резервного кавалерийского дивизиона принял свои меры против бронепоездов белых. Когда мы

ворвались на станцию Отрожка, там на путях стояли санитарный поезд и несколько паровозов. Начальник санитарного поезда – женщина в офицерской кубанской форме, – растерянно обратилась ко мне:

– Что делать?

– Стоять на месте и ждать, – ответил я ей мимоходом. Подъехав к машинисту одного из паровозов, я приказал ему пустить паровоз на полных парах в сторону бронепоезда, который маневрировал между станциями Отрожка и Тресвятская. Это приказание было сейчас же выполнено, и в результате бронепоезд, потерпев крушение, прекратил огонь.

Для того чтобы парализовать маневр второго бронепоезда, действовавшего между Отрожкой и Воронежем, я поручил железнодорожникам взорвать один пролет железнодорожного моста. И это поручение было выполнено добровольцами.

К вечеру 19 октября передовые части корпуса заняли Отрожку и Монастырщину. Противнику было нанесено серьезное поражение. Корпус захватил много пленных и большие трофеи, в том числе бронепоезд «Генерал Гуселыциков» и бронеплощадку «Азовец». Инициатива была в наших руках, но ввиду того, что части корпуса во время боев растянулись, а также в связи с наступлением темноты я решил, что прежде чем нанести решительный удар по противнику, необходимо подтянуть артиллерию и отставшие части. Поэтому соединениям корпуса был дан приказ отойти на линию Боровое, Бабяково, Новая Усмань и привести себя в порядок.

На рассвете 20 октября корпус, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, перешел в наступление с задачей овладеть Воронежем, и на восточных подступах к городу закипел жаркий бой. Противник за ночь успел подтянуть свежие силы и закрепиться на рубеже реки Воронеж, прикрыв все имевшиеся переправы сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Весь день кипел бой, не давший перевеса ни той, ни другой стороне.

В наши руки попал убитый в бою начальник штаба одной из дивизий белых, и мы нашли у него боевой приказ, который помог нам раскрыть замысел Шкуро. По этому приказу и также по ходу боя мы установили сосредоточение главных сил противника в направлении Придачи и Бабяково для удержания переправ на реке Воронеж и последующих контрударов по правому флангу корпуса. В связи с этим я решил наносить главный удар на Воронеж не с востока, где были сосредоточены основные силы Шкуро, а с севера. Выполняя это решение, 6-я кавалерийская дивизия должна была сковать противника с фронта, наступая с

рубежа Нов[ая] Усмань, Бабяково на восточную окраину Воронежа, а 4-я кавалерийская дивизия с подчиненной ей резервной кавбригадой (бывшей конной группой Филиппова) форсировать реки Усмань и Воронеж в селе Чертовицком и, взаимодействуя с 21-й железнодорожной бригадой, нанести удар по Воронежу с севера на юг по Задонскому шоссе. На 4-ю дивизию ложилась главная и наиболее трудная задача. Ей предстояло совершить марш по тяжелой лесисто-болотистой местности, а затем форсировать крупные водные преграды. 12-я стрелковая дивизия 8-й армии, взаимодействуя с 6-й кавдивизией, наступала на юго-восточную окраину Воронежа.

21 и 22 октября соединения корпуса вели упорные бои, выполняя поставленные им задачи. Особенно ожесточенные схватки разгорелись в районе Отрожка, Репное, Придача. Противник на этом участке с отчаянным упорством оборонял переправы, обстреливаемые почти всей артиллерией нашего корпуса.

В ночь на 22 октября был получен приказ Реввоенсовета Южного фронта, одобрявший действия Конного корпуса…

С утра 23 октября части корпуса вновь перешли в наступление. Артиллерия корпуса и 12-й стрелковой дивизии и все имевшиеся у нас бронепоезда открыли ураганный огонь по противнику. Белые напрягали все силы, чтобы отбить атаки 6-й дивизии, наступавшей на Воронеж с востока, и 12-й стрелковой дивизии с юго-востока и не дать им возможности форсировать реку Воронеж. Завязался ожесточенный бой, продолжавшийся в течение всего дня. Когда стемнело, противник начал жечь дома, чтобы осветить переправы на реке, но ничто уже не могло остановить части 6-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизий, упорно продвигавшиеся вперед…

Ровно в 6 часов утра 24 октября дивизии Конного корпуса (4-я с севера, 6-я с востока и юго-востока) ворвались в Воронеж. Одновременно вошла в город и 12-я стрелковая дивизия.

4-я дивизия, продолжая атаку, устремилась к западным окраинам Воронежа с целью отрезать пути отхода противнику к реке Дону. Белогвардейцы, почувствовав угрозу окружения, всеми силами навалились на 4-ю дивизию и, прорвавшись, в панике бежали в юго-западном направлении. Лишь полк «воронежских казаков», сформированный из добровольцев, отставных генералов и офицеров, чиновников и купцов, пытался оказать сопротивление. Но это были тщетные попытки. Воронеж уже находился в наших руках…

С победой под Воронежем обстановка начала резко меняться в пользу советских войск. Конный корпус выходил на правый

фланг главной ударной группировки деникинской армии, рвавшейся на Москву. Под угрозой оказывались важнейшие железнодорожные артерии и тылы белых, питавшие их ударные части в районе Курска, Орла.

Уже после Гражданской войны, на VIII съезде Советов, в личной беседе со мной В. И. Ленин спросил:

– Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем?

– Разбил противника, – ответил я.

– Так-то просто, – улыбнулся Ленин. И тут же сказал: – Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле».

А вот как описывает бои за Воронеж противостоявший Буденному генерал Андрей Григорьевич Шкуро. При чтении его мемуаров надо помнить, что в Вооруженных силах Юга России сохранялся дореволюционный старый стиль – юлианский календарь, так что его даты запаздывают на тринадцать дней по сравнению с буденновскими, приведенными по новому стилю. Шкуро свидетельствовал: «Я получил приказ взять Воронеж. 6 сентября произошло столкновение моих разъездов с разъездами возвращавшегося из рейда Мамонтова, ибо казаки не узнали друг друга. Вскоре недоразумение разъяснилось, и 8 сентября наши корпуса соединились у Коротояка. Мамонтов вел за собою бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распустились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее довезти до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами.

Мамонтов получил директиву перейти на левый берег Дона и овладеть Лисками, облегчая этим задачу донских генералов Коновалова и Гусельщикова, тщетно атаковавших эту важную узловую станцию. Мамонтов допустил крупную ошибку – он перевел на левый берег Дона не только свои войска, но и громадные обозы, имея в тылу у себя лишь единственный узкий мостик. Для охраны своего правого фланга он выставил лишь один конный полк. Вытянувшись в бесконечную колонну по низменному берегу Дона, люди Мамонтова двигались вниз по его течению. В это время значительные силы красных, занимавших командные высоты, окаймлявшие низменность, перешли в наступление и, сбив фланговый полк донцов, атаковали отряд во фланг. Обозы бросились в паническое бегство; паника передалась и строевым частям; на единственном мосту через Дон

происходила невообразимая давка. Установив пулеметы, большевики стали обстреливать мост, нанося мамонтовцам потери и увеличивая смятение.

Как раз в это время с противоположного берега Дона появился я во главе 1-й Кавказской дивизии. Бросив Волчий дивизион на мост в плети и в шашки, я расчистил его и прилегавшую к нему местность от беглецов и тотчас же перевел по нему через Дон два конных полка, которые наказом и показом устыдили донцов и перешли в контратаку; к ним присоединилась Донская дивизия Секретева. Вскоре красные были сбиты с высот и прогнаны.

Однако тем временем произошла у Мамонтова и другая неудача: высланная по левому берегу, вниз по течению Дона, Тульская пехотная дивизия – бывшая красная, перешедшая в Туле на сторону Мамонтова, – была внезапно атакована, прижата к реке и разбита, причем потеряла свыше 3000 пленными, всю артиллерию и пулеметы. Брошенные на выручку ее донские полки атаковали, в свою очередь, победителей, отняли артиллерию, часть пулеметов и отбили до 2000 пленных тульчан. Затем, приведя обозы в порядок, Мамонтов перевел их обратно на правый берег Дона. Однако мои казаки успели-таки разбить брошенные повозки; многие щеголяли уже в новой одежде и даже в калошах…

Не дожидаясь подхода остальных полков, переправившиеся ранее два полка сунулись было атаковать Воронеж, но были отбиты. Город был сильно укреплен несколькими ярусами окопов с густой проволочной сетью впереди. Четыре броневика курсировали по многочисленным железнодорожным путям; имелась и тяжелая артиллерия. Однако, видимо, дух защитников был не на высоте, ибо многочисленные составы, уходившие от Воронежа, свидетельствовали о начавшейся эвакуации города. 16 сентября я атаковал город. Несколько атак было отбито, и потери росли. В 2 часа дня Волчий дивизион, партизаны и Горско-Моздокский полк помчались в конную атаку. Когда они бешеным карьером подскакали к проволоке и стали рубить ее шашками, гарнизон окопов обратился в бегство; то же сделали и броневики. Вокзал был взят. Начался уличный бой с отступавшими отрядами красных. Они бежали в предместье города, взорвав за собою мосты через реку Воронеж. Наша артиллерия завязала с ними артиллерийский бой.

Пользуясь растерянностью красных, Стрелковая бригада в ночь на 17 сентября навела мост через Дон и на рассвете вместе с приданным к ней Волжским полком вторглась в город. Перепуганные красные бежали и из предместья. Мы стали

хозяевами города, а главное – почти вся железнодорожная линия Воронеж – Лиски перешла в наше пользование…

В Воронеже нами было взято 13 ООО пленных, 35 орудий, бесчисленные обозы и громадные склады, однако несколько пощипанные казаками, которые все щеголяли теперь в новых гимнастерках, сапогах и… калошах. Штаб красной 13-й армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, Генерального штаба капитан Тарасов дал чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нарочно подставлял под наши удары отдельные части красной 13-й армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование Конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добрармию.

Население Воронежа, еще недавно претерпевшего жестокие репрессии от большевиков за восторженный прием, оказанный им проходившему через город Мамонтову, держало себя несколько выжидательно. Действительно, ужасна была работа Чрезвычаек. Из домов, подвалов и застенков все время вытаскивали все новые и новые, потрясающе изуродованные трупы жертв большевистских палачей. Горе людей, опознавших своих замученных близких, не поддается описанию. Захваченная целиком местная Чрезвычайная комиссия была изрублена пленившими ее казаками. Также пострадал и кое-кто из евреев, подозревавшихся в близости к большевикам…

Освобожденные офицеры, рабочие и даже крестьяне охотно записывались в Стрелковую бригаду, которую я стал разворачивать в дивизию. 8 сентября я раздвинул верст на 30–40 пределы занятой мною зоны. Однако Гусельщиков так и не подошел к Воронежу. В городе уже начала ощущаться некоторая деморализация казаков. До них стали доходить с Кубани неясные слухи о разногласиях между кубанским народным представительством и Главным командованием.

– Мы воюем одни, – заявляли казаки. – Говорили нам, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут; одни мы страдаем. Многие из нас уже побиты. Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы, да мы, казаки.

– Вот Рада за нас заступается, да Деникин ее за то не жалует. Не можем мы одни одолеть всю красную нечисть. Скоро нас всех побьют; тогда опять большевики Кубань завоюют.

При объездах мною полков казаки часто задавали мне

щекотливые вопросы. Что мог ответить им я, отрезанный почти три месяца от Кубани и не знавший сам, что там, в сущности, творится? Казаки стали стремиться на родину под разными предлогами. Все, кто имел право быть эвакуированным по состоянию здоровья и кто раньше оставался добровольно в строю, теперь стремились осуществить свое право. Командиры полков были завалены ходатайствами об увольнении в отпуск. Некоторые казаки дезертировали, уводя с собой коней и приобретенную мародерством добычу. Иные собирались целыми группами и от моего имени требовали себе вагоны, а то и просто захватывали их силой. Из-за отсутствия надлежащего надзора на железных дорогах дезертиры проезжали безнаказанно до Кубани и Терека никем не тревожимые и поселялись в станицах, вызывая там зависть одностаничников, сыновья и братья которых продолжали рисковать жизнью на поле брани.

Численный состав корпуса стал стремительно уменьшаться и дошел в сентябре до 2500–3000 шашек. Становилось ясным, что ввиду ослабления численности нашей конницы и ожидавшегося появления кавалерии Буденного нужно было или бросаться рейдом на Москву, чтобы уже затем привести в порядок подбодренную успехом армию и доколотить затем обескураженные остатки Красной армии, или же, собрав в кулак всю наличную конницу, в том числе и донскую, бросить ее на Буденного и уничтожить его, прежде чем он успеет втянуть свои неопытные части в работу и сделается опасным для нас.

Однако мои донесения в этом смысле остались безрезультатными. Было больно смотреть на то, что творилось на местах. Всеобщий энтузиазм первых дней по освобождении края от большевиков, по прибытии добровольческой администрации и своры помещиков, спешивших с сердцами, полными мести, в свои разоренные имения, сменялся недоверием и даже ненавистью.

– Встречают нас по батюшке, провожают по матушке, – говорили некоторые добрармейцы.

Ввиду того, что вступившие добровольно в войска разбегались по домам, разочаровавшись в часто меняющихся и неосуществляемых лозунгах Добрармии, она комплектовалась преимущественно пленными красноармейцами. Среди них попадались, конечно, убежденные противники большевизма, но громадное большинство состояло из людей, не имевших вообще никакого желания воевать или, тем менее, лечь костьми за чуждое им дело; поэтому они неизменно сдавались, лишь только положение становилось опасным. Победители, как белые, так и красные, щадили пленных из числа мобилизованных принудительно; вояки эти носили при себе документы,

свидетельствовавшие, что они действительно мобилизованы, причем большинство из них имело справки, выданные и белыми, и красными.

Добровольческая армия одевала этих солдат в новое английское обмундирование, переходившее затем к красным вместе с их владельцами. Были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий, причем заботы об их многократном экипировании выпадали исключительно на Добрармию, ибо большевики свою пехоту не обмундировывали…

Стали доноситься слухи о приближении Буденного с 15 ООО конной армией, хорошо снабженной и имевшей превосходный конский состав. Как раз в это время вновь ожившие махновцы взяли Бердянск и Мариуполь, угрожали уже Таганрогу, где была Ставка. Там начался переполох, и я получил телеграфный приказ отослать 1-ю Терскую дивизию под Таганрог. Я запротестовал и заявил, что в этом случае буду вынужден очистить Воронеж. Командующий Донской армией генерал Сидорин, которому я был временно подчинен, вызвал меня к аппарату и просил держаться, обещая прислать вскоре к Воронежу и корпус Мамонтова. Я приготовился к обороне и придерживал терцев до подхода Мамонтова.

Однажды утром поступило сенсационное донесение о том, что в районе Усмань-Собакино терцы атакованы конницей Буденного, но опрокинули ее; оказалось, что это был… авангард корпуса Мамонтова. Недоразумение выяснилось опросом взятых в плен донцов; однако в это время терцы были действительно атакованы, и притом совершенно внезапно, красной конной частью. Это был полк красных петроградских юнкеров-курсантов в составе около 1000 шашек. Всадники сидели на отличных конях и были одеты в кожаные куртки, синие рейтузы с кантами и красные бескозырки с большевистской звездой. Их успех был недолговременным, ибо подошедшая Донская дивизия Секретева ударила курсантам прямо в тыл. Оправившиеся терцы тоже атаковали их. Опрокинутых и прижатых к реке курсантов, несмотря на отчаянную оборону, изрубили поголовно.

Было большое ликование по поводу подхода Мамонтова. В Воронеже отслужили при громадном стечении публики торжественный молебен перед Митрофаниевским монастырем. Одна бригада Терской дивизии была отправлена под Таганрог. Мамонтов вскоре заболел и эвакуировался; я вступил в командование всей конной группой и получил приказ выделить две бригады донцов также под Таганрог. Вскоре я был вызван в штаб Добрармии в Харьков, на совещание под председательством генерала Деникина. Сдав временно командование генералу

Губишу, я в своем поезде, поданном к Воронежу по исправленной дороге Воронеж – Лиски, в конце сентября выехал в Харьков; на совещание опоздал и прибыл в Харьков уже после отъезда Главнокомандующего. Совещание продолжалось под председательством Май-Маевского, с участием генералов Кутепова и Юзефовича. Генерал Сидорин по военным обстоятельствам не мог прибыть на совещание; мнение его по возникавшим вопросам запрашивалось вызовами по телеграфному аппарату.

Донское командование настаивало на том, чтобы я оставил Воронеж и прикрывал Лиски; в противном случае оно требовало обратно 4-й Донской мамонтовский корпус. Наоборот, Кутепов просил, чтобы я держал Воронеж и распространялся к западу, прикрывая его правый фланг; он говорил, что в случае отдачи Воронежа обнажится его правый фланг и он неудержимо покатится к югу, ибо уже теперь держится с крайним напряжением сил. Я доказывал, что обе задачи, если не будет покончено с Буденным, мне не по силам, и настаивал на необходимости немедленно собрать конницу в кулак для ликвидации конной армии Буденного.

Ввиду того что Май-Маевский в конце концов приказал мне именем Главкома оборонять Воронеж, а в случае невозможности отходить на запад, я, считая этот приказ невыполнимым для себя, подал в отставку. Однако Май-Маевский, отказавшись принять ее, переслал Главнокомандующему, который тоже отказал мне в отставке. Приходилось браться за исполнение задачи, в неосуществимости которой я был убежден. Положение мое еще осложнялось и тем, что я был во временном подчинении Донскому командованию, которое решительно противилось принятию полученного мною приказа…

В Воронеж я вернулся 2 октября, причем на участке Воронеж – Лиски мой поезд был обстрелян красной артиллерией. Когда затем он, переполненный ранеными, отправился обратно, то его атаковала уже и пехота. Поезд остановился. Легко раненные рассыпались в цепь и отбили атакующих, понеся при этом потери от пулеметного огня противника. По проходе поезда небольшой железнодорожный мост был взорван красными, но затем вновь исправлен нами.

В Воронеже было неспокойно. Напуганное слухами о подходе Буденного, население волновалось и с трепетом ждало событий. Я распорядился начать немедленную эвакуацию государственных ценностей и банков. Ввиду участившихся нападений на линию железной дороги товаро-пассажирское движение по ней пришлось прекратить. Ходили лишь одни броневые поезда. 4 октября я

разрешил эвакуацию города для гражданского населения, которое пожелало бы его оставить. Громадные обозы беженцев потянулись на Нижне-Девицк, Новый Оскол и Касторную. Донские полки уже имели несколько столкновений с передовыми частями Буденного, неудачные для них. Это вселило в них излишнюю осторожность к нему, и дух их несколько упал.

Внезапно Донское командование потребовало, чтобы я перешел в наступление и разбил Буденного. Это было совершенно непосильно для меня. Что мог сделать я с моими 5000 шашек против 15 000 свежей конницы Буденного? Отказавшись категорически от выполнения этого приказа, я решил обороняться. Приказал построить на случай отступления три моста через Дон против Воронежа, у деревни Гвоздевки; Стрелковую дивизию поставил гарнизоном в Воронеже; донцов решил держать в соприкосновении с противником, но не далее полуперехода от города, а Кавказскую и еще оставшуюся у меня бригаду терцев иметь в качестве общего подвижного резерва…

4 октября была нащупана дивизия Буденного, девятиполкового состава, в районе Усмань-Собакина. Я решил атаковать ее внезапно и уничтожить. Терцы, отправка которых к Таганрогу была назначена на 6 октября, должны были атаковать от деревни Усмань-Собакино, кавказцы – от деревни Графской. Донцы дивизии Серетева тоже подходили к этому району. 5 октября чуть свет терцы атаковали на биваке один из полков красной дивизии, порубили и разогнали всадников, забрав до 400 коней и пулеметы.

В это время появилось 2–3 конных полка, шедших на рысях к месту боя. Терцы полагали, что это донцы, но оказалось, что красные. Подойдя версты на полторы, они помчались в атаку. Опешившие терцы бросились наутек, не приняв удара. Кавказская дивизия, в свою очередь, ударила во фланг красных и спасла терцев от поражения, дав им оправиться. Обе стороны спешились; завязался длительный и безрезультатный огневой бой. К вечеру терцы были выведены из боя и ушли под Таганрог, унося с собой впечатление, что в лице кавалерии Буденного вошел в игру новый и серьезный противник.

Начался ряд боев вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность – атаковал меня одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Уступая ему охотно эти пункты, я обрушивался затем превосходными силами своего резерва на небольшие отряды и уничтожал их. Быть может, Буденный слышал что-либо об аналогичном методе, применявшемся Наполеоном, но, видимо, не усвоил его сущность. В этих боях мне удалось разбить до двух

бригад красной конницы и взять трофеи. Однако Буденный, поняв на опыте невыгодность своей тактики, изменил ее и не рисковал впоследствии распылять свои силы и действовать без резервов.

Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, натолкнувшись на сопротивление.

Я мог бы еще долго держаться в Воронеже, но вскоре Лиски, а затем и Усмань-Собакино были взяты красными. Я мог оказаться отрезанным и окруженным в Воронеже с перспективой пробиваться на сотню верст через подавляющие конные массы противника. Ввиду этого в ночь с 10 на 11 октября я очистил Воронеж и перешел за Дон. Получивший несколько хороших «уроков», Буденный не решался в течение всего дня 11 октября занять город, охраняемый лишь постами и малочисленными разъездами. Лишь поздно вечером вступили в город его авангарды. Мои посты отошли, в свою очередь, за реку, уничтожив мосты.

Задача моя теперь состояла в том, чтобы не пропустить Буденного через Дон или, во всяком случае, возможно долее препятствовать его распространению на правом берегу Дона. Я полагал, что Буденный поставит себе задачей смести меня, а затем, направляясь на Харьков, обойти правое крыло Добрармии, стоявшей у Курска. Удар по донцам был менее вероятным, ибо Добрармия вследствие своего выдвинутого вперед положения сильнее угрожала большевикам: с другой же стороны, она была гораздо сильнее морально, чем посредственные и вялые донские части.

Во время моего пребывания в Воронеже состоялся ряд митингов, на которых рабочие высказывались за необходимость активно помогать мне. В последний момент, когда Воронеж уже обстреливался красной артиллерией, прямо на митинге, на котором выступил мой офицер, есаул Соколов, явился ко мне отряд рабочих-железнодорожников в составе около 600 человек. Я вышел и обратился к рабочим с горячей благодарностью. В это время прилетевший откуда-то снаряд с треском разорвался в воздухе. Перепуганные и непривыкшие к таким вещам рабочие шарахнулись в разные стороны; некоторые со страху попадали на землю. Стоявший близ меня рабочий был ранен и упал, обливаясь

кровью.

– Поздравляю вас с боевым крещением! – крикнул я, ободряя рабочих.

Они оправились и, не заходя даже домой, с песнями двинулись из города. Эти рабочие были влиты в 1-й стрелковый батальон под командой полковника Рутсона, позже, по просьбе людей, переименованный в Волчий ударный батальон. Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в боях.

Ударили большие морозы. Казаки и особенно стрелки были плохо экипированы; не было перчаток; обувь находилась в жалком виде. Участились случаи отмораживания конечностей и простудные заболевания. Одновременно усилилась эпидемия тифа. Ряды наши стали быстро таять.

Под влиянием слухов о политической грозе, разыгравшейся на Кубани, деморализация Кавказской дивизии все усиливалась. Ежедневно поступали донесения командиров полков о том, что казаки дезертируют. Пополнения с Кубани не доходили до меня, разбегаясь по пути, или же, пользуясь отсутствием администрации в тылу, формировались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам. Появилось и новое зло – отсутствие подков для перековки коней. Во время гололедицы наши кони могли идти лишь шагом, в то время как кованные на зимние подковы кони кавалерии Буденного развивали любой аллюр. Его отряды свободно уходили от нашего преследования; казаки же при каждой неудаче чувствовали у себя на плечах врубившегося в тыл противника. Это не могло не размагничивать настроения людей.

Для воспрепятствования Буденному переправиться через Дон я наблюдал постами реку верст на 25 вверх и вниз по течению. Посты были связаны телефонами с резервом, а в наиболее важных пунктах поставлены стрелковые батальоны. Ежедневно происходили стычки, сопровождавшиеся уничтожением переправляющихся то здесь, то там небольших групп противника.

Около 17 октября севернее селения Гроздевки, а также в районе Речицы Буденный, собрав ударные группы с сильной артиллерией, сбил мои отряды и перебросил по бригаде конницы, под прикрытием которой навел мосты; вскоре на каждом из моих флангов появилось по дивизии конницы, подкрепленной пехотой. Возникала возможность быть окруженным, ибо против трех конных дивизий Буденного (4-я, 6-я и Кубанская красные) у меня было лишь 2500 шашек и 2000 штыков. Нужно учесть, что красные конные дивизии состояли каждая из трех полковых бригад. Полки были сильные, по 700–800 шашек.

Буденный превосходил меня конницей почти вдесятеро. Пехота его состояла из одной дивизии девятиполкового состава. Полки, правда, были слабые, не более 600 штыков в каждом. Неважно экипированные и изрядно потрепанные нами во многих боях, они не обнаруживали большого порыва.

Донское командование требовало, чтобы я отступил на соединение с Донской армией, а Май-Маевский – чтобы я шел на Касторную, прикрыв таким образом правый фланг Добрармии. В случае несогласия с его планом, Сидорин опять грозил отобрать у меня донские части. С чем же я бы остался? С 600 шашек Кавказской дивизии.

В конце концов Главнокомандующий приказал мне идти на Касторную, с сохранением у меня 4-го Донского корпуса. Тем временем Курск был уже сдан добровольцами, и они отходили на юг. Мне необходимо было отходить возможно медленнее, дабы не вывести Буденного во фланг и тыл нашей армии. Тут я побил рекорд медленности отхода – 80 верст от Воронежа до Касторной при страшном неравенстве сил я прошел в три недели.

В исполнении этой трудной задачи мне очень помогли присланные два бронепоезда – «Слава офицерам» и «Генерал Дроздовский», выезжавшие вперед и громившие красную конницу, как только она смелела. Особенно геройски действовал броневик «Слава офицерам», который ворвался на одну из станций, занятую уже красными, взял батарею в полной упряжке. Офицеры его команды сели на коней в качестве ездовых и привели к нам эту батарею, следуя за поездом.

Всю свою пехоту я соединил под командой доблестного генерала Постовского, участника Мамонтовских рейдов. После того как красная пехота была расстроена в трех боях, она действовала очень нерешительно и пряталась за свою конницу. В Касторной, к которой я подошел в конце октября и занял позицию, ко мне прибыл небольшой – около 600 штыков, – но сильный духом и стойкий Марковский полк. Подвезли 3 танка – 1 большой и 2 малых, а также походные кухни. От танков мне, однако, было мало проку, ибо они вечно ремонтировались и портились после каждого своего выхода в поле.

Буденный заботливо берег свой конский состав. После 2–3 дней действий на фронте он отводил части в резерв, заменяя их свежими или пехотой. Я же вследствие ограниченности моих сил, а также из-за того, что инициатива находилась в руках противника, вынужден был всегда держать свою конницу в первой линии, обнаруживая и утомляя и без того уже измученных казаков и калеча свой конский состав. Продержавшись с неделю у Касторной, я вынужден был отойти от нее, ибо вследствие

отступления добровольческих частей, соприкасавшихся с моей группой своим правым флангом, рисковал быть обойденным Буденным».

Преследуя Шкуро, на станции Суковкино у Касторной Буденный захватил белый бронепоезд «Слава офицерам». В Касторной не знали, что Суковкино в руках красных. Бронепоезд подошел к перрону. Буденный и Ока Городовиков в бурках встретили командира бронепоезда. Поручик доложил: «Господин генерал, бронепоезд „Слава офицерам“ прибыл в ваше распоряжение». Буденный пригласил его в здание вокзала, где поручика арестовали, а укрывшиеся у насыпи конармейцы тем временем заняли бронепоезд. В Касторной буденновцы захватили 3 тысячи пленных, 4 бронепоезда, 122 орудия и 4 танка. Танки часто ломались, и Шкуро сетовал, что толку от них было мало.

Конечно, каждый из мемуаристов, описывающий одно и то же сражение с позиций противоборствующих сторон, обычно старается подкорректировать события в свою пользу. Однако в целом мемуары Буденного выглядят более фантастичными, чем мемуары Шкуро, хотя Андрей Григорьевич, работая в эмиграции, почти не имел с собой документов. Поэтому, в частности, не соответствуют действительности многие номера советских дивизий и даже армий, с которыми он сражался в районе Воронежа. Семен Михайлович совершенно напрасно сомневался, что Шкуро действительно вынужден был перебросить значительную часть своих сил под Мариуполь для борьбы с рейдом Махно, угрожавшем деникинской ставке в Таганроге, и с красно-зелеными повстанцами на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует не только сам Шкуро, но и сохранившаяся переписка деникинской Ставки с командованием Донской армии, а также с командирами конных корпусов. Во-вторых, Шкуро признает, что его корпус, состоящий из кубанских и терских казаков, и особенно донской казачий корпус Мамонтова к моменту занятия ими Воронежа, уже подверглись серьезному разложению. Казаки старались побыстрее попасть с награбленным в родные станицы, фактически дезертировали из частей под предлогом «отпусков». Вследствие этого Буденный получил почти трехкратное численное превосходство над белыми и взял сильно укрепленный Воронеж. Кроме того, буденновский корпус был свежим, отдохнувшим, перекованным на зимние подковы, тогда как мамонтовцы и шкуровцы были утомлены длительными походами и перековать коней не успели. Также и эпизод с будто бы переданным Шкуро дерзким письмом не находит никакого подтверждения в мемуарах последнего. Поэтому вопрос о том, было ли действительно передано письмо

Буденного Шкуро, остался открытым – Дундич-то погиб. Хотя, замечу, эпизод с Дундичем присутствует уже в третьей книге трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам», завершенной в 1941 году. Так что если история с визитом храброго хорвата в Воронеж и является легендой, то возникла она не позднее 30-х годов.

Но в любом случае, куда большего доверия заслуживает рассказ Шкуро о том, что он, имея явно недостаточные силы, первым нападать на Буденного не собирался и пошел в наступление только по приказу командования Донской армии, стремясь разбить красную конницу по частям. Шкуро отмечает, что в начале сражения Буденный действовал не слишком умело, бил не кулаком, а растопыренными пальцами. Впрочем, эта тактика могла иметь и свой глубокий смысл, будучи своеобразной разведкой боем, заставлявшей Шкуро использовать свои резервы. А вот насчет того, что буденновцы будто бы не выдерживали столкновения с белоказаками в открытом бою, Андрей Григорьевич явно лукавил. Как ни крути, красные кавалеристы, и в первую очередь буденновцы, разгромили кавалерию деникинских Вооруженных сил Юга России, причем не только в боях под Воронежем, но и позднейших сражениях на Северном Кавказе, в том числе в крупнейшем встречном кавалерийском бою Гражданской войны у станицы Егорлыкской. Почему же тогда буденновская кавалерия «боялась и избегала принятия конных атак», как писал Шкуро?

Не только Шкуро, но и другие белые авторы подтверждают, что под Воронежем у Буденного было значительное численное превосходство. По оценке Деникина, конная группа Буденного, усиленная пехотной дивизией 8-й армии, насчитывала 12–15 тысяч. В свою очередь, 4-й Донской корпус генерала Мамонтова насчитывал к 5 октября три с половиной тысячи сабель, но и эти силы были ослаблены отвлечением части их на поддержку Лискинской, так что в группе генерала Шкуро под Касторной оставалось одно время только 1800 сабель 4-го Донского корпуса. 1-я Кавказская казачья дивизия насчитывала 600–700 шашек, не считая полковых пулеметных и других команд, а 1-я Терская казачья – около 1800 шашек (по телеграмме Шкуро). Замечу, что малочисленность белой кавалерии была связана прежде всего с начавшимся процессом разложения кавказских частей и ухода их с фронта.

Егоров оценивал силы буденновского корпуса к 27 сентября в 7450 шашек, 590 штыков, 26 орудий. В это число не включены приданные корпусу 12-я и 16-я стрелковые дивизии, Отдельная кавалерийская бригада и 12-я железнодорожная бригада.

Еще в мемуарах Буденного и Шкуро бросается в глаза, что Буденный не спешил наступать на Воронеж и стремился беречь своих людей. Командиры Гражданской войны не могли позволить себе роскошь больших потерь, так как это грозило подрывом их авторитета и массовым дезертирством. Что интересно, Буденный пытался применить этот принцип и в Великую Отечественную войну, но довольно быстро оказался не у дел.

Полковник Донской армии Ф. И. Елисеев причину поражения белых под Воронежем видел в следующем: «Самое главное в этой трагедии заключалось в том, что генерала Мамантова не было на фронте; генерал Шкуро вернулся в Воронеж только 5 октября, когда уже разыгрался первый и неудачный для казаков фазис боев; и при нем не было его правой руки по операциям, начальника штаба корпуса Генерального штаба генерала Шифнер-Маркевича. С самого начала корпуса действовали без единого руководства и разбросанно».

Вот телеграмма генерала Шкуро на имя генерала Деникина:

> «По долгу воина и гражданина доношу, что противостоять Конной армии Буденного я не могу. Эта армия сосредоточена в числе 15 тысяч сабель в районе Грязи – ведет теперь ожесточенное наступление на наши силы. В моем распоряжении имеется около 600 сабель Кавказской дивизии, в настоящее время безлошадной, и 1500 сабель остатки корпуса Мамантова. Остается Терская дивизия моего корпуса около 1800 сабель, с хорошим конским составом, но эта дивизия, по Вашему приказанию, у меня отбирается. Она, в данное время, грузится в вагоны на станции Лиски для отправки в район Таганрога, ради уничтожения действующих там махновских банд. В силу изложенного – даю приказ завтра оставить Воронеж. Генерал Шкуро».

Численность Конармии Шкуро, судя по всему, завышает. Если верить данным Егорова, у Буденного, даже с учетом приданных стрелковых дивизий и Отдельной кавбригады, никак не могло быть более 10 тысяч шашек.

По приказу командования Южного фронта вражеский бронепоезд «Генерал Шкуро», захваченный в качестве трофейного, был назван именем Семена Буденного. Тем самым Буденный был поставлен в ряд главных героев Гражданской войны, определявших ее исход. О нем теперь знали высшие большевистские вожди и, по крайней мере прилюдно, выражали ему свое почтение. Хотя одновременно и сохраняли некоторую опаску против вождя бывших донских партизан: как бы не

превратился он в крестьянского вождя, нового Пугачева, который, разобравшись с белыми, примется потом за большевиков.

Что же касается мысли некоторых представителей белого лагеря, что причиной поражения белой кавалерии под Воронежем стало отсутствие единого командования, то она вряд ли соответствует действительному положению вещей. Согласно мемуарам Шкуро, сломавший ногу Мамонтов отбыл в Донскую область задолго до подхода Буденного к Воронежу, так что единство командования двумя корпусами, донским и кубанским, было обеспечено – оба они подчинялись Шкуро. Однако его войска уже значительно поредели от дезертирства и разложились, получив возможность безнаказанно грабить.

Сама идея Шкуро объединить все казачьи части и двинуть их на Москву была в тот момент неосуществима. По условиям боевых действий невозможно было снять достаточные силы с фронта для рейда к Москве, где было сосредоточено большое количество советских войск. К тому же в том состоянии, в каком казачья конница находилась поздней осенью 1919 года, она уже была неспособна на великие свершения. Фактический разгон Деникиным чересчур самостоятельной Кубанской Рады и репрессии против ее лидеров особенно сильно деморализовали кубанских казаков. К тому же ряды Вооруженных Сил Юга России косил тиф, а санитарная служба там была поставлена хуже, чем даже в Красной армии, также не представлявшей собой образца в этом отношении.

В результате победы под Воронежем корпус Буденного вышел во фланг ударной группы белых, сражавшихся у Орла и Кром. Картину начавшегося в те дни разложения Вооруженных сил Юга России хорошо рисует белый мемуарист Г. Н. Раковский: «Для общей характеристики военного положения, создавшегося на фронте Добровольческой армии, весьма показательна была та обстановка, в которой происходило военное совещание, устроенное по приказанию главнокомандующего 2 ноября 1919 года в Харькове, в штабе Добровольческой армии, возглавляемой генералом Май-Маевским. На совещании, происходившем под председательством Деникина, присутствовали: начальник штаба главнокомандующего генерал Романовский, Май-Маевский с начальником своего штаба Ефимовым, командующий Донской армией Сидорин, генерал-квартирмейстер Кислов и другие. Поезд главнокомандующего, ехавшего в Харьков из Таганрога, опоздал часа на два, и это время Май-Маевский с чинами штаба ожидали генерала Деникина на харьковском вокзале. Обычно весьма шумный и веселый, штаб на этот раз поражал не принадлежащих к его составу общей растерянностью, тревогой и беспокойством,

которые были написаны на лицах. На вопрос одного из участников совещания, какова обстановка на фронте, Май-Маевский ответил:

– Ничего себе: удовлетворительная.

Но здесь же, на вокзале, после этого ответа к нему подошел офицер Генерального штаба и стал что-то тихо докладывать. По лицам Май-Маевского и окружавших его видно было, что полученные известия весьма серьезны.

Действительно, в эти часы Добровольческая армия оставляла Курск.

Когда приехал главнокомандующий и все прибыли в штаб, Деникин первым долгом обратился к Май-Маевскому с приказанием доложить о положении на фронте. Все пошли в оперативное отделение. Оказалось, что нет карты. Май-Маевский заявил, что карта находится на вокзале, где, по его предположениям, должно было состояться совещание. Больше часа ожидали участники совещания, пока привезут карту, так как фактически на чинов штаба, на командующего, на все оперативное отделение была только одна карта, которой все и пользовались. На участников совещания эта маленькая, но весьма характерная деталь произвела весьма тяжелое впечатление.

Долго ждали карты… Деникин начинал уже возмущаться задержкой. После часового ожидания он приказал осветить общую обстановку генералу Романовскому. Относительно положения на Донском фронте высказались Сидорин и Кислов. После этого Деникин предложил более детально осветить положение на фронте Добровольческой армии генерал-квартирмейстеру штаба этой армии полковнику Гоерцу, из доклада которого сразу же выяснилось, как мало осведомлен штаб о положении на фронте, о расположении частей, даже приблизительном. Когда начался подсчет сил противника на основании сведений, добытых разведкой, то чины штаба Добровольческой армии обнаружили свое полное незнание, кто перед ними и в каком числе воюет. Из этого доклада можно было сделать один вывод: фронт Добровольческой армии сбит и отходит в полном беспорядке, потому что нельзя было иначе допустить, что никто не знает местонахождения многих частей, хотя условия связи благодаря хорошо развитой железнодорожной сети были весьма удовлетворительны.

В дальнейшем на совещании обсуждался ряд различных стратегических вопросов. Из доклада Май-Маевского и оценки обстановки перед участниками совещания определенно выяснилось, что Добровольческая армия находилась в страшно расстроенном состоянии, что никаких резервов не было. На фронт

в день совещания отправлялось последнее пополнение в 700–800 человек и больше в ноябре никаких пополнений не было. С полной ясностью выяснилось, что системы запасных частей на территории Добровольческой армии создано не было. Не было произведено и сколько-нибудь правильной мобилизации.

На совещании был выработан план боевых действий, причем предположено было выделить большую конную группу примерно в районе Валуек и подчинить ее генералу Мамонтову.

Между прочим, во время совещания Деникин и Май-Маевский обменялись целым рядом реплик, из которых видно было, что главнокомандующий весьма взволнован гражданскою деятельностью Май-Маевского как главно-начальствующего территории Добровольческой армии и с величайшим возмущением высказывался по поводу деятельности екатеринославского губернатора Щетинина. Май-Маевский доложил, что он уже им удален.

В Харькове во время своего разговора с Деникиным и Романовским командующий Донской армией Сидорин, между прочим, поднял вопрос о событиях на Кубани, о которых пока было известно из приказа главнокомандующего о предании военно-полевому суду председателя и членов парижской делегации Кубанской краевой Рады во главе с Бычом за измену России, выразившуюся якобы в заключении особого самостийного договора с союзным «Горским правительством». Сидорина беспокоил и вопрос о включении Кубани в состав тылового района Кавказской армии и о назначении для ликвидации кубанских осложнений генерала Врангеля и генерала Покровского. Обращаясь к Деникину, Сидорин заявил, что он очень беспокоится за исход событий, происходящих на Кубани, и думает, что там нужно действовать очень осторожно. В противном случае можно ожидать весьма серьезных осложнений, и это его волнует гораздо больше, чем тяжелое положение фронта.

– Там ничего серьезного нет, и никаких осложнений, которых вы опасаетесь, там не произойдет, – успокоил Сидорина Романовский.

– Я очень опасаюсь, – заявил командующий Донской армией, – что каждый неосторожный шаг, сделанный сейчас, послужит к развалу кубанских частей, находящихся на фронте.

Главнокомандующий прекратил этот разговор и сказал в заключение:

– Врангель наконец этот узел разрубит. То или другое… Окончательное разрешение вопроса крайне необходимо. На Кубани сложилась невыносимо тяжелая атмосфера. Жить вместе так, как мы жили, дальше не возможно.

Поезд главнокомандующего ушел из Харькова утром, так как ночью можно было опасаться нападения на него бродивших в харьковском районе шаек махновцев.

Сгущалась с каждым днем военная атмосфера, разрасталась тыловая разруха, спекуляция принимала характер общественного бедствия, воровство и казнокрадство достигали грандиозных размахов. Ко всему этому присоединились эпидемические болезни, и в особенности эпидемия сыпного тифа, от которой Вооруженные силы на Юге России таяли буквально не по дням, а по часам. Я помню, например, как на станцию Миллерово (Калединск), где я находился в октябре месяце 1919 года, привозили с предыдущей станции Чертково целые поезда с мертвыми телами сыпнотифозных, которые умирали от холода, от недостатка ухода, от голодовки, от отсутствия примитивных удобств. Из поездов трупы по нескольку десятков грузили на большие телеги, хозяева которых, взгромоздившись на эти возы, отъезжали на кладбище, где в общие могилы сваливали свой страшный груз.

А ведь все это можно было наблюдать и на других станциях… Эпидемия сыпного тифа свирепствовала по всему югу России. И нередко можно было видеть на тех же станциях вокзальные здания, беседки в станционных садиках, переполненные трупами сыпнотифозных, сложенными, как дрова, в высокие штабели. Смертность царила колоссальная…

Центр Добровольческой армии – город Харьков – находился уже накануне падения. Харьковские беженцы уже переполнили Ростов и двигались в Екатеринодар. Разочарование и пессимизм начинали постепенно овладевать широкими общественными и политическими кругами, ответственными представителями военной и гражданской власти. Уже в низах упорно говорили о том, что скоро «наши придут» и в Ростов и в Екатеринодар. Всеобщее воодушевление сменялось упадком духа при виде материального и морального разложения. Падал авторитет и престиж Добровольческой армии, ставки и членов «Особого совещания», все еще ослепленных своим эфемерным величием.

Несмотря на тяжелую обстановку, которая создалась в октябре и ноябре 1919 года, настроение казачьих военных руководителей в Донской армии отличалось бодрым оптимизмом и твердой уверенностью в том, что переживаемые испытания являются лишь временными. Главным основанием для такого оптимизма являлось настроение рядовой казачьей массы. Во время своего пребывания на Донском фронте в этот период я встречался и беседовал с весьма большим количеством лиц, начиная от командующего Донской армией и кончая рядовыми

казаками. Жаловались на бесконечную усталость, на разруху, на эпидемию, на политические и другие ошибки, с невероятным озлоблением ругали тыл. Но ни один человек не указывал на возможность какого бы то ни было соглашения с большевиками. Все стояли на том, что нужно бороться до конца. Даже тогда, когда определенно выяснилось, что на Дону казакам не удержаться, донцы с женами и детьми, со скотом и всем имуществом двинулись на юг, заявляя:

– Пойдем всем Доном на Кубань, на Кавказ, в Персию, в Турцию, куда угодно, но только не останемся с большевиками.

Так они и сделали».

На этот раз казаки, наученные горьким опытом расказачивания, не надеялись на мирный компромисс с большевиками. Однако фактически фронт все больше обнажался, поскольку многие торопились увезти награбленное в тыл, не задумываясь о печальных последствиях.

Врангель так прокомментировал поражение белой конницы у Воронежа: «Фронт армии генерала Май-Маевского ежедневно откатывался на 20–30 верст. Бои шли у самого Харькова. Конница „товарища“ Буденного, тесня конные части генерала Мамонтова, быстро продвигалась к югу, разрезая добровольческие и донские части. Предложенное мною месяц тому назад решение уже являлось запоздалым. Я ясно сознавал, что рассчитывать на успех при этих условиях нельзя, и задавал себе вопрос, вправе ли я принять на себя непосильную задачу, зная заранее, что разрешить ее и оправдать возложенные на меня надежды я не в силах…»

Глава третья
РОЖДЕНИЕ ПЕРВОЙ КОННОЙ

17 ноября 1919 года, после победы под Воронежем, конный корпус Буденного был преобразован в Первую конную армию. По поводу этого события Троцкий в своей последней книге «Сталин» утверждал: «В юбилейной статье 1930 г. впервые называется имя Сталина, притом в связи не со строительством армии в целом, а лишь Первой Конной армии, которая действительно формировалась в Царицыне при участии Сталина. С. Орловский в статье „Ворошилов в Конной армии“ пишет:

> «Большую роль сыграло создание Сталиным именно в этом периоде гражданской войны конной армии. 'Это был, – пишет Ворошилов, – первый опыт соединения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение или прямое сопротивление. Особенно возражал Троцкий'».

Объединять ли два корпуса и стрелковую бригаду в особую конную армию или оставить эти три единицы в распоряжении командования фронтом, этот вопрос вовсе не имел ничего общего с общей оценкой или недооценкой значения конницы. Важнейшим критерием являлся вопрос о командовании: справится ли Буденный с такой массой всадников? Сможет от тактических задач подняться до стратегических? При выдающемся командующем фронтом, знающем и понимающем конницу, и при надежных средствах связи создание особой конной армии было бы неправильно, так как чрезмерное массирование конницы всегда грозит ослабить его основное преимущество: подвижность. Разногласие по этому поводу имело эпизодический характер и, если б история повторилась, я бы опять повторил свои сомнения».

В принципе, Лев Давыдович был прав. Увеличение численности конных соединений вело к росту обозов, заторам на дорогах и в итоге к уменьшению скорости перемещения конных

частей. А именно в скорости заключалось главное преимущество кавалерии в Гражданской войне. Забегая вперед, замечу, что была идея и в годы Великой Отечественной войны создать Конную армию, но от нее отказались как из-за трудностей снабжения, так и из-за большой уязвимости конных масс с воздуха.

Однако тогда, в 1919-м, создание Конармии имело не столько стратегическое (ну какой из Буденного стратег!), сколько политическое значение. С этого момента статус Буденного и Ворошилова значительно повысился. В лице Реввоенсовета Первой конной Сталин получил серьезное средство для борьбы с неугодным командующим фронтом, когда послушного Егорова сменил строптивый Шорин. Конный корпус – послушное орудие в руках командующего фронтом. А командование Конармии, самой мощной, ударной силы фронта – это уже величина, почти равновеликая командованию, она напрямую может апеллировать и к Троцкому, и к Ленину, и к Сталину. К примеру, тот же В. И. Шорин был удален с поста командующего Кавказским фронтом при активном участии Ворошилова с Буденным.

В штаб Первой конной армии, которая тогда только еще создавалась, 5 декабря 1919 года прибыли командующий Южным фронтом А. И. Егоров и член Реввоенсовета фронта И. В. Сталин. С ними же прибыли назначенные членами Реввоенсовета армии К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко, с которыми С. М. Буденный был давно знаком. 6 декабря в Велико-Михайловке состоялось первое заседание Реввоенсовета Конной армии и командования Южного фронта. Сталин зачитал приказ по войскам Южного фронта о переименовании 1-го конного корпуса в Конную армию РСФСР. Егоров особо подчеркнул, что главная задача Первой конной – разгром Деникина. Необходимо стремительным ударом через Донбасс разъединить Донскую и Добровольческую армии белых и во взаимодействии с 8-й и 13-й армиями разгромить их по частям.

К тому времени Шкуро вынужден был от Воронежа откатиться к Касторной, а после недели боев оставил и эту важную железнодорожную станцию. Он стремился убедить штаб Добровольческой армии, что «конная армия Буденного представляет для нас неотвратимую опасность; доказывал необходимость, не теряя времени, напрячь все силы, чтобы покончить с ним, хотя бы для этого пришлось бы отвлечь войска с других участков фронта и отдать территорию вплоть до Ростова». Но сил покончить с Конармией у Деникина уже не было.

Для осуществления поставленной задачи к имеющимся у Буденного войскам добавили артиллерию, отряд бронепоездов, авиационную группу и автобронеотряд, а также решили

значительно увеличить количество бойцов, на тот момент составлявшее около семи тысяч. В принципе, Конармия тогда по численности не намного превышала русскую кавалерийскую дивизию Первой мировой войны, но вскоре ее состав утроился.

В тот же день, 5 декабря, Иосиф Виссарионович энергично приступил к решению вопроса о членстве Буденного в РКП(б). Сталин, Щаденко и Ворошилов дали ему рекомендации, а узнав, что заявление о приеме новоиспеченный командарм подал еще весной, Сталин предложил считать его членом РКП(б) с марта 1919 года. Тем самым «товарищи из центра» хотели гарантировать политическую благонадежность Семена Михайловича.

После того как с партийными делами было покончено, Сталин объявил, что за успешное командование и за разгром конницы Мамонтова и Шкуро ВЦИК РСФСР постановлением от 24 ноября 1919 года наградил Буденного золотым боевым оружием (шашкой) с орденом Красного Знамени на нем, а Реввоенсовет Южного фронта – золотым портсигаром. Портсигар вручили Буденному здесь же, на заседании Реввоенсовета, а золотую шашку с орденом – на другой день утром перед строем бойцов и командиров особого резервного дивизиона. Взяв шашку, Семен Михайлович поцеловал ее и поклялся «служить делу нашей революции до последнего удара сердца».

Преследуя отступающую Донскую армию, Конармия заняла Ростов-на-Дону в ночь с 8 на 9 января 1920 года. Вот как описал это в мемуарах Буденный: «Вечером 8 января 4-я кавалерийская дивизия заняла Нахичевань, а 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов. Считая оборону на подступах к Ростову непробиваемым щитом, белогвардейское командование не подготовило оборонительных рубежей непосредственно на окраинах и в центре города. Поэтому 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов совершенно беспрепятственно. Появление на улицах Ростова красной конницы было полной неожиданностью для белых, спокойно справлявших в эту ночь праздник рождества: ведь деникинское командование только что объявило, что красные отброшены от Ростова на сто километров.

Вот несколько картинок жизни в Ростове в ночь с 8 на 9 января. В трамвае едет группа белых офицеров. Они навеселе, рассказывают анекдоты. Вдруг на подножку вагонов вскакивают наши бойцы и выбрасывают офицеров из трамвая…

– В чем дело?! Какая наглость! – возмущаются офицеры. Один из них пытается ударить перчаткой по лицу нашего бойца, но другие уже догадываются, что они имеют дело с красными, и поднимают руки вверх…

В зале богатого особняка дамы и офицеры, чопорно раскланиваясь, танцуют мазурку, не подозревая, что рядом в столовой за накрытым столом уже располагаются конармейцы.

В другом особняке конармейцы застают офицеров за праздничной трапезой. Офицеры отбиваются кто чем может: кто оружием, кто бутылками и тарелками.

В гостинице «Палас-Отель» несколько генералов, пытаясь улизнуть от наших бойцов, забиваются в кабину лифта.

«Сюда нельзя, здесь господа офицеры живут», – так отвечали хозяева домов квартирьерам 6-й кавалерийской дивизии. В одном доме хозяйка не пускала командира 34-го полка этой дивизии, заявляя, что ее дом занят господином генералом. И действительно, командир 34-го полка застал в этом доме деникинского генерала, удобно расположившегося на диване в обществе своих молодых офицеров.

Командир 2-й бригады 6-й дивизии доносил, что захватил белогвардейский бронепоезд, находившийся в «совершенно мирном расположении духа». Командир 1-й бригады этой же дивизии Книга докладывал, что бойцы его бригады «тихо сняли охрану с железнодорожного моста».

Еще утром 9 января юркие, как воробьи, ростовские мальчишки пытались сбыть с рук вчерашние номера белогвардейских газет, где под рубрикой «Сообщения с фронта» достопочтенные господа извещались о победах белых к северу от Ростова.

В этот день в городе завязались уличные бои с белогвардейскими частями, выбитыми 4-й дивизией из Аксайской и Нахичевани, а также с различными блуждающими подразделениями.

С помощью 33-й стрелковой дивизии Левандовского, которая к утру 9 января вошла в Ростов, сопротивление белых было подавлено, и 10 января в городе не осталось войск противника.

11 января Реввоенсовет Конармии отправил следующее донесение Реввоенсовету Южного фронта и В. И. Ленину:

> "Красной Конной армией 8 января 1920 г. в 20 часов взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Взято в плен больше 10 ООО белых солдат, 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок и колоссальный обоз. Все эти трофеи взяты в результате кровопролитных боев. Противник настолько был разбит, что наше вступление в города не было даже

замечено врагом и мы всю ночь с 8 на 9 января ликвидировали разного рода штабы и воинские учреждения белых. Утром 9 января в Ростове и Нахичевани завязался уличный бой, длившийся весь день.

10 января города совершенно очищены и враг отогнан за Батайск и Гнилоаксайскую. Только страшные туманы и дожди помешали преследовать врага и дали ему возможность уничтожить небольшие переправы через реку Койсуг у Батайска и через р. Дон у Аксайской. Переправы через р. Дон и железнодорожный мост в Ростове целы.

В Ростове Реввоенсоветом Конной образован Ревком и назначен начгарнизона и комендант. В городе масса разных интендантских и иных складов, переполненных всяческим имуществом. Все берется на учет и охраняется.

Сегодня, 11 января, был смотр двум кавдивизиям, где присутствовало много рабочих Ростова и Нахичевани во главе с подпольной организацией коммунистов. Провозглашены приветствия Красной Армии, Советской республике и вождям Коммунистической революции.

Реввоенсовет Конной от имени Конармии поздравляет Вас со славной победой и от всей души провозглашает громовое 'ура' за наших вождей.

Да здравствует великая Красная Армия!

Да здравствует окончательная победа коммунизма!

Да здравствует мировая Советская власть!"»

Семен Михайлович скромно умолчал, что конармейцы изрядно пограбили город, что из особняков они извлекали не только белых офицеров и генералов (судьба которых, как правило, была плачевна), но и все, что плохо лежало. И отнюдь не туман и дождь помешали быстрому преследованию отходящих в беспорядке белых, а то, что бойцы Буденного чересчур увлеклись дегустацией ростовских винных запасов. В связи с этим сам Ленин телеграммой выражал обеспокоенность «полным разложением у Буденного». Но Семену Михайловичу кнутом и пряником, убеждением и расстрелами мародеров, удалось сравнительно быстро восстановить порядок.

Во время боев под Батайском представитель ВЧК Ян Петерс телеграфирует в Москву: «Армия Буденного разлагается с каждым днем: установлены грабежи, пьянство, пребывание в штабе подозрительных женщин, по службам были случаи убийства

наиболее сознательных товарищей. Буденный перестает считаться с кем-либо. Бесчинства, творимые им на железной дороге, совершенно невероятны: непрерывные захваты топлива, паровозов, вагонов, экстренных поездов, расхищение трофейного имущества. За каждой частью следует хвост вагонов, наполненных женщинами и награбленным имуществом».

Командующий Юго-Восточным фронтом В. И. Шорин и член Реввоенсовета фронта В. А. Трифонов докладывали главкому С. С. Каменеву: «Пребывание частей войск в Ростове, Нахичевани и Новочеркасске и больших станциях с большими запасами вина сыграло большую роль в отношении боеспособности войск. В особенности это отразилось на Конной армии, где большинство предавалось пьянству, грабежу и насилиям в городах Ростове и Нахичевани (имеется в виду населенная армянами Нахичевань-на-Дону, в настоящее время часть Ростова. – *Б.* С.). Наступившая в это время оттепель и появление на поверхности льда воды дало войскам как бы законную причину на обречение себя к бездействию и топтанию на месте».

О том же писал Ленину и Серго Орджоникидзе: «Надо сказать, что Конармия по взятии Ростова изрядно пограбила его». Командующий 8-й армией Г. Я. Сокольников с возмущением сообщал командованию фронтом, что со стороны разложившейся Конармии «можно ожидать очень много неприятностей». Известный журналист того времени А. Ветлугин писал о командарме и его плохо управляемом воинстве: «Драгунского полка вахмистр Буденный – храбрый сметливый мужик; популярный, потому что безумен в атаках, щедр в грабежах, снисходителен к громилам».

В. И. Шорин сделал вывод, что при атаке батайских позиций «неудача произошла, во-первых, потому что упустили момент – 12 дней стояли на месте, чем дали сорганизоваться противнику, второе – недостаточно согласованные действия и недостаточная подготовленность… Силы противника не так велики, но они воспользовались нерешительностью наших частей и действуют, как говорится, на ура».

В разговоре по прямому проводу Шорин спросил Сокольникова: «Скажите, что же, в Конной армии окончательный развал и не имеется надежды на восстановление дисциплины, и не можете ли сказать, чем вызван этот развал, пьянством или другими причинами?» Сокольников честно ответил, что местность между Ростовом и Батайском неудобна для действий кавалерии, признав при этом, что белые действовали решительнее конармейцев. Также, по мнению Григория Яковлевича, успеху сильно мешал… сам Ростов, который «еще

больше увеличивает силу, которая тянет наступающих назад». Сокольников также предложил новый план, который должен был обеспечить разгром Деникина: «Овладение районом Батайска лобовыми атаками или даже ближним охватом при создавшейся обстановке и при теперешнем состоянии долины Дона либо не удастся, либо будет стоить огромных жертв. Мне представляется, что нужен обходной маневр большого масштаба».

О том же хлопотали и Буденный с Ворошиловым.

Зимой 1920 года Добровольческая и Донская армии укрепились на Маныче и на Дону в районе Батайска и остановили наступление красных. Конармия в лобовых атаках в пешем строю несла большие потери. Буденный предлагал обойти укрепления у Батайска через переправу у станицы Константиновская и ударить в тыл белым. Но командующий Кавказским фронтом Шорин не соглашался с ним. 23 января 1920 года Буденный послал телеграмму Сталину и Троцкому: «Если будем продолжать попытки овладеть Батайском от Ростова, Нахичевани, наша нравственная обязанность предупредить вас, что мы уничтожим окончательно лучшую конницу республики и рискуем очень многим…»

В тот же день Буденный, Ворошилов и Щаденко направили Троцкому и Сталину телеграмму с протестом против обвинений Шорина, что Конармия «утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах». На командующего Кавказским фронтам возлагалась вся ответственность за то, что «Конармия тонет и гибнет в батайских болотах», и просили отменить приказ Шорина о продолжении атак, «дабы не погубить Конармию и не ликвидировать успехи, достигнутые Красной Армией в этом направлении».

24 января Шорин встретился в Ростове-на-Дону с руководством Конармии и 8-й армии, подтвердив свой приказ о продолжении наступления на Батайск. Тогда Реввоенсовет Конармии снова послал телеграмму в Совет рабочей и крестьянской обороны Ленину, Троцкому и Сталину, утверждая, что Шорин «поставил Конную армию на грань гибели», и требуя его отставки.

Ленин телеграфирует представителям РВС Смилге и Орджоникидзе: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного, ослаблением всех наших войск, слабостью общего командования, распрей между армиями, усилением противника. Необходимо напрячь все силы и провести ряд экстренных мер с революционной энергией».

Еще 5 января 1920 года Ленин отправляет Орджоникидзе

такую телеграмму:

«Секретно.

Реввоенсовет 14, члену РВС т. Орджоникидзе.

Т. Серго! Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага…

Скандал и позор! А я-то Вас направо-налево нахваливал!! И Троцкому доложено…

Ответьте тотчас:

1) Кто дал Вам вино?

2) Давно ли в РВС 14 у вас пьянство? С кем еще пили и гуляли?

3) То же – бабы?

4) Можете по совести обещать прекратить или (если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 пьяница? Неисправим?

Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет! Ваш Ленин».

Орджоникидзе отправился в Ростов унимать пьянство в Первой конной (очевидно, Ильич действовал по принципу «от подобного лечить подобным»). А его собутыльник Иероним Уборевич вместо 14-й армии теперь возглавил 9-ю, командарм которой Степинь умер от тифа.

1 февраля 1920 года Буденный направил Ленину личное письмо, в котором опять настаивал на отзыве Шорина, утверждая, что его «преступные» действия играют только на руку белым. В итоге Шорина все-таки сместили с поста командующего фронтом, но с повышением – назначили помощником главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. А в апреле 1920 года Василия Ивановича даже наградили Почетным революционным оружием с орденом Красного Знамени. Вместо Шорина командовать Кавказским фронтом был назначен Михаил Тухачевский, с которым Буденный и Ворошилов быстро нашли общий язык. Разлад между ними начался позднее, во время похода в Польшу, и кончился он тем, что Ворошилов в 1937-м санкционировал расправу над Тухачевским, а Буденный был среди тех, кто вынес маршалу предрешенный смертный приговор.

В итоге белые нанесли контрудар и отбили Ростов. 3 февраля, в день прибытия Тухачевского на фронт, Буденный сообщал Сталину: «На фронте неблагополучно. Сегодня

собирались сдать Новочеркасск. Если не приедете вы или кто-нибудь равный вам в Ростов, здесь произойдет катастрофа». Сталин ответил: «Я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского – завоевателя Сибири и победителя Колчака. В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии». Сталин хлопотал о назначении Тухачевского командующим фронтом, а тот вполне лояльно отнесся к Конармии, приняв сторону ее командования в спорах со штабом фронта и командующим соседней 8-й армией Г. Я. Сокольниковым.

Новый командующий Кавказским фронтом Тухачевский 9 февраля бросил Конармию в обход на Тихорецкую, как и предлагал Буденный, для удара в стык Донской и Кубанской армии белых. Между прочим, Тухачевский в то время очень тепло отзывался о Буденном и его Конармии: «В оперативном отношении Буденный, кроме Уборевича, – самый способный командарм и самый дисциплинированный… Лично Буденный дисциплинирован… конечно, простоват как унтер-офицер. Вот мое мнение о Буденном. Считаю, что у нас в России никогда не будет конницы, равной Конармии по смелости и умению действовать исключительно в конном строю». В 1921 году Реввоенсовет республики дал Буденному не менее хвалебную аттестацию: «Врожденный кавалерист-начальник. Обладает оперативно-боевой интуицией. Кавалерийское дело любит и хорошо знает… В должности командарма Конной – незаменим».

Тухачевский, соглашаясь с доводами Буденного о необходимости более глубокого обхода противника, вместе с тем докладывал Каменеву, что «нельзя дать почувствовать Буденному, что ему удастся отзывать с фронта нежелательных ему лиц», даже в случае, если действительно придется заменить Сокольникова на посту командующего 8-й армией. В итоге Сокольников остался на своем посту. Тухачевский же бросил Конармию в рейд на Тихорецкую, и 29 февраля красные овладели Ольгинской.

Белый мемуарист Г. Н. Раковский описывал дальнейшие события так: «С 5 января по инициативе большевиков начались ожесточенные встречные бои. Донцы и добровольцы 6 января перешли в контратаку и выиграли бой. 7 января они вновь отбили попытку красных перейти в наступление.

Все приободрились.

В связи с этим «главковерх» Буденный отдал весьма характерный приказ, в котором говорил, что его армия была красой и гордостью красных войск. Но это было до Ростова. Когда же армия пришла в Ростов, то в этом «вертепе буржуазного разврата и мерзости» облик армии резко изменился. Буденный

предал суду начальника 11-й кавалерийской дивизии и некоторых других. Однако от перехода в наступление в этом месте он отказался и стал перебрасывать свои части с батайского направления, чтобы ударить совместно с Думенко на правый фланг Донской армии. Представители командования заблаговременно приняли меры предосторожности.

14 января большевики сосредоточенными силами по всему фронту перешли в наступление, стараясь конницей Буденного и Думенко нанести удар в правый фланг Донской армии со стороны хутора Веселого. Но в результате 15 января Думенко, а 16 января Буденному был нанесен жестокий урон. В итоге одних орудий было захвачено около сорока. Крупный успех имел и Добровольческий корпус, захвативший большую добычу».

О тех же боях командир конной группы генерал А. В. Голубинцев вспоминал: «Без решительного результата, но с некоторым перевесом в нашу сторону группа вела бои в районе Садковского и Мокрая Ольховка с частями армии Буденного. У хутора Мокрая Ольховка при столкновении наших разъездов с красными два казака 14-й бригады попали в плен к Буденному, но на другой день им удалось бежать в свои части. При опросе этих казаков в штабе они рассказали следующее.

Когда их привели к Буденному, тот в это время обедал и сам пожелал сделать опрос пленным. Спросив, какой части и задав еще несколько вопросов, на которые казаки не могли или не хотели ответить, Буденный обругал их скверной бранью полусурово, полудобродушно:

– Ах, вы, голубинцевские бляди! Хотите есть? Казаки, переминаясь с ноги на ногу, ответили: «Так точно, товарищ, желаем».

– Садитесь! – И, посадив их с собою за стол, старался получить от них некоторые сведения.

По рассказу этих же казаков, служивших когда-то в 3-м Донском казачьем полку императорской армии, начальником штаба у Буденного был прапорщик Зотов, бывший вахмистр 1-й сотни 3-го Донского казачьего полка. Я этого Зотова отлично помню. Человек уже пожилой и когда-то дельный и строгий вахмистр. В конце войны был командирован полком в одну из школ прапорщиков. Попал он к красным, по-видимому, случайно, так как в полку был добросовестным и ревностным служакой, во время революции держался безукоризненно.

В начале января 1918 года, будучи в Новочеркасске, я неожиданно встретил его в офицерском собрании.

– Здравствуйте, Зотов!

– Здравия желаю, господин полковник.

– Что вы здесь делаете, в Новочеркасске?

– Да вот, господин полковник, кончил школу и еду домой в отпуск.

– А потом куда?

– Не могу знать, куда-нибудь в конный полк желал бы, боюсь, как бы не попасть в пехоту.

– Приезжайте ко мне, в наш третий полк, в Глазуновку, я буду рад вас видеть.

– Покорнейше благодарю, господин полковник, сочту за честь и счастье служить в родном полку, непременно приеду.

На этом разговор наш кончился. Очевидно, по приезде к себе в станицу он попал к красным, там остался и как бы по инерции сделал карьеру, окончил в Петербурге красную военную академию и впоследствии был командиром 3-го кавалерийского корпуса.

Эти последние сведения я случайно узнал в 20-х годах, уже будучи в эмиграции, из советского журнала «Огонек», где в числе помещенных портретов красных «генералов», окончивших военную академию, красовался и портрет Зотова с надписью: «С. А. Зотов, командир 3-го кавалерийского корпуса, бывший начальник полевого штаба Буденного»».

Характерно, что начальник полевого штаба Красной армии в своей карьере в царской армии недалеко ушел от Буденного. Степан Андреевич Зотов, хорунжий из кадровых вахмистров, школу прапорщиков окончил в революционном 1917 году. Семен Михайлович очень не любил офицеров-золотопогонников. Офицеры, которые были в Конармии, – это главным образом хорунжие и прапорщики из вахмистров и унтер-офицеров (урядников), которые для рядовых красноармейцев не были чужими. Да и сам Буденный никак не испытывал по отношению к ним чувства собственной военной неполноценности.

С другой стороны, данное обстоятельство опровергает легенду, будто за Буденного командовали находившиеся в его штабе кадровые царские офицеры. Какое-то число казачьих офицеров поступило в Конармию только весной 1920 года, после взятия красными Новороссийска и капитуляции большей части Донской армии, а также кубанских соединений. Нет, все свои операции Буденному тогда худо-бедно, но приходилось планировать самому.

Далее, согласно Голубинцеву, события разворачивались следующим образом: «В последних числах января красноармеец, везший донесение, по ошибке попал на нашу заставу. Донесение было послано начальником 28-й советской Дивизии товарищем Азиным в соседний красный отряд, если не ошибаюсь, Киквидзе,

с сообщением, что 1-я Конная армия Буденного прошла по левому берегу Маныча к станции Торговой. Донесение это я немедленно переслал в штаб корпуса, но ему не придали значения и не поверили, так как в штабе не было еще сведений о существовании конной армии! Через 10 дней эта армия показала себя у Шаблиевки. К 30 января армия Буденного сосредоточилась в районе Торговой».

А вот что Голубинцев рассказывает о разгроме 28-й Железной стрелковой дивизии легендарного начдива Владимира Мартыновича Азина (Азиньша): «Сосредоточив укрыто в лощинах конницу против обоих флангов наступающих красных и оставив перед фронтом лишь редкую лаву, я дал возможность противнику подойти без выстрела шагов на 500 к зимовнику. По данному сигналу наши части одновременно и стремительно в конном строю атаковали ошеломленного противника. Красные были накрыты, как стайка оцепеневших куропаток. Вспыхнувшая нервная ружейная трескотня и инстинктивная попытка к сопротивлению быстро подавлены. Несколько сабельных ударов – и противник окончательно смят. Все 12 пулеметов, приготовленных к стрельбе, были захвачены на позиции. Сам начальник дивизии товарищ Азин пытался ускакать, но благодаря глубокому снегу конь его споткнулся, завяз, и красный „генерал“ был захвачен в плен живым, почти как Костюшко.

Кроме того, было взято около сотни пленных и столько же изрублено. Наши потери: сотник Красноглазов и семь казаков – все легко ранены.

Так как у меня было основание предполагать, что зимовник Попов занят красной конницей, я решил лично проверить это у Азина путем опроса. Азин, накануне расстрелявший пленного офицера 14-й бригады, боясь возмездия, страшно волновался.

– Вы меня расстреляете, генерал! – с ужасом, хватаясь за голову, нервно выкрикивал Азин.

– Это зависит от вас. Если вы мне прямо и откровенно ответите на мои вопросы, я вас не расстреляю, а отправлю в тыл, где, полагаю, вас также не расстреляют. Даю вам пять минут на размышление: мои части готовы к атаке хутора Попова. Скажите, кем занят хутор Попов? Есть ли там конница?

– Дайте мне слово, что вы меня не расстреляете!

– Обещаю, если ваши сведения будут правдивы. Азин, видимо, колебался. Я взглянул на часы.

– Осталось две минуты, конница сейчас начнет атаку на хутор Попов. Рискуете опоздать с советом, господин Азин, – спокойно заметил я.

– Там лишь одна рота и обозы. Конница и два батальона час

тому назад ушли, – скороговоркой прокричал Азин.

Через 10 минут зимовник Попов нами был занят, захвачены обозы и несколько десятков пленных. Азина я отправил в штаб корпуса, а оттуда он был отправлен в штаб Донской армии, где, как я узнал впоследствии, пользовался особым расположением и вниманием генерала Сидорина.

О дальнейшей судьбе Азина мне неизвестно, но мне рассказывали, что в районе Новороссийска Азин сделал попытку бежать к красным, но был застрелен во время бегства где-то между вагонами казаками охраны штаба».

Конечно, о поведении Азина в момент пленения Голубинцев мог что-то присочинить. Но его рассказ, в принципе, хорошо согласуется с тем фактом, что белые широко распространяли обращение, подписанное Азиным (а его подпись в советских штабах была хорошо известна), в котором он призывал красноармейцев сдаваться в плен. Тело Азина так и не было найдено, и как точно он погиб, до сих пор неизвестно.

А вот что говорит Голубинцев о разгроме группы генерала Павлова: «Рядом грубых ошибок, растерянностью или, скорее, неуверенностью в своих силах, если не сказать неподготовленностью, части высшего командного состава к ведению операции в тех исключительных условиях Гражданской войны только и можно объяснить те ужасные ошибки, граничащие с преступлением, благодаря которым донская конница, имея все данные для уничтожения конной группы Буденного, не только не выполнила своей задачи, но и окончательно была расстроена, растрепана и потеряла сердце как раз в тот фатальный момент, когда решалась судьба не только Гражданской войны, но и России.

Постараюсь, насколько мне позволяет память, описать те события, в которых я был непосредственным участником или которые происходили у меня на глазах.

Начну с несчастного 4 февраля 1920 года, когда генерал Павлов после удачных действий 1–3 февраля против конной дивизии Гая, находясь в районе хутора Веселого, отдал приказ о наступлении на Торговую для уничтожения группы Буденного.

В суровый мороз, около 26 градусов по Реомюру, конной группе генерала Павлова приказано было идти напрямик, без дорог, по компасу, по степи, покрытой толстым пластом снега более чем на аршин глубиною, в направлении на Торговую. На протяжении около 30 верст не было ни одного населенного пункта, а между тем в нескольких верстах левее, по долине реки Маныча, шла дорога параллельно нашему направлению по местности, густо населенной, по которой несколько дней тому

назад прошла 1-я Конная армия Буденного.

Согласно приказу, части группы генерала Павлова должны были пройти линию реки Малый Егорлык в 12 часов дня 4 февраля.

Как объяснить решение генерала Павлова, старого, опытного, боевого кавалерийского начальника, идти напрямик и вести войну с природой, осудив свою конницу на гибель?

Говорили, что генерал Павлов был против такого решения, но приказание командующего Донской армии генерала Сидорина было в этом смысле категорическим.

Другой конной группе, меньшей по численности, генерала Голубинцева в составе 4 конных полков, 2 батарей и Кубанского конного дивизиона, находившейся у зимовника Попова в районе станции Целина, приказано было войти в подчинение к генералу Павлову и, выступив в 12 часов, двигаться вдоль реки Средний Егорлык с таким расчетом, чтобы на другой день, 5 февраля, утром совместно с конной группой генерала Павлова атаковать Торговую с юго-запада. Судя по диспозиции, на рассвете 5 февраля с юго-востока и с юга должны были подойти 1-й и 2-й Кубанские корпуса и одновременно с нами атаковать Торговую.

Таким образом, план был задуман и выработан великолепно: получалось в теории полное окружение превосходными силами противника, находившегося в Торговой. Но выполнение плана было произведено так, что вместо успеха получился разгром собственных сил.

1-й и 2-й Кубанские корпуса не подошли, и как выяснилось потом, они еще накануне были потрепаны красной конницей Думенко. Группа генерала Павлова во время 30-верстного перехода по степи без дорог была окончательно обморожена и, потеряв около 5 тысяч человек из 12 тысяч обмороженными и замерзшими, атаковала ночью в беспорядке красных в районе Торговой у станции Шаблиевка самостоятельно и, не успев использовать внезапность и начальный успех, отошла в район Егорлыцкой, не сообщив даже о своем уходе генералу Голубинцеву.

Группа генерала Голубинцева, сделав переход по долине реки Средний Егорлык, по местности, усеянной хуторами и зимовниками, с остановками и привалами, и все же потеряв 286 человек обмороженными, к утру 5 февраля заняла исходное положение, ожидая условного сигнала – артиллерийского огня – к переходу в наступление на Торговую. Но никакого признака боя или наступления не было заметно.

Около 9 часов наши разъезды и разведывательные сотни стали подходить к Торговой; в это же время были замечены какие-

то конные части, выступавшие от Торговой. В бинокль ясно можно было различить около десяти полков конницы. Но как наши разъезды, так и большевики огня не открывали: большевики, очевидно, не рассчитывали встретить здесь противника, а наши колебались, не зная, противник ли это, или, может быть, части генерала Павлова, заняв Торговую, двигаются к югу. И только при непосредственном столкновении передовых частей, когда заговорили пулеметы, выяснилась обстановка. Тем временем выступавшая из Торговой красная конница силою около 9—11 полков, очевидно, не рассчитывая встретить упорного сопротивления, повела наступление на нас.

Встреченная метким огнем наших двух батарей – 14-й конной полковника Степанова и 10-й войскового старшины Бочевского, красная конница сначала отхлынула, но затем в продолжение дня повторила около восьми конных атак, стараясь охватить наш правый фланг. Все атаки отбивались ураганным огнем наших батарей и пулеметами. Наши части отходили перекатами, ведя упорный бой, и при поддержке артиллерии частично переходили в контратаки.

Интересно отметить один эпизод: с наступлением сумерек красные, ободренные отходом наших батарей к Лежанке, прекративших огонь, с диким воем атаковали большое стадо быков, приняв его в темноте за колонну конницы.

Под покровом наступившей ночи, оторвавшись от наседавшего противника, наша группа отошла на ночлег в село Средний Егорлык (Лежанка), заняв перед селом сильным сторожевым охранением позицию.

В Лежанке в это время находилось много всякого рода тыловых учреждений: обозов, госпиталей, каких-то нестроевых частей, мастерских, которые и не предполагали, что находятся в непосредственной близости к противнику. Совершенно неожиданно очутившись под ударом врага, все эти учреждения и команды спешно, еще до рассвета, эвакуировались на юг.

6 февраля противник не проявлял активности, если не считать столкновений разведывательных частей.

7 февраля часов около 10 утра красные несколько раз пытались овладеть селом, но все попытки их были отбиты огнем артиллерии и пулеметов и частыми контратаками.

8 февраля Буденный с утра всеми силами повел наступление на Лежанку и часам к 12 дня, вытеснив нашу группу, занял село.

К вечеру того же дня части генерала Голубинцева отошли на ночлег в станицу Плоскую (Ново-Корсунский).

9 февраля Буденный с 6-й и 4-й кавалерийскими дивизиями атаковал Плоскую и после нескольких повторных атак занял

станицу, оттеснив наши части к западу, к поселку Ивановский. К вечеру наши части расположились в станице Незамаевской и в поселке Ивановском, а Буденный, оставив в станице Плоской сильный заслон, с конной армией двинулся дальше на юг, по направлению к селу Белая Глина, где, как выяснилось впоследствии, атаковал и уничтожил 1-й Кубанский корпус генерала Крыжановского, ведший в это время бой с красной пехотой (с 20, 34 и 50-й советскими стрелковыми дивизиями), наступавшей со стороны сел Богородицкое и Развильное.

О нахождении в Белой Глине корпуса генерала Крыжановского и вообще каких-либо наших частей мне не было известно, как не было известно о местонахождении и судьбе конной группы генерала Павлова. В противном случае я, конечно, связался бы с генералом Крыжановским и отходил бы на Белую Глину, а не на Незамаевскую, и неожиданная катастрофа с 1-м Кубанским корпусом была бы избегнута.

Вообще следует отметить, что даже старшие начальники не были донским штабом достаточно ориентированы об обстановке за все время отхода и боев на Кубани, и это одна из важных причин нашего поражения.

10 февраля, находясь с конной группой в станице Незамаевской, я установил через Корниловский полк телефонную связь с командующим Донской армией генералом Сидориным. Для розыска и связи с генералом Павловым были высланы разъезды. За станицей Плоской велось наблюдение. День прошел спокойно. На усиление моей группы прибыл 4-й конный полк Молодой Донской армии в составе двух сотен силою около 150 сабель.

11 февраля мои части сосредоточились в районе хутора Ивановского, в 5–6 верстах от станицы Плоской, с целью вновь овладеть Плоской. В это время генерал Сидорин сообщил мне по телефону, что к вечеру к Плоской должна подойти со стороны Средне-Егорлыцкой 10-я Донская конная дивизия. Не дождавшись подхода 10-й дивизии и получив от разведки сведения о численности противника, занимавшего Плоскую, наши части около 12 часов дня энергичным налетом овладели станицей, захватив у красных обозы и отбив группу пленных, около 40 человек, взятых красными при разгроме 1-го Кубанского корпуса.

К вечеру 11 февраля в станицу Плоскую вошла 10-я Донская конная дивизия генерала Николаева.

С подходом 10-й дивизии я получил приказание 4-й полк Молодой армии отправить к Екатеринодару для операций против «зеленых»; туда же был отправлен и Кубанский дивизион, а с остальными частями я вошел в подчинение генералу Николаеву

для дальнейших операций.

На ночлег части генерала Голубинцева расположились в районе станицы Плоской: штаб, три полка и две батареи в станице, а один полк с двумя орудиями в хуторе Ивановском. В 10 часов вечера я получил из штаба 10-й дивизии краткое приказание: «От 14-й конной бригады выслать разведку утром 12 февраля на село Белую Глину и Горькую Балку и в 8 часов выступить в авангарде на село Белую Глину».

Никаких сведений о противнике, об общей задаче и о других частях группы генерала Павлова не сообщалось.

Утром 12 февраля, когда голова авангарда выдвинулась версты на три к югу от станицы Плоской (Ново-Корсунский) по дороге на Белую Глину, были получены донесения от разъездов, что противник силою около 8–9 полков конницы выступил из села Белая Глина и перешел в село Горькая Балка. В это же время к северу от Горькой Балки в бинокль можно было различить конные колонны противника. Начальник группы генерал Николаев был еще в Плоской. Ему было послано донесение об обстановке. Авангард остановился, части подтянулись во взводную колонну. Через некоторое время в голову колонны выехал генерал Николаев со своим начальником штаба войсковым старшиной Фроловым.

Теперь колонны противника обозначились резко. Противник делает перестроения. На мой доклад об обстановке и на вопрос о дальнейших действиях генерал Николаев заявил, что нам приказано занять Белую Глину, а потому оставим здесь, в лощине, заслон в две сотни, а сами пойдем на Белую Глину.

Такое примитивное решение меня смутило.

– Я полагаю, что занять Белую Глину может разъезд, так как разведка доносит, что противник очистил село и перешел в Горькую Балку, а наша задача, полагаю, разбить противника, – возразил я.

– Тогда оставим здесь заслон – одну бригаду, а сами пойдем на Белую Глину, – говорит нерешительно генерал Николаев.

– Обратите внимание, ваше превосходительство, что противник строит боевой порядок, видно в бинокль, сейчас будет атака.

– В резервную колонну! – приказывает генерал Николаев.

Отряд в четыре бригады (12 полков) строит резервные колонны в лощине, правее дороги, в шахматном порядке, так что противник нас почти не видит: в центре 14-я бригада (генерал Голубинцев), левее уступом вперед 9-я бригада (полковник Дьяконов), правее уступом назад 10-я бригада (полковник Лащенов) и 13-я бригада (полковник Захаревский).

Начальник группы генерал Николаев выезжает на левый фланг, перед 9-й бригадой, с ним начштаба войсковой старшина Фролов, они советуются. Здесь же присутствую я и командир 9-й бригады полковник Дьяконов, другие командиры бригад при своих бригадах.

Результат совещания с начальником штаба: выслать сотню от 9-й бригады в лаву.

Я, видя, что у генерала Николаева еще нет определенного решения, приказываю командиру моего артиллерийского дивизиона полковнику Степанову, находящемуся около меня, занять позицию, причем одну батарею поставить к северу, за станицей Плоской.

Противник открыл артиллерийский огонь и строит боевой порядок для атаки. У нас уже есть потери от артиллерийского огня.

– Отдавайте же приказания, прикажите строить боевой порядок, – говорю я генералу Николаеву.

Лицо генерала изображает растерянность и нерешительность. Я, видя, что красные могут нас забрать, как оцепеневших цыплят, приказываю моим батареям открыть огонь. Ординарцу отдаю приказание:

– 14-я бригада в линию колонн!

Лицо генерала Николаева мне страшно знакомо, но где я его видел, не могу вспомнить.

– Где я с вами встречался, ваше превосходительство?

– Да я у вас же был в отряде!

Больше разговаривать некогда – противник переходит в атаку, я еще раз говорю:

– Прикажите строить боевой порядок!

– Атакуйте вашей бригадой, – говорит генерал Николаев, – а мы вас поддержим.

Я скачу к своей бригаде, командую: «Строй фронт! Трубач! По переднему уступу!» Мелодичные звуки сигнала оглашают морозный воздух и поднимают настроение. Бригада, выдвигаясь вперед, успевает развернуть два правофланговых полка и переходит в атаку на красных, идущих в линии колонн; в интервалах у красных пулеметы на тачанках. Крики «ура!», и в одну минуту моя бригада от пулеметного огня теряет 150 всадников и лошадей; около меня падает мой вестовой, сраженный пулей. Бригада атаковала с фронта, а с левого фланга противник массою обрушился на мой левофланговый полк, шедший на уступе и еще не успевший развернуться, и смял его. Два других полка, получив удар во фланг и с фронта, после краткой рукопашной схватки отброшены вправо.

Стоявшие в резервных колоннах 9, 10 и 13-я конные бригады оставались зрителями и вместо того, чтобы ударить противника с обоих флангов, не получая никаких распоряжений, видя красных у себя непосредственно перед глазами, обрушившихся всей массой на 14-ю бригаду, оглушенные криками «ура!» и пулеметной трескотнёю, толпою бросаются направо назад, оставив красным всю артиллерию, около 20 орудий, которая не только не сделала ни одного выстрела, но даже не заняла позиции. Стреляли только две батареи 14-й бригады, причем 10-я конная батарея доблестного войскового старшины Бочевского, открыв ураганный огонь по атакующим красным, внесла в ряды их большое замешательство, заставив их задержаться, и тем дала возможность частям 14-й бригады сейчас же за станицей Плоской оторваться от противника, прийти в порядок и прикрыть отход конной группы…

…Мы проиграли бой благодаря растерянности начальника, имея все данные для того, чтобы его выиграть: и выгодное положение, и перевес в численности, и настроение казаков, ободренных недавними успехами – разгромом кавалерийской дивизии Гая и 28-й стрелковой дивизии Азина с пленением начальника дивизии. Как будто нас преследовал какой-то злой рок – ошибки за ошибками, переходящие в преступления».

И общий вывод Александра Васильевича: «После неудачного боя 12 февраля конной группы генерала Павлова у станицы Плоской (Ново-Корсунский) началась Голгофа белой конницы».

А вот как Г. Н. Раковский описывает подоплеку рейда группы генерала Павлова, призванного спасти Вооруженные силы Юга России от разгрома: «Кавказская армия, переименованная тогда уже в Кубанскую, окончательно распылялась, и казаки чуть ли не поголовно расходились по домам, не желая оставаться на фронте. В правофланговой армии, таким образом, было не более трех тысяч штыков и шашек. Между тем вся Конная армия Буденного, оправившись от разгрома, 29 января двинулась на Тихорецкую. Это имело огромное значение, ибо командованием были получены точные сведения о новом плане большевиков, который заключался в том, чтобы производить дальнейшие переброски войск из Центральной России в Ставропольском направлении и центр тяжести своих действий ввиду неудач, постигших их в январе на Дону, перенести на вновь формирующуюся Кубанскую армию.

Вот здесь-то у донского командования возник план, который был одобрен командирами корпусов Донской армии. Ввиду нездорового, полубольшевистского настроения на Кубани предоставить кубанцам испытать прелести советского рая, а

самим, невзирая на действующего в тылу Буденного, двинуться самым решительным образом на север. Разбить всю армию, которая стояла перед донцами в то время, как думали представители донского командования, было нетрудно. После этого предполагалось пойти вперед, на север, в зависимости от обстановки. Буденный, если бы двинулся в Екатеринодар, оказался бы изолированным или, во всяком случае, лишенным подвоза, связи и особого вреда принести бы не мог.

План этот уже почти начал приводиться в исполнение, но против него категорически высказался главнокомандующий. Не соглашаясь со смелым решением, Деникин указывал на то, что нельзя бросать базу, бросать раненых и т. д. Командующий Донской армией возражал, что семьи и раненые очутятся в ужасном положении, если вооруженные силы будут отходить на юг и вести длительные бои. Не согласился с этим планом и Кутепов, который ссылался на усталость корпуса после ростовских боев, на раненых, больных, на семейства офицеров, которые пришлось бы бросить.

Таким образом, осуществить задуманную чрезвычайно рискованную, хотя, как показали последовавшие события, и менее, несомненно, чем отход на Новороссийск, операцию не удалось, а потому и решено было снять и перебросить главную массу донской конницы, составлявшую группу Павлова, для действий против конницы Буденного. Павлову было приказано атаковать Буденного в направлении на Торговую, для чего двинуться форсированным маршем и ликвидировать как можно скорее нажим на Тихорецкую. В это время советская дивизия Гая переправилась через Дон и начала давить на правый фланг 1-го Донского корпуса. 3 февраля Павлов разбил дивизию Гая и двинулся на Торговую. 4 февраля из штаба Донской армии Павлову была послана телеграмма с приказанием дать дневку частям, причем в штабе предполагали, что Павлов, отправляясь из района хутора Веселого, где он находился, к Торговой, пойдет за Маныч и воспользуется для дневки станицей Платовской, чтобы не морозить казаков в степях. Но Павлов, стремясь как можно скорее столкнуться с Буденным, нашел необходимость идти по необитаемому левому берегу Маныча, по безлюдным степям, без дорог, по компасу. 4 февраля Павлов атаковал Шаблиевку, где чуть было не захватил в плен самого Буденного, но атака была благодаря метели и морозам разрозненной, а потому и неудачной. 5 февраля Павлов принужден был отойти к станице Егорлыцкой. Во время этого похода благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья половина корпуса в буквальном смысле слова вымерзла. Вместо 10–12 тысяч шашек

после этого рейда по строевому рапорту в отборной конной группе осталось 5,5 тысячи шашек. Остальные, в том числе и сам Павлов, и весь командный состав, были обморожены или же совершенно замерзли…

Это был колоссальный удар для Вооруженных сил на Юге России. Правда, 7 февраля добровольцами был взят Ростов, но какое это могло иметь значение, когда не была разбита живая сила противника и конница Буденного заходила далеко в тыл со стороны Торговой – на Тихорецкую, когда фронт и тыл были потрясены тем уроном, который понесла от морозов донская конница.

Непосредственно после рейда, когда конница Павлова отдыхала в районе станции Атаман, я был на этой станции и беседовал с казаками и офицерами. Ужасом веяло от рассказов участников этого похода. Четыре дня шла донская конница по безлюдным степям. В 24-градусный мороз с сильным ветром буквально негде было остановиться и укрыться от холода. Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков, причем один зимовник из нескольких избушек приходился на целую дивизию. Лишь немногим счастливцам удавалось попасть под крышу. Остальные ютились возле заборов и своих лошадей. Даже для костров не было топлива.

– Последнюю ночь, – рассказывали мне участники рейда, – мы стояли под Торговой. Большевики энергично обстреливали нас, но пули никого не пугали. Страшнее был мороз. Тысячи обмерзших остались позади нас в степях. Их засыпала уже метель. Уцелевшие жались возле своих лошадей. Стоишь пять-десять минут. Чувствуешь, что начинаешь дремать, что засыпаешь, падаешь… Еще несколько минут – и уснешь вечным сном. Встряхнешься. Подойдешь к соседу – видишь, что и он замерзает. Что делать? Бросаешься на него, падаем вместе на снег… Начинаем драться самым настоящим образом. Отогреешься и… как будто минут на пятнадцать-двадцать легче станет.

После этого кошмарного похода тысячи обмороженных были свезены на станцию Атаман и за неимением даже теплушек были посажены на открытые платформы. Мороз по-прежнему доходил до 25 градусов. Между тем на фронтовой линии (Батайск – Торговая) за отсутствием паровозов почти совершенно замерло железнодорожное движение. Целый день прождали обмороженные паровоза. Не дождались и… поползли по своим отдыхавшим после рейда в окрестностях станции частям».

Сам Буденный вспоминал: «Жуткую картину представляла степь, усеянная сотнями убитых и замерзших белоказаков. Среди брошенной артиллерии и пулеметов, зарядных ящиков и

разбитых повозок лежали замерзшие люди и лошади. Одни замерзли, свернувшись в клубок, другие на коленях, а иные стоя, по пояс в снегу, рядом со своими застывшими лошадьми… Белые потеряли убитыми и замерзшими до пяти тысяч человек и две тысячи триста лошадей».

В войсках Деникина, деморализованных осенне-зимними поражениями, начались разногласия и раздоры. Кубанцы уже не испытывали теплых чувств к добровольцам, донцы подозревали кубанцев в большевизме, Сидорин и Павлов, имея в тылу Буденного, торопились сами бросить донскую конницу ему в тыл, не учитывая, что в голой степи в 25-градусный мороз насмерть померзнут и люди, и лошади. В результате отборная донская конница больше половины своего состава потеряла от морозов, а не от буденновских шашек. В итоге задержку конармии у батайской пробки белые толком использовать не сумели. Буденный же действовал против Павлова вполне грамотно, в степь не углублялся, держался населенных хуторов и станиц, вынудил противника ночевать в чистом поле и в конечном счете разбил лучшую донскую конницу.

После этого Конармия разгромила конницу белых в районе станиц Среднеегорлыкская и Егорлыкская в крупнейшем кавалерийском сражении Гражданской войны в период с 25 февраля по 2 марта 1920 года. Буденный перерезал железную дорогу у разъезда Горький и атаковал врага с тыла, полностью вырубив элитный офицерский полк. «Дух был потерян вновь», – писал Деникин об этом сражении. После этого Вооруженные силы Юга России безостановочно откатывались до Новороссийска. Остатки беспорядочно эвакуировались в Крым, где Деникина на посту командующего сменил Врангель.

Успешные действия Первой конной и других красных частей окончательно обезопасили Советскую республику от наступления белых и приблизили окончание Гражданской войны. Понимая это, в Москве устроили триумфальный прием Буденному и другим красным командирам. 5 апреля личный вагон командарма посетили поэт Демьян Бедный и певец Федор Шаляпин. Буденный угостил их шампанским, которое закусывали донским салом. Шаляпин с бокалом шампанского в руке говорил:

– Скажите, Семен Михайлович, почему белые боятся вас как огня. Человек вы среднего роста, веселый, даже добрый. Шампанского не пожалели. А то вот Михаил Иванович Калинин водил меня по кремлевским подвалам. Этому вину, говорит, из царских запасов, десять лет, этому – сто. Я – ему: «Так дайте же отведать!» А он: «Нет, нельзя, это народное добро». Подумайте, какой скряга!

После этого музыканты Конармии исполнили «Марш Буденного» и частушки, восхитившие Шаляпина. Великий певец тут же исполнил арию из «Бориса Годунова», причем армейские умельцы аккомпанировали ему на баяне. Так, под шампанское с салом, происходило встраивание Семена Михайловича, еще недавно бывшего вождем полудикой партизанской вольницы, в политическую систему молодого Советского государства.

Глава четвертая
ДЕЛО ДУМЕНКО

Пока Конармия сражалась с белыми на Дону и Маныче, рядом с ней развертывались драматические события, связанные с судьбой бывшего начальника Буденного Бориса Думенко. В ночь с 23 на 24 февраля 1920 года по приказу члена РВС Кавказского фронта И. Т. Смилги его арестовали вместе со штабом Сводного кавалерийского корпуса. Поводом послужило недавнее (2 февраля) убийство комиссара корпуса Микеладзе и других коммунистов, а также утверждение, будто Думенко склонял Буденного к совместному выступлению против большевиков. Думенко был судим трибуналом и расстрелян в Ростове 11 мая 1920 года. В основу приговора легли, как тогда говорили, «совесть судьи и революционное правосознание». 27 августа 1964 года приговор Ревтрибунала республики от 5–6 мая 1920 года по делу Думенко и его товарищей был отменен и дело было прекращено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления. Но еще в 1967 году А. И. Микоян признавался писателю Юрию Трифонову: «Знаю, что два человека – Ворошилов и Буденный – против реабилитации. Это была вражда между военными… Это бывает часто… Они до сих пор не могут примириться».

Какие же улики были предъявлены Думенко на суде? Его обвиняли в том, что он публично надевал офицерские погоны. На этом настаивал Буденный, хотя отмечал при этом, что Борис Мокеевич, скорее всего, самозванец и офицером никогда не был. В белых газетах утверждали: «Думенко в среде большевистских вождей – далеко незаурядная личность, один из немногих самородных талантов». Такая похвала со стороны врага могла быть при желании расценена трибуналом как попытка переманить комкора на сторону белых. Что касается самого убийства Микеладзе, то вначале было заявлено, что его застрелил сам Думенко, когда комиссар попытался пресечь дикую пьянку в штабе корпуса. Эта версия быстро рассыпалась – свидетелей не нашлось, к тому же убитый был другом Думенко и совсем недавно торжественно вручал ему партбилет. В итоге следствие пришло к выводу, что «военком Микеладзе был убит неизвестным ординарцем штаба конного корпуса, но подстрекателями и прямыми укрывателями убийцы являются комкор Думенко и его штаб». Еще до этого присланная РВС комиссия подвела итог: «Думенко и его штабные чины своей деятельностью спекулируют

на животных инстинктах массы, пытаясь завоевать себе популярность и поддержку тем, что дают полную волю в поощрение грабежам, пьянству и насилию. Злейшими их врагами является каждый политработник, пытающийся превратить разнузданную и дикую массу в регулярную дисциплинированную и сознательную боевую единицу».

После суда над Думенко его адвокат Исай Израилевич Шик говорил одному своему знакомому, тоже адвокату: «Процесс я проиграл. Мне очень мешали Буденный и Ворошилов. Но еще неясно, чем все обернется: на тюремном дворе выступали красноармейцы за Думенко». Так что Семен Михайлович сыграл определенную роль в падении Думенко, хотя роль Смилги, Белобородова и Ворошилова в этом деле неизмеримо больше. По преданию, один из бывших бойцов-думенковцев сказал Буденному, когда он после ареста Думенко объезжал строй: «Ты, Сенька, не п…ди, а играй барыню!»

В газете «Советский Дон» 9 марта 1920 года было впервые сообщено об аресте Думенко и его товарищей. Там, в частности, говорилось: «Следственная комиссия, назначенная РВС армии для расследования обстоятельств, при которых произошло убийство и розыск виновников, пришла к заключению, что убийцы Микеладзе находятся в штабе Думенко. Помимо этого о деятельности Думенко и его штаба имелись сведения, которые требовали скорейшего вмешательства РВС армии, дабы предотвратить творившиеся в штабе безобразия. Пьянство и бандитизм были явлениями обычными и действовали разлагающе на весь корпус. Политическая работа в Корпусе почти не велась, так как тов. Думенко и его приближенные не признавали никаких комиссаров и представителей Советской власти, терроризировали различными угрозами. Во время нахождения корпуса в Новочеркасске пьянство и дебоши достигли небывалых размеров. Чины штаба устраивали оргии с женщинами, производили незаконные реквизиции и конфискации. Сам Думенко поощрял все эти безобразия и преступления, громко заявляя о своих симпатиях к батьке Махно. Все эти преступления и вызвали своевременное энергичное распоряжение РВС об аресте Думенко и его приспешников. Следствие по делу Думенко впредь до приезда представителя Ревтрибунала ведет член Реввоенсовета армии т. Белобородов».

С комкором разобрались быстро и жестоко. Дело Думенко стало первым компромиссом Буденного со своей совестью – ведь совсем недавно они вместе сражались с казаками Краснова в Сальском округе и под Царицыном. Здесь сыграли свою роль соперничество с Думенко, который когда-то был командиром

Буденного, а главное – опасение, что попытка выгородить боевого товарища может и его самого подвести под трибунал. Недавно появились и более экзотические версии – например, статья полковника С. Коломнина в «Независимой газете» о том, как Думенко в бытность начальником Буденного велел прилюдно выпороть его в наказание за бесчинства его бойцов. В статье говорится: «Когда двое дюжих „думенковцев“ срывали с Буденного рубаху и укладывали его для порки на лавку, он в ярости протестовал: „Да у меня полный Георгиевский бант, меня даже офицер при царе пальцем не мог тронуть, а ты меня, красного конника, плеткой?!“ На что стоявший рядом Думенко, посмеявшись, ответил: „Да какой ты Георгиевский кавалер, Семен, фантиков себе на базаре навесил, а так настоящие казаки не делают“».[1] Хотя автор ссылается на воспоминания каких-то «ветеранов-первоконников», его история кажется вымышленной. Телесные наказания в Красной армии были запрещены, а уж порка одного командира другим на глазах подчиненных выглядит и вовсе нереальной.

К слову сказать, сравнение Буденного и Думенко в целом говорит в пользу Семена Михайловича. Буденный смог до некоторой степени подчинить себе стихию масс и готов был подчиниться коммунистам, а Думенко – не хотел подчиняться коммунистам и так и не смог обуздать стихию своих частей, практически не применял репрессий против насильников и мародеров. Семен Михайлович, быть может, в душе комиссаров и не жаловал, но на людях, даже в сильном подпитии, никогда не допускал брани в их адрес, а также антисемитских высказываний. От природы хитрый, Буденный давно уже понял, что с новой властью можно и нужно ладить. Власть же, в свою очередь, ценила его как единственного предводителя конной народной массы, на которого более или менее можно положиться.

Причина подобной толерантности лежит в том, что Буденный был стихийным государственником, а Миронов и Думенко – анархистами-народниками, шедшими на поводу у массы и пытавшимися стать «третьей силой» между красными и белыми. Потому Буденный и обрел потом важный статус символа государственного начала для крестьянских масс, еще при жизни превратившись в живую легенду. Он олицетворял собой крестьянство, принявшее Советскую власть. Позднее, когда по стране прокатилась насильственная коллективизация, которую Буденный не рискнул осудить, а наоборот, всецело поддержал, власть оценила, сколь удобную пропагандистскую фигуру она имеет. Буденновский имидж успешно эксплуатировался вплоть до первых месяцев Великой Отечественной войны. Затем, после

перерыва, вызванного не слишком успешными действиями Семена Михайловича на фронте, наступило некоторое затишье, но в конце 1950-х годов, при Хрущеве, Буденный был торжественно возвращен в пантеон героев. Ему, наконец, присвоили звание Героя Советского Союза, массовым тиражом издали его мемуары. На старости лет бывший командарм Первой конной, похоже, искренне уверовал, что является главным героем Гражданской войны. И старался устранить конкурентов, теперь уже – из памяти народа.

Таких конкурентов он видел прежде всего в лице Миронова и Думенко. Даже после реабилитации Думенко Ворошилов и Буденный сохранили прежнее мнение о нем, равно как и о реабилитированном еще раньше Миронове. 10 января 1966 года Буденный направил Ворошилову информационный материал в 90 машинописных страниц, озаглавленный «О реабилитации и восхвалении в периодической печати Миронова Ф. К. и Думенко». О Миронове в этом примечательном документе, подготовленном буденновскими порученцами, говорилось, в частности, следующее: «На организованном им 22 августа митинге в Саранске Миронов заявил, что „коммунисты губят Россию, разложили армию и потому нужно нам, казакам, идти сейчас на фронт, разбить Деникина, а потом повернуть штыки на Москву, чтобы сбросить долой Совет Народных Комиссаров и установить настоящую Советскую власть“. В приказе по Донскому корпусу, подписанному Мироновым, говорилось, что причины поражения Красной армии объясняются „сплошными злостными деяниями господствующей партии, партии коммунистов, восстановивших против себя общее негодование и недовольство трудящихся масс“ и „чтобы спасти революционные завоевания, остается один-единственный путь: свалить партию коммунистов. Долой единоличное самодержавие и бюрократизм комиссаров и коммунистов“».[2]

В информационном материале также утверждалось, что в процессе подготовки реабилитации «в архивах копировались все документы, которые хотя бы в какой-то мере характеризовали Миронова положительно, и обходили материалы, характеризующие его с отрицательной стороны». Далее говорилось: «В своем ультимативном письме В. И. Ленину Миронов назвал „всю деятельность Коммунистической партии направленной на истребление казачества вообще“ и требовал соглашения с эсерами и меньшевиками. Владимир Ильич дал тогда указание о непременной поимке Миронова и привлечении его к ответственности. При этом Ленин подчеркивал, что „наряду с полным уничтожением банд Мамонтова поимка Миронова

имеет большое, громадное (подчеркнуто В. И. Лениным) значение“».[3]

О Борисе Думенко в той же справке говорилось: «Однако в архивных материалах имеются свидетельства того, что Думенко потворствовал грабежам и казачьим реквизициям, а также много присваивал себе конфискованные ценности. На этой почве у него возникли конфликты с политработниками, которых Думенко ругал при бойцах, настраивая бойцов против политкомов. Так, в донесении ВРИД военкома Сводной кавдивизии С. Питашко от 29.12.1918 г. говорится, что „разъяренные поджигательской речью Думенко бойцы готовы были расправиться с политкомами, но это насилие предупредил пом. комдива т. Буденный“ (ЦГАОР. Ф. 192. Оп. 2. Д. 101. Л. 30).

14 марта 1919 года политический комиссар отдельной кавалерийской дивизии В. Новицкий докладывал Реввоенсовету 10-й армии:

> «За несколько дней, когда Думенко вступил в исполнение своих обязанностей начдива, дивизия стала неузнаваемой, начались грабежи по всему пути следования. Причина их – начдив: он дал право чеченцам забирать все ценное, как то: золото, серебро и другие более ценные вещи. Об этом, конечно, весь состав дивизии знает, начиная от начштаба и кончая красноармейцами включительно. И такой поступок разлагающе действует на окружающих. У начдива 5 подвод, в том числе 2 экипажа, груженных разными вещами, конечно, реквизированными… В последнее объяснение, которое было между мной и начдивом, он заявил, что всех политкомов дивизии арестует и расстреляет. На заданный мною вопрос: 'желает ли он признавать за политкомами те директивы, которые даны Реввоенсоветом армии? начдив самым категорическим образом заявил, что 'не признает'»» (ЦГАСА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 34. Л. 21, 22).
>
> В условиях отсутствия регулярного централизованного снабжения и постоянных материальных недостатков, бойцы легко поддавались соблазну пограбить и почитали тех, кто этого не пресекал. Против грабежей и мародерства боролись политработники, ущемляя партизанское своеволие Думенко, поэтому он их и невзлюбил.
>
> Показательно, что когда 24 марта Думенко был назначен помощником начальника штаба 10-й армии по

кавалерийской части, он, опасаясь наказания за потворство грабежам и унижение политических комиссаров, около месяца отсиживался в Большой Мартыновке и на станции Куберле. Сообщая, что в Царицыне его могут арестовать, Думенко обращался за защитой к С. М. Буденному, Г. К. Шевкоплясову и Д. П. Жлобе (Протокол собрания командиров и бойцов 4-й кав. дивизии от 18 апреля 1919 г. – из личного архива С. М. Буденного)… Недовольный коммунистами, он ругал и советскую власть, которую, как он выражался, «захватили коммунисты и жиды»…

Военком Ермаков в докладной записке сообщает, что 15–20 сентября 1919 года он и помощник политкома Тубольцев были приглашены в штакор (штаб корпуса. – *Б. С.)*.

«С нашим прибытием т. Думенко попросил всех присутствовавших удалиться, мотивируя, что состоится секретное заседание по всем делам. Оставшись втроем наедине, Думенко сказал, что мы известны ему с 1918 года как старые опытные террористы и наше присутствие при нем он считает необходимым.

«Я много сделал для революции, – продолжал Думенко, – но все-таки не получил еще должного мне доверия от Центра и созданного мною корпуса. Я вижу себя приниженным всякой сволочью, подразумевая представителей поарма 10 и др., и необходимо эту сволочь уничтожить, так как она стоит на моем пути».

Считаю нужным заметить, что Думенко не знал, что я коммунист, а на тов. Тубольцева он не обращал внимания, считая его анархистом. «Ко мне, – говорил Думенко, – прибыли два типа, следят за моими действиями, и были случаи, аннулировали некоторые мои распоряжения».

Думенко приказал терроризировать этих двух представителей, но фамилий их не назвал, поскольку я заявил ему протест».

Далее тов. Ермаков пишет:

«От Думенко всегда можно было слышать, что Советская власть скоро погибнет, что Россия продана подлым жидам, которые продали исстрадавшуюся Россию.

В октябре месяце 1919 г. при движении корпуса в

районе Серебряково частями корпуса усилились бесчинства, а когда политкомы об этом доносили, Думенко устраивал им разнос и приказывал их убрать» (ЦГАОР. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 486-6. Л. 183–184).

Военком 2-го Донполка 3-й бригады Сводного конного корпуса Веремеенко Тимофей Лаврентьевич доносил: «В селе старая Криуша Калачевского уезда, я с комбригом Трехсвятковым зашел в 10.00 в штаб корпуса и остановился у двери. В штабе корпуса сидели Думенко, Абрамов, Блехерт, начальник штаба 2-й горской бригады Дронов и другие. Думенко высмеивал жидов, т. е. евреев, говорил, что жиды-комиссары забрали страну в руки и готовят красных офицеров – жидов. От этой дряни, – говорил он, – ничего доброго не получишь. Я этих офицеров-торговцев знаю, пусть их выстроят хоть 200 человек, всех перебью» (ЦГАОР. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 486-6. Л. 187).

Бывший комиссар корпуса Думенко Сергей Петрович Ананьев, раненный в бою выстрелом в спину, писал во время следствия по делу Думенко: «Думенко – мелкобуржуазный выродок с большим самолюбием и мелким тщеславием. Политически не воспитан, правильного понятия о советской власти не имеет и больше склонен к идеологии народничества (эсерства). Политические учреждения и коммунистическую партию не признавал и всячески их поносил. Мелкое тщеславие составило у него представление о самом себе как о необычайно великом герое и полководце, что давало ему возможность выражаться: „Захочу – сниму весь фронт до самой Москвы“. Наши последние успехи в Донской области его окрылили, он стал себя мнить чуть ли не Наполеоном. Говорил, что он не признает коммунистов, поносил их и признает только РВСР (Реввоенсовет республики. – *Б.* С.)» (Там же. Л. 416).

Действительно, к январю 1920 года поведение Думенко было вызывающим и дерзким. Вот как описывает встречу с Думенко не политработник Конкорпуса, а комиссар 2-й бригады 23-й стрелковой дивизии т. Фролов: «12 декабря 1919 г. в 4 часа дня в штаб бригады ворвался кавказец в бурке лет двадцати и крикнул: „Выметайтесь вон!“ Командир бригады спросил его, кто он такой. Кавказец ответил: „Мы кто такой? Мы думенковцы! Очистите квартиру немедленно или мы вас выбросим“. Я позвал своего ординарца и приказал ему

сходить за комендантской командой. Тогда кавказец выхватил кинжал и с криком „мы будем вас резать!“ бросился на меня, угрожая убить.

Когда я узнал, что Думенко стоит у ворот, я попросил его войти. Он вошел, вытаращил глаза и крикнул на командира бригады, не знавшего в лицо Думенко: «Встань, сволочь, с тобой разговаривает командир корпуса!» Последовала площадная брань. Бушуя все больше, Думенко выхватил револьвер и закричал: «Ишь сволочи, коммунисты, бандиты, руби их!»

На командира бригады бросились двое и сорвали с него револьвер. Меня моментально схватили тоже двое за руки, а третий схватил стул и замахнулся им. Я рванулся в сторону, и стул попал только по руке. Я пытался выскочить из комнаты, но меня опять схватили и потребовали оружие. Револьвер лежал на угольнике, и я молча указал на него. Мой и комбрига револьверы схватили и, сквернословя, вся компания удалилась. Думенко, садясь на коня, обращаясь к появившимся Шевкоплясову и Блехерту, говорил: «Всех этих сволочей коммунистов перевешают»» (ЦГАОР. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 486-6. Л. 185–186).

Представляя этот рапорт политкома Фролова, вместе с донесением комбрига, начдив 23-й стрелковой дивизии докладывал командарму 9, что от жителей поступают жалобы на безобразное поведение частей Думенко. Политком Фролов указывает, что по пути из Балашова он слышал стон и плач жителей сел, через которые проходили части конкорпуса Думенко. В селе Тростянском они забрали 700 лошадей, много имущества, изнасиловали много женщин и девушек-подростков. Это повторилось и в других селах (ЦГАОР. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 486-6).

Заявление в политотдел конкорпуса политкома 2-й Горской бригады Г. С. Пескарева: «За три месяца нахождения во 2-й Горской кавбригаде, живя вместе с полевым штабригом, я имел возможность при частых посещениях комкора Думенко, Абрамовым и Блехертом нашего штабрига вести с ними споры на политические темы и очень скоро хорошо узнал политические физиономии как членов нашего штабрига, так и полевого штакора. Все они, за исключением Абрамова, который слишком осторожен в выражениях, ярые

противники коммунистического строя и коммунистической партии и большой руки антисемиты. Думенко и Блехерт однажды заявили, что коммунисты ничего не могут дать рабочим и крестьянам, а что в скором времени народится партия (ясно намекая на себя), которая будет бить и Деникина, и коммунистов.

После того как Думенко получил выговор по приказу Юго-Восточного фронта за невыполнение приказа, он, по словам начснабрига Кравченко, и рвал с себя орден Красного Знамени и, с ругательством бросая его в угол, сказал, что «от жида Троцкого получил, с которым мне все равно придется воевать». Ненависть и клевета на коммунистов и комиссаров – вот отличительная черта этой компании, которая к тому же не прочь и пограбить и понасиловать.

За время стоянки в с. Дегтево были взяты в плен две сестры милосердия противника, которые на следующее утро оказались расстрелянными и которых, по словам бывшего командира взвода ординарцев Жорникова, всю ночь насиловала вся эта компания из корпуса. Кроме этого, Жорников выгнан из корпуса за то, что не мог угодить их развратным требованиям, передает, что кроме сестер в этом селе искали 15-ти летнюю дочь хозяйки, где стояли на квартире, с целью насилия, но, не найдя ее, изнасиловали сестру хозяйки».

Это заявление Г. С. Пескарева было опубликовано в книге И. Смилги «Воспоминания. Очерки» в 1923 году. Там же указывается, что все факты, изложенные в заявлении, проверила и подтвердила следственная комиссия (ЦГАОР. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 486-6. Л. 131).

Положение в Сводном конном корпусе резко осложнилось после занятия Новочеркасска и разразившихся грабежей в городе, для ликвидации которых Реввоенсовет 9-й армии вынужден был привлечь стрелковые части. В то время как шли грабежи, руководители штаба корпуса занимались пьянством, в чем на следствии признали себя виновными Шевкоплясов, Блехерт, Колпаков. Вот что показал по этому поводу (состоящий. – *Б. С.)* для особых поручений командира корпуса Г. К. Шевкоплясов:

«В штабе корпуса во время его стоянки в Новочеркасске происходили выпивки. Вино доставлялось Носовым по распоряжению комкора. Раза четыре или пять на этих гулянках присутствовали проститутки. Их доставлял Кравченко – специалист по этой части. Я несколько раз возражал против

пьянок и проституток, но меня не слушали. Кравченко однажды чуть было не пристрелил меня» (Там же. Л. 346–348).

Для наведения порядка в Новочеркасск выехал член РВС 9-й армии, коммунист с 1913 года Н. А. Анисимов (умер в Новочеркасске от тифа). Ознакомившись с положением, он послал в Реввоенсовет армии следующее донесение:

> «Думенко определенный Махно. Не сегодня, так завтра он постарается повернуть штыки. Если этого не делается сейчас, то только потому, что не совсем чувствует твердую почву под ногами. Посылает своих красноармейцев громить винные лавки, насилует женщин и всюду откровенно агитирует против Советов. Назначенный мною исполком чуть было не был разогнан. Потом убедился я сам, но кроме того, подтверждает Жлоба и другие, а также и предубеждает. Считаю необходимым немедленно арестовать его при помощи Жлобы. Надо пользоваться стоянкой в городе и присутствием дивизии (стрелковой). Через некоторое время будет поздно, он наверняка выступит. Поговаривают соединение с Буденным. Отвечайте, если согласны немедленно произвести арест» (Там же).
>
> Меры, предлагаемые Н. А. Анисимовым, не были осуществлены. Он заболел тифом…

Из показаний Д. П. Жлобы:

> «…С начала присоединения бригады к корпусу… Думенко относился ко мне дружелюбно и после некоторого знакомства задал мне вопрос: почему я не выгоняю своих коммунистов, предложив это сделать. Я ответил, что мне коммунисты много помогают, особенно в борьбе с грабителями. После такого ответа отношение Думенко ко мне изменилось, бригаде всегда давали наихудшие участки и места ночевок… Одним словом, начались гонения на меня с бригадой».

Сам Думенко на следствии показал, что «никогда не препятствовал политработе и не стремился оградить себя от политического контроля. Никто коммунистов и политработников не выгонял из корпуса. Откомандировал только беспартийного начальника штаба, совершенно не способного к работе… На вопрос – почему я был недоволен некоторыми комиссарами – отвечаю: комиссары приезжали и говорили, что они посланы контролировать. Я считал, что контролировать нужно тех

начальников, которые мобилизованы, я же пошел воевать за Советскую власть добровольно.

Ни я, никто из моего штаба не называл коммунистов «жидами, засевшими в тылу», не вели антисемитской работы. Орден Красного Знамени я носил до тех пор, пока не испортилась красная лента и не потерлась резьба на винте. Я не срывал с себя ордена и не говорил никогда таких слов, что орден дал мне жид Троцкий и носить я его не желаю. «Жид» было для меня ругательным словом, я и русских называл жидами. Евреев я считаю негодными для кавалерии, они только испортят лошадей.

Никогда я лично не пьянствовал и вообще после ранения в легкие был непьющим. Никаких грабежей и бандитизма не было. Дважды я отдавал приказы о борьбе с насилием и реквизициями, призывая к этой борьбе и политработников.

Мне кажется, что все это поднял политком Пескарев, которого я поймал пьяным с чайником вина (спирта).

Насчет туч в разговоре с Буденным – подразумевал противника».

О каких тучах идет речь, говорят показания Ворошилова и Буденного, данные ими следователю Тегелешкину 29 марта 1920 года. Буденный показал: «Января 10 дня с/г. приезжал ко мне на квартиру Думенко и, сидя в комнате при разговоре, насколько мне помнится, шел вопрос о знамени для четвертой кавдивизии, но откуда взял его, мне не пришлось выяснить. После чего мы перешли к разбору операций, где он сказал, что перед нами налегает туча, которую нужно разбить, но что за туча, я не уяснил себе и сказал, что бояться нечего, в данное время противник парализован и мы объединимся, его разобьем, но здесь мне не пришлось детально узнать о налегающих тучах, как кто-то вошел в нашу комнату и разговор наш был прерван…»

Ворошилов, в свою очередь, утверждал: «Дня через 4 после отъезда Думенко и др. я узнал от т. Сокольникова, что есть приказ об аресте Думенко за невыполнение боевых приказов и подозрительное поведение. Я об этом сообщил т. Буденному и спросил, что ему говорил в свой приезд Думенко и как объяснял причины своего посещения нас. Т. Буденный мне передал, что Думенко все время говорил о нависших над нами тучах, о том, что надо держать тесную связь и прочее в этом роде. Т. Буденный понимал это как опасение белогвардейских наступлений и успокаивал Думенко, говоря, что у нас теперь сила большая, мы стоим близко друг с другом и бояться нечего. И только после того, как узнал, что Думенко арестовывается, он стал толковать слова Думенко „о черных тучах“ как желание подбить его, т. Буденного, на какую-то авантюру».

Дальше всех конармейцев в своих показаниях против Думенко пошел член РВС Первой Конной Ефим Афанасьевич Щаденко: «Когда на Рождество армией Буденного был взят Ростов, а корпусом Думенко Новочеркасск, то Думенко, его начальник штаба Абрамов и Шевкопляс приезжали в Ростов к Буденному, но, встретив здесь меня и Ворошилова и хорошо зная нас еще по 10-й армии, они не могли открыто говорить с Буденным… После обеда, когда я и товарищ Ворошилов отделились от Буденного, то Думенко и Шевкопляс прошли к Буденному и о чем-то с ним говорили. Из всего этого мы с Ворошиловым заключили, что Думенко, Шевкопляс и Абрамов приезжали зондировать почву в армии Буденного. Мы только не могли, конечно, ясно разгадать их намерения. Из разговоров Буденного мы узнали, что Думенко говорил Буденному о старой дружбе и каких-то о черных тучах, которые на них надвигаются. Когда мы Буденного старались навести на мысль, что Думенко затевает авантюру против Советской власти, то Буденный сказал, что, может быть, он не понял Думенко и сказал ему, что теперь никакие черные тучи не страшны. Вскоре наши предположения стали оправдываться. Был убит политком Микеладзе. Политические комиссары подняли тревогу и стали усиленно следить за действиями штаба Думенко… На поставленный мне вопрос, не предлагал ли Думенко Буденному совместно предъявить ультиматум центральной советской власти, я отвечаю, что этого я не слышал ни лично, ни от других. Более ничего по делу Думенко добавить не имею».

Бросается в глаза, что Буденный высказывался о Думенко на допросах гораздо более уклончиво и осторожно, чем Ворошилов и Щаденко. Видно, у него в душе была еще жива память о том, как они плечом к плечу сражались с белыми. Да и серьезным соперником Думенко он, вероятно, в тот момент уже не считал. Только под влиянием членов Реввоенсовета он стал склоняться к мысли, что под «черными тучами» действительно могли иметься в виду комиссары. Щаденко и Ворошилов прямо утверждали, что такую трактовку слов Думенко Буденный стал давать только после ареста последнего. В этом можно было усмотреть намек на политическую неблагонадежность Буденного. Война с белыми заканчивалась, и в Кремле всерьез опасались появления «третьей силы», которая могла бы повести крестьянскую вольницу против «комиссародержавия». В качестве одного из потенциальных ее вождей рассматривался Думенко, как прежде Миронов, чем во многом и объясняются репрессии против них. Сыграли свою роль и систематические антисемитские выпады комкора, которые весьма негативно воспринимались партийным и военным

руководством, где евреи играли заметную роль. Вот цитата из приговора: «Думенко вел систематическую юдофобскую и антисоветскую политику, ругая центральную Советскую власть и обзывая в форме оскорбительного ругательства ответственных руководителей Красной Армии жидами».

Справедливости ради отметим, что спасти Думенко от расстрела тоже пытались евреи. Помимо адвоката Шика, это был один из партийных руководителей Донской области А. Я. Розенберг, который разговаривал по прямому проводу с заместителем председателя Ревтрибунала республики А. Анскиным. Розенберг пытался убедить собеседника, что осужденных надо помиловать. Он утверждал: «Свидетелей по делу не было. Пришлось оглашать показания на предварительном следствии. Я лично полагаю, что следовало бы поговорить с Президиумом ВЦИК и в порядке помилования расстрелы заменить 15 или 20 годами принудительных работ ввиду революционных заслуг корпуса и в связи с первомайской амнистией…»

Однако Анскин это предложение отверг. Он заявил: «Тов. Розенберг, для меня странно, что трибунал сам как будто бы возбуждает ходатайство о помиловании. Указанные соображения вы должны были принять во внимание при вынесении приговора. Со стороны же Ревтрибунала Республики не встречается препятствий в приведении приговора в исполнение… Приводите приговор в исполнение немедленно…»

Розенберг явно пытался применить к делу Думенко ту же схему, которая ранее была применена к делу Миронова, когда суровый приговор был смягчен ВЦИКом, а затем Миронов и его товарищи и вовсе были освобождены от отбытия наказания. Но на этот раз Москва категорически возражала против помилования Думенко. Время было уже другое. Когда судили Миронова, Деникин шел на Москву, советская власть сильно шаталась, и Миронов был нужен ей как авторитетный среди казачества противник белых. Думенко же судили совсем в других условиях. Армия Деникина была разбита, ее остатки эвакуировались в Крым, Гражданская война фактически завершилась. Теперь режим всерьез опасался стихийного движения крестьянства, недовольного продразверсткой и красным террором. А Думенко как раз и мог стать вождем крупного крестьянского бунта, поэтому теперь его предпочли расстрелять, руководствуясь «революционной целесообразностью» и древней истиной: «Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти», хотя никаких доказательств виновности комкора в наличии не было. Убийцы Микеладзе так и не были найдены. Мы, вероятно, никогда не узнаем ни их имен,

ни того, были ли они каким-то образом связаны с Думенко. Также вряд ли когда будет с достоверностью установлено, что именно имел в виду под «черными тучами» Думенко в роковом разговоре с Буденным – белогвардейцев или комиссаров с евреями.

Писатель Юрий Трифонов так характеризовал Думенко в «Отблеске костра»: «Нет, он не был идеальным героем гражданской войны, он был просто героем гражданской войны». Те же слова можно применить и к Буденному. Причина, почему Буденный уцелел, а его соперники Миронов и Думенко погибли, состояла в том, что Буденный был в состоянии держать в узде крестьянско-казачью массу, если не искореняя, то хотя бы ограничивая страсть к грабежам и антисемитизм. К тому же Семен Михайлович готов был терпеть у себя в корпусе, а потом в Конармии комиссаров, чего Думенко и Миронов делать не желали.

И еще дело, наверное, было в личности Семена Михайловича. Миронов 31 июля 1919 года писал Ленину: «В практике настоящей борьбы мы имеем возможность видеть и наблюдать подтверждение дикой теории: „Для марксизма настоящее – только средство, и только будущее – цель“. И если это так, то я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все им нажитое рассматривается как средство для целей отдаленного будущего, абстрактного. А разве современное человечество – не цель, не человечество, разве оно не хочет жить, разве оно лишено органов чувств, что ценой его страданий мы хотим построить счастье какому-то отдаленному человечеству. Нет, пора опыты прекратить!»

Буденный же готов был принять большевистский тезис о человеке как средстве построения светлого будущего. Этим он еще раз доказал, что является не только превосходным наездником и выдающимся рубакой. Он обладал талантом убеждать и вести за собой людей и при этом был хорошим тактиком не только на поле боя, но и в коридорах власти, где крепко держался за влиятельных покровителей – Ворошилова и Сталина.

Глава пятая
НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Весной 1920 года Гражданская война в России казалось почти законченной. Остатки белых армий были вытеснены на окраины страны или в эмиграцию и большой опасности уже не представляли. Зато обострились советско-польские отношения. В период наибольших успехов Деникина большевики готовы были достичь мира с Польшей ценой уступки полякам почти всей Белоруссии и значительной части Украины. Однако после разгрома белой армии Ленин и его товарищи начали всерьез думать о возможности экспорта революции в Польшу, а оттуда – в Германию (успех германской революции считался ключевым для победы социализма в мировом масштабе). Еще 17 марта 1920 года, более чем за месяц до начала польского наступления, в разговоре главкома Каменева с командующим Юго-Западным фронтом Егоровым было принято решение о переброске Конармии на Польский фронт походным порядком.

Польский лидер Юзеф Пилсудский, сам бывший социалист, вынашивал планы создания союза (федерации) Украины, Белоруссии, Литвы и Польши при ведущей роли последней. 21 апреля 1920 года он подписал в Варшаве союзное соглашение с беглым главой Директории Украинской Народной Республики Симоном Петлюрой. По этому соглашению Польша признавала независимость Украины, но забирала себе Волынь и Восточную Галицию, а армия Директории подчинялась польскому командованию в войне против Советской России. Польская армия была снабжена значительным количеством французского оружия. Страны Антанты с ее помощью рассчитывали создать в Восточной Европе «санитарный кордон» против Советской России. 25 апреля 1920 года польские и украинские войска начали наступление на Украине и 6 мая заняли Киев, выйдя на левобережье Днепра. Возобновились и боевые действия в Белоруссии. Поляки использовали момент, когда главные силы Красной армии еще не были переброшены с Южного фронта на Запад, и сумели захватить обширные территории. Это неожиданно укрепило позиции большевиков, которые впервые выступили в роли защитников России от внешнего врага. Под влиянием патриотических чувств в Красную армию вступали многие офицеры и генералы царской армии, в частности, А. А. Брусилов – знаменитый творец «Брусиловского прорыва», ставший заместителем начальника Генштаба.

Во время перехода Конармии на Польский фронт родилась первая песня о Буденном, слова которой написал комиссар 6-й, а потом 11-й дивизии Павел Васильевич Бахтуров – сам донской казак, учитель по основной профессии. Она была написана на мотив старинной казачьей песни «Из-за леса копий и мечей»:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать.

Кликнул грозный клич Буденный удалой:
– Эй, товарищи лихие, все за мной!
Эй, ребята, веселей да не робей,
На врага пойдем лютого поскорей!

И несется наша конница вперед,
Кулакам, врагам поблажки не дает.
Эй вы, царские холопы, палачи,
Ну, попробуй-ка, попробуй, подскачи!

Скоро, скоро всех врагов мы разобьем
И свободной, вольной жизнью заживем…
Постоим за наше дело головой.
Слава коннице буденновской лихой!

Бахтурову приписывают еще и создание слов известной песни «Мы красная кавалерия» («Марш Буденного»). Однако более вероятно, что слова этой песни принадлежат поэту Анатолию Д'Актилю (настоящие имя и фамилия – Нохум Френкель). Музыку написал известный композитор-песенник Дмитрий Покрасс. Вот полный текст этой песни:

Мы – красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые Ведут рассказ —
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные Мы смело и гордо в бой идем!

ПРИПЕВ:
Веди, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом, пожар кругом.

Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба.

Буденный – наш братишка.
С нами весь народ.
Приказ – голов не вешать
И глядеть вперед.
Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить за СССР!

Высоко в небе ясном реет алый стяг,
Летим мы на врага туда, где виден враг.
И в битве упоительной
Лавиною стремительной —
Даёшь Варшаву, дай Берлин —
И врезались мы в Крым!

Поскольку здесь уже упоминается СССР, этот вариант песни не мог появиться ранее самого конца 1922 года (впервые опубликована она была в 1922 году, а первые публичные исполнения относятся не ранее, чем к 1923 году). Именно она стала в дальнейшем неофициальным гимном конармейцев и широко исполнялась на всевозможных юбилейных концертах вплоть до недавнего времени. Скорее всего, слова о Ворошилове – это позднейшая вставка, которая не могла появиться ранее 1925 года, когда Климент Ефремович возглавил военное ведомство – иначе почему его вдруг назвали «первым красным офицером»? Сам Дмитрий Яковлевич Покрасс относил создание марша к середине 1920 года, однако по хронологии действия она никак не могла быть создана ранее конца года, когда буденновцы вошли в Крым.

Самолюбию Семена Михайловича чрезвычайно льстил тот факт, что о нем стали петь песни – это отражало его растущую популярность в армии и стране. Уже после Великой Отечественной войны, в 1956 году, маршал Г. К. Жуков стал четырежды Героем Советского Союза. Среди прочих его поздравил и Буденный, который тогда не имел еще ни одной Золотой Звезды. Георгий Константинович с грустью сказал ему: «Семен Михайлович, обо мне песен не поют, а о вас поют…»

Уже 14 мая войска советского Западного фронта Михаила Тухачевского, получив подкрепления, перешли в контрнаступление, хотя и неудачное. 7 июня 1920 года 1-я

Конная армия, перейдя в наступление, прорвала Польский фронт и 8 июня перерезала пути снабжения киевской группировки поляков. Польские войска стали поспешно отступать от Днепра. Пилсудский, рассчитывая, что армии Тухачевского еще не оправились от понесенного поражения, перебросил несколько дивизий из Белоруссии для борьбы с конницей Буденного, разбить которую считал не таким уж трудным делом. Расчеты маршала строились на опыте Первой мировой войны, когда кавалерия показала полную беспомощность в условиях позиционно-окопной войны, проволочных заграждений и насыщения войск артиллерией и пулеметами. Однако в советско-польской войне была совсем другая плотность войск и особенно огневых средств. Не было и сплошных линий окопов, почти отсутствовала и колючая проволока – страшный враг кавалерии.

В результате буденновского прорыва 12 июня польские и украинские войска оставили Киев. В июле стал теснить противника и Западный фронт. В Белоруссии польские войска быстро откатывались в варшавском направлении. В предвкушении скорой победы большевики создали в Минске «рабоче-крестьянское» правительство Польши во главе с Юлианом Мархлевским. Возникла угроза самому существованию независимого польского государства.

11 июля министр иностранных дел Англии Джордж Керзон направил Советской России ноту, где предлагал Красной армии не переходить восточную этническую границу Польши, известную с тех пор как «линия Керзона» (она в основном совпадает с нынешними польско-украинской и польско-белорусской границами). Совнарком отклонил ноту, заявив, что военная необходимость может вынудить советские войска перейти означенную линию (это и случилось в конце июля). В большевистском руководстве разгорелась дискуссия, стоит ли наступать дальше. Глава военного ведомства Троцкий, лучше других представлявший истинное состояние Красной армии, предлагал остановиться на линии Керзона и заключить мир. В мемуарах он писал: «Были горячие надежды на восстание польских рабочих… У Ленина сложился твердый план: довести дело до конца, т. е. вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть… Я застал в центре очень твердое настроение в пользу доведения войны „до конца“. Я решительно воспротивился этому. Поляки уже просили мира. Я считал, что мы достигли кульминационного пункта успехов, и если, не рассчитав сил, пройдем дальше, то можем пройти мимо уже одержанной победы – к поражению. После колоссального напряжения, которое

позволило 4-й армии в пять недель пройти 650 километров, она могла двигаться вперед уже только силой инерции. Все висело на нервах, а это слишком тонкие нити. Одного крепкого толчка было достаточно, чтоб потрясти наш фронт и превратить совершенно неслыханный и беспримерный… наступательный порыв в катастрофическое отступление». Однако Ленин и почти все члены Политбюро отклонили предложение Троцкого. Западный фронт продолжал наступление на Варшаву, а Юго-Западный, возглавляемый Александром Егоровым, – на Львов.

Польшу спасли решительные действия Пилсудского и помощь оружием и снаряжением, оказанная странами Антанты. Правительство немедленно провело аграрную реформу, объявив о перераспределении земли в пользу мелких землевладельцев (в России на такую меру не решились ни Колчак, ни Деникин). Вторжение Красной армии рассматривалось польской общественностью как попытка присоединить Польшу к Советской России, как покушение на только что обретенную независимость, о которой мечтали многие поколения поляков. В армию вступали десятки тысяч добровольцев, почти прекратилось уклонение от мобилизации. Пилсудскому удалось быстро и скрытно снять основные силы с Юго-Западного фронта и вместе с подошедшими подкреплениями сосредоточить их против открытого левого фланга Тухачевского.

16 августа 1920 года ударная группировка поляков под личным руководством Пилсудского внезапно перешла в контрнаступление во фланг Западного фронта. Советские войска были разгромлены. Как писал позднее Пилсудский, «в бешеном галопе сражения еще недавно победоносные армии противника в панике бежали, раскалываясь одна за другой как орехи…». Тухачевский полностью потерял управление войсками, часть которых оказалось в польском плену, а 4-я армия, часть сил 15-й и кавалерийский корпус Г. Гая вынуждены были уйти в Восточную Пруссию, где их интернировали немцы. В польском плену оказалось более 120 тысяч красноармейцев, главным образом в ходе сражения под Варшавой. Это было самое катастрофическое поражение Красной армии в Гражданскую войну. Сказалась усталость: многие красноармейцы старших возрастов, вынесшие еще Первую мировую, в обстановке военного поражения предпочитали сдаваться в плен, а не продолжать борьбу. Западный фронт как организованная сила перестал существовать. Юго-Западный фронт с большими потерями отступил на восток, но сохранился как единое целое. В результате между Брестом и Москвой почти не осталось боеспособных частей Красной армии.

Как свидетельствует Троцкий, в Политбюро сначала преобладало настроение в пользу «второй польской войны» – «раз начали, надо кончать». Однако председателю Реввоенсовета удалось убедить Ленина и других в необходимости прекратить войну: «Что мы имеем на Западном фронте? – Морально разбитые кадры, в которые теперь влито сырое человеческое тесто. С такой армией воевать нельзя… С такой армией можно еще кое-как обороняться, отступая и готовя в тылу вторую армию, но бессмысленно думать, что такая армия может снова подняться в победоносное наступление по пути, усеянному ее собственными обломками». 12 октября в Риге были согласованы предварительные условия мира, а 18 октября боевые действия прекратились. Накануне польские войска без боя заняли Минск, но тут же оставили его, отойдя на запад к согласованной линии границы. К тому времени выявилось, что правительство Петлюры не в состоянии мобилизовать на Украине значительные силы, и Пилсудский отказался от идеи федерации, предпочтя включить западные области Украины и Белоруссии, а также литовскую столицу Вильно (Вильнюс) в состав Польши. С аннексией же Минска, политического и культурного центра Белоруссии, трудно было бы избежать предоставления автономии национальным меньшинствам, о чем польские политики не желали даже слышать.

В советско-польской войне Первая конная, как видим, сыграла весьма значительную роль. И сразу же после завершения войны была начата дискуссия о том, виновно ли командование Конармии и Юго-Западного фронта в проигрыше советскими войсками сражения под Варшавой. Этих и последующих событий стоит коснуться подробнее.

Необходимо отметить, что нравы буденновцев нисколько не изменились после прибытия на Польский фронт. В частности, никуда не делась привычка конармейцев заниматься «самоснабжением», а фактически – грабежом. Тут еще надо учесть, что после разгрома деникинских войск на Северном Кавказе в Конармию вступило немало казаков, прежде промышлявших грабежом в рядах белых, в том числе и во время мамонтовского рейда. Так что «горючего материала» для грабежей и погромов в Конармии по дороге на Польский фронт только прибавилось.

Результаты не замедлили сказаться. Уже в июне 1920 года заместитель начальника политотдела Конармии С. Фази-Жилинский подал в политотдел фронта сводку, где отмечал факты антисемитизма, грабежей, убийств конармейцами пленных и мирных жителей. Причину творимых бесчинств он видел в

«попустительстве и поощрении комсостава». Однако по жалобе Реввоенсовета Конармии Жилинский был отозван в политотдел Юго-Западного фронта, а сводка дезавуирована из-за того, что она будто бы «полна оскорбительной клеветы на Конармию». Между тем Жилинской утверждал: «6-я дивизия. Коммунистов – 900… Политически почти все совершенно безграмотны. Военнопленных раздевают; изрубили 150 военнопленных, захваченных в Новоградволынске. Население Житомира и Бердычева сплошь ограблено».

Командир 6-й кавдивизии Семен Тимошенко тут же отписал в реввоенсовет армии свое мнение, решительно дезавуировав Жилинского: «Доношу, что политсводку Поарма в центр признаю не только не отвечающей действительности, но определенно заявляю, что это нагло придуманная ложь… Никакого роста бандитизма по отношению мирного населения не вижу… но обстановка заставляет иногда самих быть бандитами, если 4 дня не покушаешь на фронте, то ясно, отберешь кусок хлеба у кого хочешь… Раздевание военнопленных было, есть и теперь, но уже прекращается».

Буденный подобными «убедительными» объяснениями вполне удовлетворился, и скандал со сводкой Жилинского замяли. Правда, Тимошенко (тоже будущего советского маршала) перевели в другую дивизию, а его место в августе занял Василий Книга. При нем анархия в 6-й дивизии лишь поднялась на новую высоту.

Но пока конармейцы одерживали победы, элементы разложения среди них еще не представляли серьезной угрозы боеспособности армии. Заметим, что Первую конную полякам разбить так и не удалось, хотя брошенные против нее резервы, в том числе кавалерия, замедлили продвижение буденновцев. Тухачевский же воспользовался ослаблением польских сил на своем участке и 4 июля, получив значительные подкрепления, в том числе 3-й конный корпус Г. Д. Гая, перешел в наступление с самыми решительными целями. Он быстро продвинулся до Буга, а затем и до Вислы.

В мемуарах Буденный писал: «Из оперативных сводок Западного фронта мы видели, что польские войска, отступая, не несут больших потерь. Создавалось впечатление, что перед армиями Западного фронта противник отходит, сохраняя силы для решающих сражений…» Основная часть польских войск в тот момент была сосредоточена против Юго-Западного фронта, где безуспешно пыталась разбить конницу Буденного в районе Броды. Маршал Пилсудский вспоминал: «Моим общим стратегическим замыслом было…

провести энергичную подготовку резервов, покончить с Буденным и перебросить с юга крупные силы для контрнаступления, которое я планировал из района Бреста». «Покончить с Буденным» полякам не удалось – им пришлось сдать Брест и с Буга отступить на Вислу. Конармия тем временем наступала на Львов. Болотистое Полесье затрудняло связь между Западным и Юго-Западным фронтом. Тухачевский, с конца июля требовавший передачи ему армий Юго-Западного фронта, 8 августа предложил штабу Юго-Западного фронта создать временный оперативный пункт для управления этими армиями, поскольку «обстановка требует срочного объединения армий, а средств быстро установить с ними всестороннюю связь у нас нет».

4 августа 1920 года Сталин докладывал Ленину: «Заминка Буденного временная, противник бросил на Буденного литовскую, львовскую и галицкую группы в целях спасения Львова. Буденный уверяет, что он разобьет противника (он уже взял большое количество пленных), но Львов будет взят, очевидно, с некоторым опозданием. Словом, заминка Буденного не означает перелома в пользу противника».

Троцкий так оценивал события, связанные с наступлением Конармии на Львов: «Наступил момент, когда самостоятельный поход на Львов был объявлен спасительным, а ответственность за крушение фронта можно было возложить на тех, кто помешал спасительному походу на Львов. Советский официальный историк С. Рабинович пишет:

«1-я Конная армия, ввязавшаяся в бои за Львов, не могла непосредственно помочь Западному фронту, но взяв Львов, она оказала бы Западному фронту гораздо большую помощь, ибо это повлекло бы за собой переброску под Львов крупных сил. Несмотря на это, Троцкий категорически потребовал отхода 1-й Конной от Львова и сосредоточения ее в районе Люблина для удара по тылам польских армий, наступавших во фланг войскам Западного фронта»."…Вследствие глубоко ошибочной директивы Троцкого 1-я Конная вынуждена была отказаться от захвата Львова, не имея в то же время возможности отказать в помощи армиям Западного фронта".

Эта возможность была потеряна только потому, что конница Буденного – Ворошилова, в согласии с директивами Егорова – Сталина и вопреки приказаниям главного командования, повернула на Люблин с запозданием на несколько дней.

В 1937 году в № 2 «Красной Конницы» напечатана статья «Боевой путь первой Конной армии», где автор открыто признает, что Конная армия не только не сумела воспрепятствовать польской армии отойти за реку Буг, но даже «не сорвала

контрудара поляков во фланг Красным войскам, наступавшим на Варшаву». Сталин и Ворошилов, увлекшись эфемерной задачей нового занятия Галиции, не желали помочь Тухачевскому в его главной задаче – наступлении на Варшаву. Ворошилов доказывал, что взятие Львова дало бы возможность «нанести сокрушительный удар в тыл белополякам по их ударной группировке».

Совершенно невозможно понять, как можно было бы, после овладения Львовом, на расстоянии 300 километров от главного театра, ударить в «тыл» польской ударной группировке, которая тем временем уже гнала Красную армию на сотни километров от Варшавы на восток. Уже для того, чтоб только попытаться нанести полякам удар «в тыл», нужно было бы первым делом броситься за ними вдогонку, следовательно, прежде всего покинуть Львов. К чему в таком случае было занимать его?

Правда, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что польские войска, наступавшие от Варшавы, никоим образом «своего тыла» в Львове иметь не могли. Однако Ворошилов, написавший книгу «Сталин и Красная Армия», очевидно, все же упорно продолжает считать, что Львов находится «в тылу» польских армий, невзирая на то, что последние, оперируя на Висле, наоборот, находились сами «в тылу» Львова. Поэтому, надо думать, Ворошилов, а вместе с ним, вероятно, и Сталин, «в самой резкой форме протестовали против переброски конной армии из-под Львова на север – к Люблину, на помощь Тухачевскому». «Заметая свои гнусные, пораженческие маневры, предатель Троцкий обдуманно и сознательно добился переброски конной армии на север, якобы на помощь Западному фронту», – негодующе замечает «Красная звезда».

К сожалению, он добился этой переброски слишком поздно, – заметим мы. Если бы Сталин и Ворошилов с безграмотным Буденным не вели «своей собственной войны» в Галиции и Красная конница была своевременно у Люблина, Красная армия не испытала бы того разгрома, который ее привел к рижскому миру. Действительно, редактор «Красной Конницы» совершил крупную неловкость, напомнив теперь об этом…

Захват Львова, лишенный сам по себе военного значения, мог бы получить смысл лишь в связи с поднятием восстания украинцев (галичан) против польского господства. Но для этого нужно было время. Темпы военной и революционной задач совершенно не совпадали. С того момента, как определилась опасность решающего контрудара под Варшавой, продолжение похода на Львов становилось не только беспредметным, но и преступным. Однако в дело вступилась фронтовая амбиция,

опиравшаяся на инерцию безостановочного движения. Сталин, по словам Ворошилова, не останавливался перед нарушением уставов и приказов.

Главным инициатором похода был Ленин. Его поддерживали против меня Зиновьев, Сталин и даже осторожный Каменев. Из членов ЦК на моей стороне был Рыков, тогда еще не входивший в Политбюро. Все секретные документы того времени имеются в распоряжении нынешних хозяев Кремля, и если б в этих документах была хоть одна строка, подтверждающая позднейшие версии, она была бы давно опубликована. Именно голословный характер версий, к тому же столь радикально противоречащих одна другой, показывают, что мы имеем дело все с той же термидорианской мифологией».

В 1930 году тогдашний официальный историк Н. Попов, позже исчезнувший, писал по поводу польской кампании в работе «К 10-летию Советско-Польской войны 1920 г.», что партия совершила ошибку в наступлении на Варшаву. Правда, наряду с этим он подвергал критике позицию Троцкого, считая ее ошибочной. Но во всяком случае в центральном органе партии в 1930 году официальный историк признавал, что поход на Варшаву был ошибкой Политбюро: «Троцкий и до настоящего времени пытается спекулировать на том, что в свое время он был против варшавского наступления, как мелкобуржуазный революционер, считавший недопустимым внесение в Польшу революции извне. По тем же самым соображениям Троцкий в 1921 г. высказывался против помощи со стороны нашей Красной армии грузинским повстанцам. Партия не послушалась Троцкого в 1921 году, и вместо меньшевистской Грузии мы имеем советскую Грузию. Партия и в 1920 году с такой же решительностью отвергла мелкобуржуазный педантизм Троцкого, когда Красная армия шла к Варшаве. Наша ошибка заключалась не в самом факте похода, а в том, что он был поведен совершенно недостаточными силами».

А вот что писал А. И. Егоров по поводу передачи Первой конной армии Западному фронту: «От района местонахождения 1-й Конной армии 10 августа до района сосредоточения польской ударной 4-й армии на р. Вепш по воздушной линии было около 250 км. Даже при условии движения без боев просто походным порядком 1-я Конная армия могла пройти это расстояние, учитывая утомленность ее предшествующими боями, в лучшем случае не меньше, чем в 8–9 дней и могла выйти на линию р. Вепш лишь к 19–20 августа… А с учетом сопротивления противника раньше 21–23 августа Конная армия линии р. Вепш достигнуть никогда не сумела бы». В этом с ним вполне согласен

Пилсудский, указавший, что именно маневра на север ожидало от Конармии польское командование и собиралось использовать все силы и средства, чтобы задержать Буденного: «Если же Буденный двинется на север, то вся наша конница и лучшая пехотная дивизия должны немедленно пойти вслед за ним и любыми способами помешать его продвижению». Пилсудский также указал, что против Конармии действовало 3,5 пехотных и полторы кавалерийских дивизии.

Буденный в мемуарах справедливо отмечал: «Все попытки главкома сменить Конармию пехотой и полностью вывести ее в резерв начиная с 6 августа не имели успеха. 13 августа он, разговаривая по прямому проводу с командующим Западным фронтом, заявил, что Конармия и сейчас стоит перед стеной пехоты, которую ей до сих пор не удалось сокрушить». Он также указал, что позднее, 16 августа, когда наконец поступила директива Тухачевского о выводе конницы из боя и сосредоточении ее в районе Владимира-Волынского для удара в люблинском направлении, она была еще более невыполнима, чем пятью днями раньше. Конармия вела тяжелые бои за Бугом, а сменять ее было некому». Так что на самом деле Тухачевскому трудно было винить в собственной неудаче соседей. Понимая это, он предпочел ссылаться на подавляющее превосходство противника, уверяя, что 40 тысячам штыков и сабель Западного фронта противостояли более 70 тысяч поляков. Была и еще одна причина поражения, о которой уповающие на мировую революцию большевики не очень-то распространялись, – патриотизм поляков, единодушно выступивших против советского вторжения. В немалой степени этому способствовали грабежи и бесчинства, творимые в Польше «освободителями» из Первой конной.

С данным Буденным объяснением действий Первой конной в период Варшавского сражения нельзя не согласиться. Вообще, мы как-то привыкли представлять Семена Михайловича лихим рубакой, лишенным всякого оперативного кругозора. Мемуары, конечно, Буденный писал не один, а с помощью своих адъютантов не ниже чем в полковничьих чинах. Да и сам он все же окончил военную академию, пусть и заочно, по ускоренной программе. С его доводами насчет того, что Конармия не успела бы помочь советским войскам под Варшавой, даже если бы не было задержки в выполнении приказа о ее передаче Западному фронту, трудно не согласиться.

Но вот в чем Семен Михайлович заблуждался и в 1920 году, и на склоне лет, когда работал над мемуарами, так это в том, что взятие Львова Конармией стало бы лучшей помощью разбитым

под Варшавой войскам Тухачевского. В мемуарах он писал: «Противник упредил нас своим контрнаступлением. Главком, разговаривая с М. Н. Тухачевским в 1 час 18 августа, заявил, что момент перегруппировки 12-й и Первой Конной армий упущен и надо усиливать Брест с тыла. На следующий день признал это и М. Н. Тухачевский.

Директивой же от 17 августа командующий Западным фронтом требовал ликвидировать люблинскую группировку врага. 12-й армии он приказывал перейти в наступление на Холм – Любартов, а Конной армии напрячь все силы и во что бы то ни стало сосредоточиться в назначенный срок в районе Владимир-Волынский – Устилуг, имея в дальнейшем задачей наступать в тыл ударной группировке противника.

Перед нами встала довольно сложная проблема. С одной стороны, мы видели, что положение наших войск на варшавском направлении действительно тяжелое, и сознавали всю свою ответственность. С другой стороны, простой расчет времени показывал, что задача, определенная нам директивой, явно невыполнима. Физически невозможно было в течение одних суток выйти из боя и совершить стокилометровый марш, чтобы 20 августа сосредоточиться в указанном районе. А если бы это невозможное и произошло, то с выходом к Владимир-Волынскому Конармия все равно не смогла бы принять участия в операции против люблинской группировки противника, которая, как уже говорилось, действовала в районе Бреста.

И кроме того, нам непросто было уйти из-под Львова. Уйди мы – и инициатива сразу переходила к противнику, что ставило польский участок Юго-Западного фронта в катастрофическое положение.

Силы львовской группировки противника, потрепанные Конармией, оставались еще достаточно мощными и активными. А нас по-прежнему никто не сменял. Одни наши малочисленные и измотанные боями 45-я и 47-я стрелковые дивизии были не в состоянии занять весь фронт Конармии. Надо иметь еще в виду, что группа И. Э. Якира действовала с открытым флангом, так как левофланговые войска 14-й армии далеко отстали.

В сложившейся к 19 августа обстановке, по нашему твердому убеждению, единственно правильным решением было продолжать наступление на Львов и какой угодно ценой овладеть им. Это привело бы к разгрому львовской группировки неприятеля и укреплению Юго-Западного фронта. Больше того, захват Львова создавал угрозу правому флангу и глубокому тылу противника, оперировавшего против наших армий на варшавском направлении. В этом случае белопольское командование

неизбежно вынуждалось на переброску значительных сил в Львовский район с севера, что, безусловно, должно было облегчить положение отступавших соединений Западного фронта.

После овладения Львовом мы рассчитывали создать не менее двух галицийских дивизий, оставить их и группу И. Э. Якира в качестве заслона, а самим двинуться по кратчайшему пути в северо-западном направлении на Рава-Русскую, Красностав, Люблин, имея в виду нанести удар противнику из-за левого фланга 12-й армии.

Все эти соображения мы решили сообщить М. Н. Тухачевскому и просить его указаний. Из Борщовичей в Буек срочно выехал командир штаба и оттуда в 23 часа 30 минут 19 августа направил в Минск через штаб Юго-Западного фронта донесение следующего содержания:

«К данному моменту части Конной армии подошли к г. Львов с юго-востока и востока на 6 вер. Противник, накопившийся перед Конной армией в огромных силах в составе 1-й и 2-й кавдивизий, 5, 6, 12 и 13-й пехотных дивизий, одного полка 11-й пехдивизии и гарнизона г. Львова, состоящего исключительно из добровольцев, при 8 бронепоездах, многочисленной артиллерии и нескольких эскадрильях самолетов, оказывает отчаянное сопротивление на всех подступах к г. Львову и даже переходит в контрнаступление, причем противник стягивает к Львову резервы, подвозя эшелонами по железной дороге. За 18 и 19 августа взять г. Львов не представилось возможным, но через два-три дня Львов должен быть занят частями Конной армии. Оставление Конной армией занимаемого участка и замену ее другой частью в данный момент и при данных условиях я считаю абсолютно невозможным и могущим катастрофически отразиться на всем фронте, ввиду того что противник, оперирующий против Конной армии, хотя и понес в боях 17 и 18 августа огромные потери в живой силе, однако не потерял активности и способности в значительной мере повести наступление тот же час, как только Конная армия снимется с боевого участка. Группа же львовского направления, состоящая из 45-й и 47-й пехдивизии, не в состоянии удержать львовской группы противника, причем фланг 14-й армии отстал от нашего левого фланга на 60–70 вер. Донося о вышеизложенном, прошу ваших указаний, как поступить».

Все же на случай, если командующий фронтом не согласится с нашим предложением, подготовили приказ на отход армии за реку Буг.

Всю ночь мы с Климентом Ефремовичем не спали, ожидая ответа из Минска. Он поступил около 6 утра. М. Н. Тухачевский подтвердил директиву о движении Конармии в район Владимир-

Волынского.

Мы сразу же разослали в соединения заготовленный приказ. Он требовал, чтобы после отхода за Буг 4-я дивизия сосредоточилась в селе Руда, 6-я – в Адамах, 41-я – в Побужанах, а 14-я – в Холоюве. Для прикрытия оставленных рубежей каждая дивизия должна была выделить по полку. С подходом частей И. Э. Якира и после смены пехотой эти полки присоединялись к своим соединениям».

Тут можно сказать только одно. Если бы каким-то чудом Конармия все же взяла бы Львов, этот успех погубил бы ее окончательно и бесповоротно. Конармейцы наверняка бросились бы грабить город, который был побогаче Ростова. Разложившаяся Конармия застряла бы в районе Львова на неделю-другую. В этом случае она наверняка была бы окружена сильной львовской группировкой польской армии, которой, возможно, помогли бы и другие части.

Уничтожение Конармии могло бы иметь стратегическое и политическое значение. В этом случае Пилсудский, может быть, рискнул бы продолжить войну с Советами, пополнив свои силы за счет петлюровцев и пленных красноармейцев. В этом случае неудавшийся поход на Варшаву мог бы превратиться в поход на Киев, а то и на Москву. А если бы мир с Польшей был все-таки заключен, то без Конармии ликвидация Врангеля могла затянуться, и, возможно, «черному барону» удалось бы увести в Крым из Северной Таврии значительно больше войск, чем это случилось в действительности, а заодно прихватить туда и хлеб нового урожая. И тогда у Русской армии белых, во всяком случае, появился бы шанс перезимовать в Крыму. А если бы в момент кронштадтского и тамбовского восстаний в Крыму оставалась бы еще сильная группировка белых, то для подавления крестьянских восстаний у советского руководства могло не хватить сил. Да и Махно тогда оставался бы союзником в борьбе с Врангелем, и ликвидировать махновское движение было бы весьма затруднительно.

Но все это – чисто теоретические предположения, причем вероятность их осуществления все равно невелика. Скорее всего, и в случае гибели Первой конной мир с поляками был бы заключен примерно в те же сроки, а Врангеля все равно бы выгнали из Крыма до конца 1920 года. А вот конкретные судьбы Ворошилова и Буденного, да и многих других командиров-конармейцев, могли быть иными. В случае разгрома Конармии Семен Михайлович и Климент Ефремович вполне могли бы попасть в плен. Конечно, после заключения мира их тотчас бы вернули на Родину. Однако репутация руководителей Первой

конной и в глазах народа, и в глазах партийного руководства была бы безнадежно подорвана. Вряд ли бы им светила в дальнейшем столь блестящая военная карьера, как это было на самом деле. И Сталин наверняка нашел бы себе других сторонников в военной среде. При таком развитии событий Ворошилов вряд ли стал бы наркомом обороны, и они с Буденным не удостоились бы маршальских званий. Наоборот, у руководителей Конармии были бы тогда все шансы оказаться в проигравшей группировке и стать жертвами репрессий 1937 года то ли вместо Тухачевского, то ли вместе с Тухачевским.

А ведь если бы Михаил Николаевич тогда, в августе 1920 года, дал бы себя увлечь перспективой взятия Львова, на что очень надеялся Реввоенсовет Первой конной, то, глядишь, и избежал бы казни в 37-м и не имел бы против себя опасных конармейских соперников. Так что Семену Михайловичу и Клименту Ефремовичу по-хорошему надо было бы на Тухачевского молиться, что спас их от неминуемого позора. А они его в 37-м хладнокровно отправили на расстрел…

Первая конная пошла в рейд на Замостье в попытке помочь разбитым войскам Западного фронта. Рейд закончился неудачно, Конармия понесла большие потери, попала в окружение, но вырвалась из него. 31 августа у местечка Стабров в 15 километрах от Замостья Семен Михайлович лично участвовал в рубке вместе с 24-м кавалерийским полком 4-й кавдивизии. Бывший командир взвода в этом полку Потоцкий, в будущем – генерал-майор-инженер, вспоминал: «Оглянувшись, я увидел группу всадников, а впереди знакомую коренастую фигуру командарма.

– Товарищ командарм, – что было силы закричал я, – еще конница справа!

Но Буденный и группа конармейцев продолжали скакать с обнаженными шашками. Командарм, поглядев в ту и другую сторону, громко подал команду:

– Черт с ними! Бей этих, потом тех!

Бойцы полка увидели командарма, ближайшие к нему услышали его необычную команду: «Бей этих, а потом тех!» и передавали ее по цепи. Эта команда подняла наш дух, усталость как рукой сняло, отовсюду неслись крики:

– С нами Буденный! Ур-рр-ааа!

Полк двинулся на врага. Завязалась рубка. Вначале я еще видел Буденного, старался своим взводом прикрывать его. Командарм был напорист. Он сильным ударом выбил из седла одного улана, слехстнулся в поединке с другим… В гуще боя, когда все смешалось и возникла настоящая свалка, я потерял Буденного из виду. Схватка была недолгой, вскоре противник,

беспорядочно отступая, скрылся в лесу.

И тут мы снова увидели Семена Михайловича. Он был разгорячен боем, сверкающий клинок сабли опущен, усы задорно торчат, фуражка, закрепленная ремешком на подбородке, лихо сбилась набок. Счастливые минуты… Мы радовались успеху и гордились своим боевым командиром, храбрым и непобедимым в кавалерийском бою».

По многим воспоминаниям видно, что Буденный, прекрасный наездник, и рубиться умел как никто другой. Оба эти качества помогали Семену Михайловичу всегда выходить победителем из сабельных поединков. Стрелял он тоже метко, но всегда отдавал шашке преимущество перед маузером.

О польском походе Первой Конной сохранился уникальный документ – дневник знаменитого писателя Исаака Бабеля, автора нашумевшего сборника рассказов «Конармия». Бабель по чужим документам Кирилла Лютова, выдавая себя за русского, служил корреспондентом армейской газеты «Красный кавалерист» по 6-й кавдивизии. В «Конармии», которая сама по себе жестока, некоторые сюжеты, связанные с творимыми конармейцами еврейскими погромами, расстрелами пленных и насилиями над мирным населением, были существенно смягчены, в том числе и по цензурным условиям, а также во имя «художественной типизации». Илья Эренбург в 1964 году вспоминал в мемуарах: «Он смягчал все страшные места. Я сравнивал дневник с рассказами. Он почти не менял фамилии, эпизоды те же, он освещал только все какой-то мудростью. Он сказал: „Вот так это было. Вот люди, эти люди бесчинствовали и страдали, глумились и умирали, и была у каждого своя жизнь, своя правда“. Из тех же самых фактов, из тех же фраз, которые он впопыхах записывал в тетрадь, он потом писал».

Справедливости ради надо отметить, что Бабель пишет в дневнике и о погромах, чинимых поляками, например, о еврейском погроме в Житомире – со слов уцелевших. Вот запись от 3 июня 1920 года: «Житомирский погром, устроенный поляками, потом, конечно, казаками. После появления наших передовых частей поляки вошли в город на 3 дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Подожгли 6 домов, дом Конюховского на Кафедральной – осматриваю, кто спасал – из пулеметов, дворника, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца – прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались».

А вот – типичная сцена реквизиции в записи от 12 июля:

«Приходит бригада, красные знамена, мощное спаянное тело, уверенные командиры, опытные, спокойные глаза чубатых бойцов, пыль, тишина, порядок, оркестр, рассасываются по квартирам, комбриг кричит мне – ничего не брать отсюда, здесь наш район. Чех беспокойными глазами следит за мотающимся в отдалении молодым ловким комбригом, вежливо разговаривает со мной, отдает сломанную тачанку, но она рассыпается. Я не проявляю энергии. Идем во второй, в третий дом. Староста указывает, где можно взять. У старика, действительно, фаэтон, сын жужжит над ухом, сломано, передок плохой, думаю – есть у тебя невеста или едете по воскресеньям в церковь, жарко, лень, жалко, всадники рыщут, так выглядит сначала свобода. Ничего не взял, хотя и мог, плохой из меня буденновец».

16 июля Бабель записал в дневнике: «О буденновских начальниках – кондотьеры или будущие узурпаторы? Вышли из среды казаков, вот главное – описать происхождение этих отрядов, все эти Тимошенки, Буденные сами набирали отряды, главным образом – соседи из станицы, теперь отряды получили организацию от Соввласти… У молодых хозяев – она высокая, со следами деревенской красоты, копается среди 5-и детей, валяющихся на лавке. Любопытно – каждый ребенок ухаживает за другим, мама, дай ему цицки. Мать – стройная и красная лежит строго среди этих копошащихся детей. Муж добр. Соколов: этих щенят надо перестрелять, зачем плодить. Муж: из маленьких будут большие».

18 июля Бабель уже предчувствует будущие грабежи и погромы в Польше: «Получен приказ из югзапфронта, когда будем идти в Галицию – в первый раз советские войска переступают рубеж – обращаться с населением хорошо. Мы идем не в завоеванную страну, страна принадлежит галицийским рабочим и крестьянам и только им, мы идем им помогать установить советскую власть. Приказ важный и разумный, выполнят ли его барахольщики? Нет.

Выступаем. Трубачи. Сверкает фуражка начдива. Разговор с начдивом о том, что мне нужна лошадь. Едем, леса, пашни жнут, но мало, убого, кое-где по две бабы и два старика. Волынские столетние леса – величественные зеленые дубы и грабы, понятно почему дуб – царь. Едем тропинками с двумя штабными эскадронами, они всегда с начдивом, это отборные войска. Описать убранство их коней, сабли в красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах. Одеты убого, хотя у каждого по 10 френчей, такой шик, вероятно. Пашни, дороги, солнце, созревает пшеница, топчем поля, урожай слабый, хлеба низкорослые, здесь много чешских, немецких и польских

колоний. Другие люди, благосостояние, чистота, великолепные сады, объедаем несозревшие яблоки и груши, все хотят на постои к иностранцам, ловлю и себя на этом желании, иностранцы запуганы.

Еврейское кладбище за Малиным, сотни лет, камни повалились, почти все одной формы, овальные сверху, кладбище заросло травой, оно видело Хмельницкого, теперь Буденного, несчастное еврейское население, все повторяется, теперь эта история – поляки – казаки – евреи – с поразительной точностью повторяется, новое – коммунизм».

Запись от 20 июля хорошо передает психологию буденновского войска: «На привалах с казаками, сено лошадям, у всех длинная история – Деникин, свои хутора, свои предводители, Буденные и Книги, походы по 200 человек, разбойничьи налеты, богатая казацкая вольница, сколько офицерских голов порублено, газету читают, но как слабо западают имена, как легко все повернуть. Великолепное товарищество, спаянность, любовь к лошадям, лошадь занимает $^1/_4$ дня, бесконечные мены и разговоры. Роль и жизнь лошади. Совершенно своеобразное отношение к начальству – просто, на ты».

Буденный смог с этой организацией сродниться, а многие другие – нет, и погибли. Немаловажным было то, что Семен Михайлович прекрасно знал и любил лошадей. Это еще больше роднило его с казаками. Он вполне сроднился с духом казацкой вольницы, чувствовал его, понимал, когда необходимо отпустить вожжи, дать конармейцам «расслабиться», а когда необходимо наводить порядок железной рукой, не останавливаясь перед расстрелами, иначе стихия сметет и тебя самого.

Бабель же в этой среде был чужой. Он признавался себе в записи от 26 июля: «Жизнь нашей дивизии. О Бахтурове, о начдиве, о казаках, мародерство, авангард авангарда. Я чужой».

Расправы буденновцев с пленными только побуждали поляков сопротивляться еще ожесточеннее. 28 июля Бабель отмечает: «История – как польский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить». Никуда не делась в Галиции и страсть буденновцев к винным погребам. 28 июля Бабель зафиксировал: «Разрушенная экономия, барин Свешников, разбитый величественный винный завод (символ русского барина?), когда выпустили спирт – все войска перепились».

Бабель оставил нам замечательную характеристику Хмельницкого, многолетнего адъютанта Ворошилова: «Тов. Хмельницкий – еврей, жрун, трус, нахал, при командарме –

курица, поросенок, кукуруза, его презирают ординарцы, нахальные ординарцы, единственная забота ординарцев – курицы, сало, жрут, жирные, шоферы жрут сало, – все на крылечке перед домом. Лошади есть нечего». При этом о самом Буденном писатель отзывался неизменно уважительно. Например, в той же записи от 4 августа: «Настроение совсем другое, поляки отступают, Броды хотя ими заняты, снова бьем, вывез Буденный».

А вот – колоритная зарисовка одного из конармейцев: «Иван Иванович – сидя на скамейке, говорит о днях, когда он тратил по 20 тысяч, по 30 тысяч. У всех есть золото, все набрали в Ростове, перекидывали через седло мешок с деньгами и пошел. Иван Иванович одевал и содержал женщин. Ночь, клуня, душистое сено, но воздух тяжелый, чем-то я придавлен, грустной бездумностью моей жизни».

И на следующий день, 7 августа, Бабель фиксирует разграбление костела в Берестечке: «Ужасное событие – разграбление костела, рвут ризы, драгоценные сияющие материи разодраны, на полу, сестра милосердия утащила три тюка, рвут подкладку, свечи забраны, ящики выломаны, буллы выкинуты, деньги забраны, великолепный храм – 200 лет, что он видел (рукописи Тузинкевича), сколько графов и холопов, великолепная итальянская живопись, розовые патеры, качающие младенца Христа, великолепный темный Христос, Рембрандт, Мадонна под Мурильо, а может быть Мурильо, и главное – эти святые упитанные иезуиты, фигурка китайская жуткая за покрывалом, в малиновом кунтуше, бородатый еврейчик, лавочка, сломанная рака, фигура святого Валента. Служитель трепещет, как птица, корчится; мешает русскую речь с польской, мне нельзя прикоснуться, рыдает. Зверье, они пришли, чтобы грабить, это так ясно, разрушаются старые боги».

Нередко Бабель фиксирует расправы над пленными. Например, в этой лаконичной записи от 17 августа: «Бои у железной дороги, у Лисок. Рубка пленных». Более впечатляющая картина расправ над пленными под Львовом дана в записи от 18 августа: «Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, „мекая“, ну, да, Шеко воодушевленный и бледный, отвечай, кто ты – я, мнется – вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу – Яков Васильевич! Он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление.

Гонят пленных, их раздевают, странная картина – они

раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же – командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого «вроде» прапорщика, предательски убитого.

Впереди – вещи ужасные. Мы перешли железную дорогу у Задвурдзе. Поляки пробиваются по линии железной дороги к Львову. Атака вечером у фермы. Побоище. Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко умывает руки. Шеко обмолвился – рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Апанасенко в стороне, эскадрон оделся, как следует, у Матусевича убили лошадь, он со страшным, грязным лицом, бежит, ищет лошадь. Ад. Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко – не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда – сестру зарезать, поляков зарезать».

Другая запись в тот же день передает все ожесточение боев за Львов: «Бои за Баршовице. После дня колебаний к вечеру поляки колоннами пробиваются к Львову. Апанасенко увидел и сошел с ума, он трепещет, бригады действуют всем, хотя имеют дело с отступающими, и бригады вытягиваются нескончаемыми лентами, в атаку бросают 3 кавбригады, Апанасенко торжествует, хмыкает, пускает нового комбрига 3 Литовченко, взамен раненого Колесникова, видишь, вот они, иди и уничтожь, они бегут, корректирует действия артиллерии, вмешивается в приказания комбатарей, лихорадочное ожидание, думали повторить историю под Задвурдзе, не вышло. Болото с одной стороны, губительный огонь с другой. Движение на Остров, 6-ая кавдивизия должна взять Львов с юго-восточной стороны.

Колоссальные потери в комсоставе: ранен тяжело Корочаев, убит его помощник – еврей убит, начальник 34-го полка ранен, весь комиссарский состав 31-го полка выбыл из строя, ранены все наштабриги, буденновские начальники впереди.

Раненые ползут на тачанках. Так мы берем Львов, донесения командарму пишутся на траве, бригады скачут, приказы ночью, снова леса, жужжат пули, нас сгоняет с места на место артогонь, тоскливая боязнь аэропланов, спешиваемся, будет разрыв, во рту скверное ощущение и бежишь. Лошадей нечем кормить…

Визиты Апанасенко со свитой к Буденному. Буденный и Ворошилов на фольварке, сидят у стола. Рапорт Апанасенко, вытянувшись. Неудача особого полка – проектировали налет на Львов, вышли, в особом полку сторожевое охранение, как всегда, спало, его сняли, поляки подкатили пулемет на 100 шагов,

изловили коней, поранили половину полка…

Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят. Сведения об обороне Львова – профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать – он ненавидит интеллигенцию, это глубоко, он хочет аристократического по-своему, мужицкого, казацкого государства».

21 августа, уже в период отступления от Львова, у Бабеля состоялся характерный разговор с одним из конармейцев: «Разговор с комартдивизионом Максимовым, наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы». Конармия шла теперь на Люблин, в собственно польские земли, и по этому поводу примечательна следующая запись в бабелевском дневнике: «Солдаты довольны. В Польше, куда мы идем – можно не стесняться, с галичанами, ни в чем не повинными, надо было осторожнее…» Так что можно сказать, что в Галиции буденновцы вели себя еще прилично, а вот в Польше рассчитывали развернуться по-настоящему. О разгроме под Варшавой ни Бабель, ни подавляющее большинство бойцов и командиров Первой конной еще ничего не знали.

28 августа Бабель запечатлел приезд Буденного и Ворошилова в штаб Апанасенко и разнос, устроенный ими начдиву 6-й дивизии: «Приезд Ворошилова и Буденного. Ворошилов разносит при всех, недостаток энергии, горячится, горячий человек, бродило всей армии, ездит и кричит, Буденный молчит, улыбается, белые зубы. Апанасенко защищается, зайдем в квартиру, почему кричит, выпускаем противника, нет соприкосновения, нет удара».

Бросается в глаза, что горячится и ругается в этой сцене исключительно Климент Ефремович, тогда как Семен Михайлович подчеркнуто спокоен. Думаю, что это спокойствие сказалось и на судьбе Буденного. Его карьера, конечно, была не столь блестяща, как у Ворошилова, таких политических высот не достиг, да, по правде сказать, к ним и не стремился. Зато и столь драматических падений, как Ворошилов, Буденный не знал. К числу сокрушительных падений Климента Ефремовича можно отнести и снятие с поста наркома обороны после неудачной войны с Финляндией, и отстранение от командования войсками в завершающий период Великой Отечественной войны, и послевоенная опала, когда Сталин не допускал Ворошилова на заседание Политбюро, называл английским шпионом и явно готовил жестокую расправу над «луганским слесарем Климом», которую предотвратила только внезапная смерть вождя. Можно вспомнить и бесславное участие Ворошилова в «антипартийной

группе» 1957 года. Правда, тогда он успел «сменить вехи» и переметнуться к Хрущеву. За это Климента Ефремовича еще три года продержали на почетной должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР, но его политическое влияние упало до нуля.

Семен Михайлович на первые роли в военном ведомстве вообще не стремился, но вполне успешно продвигался по служебной лестнице в 20-е и 30-е годы. В Великую Отечественную руководство попробовало использовать авторитет Буденного среди красноармейских масс и назначало его командовать фронтами и стратегическими направлениями, но вскоре выяснилось, что к условиям современной войны, по крайней мере такой, какую вел Сталин, Семен Михайлович не пригоден. В дальнейшем он занимал уже только почетные, но малозначительные посты. И нисколько этим не огорчался.

Вопреки современным легендам, Бабель показал в своем дневнике, что красные и белые одинаково устраивали погромы и творили насилия. Вот запись от 28 августа: «Мне рассказывают. Скрытно в хате, боятся, чтобы не вернулись поляки. Здесь вчера были казаки есаула Яковлева (союзники поляков; бригада в значительной мере была набрана из перебежчиков из Конармии. – *Б.* С.). Погром. Семья Давида Зиса, в квартирах, голый, едва дышащий старик-пророк, зарубленная старуха, ребенок с отрубленными пальцами, многие еще дышат, смрадный запах крови, все перевернуто, хаос, мать над зарубленным сыном, старуха, свернувшаяся калачиком, 4 человека в одной хижине, грязь, кровь под черной бородой, так в крови и лежат. Евреи на площади, измученный еврей, показывающий мне все, его сменяет высокий еврей. Раввин спрятался, у него все разворочено, до вечера не вылез из норы. Убито человек 15 – Хусид Ицка Галер —

70 лет, Давид Зис – прислужник в синагоге – 45 лет, жена и дочь – 15 лет, Давид Трост, жена – резник. У изнасилованной…

Луна, за дверьми, их жизнь ночью. Вой за стенами. Будут убивать. Испуг и ужас населения. Главное – наши ходят равнодушно и пограбливают где можно, сдирают с изрубленных.

Ненависть одинаковая, казаки те же, жестокость та же, армии разные, какая ерунда. Жизнь местечек. Спасения нет. Все губят – поляки не давали приюту. Все девушки и женщины едва ходят. Вечером – словоохотливый еврей с бороденкой, имел лавку, дочь бросилась от казака со второго этажа, переломала себе руки, таких много».

И тут же следует очередная расправа над пленными: «Взяли станцию. Едем к полотну железной дороги. 10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер. Кровь идет изо рта.

Густая красная кровь в комьях, заливает все лицо, оно ужасное, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раздеты. У командира эскадрона через седло перекинуты штаны. Шеко заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская фуражка. „Их было девять“. Вокруг них грязные слова. Хотят убить. Лысый хромающий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью, страшное лицо, наверное, офицер, надоедает всем, не может идти, все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские пролетарии, другой поляк – статный, спокойный, с бачками, в вязаной фуфайке, держит себя с достоинством, все допытываются – не офицер ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый путиловский рабочий, рубать их всех надо гадов, еврей прыгает за нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем на ответственность конвоиров. Что с ними будет. Ярость путиловского рабочего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду».

31 августа Бабель запечатлел в дневнике неудачную атаку частей 6-й кавдивизии на бригаду есаула Яковлева у Чесников, причем руководили атакой лично Буденный и Ворошилов: «Армприказ оставить Замостье, идти на выручку 14-й дивизии, теснимой со стороны Комарова. Местечко снова занято поляками. Несчастный Комаров. Езда по флангам и бригадам. Перед нами неприятельская кавалерия – раздолье, кого же рубить, как не их, казаки есаула Яковлева. Предстоит атака. Бригады накапливаются в лесу – версты 2 от Чесники. Ворошилов и Буденный все время с нами. Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку, почему не подходит 2-я бригада. Ждем подхода 2-й бригады. Время тянется мучительно долго. Не торопить меня, товарищ Ворошилов. Ворошилов – все погибло к е. м.

Буденный молчит, иногда улыбается, показывая ослепительные белые зубы. Надо сначала пустить бригаду, потом полк. Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой. Полк проходит перед Ворошиловым и Буденным. Ворошилов вытянул огромный револьвер, не давать панам пощады, возглас принимается с удовольствием. Полк вылетает нестройно, ура, даешь, один скачет, другой задерживает, третий рысью, кони не идут, котелки и ковры. Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме. Чудо – никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой. Я под пулями. Мои ощущения. Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью они не

преследуют, иначе была бы катастрофа. Стараются собрать бригаду для второй атаки, ничего не получается. Мануйлову угрожают наганами. Героини сестры.

Едем обратно. Лошадь Шеко ранена, он контужен, страшное окаменевшее его лицо. Он ничего не разбирает, плачет, мы ведем лошадь. Она истекает кровью.

Рассказ сестры – есть сестры, которые только симпатию устраивают, мы помогаем бойцу, все тяготы с ним, стреляла бы в таких, да чем стрелять будешь, х…м, да и того нет.

Комсостав подавлен, грозные призраки разложения армии. Веселый дураковатый Воробьев, рассказывает о своих подвигах, подскочил, 4 выстрела в упор. Апанасенко неожиданно оборачивается, ты сорвал атаку, мерзавец.

Апанасенко мрачен, Шеко жалок. Разговоры о том, что армия не та, пора на отдых. Что дальше. Ночуем в Чесники – смерзли, устали, молчим, непролазная, засасывающая грязь, осень, дороги разбиты, тоска. Впереди мрачные перспективы».

На следующий день стало ясно, что сражение за Замостье Первая Конная проиграла. Бабель свидетельствует: «Выступаем из Чесники ночью. Постояли часа два. Ночь, холод, на конях. Трясемся. Армприказ – отступать, мы окружены, потеряли связь с 12-й армией, связи ни с кем. Шеко плачет, голова трясется, лицо обиженного ребенка, жалкий, разбитый. Люди – хамы. Ему Винокуров не дал прочитать арм-приказа – он не у дел. Апанасенко с неохотой дает экипаж, я им не извозчик. Бесконечные разговоры о вчерашней атаке, вранье, искреннее сожаление, бойцы молчат. Дурак Воробьев звонит. Его оборвал начдив. Начало конца 1-й Конной. Толки об отступлении».

Любопытно, как эту же атаку на яковлевцев описал в мемуарах сам Буденный (конечно, вместе со своими литсотрудниками):

«Удар в направлении Чесники, Невирков, Котлице и освобождение этих пунктов от противника мы возложили на 6-ю дивизию. Часа в четыре дня дивизия подошла к Чесникам, занятым уланами. Атакой в конном строю 2-я и 3-я бригады отбросили вражескую конницу. Но дальше, продолжая наступление, в лесу перед Невирковом они попали под артиллерийский огонь. Снаряды падали густо, валили деревья, поднимали фонтаны грязи. Пришлось лошадей отвести в безопасное место, а Невирков атаковать в пешем строю. Враг сопротивлялся с отчаянной решимостью, большой урон причиняли конармейцам установленные на крышах пулеметы. Две атаки результата не дали. Только когда деревня оказалась в полукольце, белопольская пехота отошла к югу».

Семен Михайлович бригаду Яковлева, которого он несколькими страницами ранее вообще заставил застрелиться после ее разгрома, предпочел заменить на польских улан, а неудачную конную атаку превратить в общую победу. Правда, он все-таки признал, что Конармия вынуждена была начать отступление: «Ожесточенные бои 30 и 31 августа принесли большие потери и измотали Конармию. Люди выбились из сил. Лошади настолько устали, что буквально валились с ног. Обозы были переполнены ранеными, боеприпасы кончались, медикаментов и перевязочных средств вообще не осталось. В таких условиях продолжать наступление на Красностав – Люблин против превосходящих сил противника означало обрекать Конармию на верную гибель. Обстановка властно требовала отводить ее на соединение с войсками Западного фронта. И Реввоенсовет отдал приказ с утра 1 сентября начать отход в общем направлении на Грубешов».

2 сентября Бабель отметил уже открытое разложение Конармии: «Толкаемся, но успехов не удерживаем. Толки об ослаблении боеспособности армии все увеличиваются. Бегство из армии. Массовые рапорты об отпусках, болезнях.

Главная болячка дивизии – отсутствие комсостава, все командиры из бойцов, Апанасенко ненавидит демократов, ничего не смыслят, некому вести полк в атаку. Эскадронные командуют полками.

Дни апатии, Шеко поправляется, но угнетен. Тяжело жить в атмосфере армии, давшей трещину…

Поляк медленно, но верно нас отжимает. Начдив не годится, ни инициативы, ни нужного упорства. Его гнойное честолюбие, женолюбие, чревоугодие и, вероятно, лихорадочная деятельность, если это нужно будет».

И аналогичная запись 3–5 сентября: «Противник наступает. Мы взяли Лотов, отдаем его, он нас отжимает, ни одно наше наступление не удается, отправляем обозы, я еду в Теребин на подводе Барсукова, дальше – дождь, слякоть, тоска, переезжаем Буг, Будятичи. Итак, решено отдать линию Буга».

На следующий день в Будятичах дело дошло до столкновений конармейцев с бойцами 44-й советской стрелковой дивизии, занимавшими местечко. Бабель описал это так: «Будятичи занято 44-й дивизией. Столкновения. Они поражены дикой ордой, накинувшейся на них. Орлов – сдаешь, катись. Сестра гордая, туповатая, красивая плачет, доктор возмущен тем, что кричат – бей жидов, спасай Россию. Они ошеломлены, начхоза избили нагайкой, лазарет выбрасывают, реквизируют и тянут свиней без всякого учета, а у них есть порядок, всякие уполномоченные с

жалобами у Шеко. Вот и буденновцы».

В то же время Бабель заметил, что другие советские войска тоже разлагаются и, во всяком случае, дерутся еще хуже Конармии. 12 сентября в Киверцах он записал: «Утром – паника на вокзале. Артстрельба. Поляки в городе. Невообразимое жалкое бегство, обозы в пять рядов, жалкая, грязная, задыхающаяся пехота, пещерные люди, бегут по лугам, бросают винтовки, ординарец Бородин видит уже рубящих поляков. Поезд отправляется быстро, солдаты и обозы бегут, раненые с искаженными лицами скачут к нам в вагон, политработник, задыхающийся, у которого упали штаны, еврей с тонким просвечивающим лицом, может быть хитрый еврей, вскакивают дезертиры с сломанными руками, больные из санлетучки.

Заведение, которое называется 12-й армией. На одного бойца – 4 тыловика, 2 дамы, 2 сундука с вещами, да и этот единственный боец не дерется. Двенадцатая армия губит фронт и Конармию, открывает наши фланги, заставляет затыкать собой все дыры. У них сдался в плен, открыли фронт, уральский полк или башкирская бригада. Паника позорная, армия небоеспособна. Типы солдат. Русский красноармеец пехотинец – босой, не только не модернизованный, совсем «убогая Русь», странники, распухшие, обовшивевшие, низкорослые, голодные мужики.

В Голобах выбрасывают всех больных и раненых, и дезертиров. Слухи, а потом факты: захвачено, загнанное в Владимир-Волынский тупик, снабжение 1-й Конной, наш штаб перешел в Луцк, захвачено у 12-й армии масса пленных, имущества, армия бежит».

Сохранившаяся часть дневника Бабеля обрывается 15 сентября, как раз накануне самых страшных еврейских погромов, учиненных Конармией при отступлении с Польского фронта и последующем переходе на фронт врангелевский. При этом особо отличилась как раз 6-я кавдивизия, в которой служил Бабель.

Буденный, разумеется, конармейского дневника Бабеля не читал, поскольку он был найден и опубликован уже после смерти маршала. Но даже бабелевская «Конармия», где буденновцы были представлены отнюдь не в парадном виде, привела Семена Михайловича в настоящее бешенство, и ненависть к писателю он сохранил до своих последних дней. Бывший сотрудник «Красной звезды» генерал Михаил Лощиц вспоминал, как в 1967 году Буденный в ответ на сообщение, что фильм с его участием всем очень понравился, «заговорил о том, что пора бы создать большой художественный фильм о конармии. Ходят слухи, заметил маршал, что такой фильм готовят французы, и как бы не повторилась история с „Войной и миром“ – сначала они, а потом

уже мы. Речь шла и о том, что говорят и пишут о Первой Конной армии, и тут Буденный с раздражением заметил, что писатель Бабель, которого стали уж очень превозносить, исказил облик конармии. „Я его не знаю, этого Бабеля, хотя он и выдает себя за конармейца. Одно время он, кажется, торговал у нас газетами. Бабеля, скажу вам, поддержал в свое время и Максим Горький, после чего у нас с ним завязалась довольно откровенная, на высоких тонах, переписка. По Бабелю выходило, что в конармии служили по большей части преступники, сифилитики да блудливые бабы. В его понимании конармеец – это какой-то садист. И вот я спрашиваю А. М. Горького, как же вы, замечательный пролетарский писатель, могли положительно оценить подобные писания, которыми возмущаются все, кто служил в Первой конной. Может быть, похвалили, не прочитав предварительно Бабеля. А почему бы не поступать так, как поступал Лев Толстой, который, прежде чем выпустить что-то в свет, по пять-шесть раз возвращался к написанному, заново осмысливал и даже переписывал. На это Горький отвечал, что он – Горький, а не Толстой. Я ему опять написал что-то ругательное…“

О переписке с Горьким, – продолжал делиться со мной Семен Михайлович, – я поведал как-то Сталину, хотелось узнать и его мнение. Сталин сказал, что я правильно критикую Максима Горького, но, добавил он, дело в том, что момент для такой перепалки не совсем подходящий: мы боремся за Горького, мы хотим, чтобы он всецело был на нашей стороне. Ну и каково ему получать сейчас злые письма, да еще от кого – от самого Буденного?

Я подумал над тем, что сказал Иосиф Виссарионович, и решил не писать больше Горькому.

– Вы так и не нашли с ним общий язык? – поинтересовался я.

– Нет, почему же, мы встречались потом не раз и даже расцеловались как-то. Он, помню, сказал: «Давайте условимся не вести больше эту переписку, иначе найдется какая-нибудь третья сила, и она воспользуется нашим спором». – «Согласен, – ответил я. – Пускай рассудят нас историки».

С. М. Буденный заговорил далее о Первой конной армии.

– Это была большая и грозная сила, и если бы в ней действительно служили всякие отбросы общества, как это изобразил Бабель, она не была бы такой, какой знали ее и мы, и наши враги. Деникин в своих томах «Очерки русской смуты» признавал, что он боялся Буденного, что Буденный его разбил. Я с Деникиным, вождем «белого дела», рвавшимся к Москве, захватившим Орел, подошедшим к Туле, не согласен, хотя то, о

чем он пишет, и лестно для меня. Не я один, а вся Красная Армия его разбила и разбила потому, что у него под ногами земля горела, а конармия лишь помогала, чтобы он быстрее сгорел. И не одна только конармия его разбила, а весь наш народ, поднявшийся на борьбу за свободную жизнь. У нас армия была добровольной, а он, как и Колчак и другие иже с ним, силой вербовали свое войско. Конармия разбила в общей сложности 20 вражеских корпусов. Если в каждом корпусе 15 тысяч человек, прикиньте, сколько наберется всего».

Дискуссия по поводу «Конармии» началась сразу же после начала публикации рассказов Бабеля в журнале «Красная новь». В третьем номере журнала «Октябрь» за 1924 год Буденный опубликовал небольшую заметку под заголовком: «Бабизм Бабеля из „Красной нови“». Автор был возмущен тем, что журнал разрешил «дегенерату от литературы» Бабелю «оплевывать смолой классовой ненависти» 1-ю Конную Красную армию: «Под громким, явно спекулятивным названием „Из книги Конармия“, незадачливый автор попытался изобразить быт, уклад, традиции 1-й Конной Армии в страдную пору ее героической борьбы на польском и других фронтах. Для того, чтобы описать героическую, небывалую еще в истории человечества борьбу классов, нужно прежде всего понимать сущность этой борьбы и природу классов, то есть быть диалектиком, быть марксистом-художником. Ни того, ни другого у автора нет… Гражданин Бабель рассказывает нам про Красную Армию бабьи сплетни, роется в бабьем барахле-белье, с ужасом по-бабьи рассказывает о том, что голодный красноармеец где-то взял буханку хлеба и курицу; выдумывает небылицы, обливает грязью лучших командиров-коммунистов, фантазирует и просто лжет… Неужели редактор так любит вонючие бабье-бабелевские пикантности, что позволяет печатать безответственные небылицы в столь ответственном журнале?»

Бабель, в свою очередь обидевшись, назвал грозное письмо Буденного «полным зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма». Собрата по писательскому цеху поддержал Горький, указавший, что Буденный «въехал в литературу на коне и с высоты коня критикует ее». «Товарищ Буденный охаял „Конармию“ Бабеля, – писал он в „Правде“. – Мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри, и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев».

Буденный в том же агрессивном стиле ответил уже Горькому: «От сверхнахальной бабелевской клеветы Конная армия,

буквально, встала на дыбы». 26 октября 1928 года он выступил в газете «Правда» с открытым письмом Горькому: «Бабель фантазирует и просто лжет. Фабула его очерков, уснащенных обильно впечатлениями эротоманствующего автора, это – бред сумасшедшего еврея». Уже на следующий день появился ответ Горького. Писатель посоветовал Буденному не судить о литературе с высоты своего коня, поскольку «для правильной и полезной критики необходимо, чтобы критик был или культурно выше литератора, или, по крайней мере, стоял на одном уровне культуры с ним». И предостерег командарма: «Вы можете физически уничтожить его (Бабеля), возбуждая ваших бойцов против человека, оружие которого – только перо».

В редакции Горькому мягко посоветовали смягчить тон, чтобы не бросать тень на легендарного героя Гражданской войны. В опубликованном варианте «буревестник революции» подчеркнул, что в книге Бабеля нет ничего «карикатурно-пасквильного». Что она скорее возвышает, чем унижает доблестных бойцов Конной армии. Горький утверждал: «Такого красочного и живого изображения единичных бойцов, которое давало бы мне ясное представление о психике всего коллектива, всей массы Конармии и помогло бы мне понять силу, которая позволила ей совершить исторический, изумительный ее поход, – я не знаю в русской литературе».

После этого полемика Буденного и Горького о «Конармии» прекратилась. Сталин посоветовал Семену Михайловичу больше не шуметь, чтобы не обижать Алексея Максимовича, за душу и перо которого шла нешуточная борьба. Однако дискуссии продолжили другие. В 1930 году «рядовой буденновец» Всеволод Вишневский, посылая Горькому свою пьесу «Первая Конная», писал: «Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента от нас отразилось в его „Конармии“. Буденный мог оскорбиться и негодовать. Мы, бывшие рядовые бойцы, тоже. Не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на Польском фронте. Да и то не всю ее, а осколки. Верьте бойцу – не такой была наша Конармия, как показал Бабель». Сам Бабель говорил Дмитрию Фурманову: «Что я видел у Буденного, то и дал. Вижу, что не дал я там вовсе политработника, не дал вообще многого о Красной армии, дам, если сумею, дальше».

После майского праздника 1932 года Буденный получил приглашение Горького. Они встретились на Красной площади. Буденный признался:

– Мне, Алексей Максимович, очень понравилась пьеса

Вишневского «Первая Конная». Правдиво написано.

– Да, вещь получилась хорошая, – согласился Горький. – Ваш боец хорошо воевал и правдиво отобразил в своей пьесе.

– А вот «Конармией» Бабеля я недоволен, – пожаловался Буденный. – Многим командирам и политработникам Первой конной эта книга не понравилась. Бабель не мог, не имел права умолчать о том, что Конармия – армия революции, а ее бойцы – верные сыны Советской Республики (но Бабель именно это и показал: буденновцы – верные сыны Советской власти, революции и своего народа, со всеми их недостатками. – *Б. С.)*. Как только рассказы Бабеля появились в печати, в Реввоенсовет республики, редакции центральных газет и лично мне стали приходить письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор неправдиво освещает жизнь конармейцев, умышленно обобщает частные недостатки в Красной Армии.

И Буденный торжественно передал Горькому «Протокол № 1 общего собрания командного и политического состава

1-й Особой кавалерийской бригады», состоявшегося 4 января 1925 года в Москве, в казармах на Ходынке. Собрание единодушно решило, что «рассказы Бабеля о Конармии – это пасквиль на 1-ю Конную армию. В рассказах нет ни одного положительного бойца или командира, которому подражали бы другие. Бабель, взявшись писать о Конармии, не мог, не имел права умолчать о том, что эта армия – армия революции, а ее бойцы – верные сыны Советской Республики, им дороги свобода и независимость, поэтому они решительно громили врага…»

Что ж, и Семен Михайлович, и Алексей Максимович хорошо знали, как организуются подобные «вспышки народного гнева». Разумеется, бойцы и командиры 1-й Особой кавбригады не могли взять и просто так собраться на митинг. В армии, как известно, все делается по приказу. А приказ сверху спустил тот же Буденный, как помощник главкома по кавалерии. Тем более что точно такие же собрания с написанными под копирку резолюциями прошли и в других кавалерийских частях.

В предисловии к пьесе Вишневского Буденный писал: «… Только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь – конармейскую… Боец рассказал о бойцах, герой – о героях, конармеец – о конармейцах». Позже Вишневский рапортовал Буденному по случаю 50-летия последнего: «Донес память о всех боях, о командарме до наших дней и написал „Первую Конную“. Семен Михайлович, в случае, скомандуйте: „По коням!“ – и придет в Конармию вдесятеро больше, чем раньше. Годы рубить не мешают!»

Горький же, как истинный дипломат от словесности, тонко чувствующий политическую конъюнктуру, счел необходимым похвалить не только «Конармию» Бабеля, но и «Первую Конную» Вишневского. А также наладить отношения с Буденным. По поводу «Первой Конной» Алексей Максимович писал автору: «Вы написали хорошую вещь… и хороша она именно тем, что написана в повышенном, „героическом“ тоне…» Буденного же Алексей Максимович пригласил в 1934 году выступить в только что созданном Союзе писателей. После выступления пожал гостю руку: «Говорить вы умеете. Ярко, по-народному, с юмором. Некоторым нашим литераторам как раз и не хватает простоты языка».

Жизнь все расставила по своим местам. Пьеса Вишневского давно забыта, а рассказы Бабеля переиздаются и читаются и в наши дни.

Одессит Савва Голованивский вспоминал: «Когда пришла и моя очередь пожать на прощание руку Бабеля, черт меня дернул спросить:

– А правда, что Буденный гонялся за вами вокруг стола с саблей?

Никто не засмеялся – как видно, это интересовало всех. Дело в том, что незадолго перед этим появилась статья М. Горького, в которой великий писатель защищал «Конармию» Бабеля от нападок великого кавалериста. Вся Одесса говорила о смешном эпизоде, якобы происшедшем на каком-то большом приеме, где Буденный, встретив автора «Конармии», будто бы вознамерился смыть писательской кровью клевету на своих бойцов. Как видно, Бабелю уже надоели расспросы об этой, скорее всего, выдуманной истории, но он не рассердился и уклончиво ответил:

– Я думаю, что казнить меня он в данном случае не имел намерения.

И, уже выйдя из-за стола, добавил:

– Если хотите проверить, не поступил ли он опрометчиво, приходите на завтрашний вечер: я буду читать. Ложи бенуар вы, конечно, не заказали?»

Историю с саблей вспоминают в своих мемуарах многие современники, однако точных подробностей никто не передает. Это явная выдумка – к труженикам пера Буденный всегда относился с уважением. Да и на Бабеля зла не держал, отзываясь о нем достаточно добродушно. Это отразилось в шутке, ходившей уже в 20-е годы: «Семен Михайлович, вам нравится Бабель?» – «Ну, это смотря какая бабель…».

Дочь Буденного Нина так передает историю ссоры отца с Бабелем: «Да у Бабеля ерунда все… Где он этого скифа видел?

Сыр-бор начался с того, что в первом варианте „Конармии“, в четырех главах, опубликованных в „Красной нови“, Бабель дал своим персонажам имена реальных людей. Вот они все и взбеленились: папу засыпали решениями партсобраний полков, осуждающих Бабеля. Ветераны Первой Конной блажили почем зря – вот папа и вступил в полемику с защищавшим Бабеля Горьким.

Но это было в конце двадцатых, а арестовали и расстреляли Бабеля через десять лет, с их спором его смерть никак не связана.

Во-первых, ему не надо было брать в любовницы жену Ежова. А во-вторых, он сам от ЧК был приставлен к Конной. Вся его компания была чекистской, он в НКВД левой ногой дверь открывал.

Бабель дружил с замечательным мхатовским актером Борисом Ливановым. Он был с ним откровенен, а ливановский сын Вася, будущий телевизионный Шерлок Холмс, внимательно слушал разговоры взрослых. Позже он мне их пересказал: про чекиста из «Конармии» Бабель говорил – «это я». Отец приятельствовал с Львом Шейниным, писателем и бывшим энкавэдистом, знающим человеком, и тот тоже подтверждал, что у Бабеля без «чеки» дело не обошлось».

Буденный так ополчился против бабелевской «Конармии» еще и потому, что в глубине души сознавал: польский поход был самым неудачным в истории Первой конной. Такого количества неприятельских войск, как в борьбе с Красновым, Деникиным и Врангелем, она не разгромила, нельзя сказать, что взяла большое количество пленных и трофеев (в войне с соотечественниками всего этого было гораздо больше), Львовом так и не овладели, под Замостьем понесли явное поражение. Да и большинство других сражений с поляками в лучшем случае заканчивались вничью. А тут еще Бабель своим талантливым пером сыпал соль на раны командарма…

Причина того, что Конармия не слишком успешно дралась против поляков, заключалась в том, что советско-польская война 1920 года во многом проходила в иных условиях, чем Гражданская война в России. Плотность войск здесь была побольше, чем в сражениях Красной армии с Колчаком и Деникиным. Гораздо большее значение играли окопы и проволочные заграждения. Это приближало советско-польскую войну к Первой мировой, в которой кавалерии на основных театрах негде было развернуться. Главное же заключалось в том, что польская армия, воодушевленная национальной идеей, была гораздо более сплоченной и боеспособной, чем белые формирования, противостоявшие буденновцам прежде.

Можно сказать, что советско-польская война гораздо больше

походила на войны будущего (при всей ограниченности применения в 1920 году авиации, танков и броневиков). И поражение в этой войне предрекало закат красной коннице, которой в новой мировой войне в общем-то не было достойного места. Но Буденный не хотел и не мог смириться с этим. Он не видел себя иначе как на коне, с шашкой, во главе верных конармейцев. И еще много лет не мог понять, что его эпоха уже закончилась и звездные часы остались в далеком прошлом.

Глава шестая
ПРОТИВ «ЧЕРНОГО БАРОНА»

Впереди был последний грозный враг – Врангель. Но к борьбе с ним Первая Конная подошла далеко не в лучшем состоянии. Сказалась усталость от почти беспрерывных боев в течение трех с половиной месяцев и моральная подавленность от неудач последних недель. Как сообщал уполномоченный Реввоенсовета Зилист Ленину, при отступлении от Замостья, «1-я Конная армия и 6-я дивизия на своем пути уничтожали еврейское население, грабя и убивая на своем пути… Не отставала также и 44-я дивизия». Конармейцы 6-й дивизии, которой командовал И. Р. Апанасенко, зарезали военкома Г. Г. Шепелева, пытавшегося воспрепятствовать погромам. Три наиболее разложившихся полка пришлось разоружить, а несколько десятков зачинщиков – расстрелять перед строем 6-й кавдивизии, одна из бригад которой в наказание была расформирована.

19 сентября 1920 года сильно потрепанную под Замостьем Первую конную Тухачевский своим приказом направил в район Кременчуга для отдыха и последующих действий в составе Южного фронта против Врангеля. С Польшей уже шли мирные переговоры. Кроме того, в данный момент Конармия была фактически небоеспособна и для действий против поляков все равно не годилась. Ворошилов в сентябре давал указания командирам и комиссарам: «С довольствием и фуражом обстоит плохо и приходится брать у населения. Поэтому Конармия вынуждена самоснабжаться, вынуждена производить необходимый „грабеж“». «Самоснабжение» и узаконенный грабеж, как показывал печальный опыт Ростова, рано или поздно должны были кончиться плохо.

И вот 21 сентября 1920 года на имя Буденного пришла телеграмма: «В Рогачеве во время ночлега частями 14-й кавдивизии убиты 27 милиционеров и разогнан Совет. В ту же ночь какой-то эскадрон 6-й дивизии напал на расположение административного штаба 11-й кавдивизии, где учинил погром». Чуть позже последовало сообщение, предназначенное «исключительно для Ворошилова и Буденного»: «В 6-й дивизии за последнее время чувствуется полнейшее разложение. Так, например, вырисовывается картина махновщины. В 66-м и 65-м полках, сталкиваясь с которыми, нередко приходится слышать выкрики: „Бей жидов, коммунистов и комиссаров. Да здравствует батька Махно“».

24 сентября Буденный получил директиву главкома Красной армии с требованием ускорить работу по восстановлению боеспособности Конармии, чтобы быстро перебросить ее в район Бердичева и далее в район Кременчуг – Елисаветград для действий против Врангеля. С. С. Каменев подчеркивал: «Выражаю твердую уверенность, что армия проникнется серьезностью возлагаемой на нее задачи и в кратчайший срок, передвинувшись на юг, подойдет к новому врагу в состоянии той мощи и боевой готовности, с какой летом она начала победоносную борьбу с поляками». Однако конармейцы и не думали проникаться серьезностью новой задачи. Они больше думали, как бы пограбить, прибрать к рукам все, что плохо лежит, да «пощупать жидов». Боеспособность в тот момент у Конармии была хуже некуда. Она все больше превращалась в неуправляемую банду. Буденный понимал, что надо принимать экстренные меры, иначе армию и его самого могла постичь печальная судьба корпуса Бориса Думенко.

Уже 24 сентября, в день получения директивы главкома, группа бойцов 6-й кавдивизии была арестована за мародерство, но тут же освобождена своими товарищами, разогнавшими дивизионный ревтрибунал. Погром на станции Ерши смогло остановить только личное вмешательство Буденного и Ворошилова, случайно оказавшихся там вместе с поездом Реввоенсовета. 27 сентября за попытку арестовать двух бойцов, совершивших кражу, бойцы 33-го кавполка избили военкома Мисина. А 28 сентября беспорядки достигли своей кульминации – в этот день погиб от рук конармейцев комиссар 6-й дивизии Георгий Шепелев. Он пытался навести порядок в соединении и требовал соблюдать революционную дисциплину, лично застрелил одного из мародеров, но был буквально искрошен шашками. Неделю спустя убившая комиссара 1-я бригада 6-й дивизии призвала 2-ю бригаду идти в тыл и навести там порядок – «почистить жидов да комиссаров».

Вот что доносил об обстоятельствах гибели Шепелева его секретарь Хаган 29 сентября 1920 года: «28-го сентября сего года, утром, по выступлении Полештадива 6 из м. Полонного по направлении на Юровку, я, Секретарь Военкомдива и Военкомдив 6 тов. Шепелев остались в Полонном с тем, чтобы выгнать из местечка отставших красноармейцев и прекратить грабежи над мирным населением. В версте от Полонного расположено новое местечко, центр которого населен исключительно евреями…

Когда мы подъехали туда, то из каждого дома почти доносились крики. Зайдя в один из домов, перед которыми стояли две оседланные лошади, мы нашли на полу старика, лет

60-ти, старуху и сына, страшно изуродованными ударами палашей, а напротив на кровати лежал израненный мужчина. Тут же в доме, в следующей комнате какой-то красноармеец в сопровождении женщины, назвавшей себя сестрою милосердия 4-го эскадрона 33-го полка, продолжали нагружать в сумки награбленное имущество. При виде нас они выскочили из дома. Мы кричали выскочившим остановиться, но когда это не было исполнено, военкомдив тов. ШЕПЕЛЕВ тремя выстрелами из нагана убил бандита на месте преступления. Сестру же арестовали и вместе с лошадью расстрелянного повели за собой.

Проезжая дальше по местечку, нам то и дело попадались по улице отдельные лица, продолжавшие грабить. Тов. ШЕПЕЛЕВ убедительно просил их разъехаться по частям, у многих на руках были бутылки с самогонкой, под угрозой расстрела на месте таковая у них отбиралась и тут же выливалась.

При выезде из местечка мы встретили комбрига-1 тов. Книгу с полуэскадроном, который, в свою очередь, занимался изгнанием бандитов из местечка. Тов. ШЕПЕЛЕВ рассказал о всем происходившем в местечке и, сдав лошадь расстрелянного вместе с арестованной сестрой на поруки военкомбригу тов. Романову, поехал по направлению к Полештадиву.

Не успели мы отъехать и ста сажен, как из 31-го полка отделилось человек 100 красноармейцев, догоняет нас, подскакивает к военкому и срывает у него оружие. В то же время стали присоединяться красноармейцы 32-го полка, шедшего впереди….

Нас останавливают с криком «Вот военком, который нас хотел застрелить в местечке». Подбегает человек 10 красноармейцев этих же эскадронов, к ним постепенно стали присоединяться и остальные, выходя все из рядов и требуя немедленной расправы над ШЕПЕЛЕВЫМ…

В это время подъезжает тов. КНИГА, вместе с арестованной сестрой, которая успела передать по полку, что тов.

ШЕПЕЛЕВ убил бойца. Тут только поднялся шум всего полка, с криком во что бы то ни стало расстрелять военкома, который убивает честных бойцов…

Раздался выстрел из нагана, который ранил тов. ШЕПЕЛЕВА в левое плечо навылет. С трудом удалось тов. Книге вырвать его раненным из освирепевшей кучки и довести к первой попавшейся хате и оказать медицинскую помощь. Когда тов. КНИГА в сопровождении моего и военкома Романова вызвали тов. ШЕПЕЛЕВА на улицу, чтобы положить его на линейку, нас снова окружает толпа красноармейцев, отталкивает меня и КНИГУ от тов. ШЕПЕЛЕВА, и вторым выстрелом смертельно ранили его в

голову. Труп убитого тов. ШЕПЕЛЕВА долго осаждала толпа красноармейцев, и при последнем вздохе его кричала «гад, еще дышит, дорубай его шашками». Некоторые пытались стащить сапоги, но военком 31-го полка остановил их, но бумажник, вместе с документами, в числе которых был шифр, был вытащен у тов. ШЕПЕЛЕВА из кармана.

В это время подходит какой-то фельдшер и, взглянув лишь только на тов. ШЕПЕЛЕВА, заявляет, что тов. ШЕПЕЛЕВ был в нетрезвом виде…

Спустя лишь полчаса после его убийства нам удалось положить его труп на повозку и отвезти в Полештадив».

Командир 1-й кавалерийской бригады В. И. Книга вместе со своим военкомом Романовым и начальником штаба бригады Берлевым докладывал начальнику 6-й кавдивизии И. Р. Апанасенко 28 сентября: «Мы встретились с тов. Шепелевым, который сообщил, что он расстрелял бойца 33-го кавполка на месте грабежа. Сообщив это, тов. Шепелев уехал вперед. Спустя некоторое время, мы также выехали за своими частями и, догнав таковые, узнали, что тов. Шепелев арестован 31-м кавполком… Указать, кто именно был убийцей военкома, не могу, так как в такой свалке трудно было установить, кто именно стрелял». По всей вероятности, Хаган боялся, что, если он назовет убийц, то бойцы могут поступить с ним так же, как с Шепелевым.

Военком 33-го кавполка 6-й кавдивизии Мисин, в свою очередь, докладывал в политотдел 6-й кавдивизии 2 октября 1920 года: «28 сентября, как только стемнело, красноармейцы 3-го эскадрона и часть первого и отдельные личности остальных эскадронов пошли в пешем строю кучками в местечко, где начался погром еврейского населения…

В 12 часов ночи, придя на квартиру Штаба полка, мне удалось узнать от командира и его помощника, что толпа половина пьяная и в возбужденном состоянии и патрулю невмочь было справиться. Высылать эскадроны другие было рисково, так как в них настроение было неопределенное.

После этого в квартиру Штаба полка входит бывший командир 3-го эскадрона тов. ГАЛКА пьяный и толпа человек 15–20 тоже в таком состоянии, все вооружены, ГАЛКА начинает кричать на командиров полка и бить прикладом в пол, угрожая, что я всех перебью, кто осмелится пойти против меня и добавляя: я больше не солдат Красной армии, а «бандит». Командир стал уговаривать его, а я не счел нужным входить в объяснения с пьяной толпой, которая пришла сознательно устроить дебош, что и придиралась к каждому слову… Большинство угроз было по адресу военкома, а также искали председателя комячейки 4-го

эскадрона тов. КВИТКУ, который задержал двух грабителей 3-го эскадрона и отобрал у них награбленные вещи, ГАЛКА определенно кричал: убью КВИТКУ. Пьяная толпа ушла с квартиры штаба, я с командиром и адъютантом полка выехали на квартиру Начдива 6 (это было в 3 часа ночи), просили, чтоб Начдив сделал распоряжение какому-нибудь полку из дивизии выслать часть для ликвидации грабежей. Начдив приказал командиру 34-го кавполка выслать один эскадрон, но, придя на квартиру штаба полка, мы узнали от Командира 34, что у них положение однообразно и эскадрон не приходил и ночь целую был повальный грабеж и убийство…

К 12 часам 29-й полк был построен на восточной стороне Н. Место… Кучка горлохватов стали просить один за другим слово… Все речи их сводились к тому: немедленный отдых, выгнать всех евреев из советских учреждений, а некоторые говорили вообще из России, а также выгнать всех офицеров из Советских учреждений, на что они предложили послать от себя представителей в Реввоенсовет I конной армии…

Закрылось собрание, крикуны почувствовал себя победителями. Наше пребывание сейчас бесполезное, ибо верхами в дивизии не сделано того, что надо, а сделано все для уничтожения престижа военкомов.

Вся работа, которая проделывалась до настоящего времени, пошла насмарку только потому, что наш комсостав снизу доверху вел и ведет половинчатую политику в смысле оздоровления наших частей от грязных наклонностей. Мы, военкомы, превращаемся не в политических работников, становимся не отцами частей, а жандармами царского строя. Нет ничего удивительного, что нас били и продолжают убивать.

Руководители грабежей, погромов еврейского населения по-прежнему на месте, в эскадронах, и продолжают творить свое дело, а бывший командир ГАЛКА как будто будет командиром своего старого эскадрона, это мне сообщил командир 33, что против такого назначения не имеет ничего Начдив и Комбриг-2.

Полк находится в самом худшем состоянии: дисциплины нет, приказы в смысле прекращения грабежей не существуют. К еврейскому населению относятся враждебно, терроризировали и способны терроризировать при первой встрече с еврейским населением. Убийцы двух крестьян – восемь человек – находятся в эскадроне, какой-то толпой освобождены из-под ареста. Пока остаются лозунги «Бей жидов и коммунистов!», а некоторые прославляют Махно…»

Ворошилов обвинил в организации погромов и убийств «агентуру белополяков и Петлюры». В начале 30-х годов в пьесе

«Первая Конная» драматург Всеволод Вишневский, когда-то сам служивший в армии Буденного, повторил эту легенду, развив и дополнив мысль Ворошилова. Оказывается, еще при Деникине в 6-ю кавдивизию были засланы белые офицеры, которые долго ждали своего часа и только во время перехода на врангелевский фронт сначала организовали еврейский погром, затем убили комиссара и радостно отрапортовали зрителям: «6-я кавалерийская дивизия Красной Армии разложена!.. Это сделали мы!..» Что интересно, большинство зрителей, по крайней мере в 30-е годы, подобную ахинею воспринимали весьма серьезно.

Другое дело, что руководство Реввоенсовета и Политбюро объяснения такого рода справедливо считало чистой пропагандой. В Москве убийство комиссара 6-й кавдивизии вызвало серьезную тревогу. В свое время за аналогичное преступление Думенко поплатился головой. Конечно, на этот раз ни Буденного, ни Ворошилова, ни даже начальника 6-й дивизии И. Р. Апанасенко и комбрига наиболее «отличившейся» бригады В. И. Книгу никто расстреливать не собирался, но меры требовалось принять самые серьезные. ЦК РКП(б) направил в Первую конную специальную комиссию, в которую вошли председатель ВЦИК М. И. Калинин, член Политбюро и один из большевистских вождей, председатель Моссовета Л. Б. Каменев, комиссар Главного и Полевого штабов Красной армии Д. И. Курский, народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский и секретарь ЦК РКП(б) Е. А. Преображенский.

Решение об отправке комиссии Ленин и Троцкий приняли 2 октября, вскоре после того, как стало известно об убийстве Шепелева. Первоначально предполагалось отправить в расположение Первой конной другого вождя – председателя Петросовета и кандидата в члены Политбюро Зиновьева, – но то ли из-за загруженности Григория Евсеевича петроградскими и коминтерновскими делами, то ли для того, чтобы минимизировать участие в комиссии евреев и лишний раз не раздражать конармейцев, от этой идеи отказались. Вероятно, одна из причин, почему в Конармию отправили Каменева и собирались отправить Зиновьева, заключалась в том, что и Лев Борисович, и Григорий Евсеевич имели репутацию выдающихся ораторов. Считалось, что они своим пламенным большевистским словом наставят бойцов на путь истинный, отвратят их от убийств, грабежей и погромов.

Настроение не только рядовых конармейцев, но и значительной части комсостава в тот момент никак нельзя было назвать «здоровым». Вот что говорилось, например, на общем

собрании всех командиров и военкомов 6-й кавдивизии, созванном по инициативе комдива Апанасенко 3 октября, в преддверии приезда московской комиссии: «Начальник штаба дивизии Шеко: „Агенты Петлюры и Врангеля проникают в нашу среду и разлагают дивизию. Нам, всем сознательным, необходимо объединиться, чтобы раз и навсегда добиться победы над врагами революции“.

Помощник командира 31-го полка Седельников: «Знаю бойцов своего полка как честных защитников революции, вижу во всем этом гнусную работу агентов капитализма и издыхающей буржуазии».

Председатель ремонтно-закупочной комиссии Дьяков: «Ничтожные кучки примазавшихся к нам бандитов порочат честь дивизии. Предлагаю поклясться, что с сего дня не будет места в нашей дивизии таким элементам»».

Все погромы и убийства командиры армии вслед за Ворошиловым стремились свалить на мифических «агентов Петлюры и Врангеля» – как будто глава украинских националистов и командующий Русской армии когда-то действовали заодно! Поступать таким образом было куда комфортнее, чем признавать в случившемся собственную вину.

4 октября Романов, назначенный комиссаром 6-й дивизии вместо погибшего Шепелева, направил рапорт в Реввоенсовет Конармии. Там он утверждал: «Положение дивизии за последнее время весьма серьезное. Почти в каждом полку, определенно, засели шайки бандитов, свившие там себе прочные гнезда, с которыми необходимо повести самую решительную борьбу, ибо теперь, отводя нашу армию в тыл, они по пути творят что-то ужасное: грабят, насилуют, убивают и поджигают даже дома. В особенности все это проявляется по отношению к еврейскому населению, нет почти того местечка, где бы не было еврейских жертв, совершенно не повинных ни в чем.

Причиной всех этих явлений являются следующие факты: во-первых, зло это давно назревало в дивизии, и в свое время не принималось никаких мер для предотвращения. Это является лживой политикой военкомов, в то время, когда они уверяли в своих политсводках, что все в частях обстоит благополучно, не то было в действительности. Примером к тому – 2-я Кавбригада, насчитывающая до 400 коммунистов, но это только на бумаге – их нет в жизни.

Бессознательная бандитская масса, которая не поддается абсолютно политической обработке, остается совершенно не наказанной. Пример к тому, когда я передавал виновных в ранении Военкома 31-го Кавполка тов. Кузнецова в

Реввоентрибунал, то вместо того, чтобы преступники понесли должную кару, они не только не осуждены Ревтрибуналом, но даже оправданы, и были возвращены обратно в бригаду, как и преступники по убийству Военкомбрига, тов. Жукова, происшедшего до меня. Последствием таких действий явилось убийство тов. Шепелева.

Учитывая все вышеизложенное, я принимаю всевозможные с моей стороны меры для приведения дивизии в должное состояние, но все же нахожу, что один я не в силах справиться сейчас, а потому предлагаю в самом срочном порядке снарядить экспедиционный отряд для изъятия из дивизии всех бандитских элементов и скрывающихся агентов Петлюры, Врангеля и белополяков, ибо, в противном случае, дивизия в скором времени, в большем ее составе, сможет служить хорошим пополнением тем бандам, против которых мы сейчас идем бороться».

Хотя военком и повторил дежурную фразу об агентах Петлюры, Врангеля и белополяков, но все-таки признал, что конармейские командиры бандитизм не пресекают, что военкомы в своих донесениях приукрашивают положение дел, что большинство коммунистов в Конармии – липовые, только для галочки.

Происходившее на глазах разложение Конармии, грозившее вылиться в антисоветское восстание, заставило Реввоенсовет Конармии принять жесткие меры. 9 октября Буденный с Ворошиловым издали драконовский приказ: разоружить и расформировать три полка (31, 32, 33-й) 6-й дивизии, «запятнавших себя неслыханным позором и преступлением», а всех «убийц, громил, бандитов, провокаторов и сообщников» немедленно арестовать и предать суду. В приказе, в частности, ответственность за организацию грабежей и убийств возлагалась на «бандитов, разбойников, провокаторов и неприятельских шпионов». К председателю Реввоенсовета Троцкому, главкому Каменеву, председателю Совнаркома Ленину и командующему Южным фронтом Фрунзе полетела телеграмма о том, что с мятежниками и бандитами разобрались своими силами: «11 октября у ст. Олыпаница полки 31, 32 и 33-й шестой кавдивизии, окруженные особой кавбригадой с артдивизионом и двумя бронепоездамии, были обезоружены и расформированы». Всего из личного состава 6-й кавалерийской дивизии арестовали 368 человек. 40 человек расстреляли еще до приезда московской комиссии. Еще примерно 300 человек дезертировали, спасаясь от суда.

На Объединенном заседании представителей ЦК РКП(б) и

членов РВС Первой конной армии 14 октября 1920 года Ворошилов докладывал, уже сознавая, что худшее позади. Мятеж подавлен, на мародеров и погромщиков навели страх, Конармия вновь под контролем Реввоенсовета. На заседании присутствовали Калинин, Буденный, Каменев, Ворошилов, Минин, Семашко, Евдокимов, Луначарский, Курский, Преображенский, Горбунов, Гурьев, Ганшин. Климент Ефремович, чтобы оправдаться максимально убедительно, начал издалека: «Как вам известно, I конная была двинута на Польский фронт с Майкопа, по приказанию Главкома и Реввоенсовета Республики; тов. Буденный и я были вызваны в Москву… Мы в Москве успели очень мало, не считая, конечно, личных удовольствий, но зато когда мы возвратились обратно, мы заметили, что в армии не все благополучно…

Было заявлено, что идем на фронт, чтобы воевать с поляками, чтобы взять «Париж», как выражались некоторые… Красноармейцы начали проситься в отпуск. Началось целое паломничество, чтобы отпустить по домам. Временное командование не справилось с создавшимся положением; бойцы, не получая отпусков, начали самоотпускаться… Оставшиеся негодовали и на самоотпустившихся, и на тех, кто не отпускал…

Когда мы приехали в Ростов, то там, под общим настроением отрицательными элементами был выдвинут лозунг: «освобождение сидевшего в то время в тюрьме Думенко»…

О боях на Польском фронте говорить не приходится… Я хочу коснуться краткой истории нашего движения на польском фронте, чтобы стало ясно то положение, в котором находится сейчас наша армия. Пока мы шли вперед, настроение было превосходное. Когда наступил момент отхода, к этому времени армия достигла наивысшего напряжения и переутомления. Нужно было немедленно отводить, хотя бы отдельными частями, для отдыха или вливать новые свежие крупные пополнения, чтобы дать возможность на месте устраивать передышку. Это сделано не было.

Элементы, настроенные против, сразу подняли голову. Кроме того, по пути происходило пополнение добровольцами, из которых, как потом оказалось, было очень много дряни. Особенно 6-я дивизия, состоящая из добровольцев Ставропольской губернии – сами по себе мелкособственнические элементы, в начале отхода получилось ядро бандитов.

Впервые 23–24 сентября мы узнали, что в 6-й дивизии не все благополучно. Дивизия эта оставалась на расстоянии 80—100 верст от нас, и мы, находясь в главных частях, и не подозревали, что там что-либо происходит, потому что докладов от начдива не

было. И те мерзкие погромные действия, которые начались в дивизии, явились неожиданными. Но мы быстро все узнали, и сейчас же приняты были меры».

На вопрос одного из членов комиссии: «Вы говорите, что меры приняли тотчас же. Почему же бандитские полки были расформированы только двумя неделями позже?», Ворошилов, ничуть не смутясь, ответил: «Сразу принять крутые решительные меры мы не могли. В других дивизиях общее объективное положение было такое же. Только субъективно состав там был лучше. Поэтому потребовалось около 2 недель подготовительной работы, во время которой в 6-й дивизии творились страшные безобразия… Это была гильотина; мы знали, что нужна чистка, но для этой чистки за собой нужно было иметь силу, нужно было иметь части, которые в случае надобности стали бы и расстреливать. Дивизия к этому времени была на две трети бандитского состава… Как вам известно, был убит комиссар дивизии. Подготовившись, 9 числа был издан от Реввоенсовета приказ, и 11 числа была произведена над дивизией операция.

Дивизия была сосредоточена в селе Ольшаники. Было приказано построить дивизию у линии жел[езной] дороги. Но бандиты не зевали, отсюда можно сделать вывод, что у них была великолепная организация – бандиты не явились, и дивизия была построена не в полном составе. Из тех полков, которые наиболее были запачканы, построилось приблизительно пятьдесят процентов…. Несмотря на приказ Реввоенсовета выстроиться в пешем строю, прибыли на конях, а часть даже осталась на конях под видом коноводов. Но мы сразу увидели, что коноводов чересчур много. Когда мы прибыли, то сразу было приказано охватить дивизию с флангов и тыла, причем по полотну железной дороги стали два бронепоезда. Таким образом дивизия оказалась в кольце. Это произвело потрясающее впечатление. Все бойцы и командный состав не знали, что будет дальше, а провокаторы подшептывали, что будут расстрелы.

Мы потребовали, чтобы все построились. Начдив тут же заявляет, что он ничего не может сделать. Приказывать нам самим – значило уронить престиж. Здесь был момент, когда мелькнула мысль, что восстанет вся дивизия, но у всех нас все-таки была уверенность, что до этого дело не дойдет. Мы проехали по рядам чистых полков. Тов. Буденный и я сказали им несколько товарищеских слов. Сказали, что честные бойцы ничего не должны бояться, что они знают нас, мы знаем их и т. д. Это сразу внесло новое настроение. Быстро был наведен порядок, чистые бригады были настроены против запачканных. Была дана команда «смирно». После этого тов. Мининым был прочитан артистически

приказ».

Приказ Реввоенсовета Первой конной от 9 октября наглядно показывает состояние армии в то время и заслуживает того, чтобы привести его полностью:

> «Мы, революционный военный Совет I Конной красной армии, именем Российской Социалистической Советской Рабоче-Крестьянской Республики объявляем:
>
> Слушайте, честные и красные бойцы, слушайте преданные до конца трудовой республике командиры и комиссары! I конная армия в течение почти целого года на разных фронтах разбивала полчища самых лютых врагов рабоче-крестьянской власти, была грозой неприятеля и любовью и надеждой для трудящихся не только в России, но и за границей. Особенно прогремела ее слава после могучих сокрушительных ударов на фронте против польских помещиков и капиталистов. Окруженная этой славой, 1-я Конная армия согласно приказу Главкома начала выходить из боя для приведения частей в полный порядок перед выполнением новой боевой особой задачи. Гордо реяли красные знамена, орошенные кровью павших за святое дело героев, окропленные радостными слезами освобожденных тружеников. И вдруг совершилось черное дело, и целый ряд неслыханных в рабоче-крестьянской армии преступлений. Эти чудовищные злодеяния совершены частями одной из дивизий, когда-то тоже боевой и победоносной. Выходя из боя, направляясь в тыл полки 6-й кавалерийской дивизии, 31, 32 и 33-й, учинили ряд погромов, грабежей, насилий и убийств. Эти преступления появились еще раньше отхода. Так 18 сентября совершено было 2 бандитских налета на мирное население; 19 сентября – 3 налета; 20 сентября – 9 налетов; 21 числа – 6 и 22 сентября – 2 налета, а всего за эти дни совершено было больше 30 разбойничьих нападений…
>
> В местечке Любарь 29/IX произведен был грабеж и погром мирного населения, причем убито было 60 человек. В Прилуках, в ночь со 2 на 3/X тоже были грабежи, причем ранено мирного населения 12 человек, убито 21 и изнасиловано много женщин. Женщины бесстыдно насиловались на глазах у всех, а девушки, как рабыни, утаскивались зверями-бандитами к себе в обозы. В Вахновке 3/X убито 20 чел., много ранено,

изнасиловано, и сожжено 18 домов. При грабежах преступники не останавливались ни перед чем, и утаскивали даже у малышей-ребят детское белье.

Там, где прошли преступные полки недавно еще славной 1-й конной армии, учреждения советской власти разрушены, честные труженики кидают работу и разбегаются при одном слухе о приближении бандитских частей. Красный тыл разорен, расстроен и через это уничтожено правильное снабжение и руководство красных армий, борющихся на фронте.

Трудовое население, встречавшее когда-то ликованием 1-ю конную армию, теперь шлет ей вслед проклятия. Имя первой конной армии опозорено. Наши славные боевые знамена залиты кровью невинных жертв. Враг ликует от предательской помощи ему и от разложения частей нашей армии».

Изложив на заседании 14 октября текст приказа, Ворошилов продолжал:

«Приказ произвел колоссальное впечатление. Виноватые приуныли, а незапятнанные выпрямились, и по их физиономии видно было, что они осуждают своих товарищей. Мы почувствовали, что мы сможем на них опереться. Хотя мы, конечно, знали, что самые настоящие виновники сюда не пришли.

После прочтения приказа начали приводить его в исполнение. Один из полков имел боевое знамя от ВЦИК, привезенное тов. Калининым. Я от имени ВЦИК объявил, что знамя, врученное от высшего органа, отбирается, и передается члену ВЦИК, тов. Минину. Командующий приказывает отобрать знамя. Это производит еще более потрясающее впечатление. Многие бойцы начинают плакать, прямо рыдать. Здесь мы уже почувствовали, что публика вся в наших руках. Мы приказали сложить оружие, отойти в сторону и выдать зачинщиков. Оружие сложили беспрекословно, но с выдачей замялись. Тогда мы отозвали командный состав в сторону и приказали назвать зачинщиков. После этого было выдано 107 человек, и бойцы обещались представить сбежавших. Из выданных уже 40 человек расстреляно. После этого полки были объявлены расформированными, им было возвращено оружие и объявлено, что они сводятся в отдельную бригаду. Когда бойцы получили обратно оружие, ликованию не было

конца».

Рассказ о ликовании бойцов не слишком умилил членов комиссии, внимательно слушавших Ворошилова. Один из них спросил: «Что, значит, в других дивизиях положение такое же?»

«Да, в других дивизиях были сложности, – признал Климент Ефремович. – В 11-й дивизии началось было немного, но заранее ликвидировано. Но операция над 6-й дивизией, безусловно, произвела отрезвляющее впечатление и на остальные дивизии, нам нужно сейчас публику „накачивать“, и вы приехали к нам в очень нужный момент. Так что, вот каково положение. Конечно, ничего опасного и страшного не было, но, безусловно, 6-я дивизия натворила много безобразий. Мы многого и не знаем, потому что поехать туда не могли. Сейчас, повторяю, армия абсолютно здоровая. Боеспособность у нее даже при том состоянии, которое имелось в 6-й дивизии, не терялась, все оперативные приказы выполнялись, потому что резание жидов они не ставили ни в какую связь с воинской дисциплиной».

Далее слово взял член Реввоенсовета Конармии С. К. Минин. Он утверждал:

> «Товарищ Ворошилов, давая картину событий, упустил из виду одно важное обстоятельство. Командный состав в большом количестве был выбит, и 6-я дивизия, сохраняя боеспособность, представляла из себя почти толпу, потому что командиров приходилось назначать из бойцов и армия в таком виде начала отступать.
>
> Нужно еще отметить, что противник обратил особенное внимание на конную армию, в смысле ее внутреннего разложения. 6-я дивизия при отступлении была задержана на польском фронте, и, таким образом, без руководящего командного состава, представленная сама себе, она сразу наполнилась преступными элементами…
>
> День операции в 6-й кавдивизии нужно считать днем перелома не в узком смысле слова – подъема боеспособности, а очистки от негодных элементов. Ваш приезд – очень счастливое совпадение со всем произошедшим. Перелом уже наметился, у нас уже имеется 270 человек, выданных бойцами, и сейчас должна начаться очистительная работа. Мы предлагаем провести ряд беспартийных конференций и несколько дней партийной работы, чтобы армия была вымыта и надушена. Так что ваша работа будет иметь очень

благодатную почву».

На следующий день, 15 октября, комиссия заслушала доклад представителя Особого отдела Конармии К. А. Новицкого. Он, в частности, заявил: «Сейчас, после разоружения 6-й кавдивизии, темный элемент в дивизии все-таки остался и ведет агитацию за то, чтобы были освобождены выданные дивизией бандиты. У нас сил очень мало, и, если эти оставшиеся бандиты захотят, то они смогут отбить арестованных. Необходимо еще отметить, что надо дать возможность нашим отделам расправляться с бандитами на месте. Мы как раз на территории Махно… В Екатеринославской губ[ернии] были разгружены 2 тюрьмы I конной. Бандиты, зная, что их сотоварищи сидят в тюрьмах, забегали вперед и шептали в армии, что вот в такой-то тюрьме сидят буденновцы. Буденновцы приходили и открывали тюрьмы… 28-го была разгружена Бердичевская тюрьма. Делалось так, как и раньше – под лозунгом, что жиды и коммунисты сажают буденновцев…

30 сентября на станции, где мы стояли, отдельными бандитски настроенными частями были выпущены арестованные из Особого отдела. Когда мы приняли меры и прогнали бандитов, то через некоторое время мы получаем сведения, что полки 2-й бригады 11-й дивизии идут на нас. Пришла делегация и заявила, что жиды арестовали буденновцев, и когда хотели их освободить, то были обстреляны. Мы объяснили, в чем дело, и сказали, чтобы полки были остановлены. Но в это время они уже подошли к станции и были в большом недоумении, когда вместо жидов увидали нас».

Затем выступил начальник армейского политотдела И. В. Бардин. Он, как и прочие выступавшие, особо подчеркивал усталость конармейцев.: «Армия в течение трех с половиной месяцев была без передышки в боях. Когда мы начинаем говорить о политической работе, это нужно иметь в виду…»

Далее Бардин по пунктам попытался вскрыть причины негативных явлений среди конармейцев:

> «БАНДИТИЗМ. Вопрос о том, что наша конная армия пошаливает, был все время… Было установлено, что это вполне естественно, потому что у нас нет организованного снабжения, и надо было организовать необходимый грабеж, от которого, конечно, легко перейти и к грабежу, и не необходимого.
>
> АНТИСИМИТИЗМ (так в документе. – *Б.* С.). В той же 6-й кавдивизии за это время комиссарский состав переменялся 2–3 раза и, конечно, более низкопробным элементом. Самое больное место у нас – это комиссары

эскадрона. Они, обыкновенно, рядовые бойцы, коммунисты, но коммунисты очень слабые, и которые иногда не прочь крикнуть вместе с бойцами: «бей жидов!»

Антисимитизм, как и во всякой крестьянской армии, имел место. Но антисимитизм пассивный. Лозунга «бей жидов!» до сих пор не было слышно. Для нас был серьезный вопрос – отношение к пленным, которых беспощадно убивали и раздевали. Но бороться с этим политическому отделу Реввоенсовета было трудно…

И вот при таком положении наша армия не получила и 10-й доли того количества политработников, в которых она нуждалась. Первая партия работников – около 200 человек, прибыла в конце июня, из которых можно было взять какой-нибудь десяток-два работников, могущих вести работу. Второй серьезный отряд – 370 человек, но когда стали их распределять, то только незначительная часть, каких-нибудь два-три десятка, оказалась пригодна, а остальные или совершенно не приспособлены к армии, или совсем больные, глухие, хромые…»

– Таким образом, – сыронизировал Луначарский, – триста человек глухонемых агитаторов…

– Именно так, – подтвердил Бардин. – Все эти обстоятельства привели к тому, что политическая работа стояла и стоит на очень низком уровне. На днях была созвана партийная конференция, на которой подавались антисемитские записки. Спрашивают, почему жиды у власти, мы их просто лишили мандатов и разрешили остаться с правом совещательного голоса. Перспектива у нас только от того – будут люди или нет.

Далее снова заговорил Минин:

> «При том положении, в котором находилась наша армия, тыловые учреждения постоянно отрывались, и получалась такая картина, что люди с переломанными ребрами валялись по несколько дней. Раньше учреждения настолько были запущены, что вообще не были похожи на советские учреждения. Был, например, расстрелян начальник административного управления – за насилие, другие коммунисты – за нарушение дисциплины и т. д.».

Минина поддержал Буденный, первый раз за два дня взявший слово. Это выступление командарма еще раз подтвердило его репутацию человека косноязычного и в выражениях не стесняющегося:

«А здесь, еще когда проходили эту идиотскую Украину, где везде лозунг „бей жидов!“, и, кроме того, бойцы очень недовольные всегда возвращаются из лазаретов. Плохо обращаются в лазаретах, нет помощи на станциях при возвращении. И вот, обратившись к одному коменданту-еврею, к другому и не получив помощи, или вместо помощи – ругань, они видят, что они брошены без всякого призрения, и, возвращаясь в ряды, они вносят разложение, рассказывая об обидах, говорят, что мы здесь бьемся, жизнь отдаем, а там никто ничего не делает».

Далее Семен Михайлович опять подхватил беспроигрышную тему белогвардейских агентов и заговорщиков: «Конечно, на этой почве преступная рука и сознательно ведет агитацию. Но мы в искоренении этих преступных элементов уже сделали большой шаг, и сейчас мы все очень рады приветствовать вас, благодарим за приезд, и надеемся, что вы поработаете с нашими бойцами, которые, проводя все время в крови и боях, никого не видят и мало что слышат».

В целом комиссия была удовлетворена разъяснениями, данными руководителями Конармии. «Ну что ж, – подводя итоги, сказал всегдашний миротворец Калинин, – мне кажется, товарищи достаточно подробно рассказали нам о том, что происходило в армии. Ничего не утаивали, не пытались скрыть от ЦК свои слабые стороны. Я предлагаю принять их доклады к сведению и окончательное решение принять уже после возвращения в Москву, а пока перейти к решению чисто технических вопросов…»

Для острастки командира 1-й бригады В. И. Книгу взяли под стражу. Однако уже 15 октября председатель выездной сессии революционного военного трибунала доложил члену РВС Минину: «Слушание дела 104 лиц 6-й дивизии в бандитизме на основании вашего личного распоряжения отложено». А уже в ноябре Реввоенсовет Конармии принял решение о восстановлении 6-й кавдивизии, да еще с присвоением ей почетного наименование Чонгарской – за отличие в боях против Врангеля.

В своих мемуарах Буденный дал значительно смягченное описание этих событий, всю вину за них возлагая на Центр, плохо снабжавший и пополнявший Конармию, и на все ту же «белогвардейскую агентуру»:

«Утром 8 октября я получил телеграмму Главкома С. С. Каменева. Главком предлагал, изменив маршрут Конной армии,

направить ее кратчайшим путем на Берислав, не подавая левый фланг к Днепру, а придерживаясь только данного направления. Указанная ранее скорость марша оставалась в силе.

В тот же день от Главкома была получена вторая телеграмма, из которой мы узнали о том, что в Конную скоро приедут М. И. Калинин, А. В. Луначарский и Н. А. Семашко.

По указанию В. И. Ленина на фронт срочно выехал Главком С. С. Каменев.

К нам продолжали поступать резервы. На пополнение 4-й кавдивизии прибыл 3-й кавалерийский полк. В район Лубны пришло пополнение – 3000 человек без лошадей. По распоряжению Главкома нам доставляли 2000 лошадей из района Москвы, 2000 – из района Орла и 1000 – из Самары.

Погода по-прежнему стояла необычайно холодная, а обмундирование и обувь у бойцов истрепались. Продовольствие и фураж на исходе. Запасы продовольствия и фуража у нас имелись в Елисаветграде, но они предназначались для обеспечения армии на время ее боев с Врангелем, а потому расходовать их мы пока не могли. Немедленно доложив Реввоенсовету Республики, я просил разрешения проводить заготовки на месте, в Лубенском и Хорольском уездах. Перед этим с такой же просьбой я обратился в Наркомпрод Украины. Заготовки вроде бы и разрешили, но на деле Наркомпрод не помогал, а даже мешал. В Полтавской губернии производить заготовку вообще запретил. Одновременно я просил ускорить отправку в район Кременчуга занаряженных по нашей заявке 2000 седел, 2000 шашек и поезда с теплым обмундированием и топливом.

9 октября А. С. Зотов доложил мне об очень неприятном событии, которое встревожило нас и потребовало принятия самых решительных мер. А случилось вот что. В одной из частей (она вышла из боя последней и отставала от основных сил армии) начались беспорядки: некоторые бойцы отказывались выполнять приказы, заявляли, что они и их лошади утомлены, одежда и обувь истрепаны. Обвиняли в этом командиров. Под влиянием белогвардейских агентов, пробравшихся в дивизию, было совершено несколько актов насилия и грабежей. Они же 28 сентября убили военкома 6-й дивизии Георгия Георгиевича Шепелева…

Получив эти сведения, я тут же направился на место происшествия.

Эта часть пользовалась заслуженной боевой славой. Не раз отличалась она в сражениях на польском фронте. Но, как я уже говорил, враги делали все, чтобы ослабить грозную для них Конную армию. Под видом добровольцев в ее дивизии проникали

агенты врага, диверсанты. Им ставилась задача провоцировать погромы местного населения, грабежи, вовлекать в них как можно больше бойцов из числа малограмотных, отсталых в политическом отношении, вынуждать тем самым командование применять к провинившимся репрессивные меры, что могло вызывать озлобление бойцов против командиров. Провокаторы рассчитывали, что падение дисциплины в красных войсках, участие бойцов в грабежах, мародерство подорвут у населения веру в Красную Армию.

Порой белогвардейские агенты, переодетые в нашу военную форму, выступали перед крестьянами как «очевидцы» погромов и грабежей, рассказывали небылицы о якобы чинимых красноармейцами «зверствах».

Агентура врага вела также усиленную подрывную работу среди населения прифронтовой полосы, пробраться в которую лазутчикам не стоило большого труда. В то время, особенно в прифронтовой полосе, органы Советской власти на местах были слабы, а в ряде районов их вовсе уничтожили бандиты. Партийная прослойка в некоторых подразделениях была очень мала, и не потому, что ряды партии не росли. До конца преданные Советской власти коммунисты в бою были всегда впереди, дрались до последнего вздоха, не щадя своей крови и жизни. И значительная часть их выбыла из строя.

Беспорядки в этой части начались еще до выхода ее из боя. В период с 18 по 22 сентября бандиты организовали несколько разбойничьих нападений на мирное население. Все участники этих налетов, боясь наказания за совершенные ими преступления, ушли в бандитские шайки. Выход части из боя еще больше развязал руки преступным элементам. А комсостав не принял решительных мер для пресечения бесчинств.

Командиру части мы не раз указывали на частые случаи нарушения дисциплины. Он тогда заверял:

– Товарищ командарм, на меня и на моих людей можете положиться, как на самого себя. Верно, кое-кто нарушал порядок и дисциплину, но теперь этому конец.

Однако свои обещания командир не выполнял. У него был один, крупный для военного человека, недостаток – мягкость характера. Он сам не отличался высокой требовательностью и, естественно, не мог потребовать этого от подчиненных ему командиров. Когда мы указывали ему на недопустимость либеральничанья, он невесело проводил широкой ладонью по лицу, словно смахивал усталость, и со вздохом говорил:

– Так ведь жаль бойца, Семен Михайлович. Сегодня живет, за Советскую власть борется. А завтра раз – и готов… Погиб.

Слушая его, я нередко думал: «Эх, подведет тебя мягкотелость. Самое опасное, когда свою строгость и чуткость командир подменяет жалостью».

Командование части, чтобы «не выносить сор из избы», умалчивало о происходящем, и члены Реввоенсовета узнали о преступлениях, совершенных бандитами, лишь спустя несколько дней, да и то из других источников, а подробности преступлений выяснились значительно позже (обрисованный здесь «командир части» – это, несомненно, В. И. Книга, так как И. Р. Апанасенко, как следует хотя бы из того же бабелевского дневника, мягкотелостью никогда не страдал. – *Б.* С.).

– Что будем делать? – спросил разгневанный случившимся Ворошилов.

– Сам знаешь, по головке гладить не будем.

9 октября в полевом штабе в Ракитно созвали экстренное заседание Реввоенсовета армии. На заседании написали следующий приказ (далее цитируется начало приведенного выше приказа от 9 октября без всякой конкретики. – *Б. С.)*.

Далее в приказе приводились факты злодеяний, совершенных бандитами.

Чтобы смыть позор с армии и подготовить ее к новым победам, Революционный Военный совет постановил: запятнавшие себя позором и преступлениями, обагрившие себя кровью невинных жертв полки (назывались их номера), по лишении присвоенных от имени Рабоче-Крестьянской Республики полкам наград и отличий, разоружить и расформировать, а номера их из списка кавалерийских полков 1-й Конной армии исключить навсегда.

Всех убийц, громил, бандитов, провокаторов и их сообщников немедленно арестовать и предать суду Чрезвычайного военно-революционного трибунала.

После выдачи и ареста преступного элемента остальным бойцам расформированных подразделений оружие и лошадей вернуть.

Не явившихся на смотр, не исполнивших приказа как врагов Рабоче-Крестьянской Республики объявить вне закона.

Я отдал распоряжение: для объявления приказа Реввоенсовета построить часть на поле за Олышаницей утром 10 октября.

В назначенный срок построение не состоялось. Тогда я предложил командиру части построить подразделения в пешем строю 11 октября в 10 часов утра в том же месте и предупредил, что, если приказ не будет выполнен, отдам под суд военного трибунала весь комсостав. Я приказал также командиру Особой

кавбригады К. И. Степному-Спижарному вывести бригаду в полной боевой готовности к месту построения и в случае отказа сложить оружие принудить их к этому силой.

К счастью, применять силу не потребовалось. 11 октября утром полки в указанном месте были построены. Реввоенсовет армии в полном составе выехал на место. Несмотря на приказ построиться в пешем строю, многие прибыли на конях. Часть виновных в совершенных преступлениях, боясь сурового наказания, оставила лошадей в лесу в двухстах метрах от места построения. Некоторые вообще не явились.

Я подошел к настороженному строю. Одна мысль сверлила мозг; сдадут бойцы оружие по моей команде или же нет? Старался держаться как можно спокойнее, а внутри все бушевало. Превозмогая волнение, говорил сам себе: «Спокойно! Спокойно!»

Раздалась команда: «Смирно!» С. К. Минин не спеша, внятно начал читать приказ Реввоенсовета. Я следил за строем. Приказ оказывал свое действие. Вначале у многих лица были хмурыми, с застывшим выражением злости, а иные потупили взгляды. Когда же Минин стал перечислять злодеяния, совершенные бандитами над мирным населением, головы одних стали подниматься, на их лицах отразилась суровая решимость. Головы других опускались еще ниже. В этот момент кто-то надрывно крикнул:

– Да что слушать, стреляй их!

Из леса выскочила группа всадников, у каждого на поводу была свободная лошадь. Всадники галопом подлетели к построившимся и пытались передать свободных лошадей тем, кому они принадлежали.

Строй на минуту дрогнул, кто-то пытался сесть на лошадь, кого-то стаскивали с седла. Мне казалось, что в этой суматохе вот-вот дойдет до рукопашной. К счастью, ничего не случилось.

Группа подъехавших всадников да с ней еще с десяток замешанных в преступлениях бойцов ускакали в лес. После моих команд «Равняйсь!» и «Смирно!» конармейцы остались стоять на месте, и С. К. Минин продолжал чтение приказа.

Наступили решающие минуты. «Подчинятся или нет? – волновался я. – Сдадут оружие или нет? Если нет – как поступить?» Однако времени терять было нельзя.

Подаю команду:

– Сдать боевые знамена и знамена ВЦИК, врученные за боевые заслуги!

После заметного колебания знаменосцы двигаются с места и приносят знамена ко мне. На глазах бойцов замечаю слезы.

Еще команда:

– Клади оружие!

Слова прозвучали в полной тишине. Они были слышны каждому находившемуся в строю, они докатились до леса и эхом отозвались в нем. Наступила минута ожидания, не скрою, самая, пожалуй, трудная в моей жизни.

Но вот первая шеренга как бы стала ломаться. Бойцы, недружно наклоняясь, осторожно клали на землю, каждый возле себя, шашки, карабины. То же сделала вторая шеренга.

Замечаю отдельные неподвижные фигуры бойцов, на лицах которых отражается злоба. Но эти одиночки, хотя и с оружием, были бессильны теперь против абсолютного большинства уже безоружных конармейцев.

И тут случилось то, чего ни я, ни члены Реввоенсовета К. Е. Ворошилов и С. К. Минин не ожидали. По рядам вначале прошел тяжелый вздох, затем послышались рыдания. Мне редко приходилось видеть плачущих навзрыд мужчин. Мужские слезы, видимо, не зря называют скупыми. На какое-то мгновение я оцепенел: стоят передо мной боевые кавалеристы, которых много раз приходилось водить в атаку в конном и пешем строю, от которых враг удирал так, что только пятки сверкали, стоят и, не стесняясь друг друга, плачут. А среди плачущих бойцов, утратив надменность, озираются волками не сложившие оружия преступники.

Обращаюсь с краткой речью к тем, кто только что сдал оружие:

– Вы ли это, товарищи, кто еще совсем недавно под этими легендарными знаменами громил белополяков? Эх, плохо, когда у бойца не душа, а душонка и когда его сердце дрогнуло. И где дрогнуло? Не в бою, когда вражья пуля могла тебя с седла скосить, а в мирный час, когда ты поддался вражьей агитации, изменил делу революции!

Сделал паузу, смотрю на виновников. Головы опустили еще ниже. Кто-то крикнул:

– Чего с ними цацкаться! К стенке, товарищ командарм! Легко сказать – к стенке. Среди виновных большинство таких, кто стал соучастником преступления по недомыслию. Надо, чтобы они глубоко осознали свою вину.

– Товарищи, – продолжал я, – Республика Советов, наша любимая Россия, переживает сейчас, может быть, самое тяжелое время. Враг хочет вновь заковать в кандалы наших сыновей и матерей, нас с вами. Враг делает ставку на Врангеля. «Черный барон» вооружен до зубов. Ленин, Родина зовут нас к решительной борьбе. Так неужели мы, сыны своего Отечества, не постоим за Республику Советов? Постоим! И будем биться до последнего дыхания, а если надо, то во имя свободы и счастья

трудового народа отдадим свои жизни!.. Бойцы в ожесточенных боях с врагом проявили чудеса храбрости и героизма. И вот теперь в их рядах нашлись предатели. Они запятнали вашу боевую честь и славу, и смыть этот позор можно лишь честной, самоотверженной службой и своей кровью во имя дела революции. Помните об этом. Вопросы есть? Нет? Тогда приказываю здесь же и непременно сейчас выдать зачинщиков.

Над полем повисла тишина. Некоторые из замешанных в грабежах и убийствах пытались пробиться через строй и уйти в лес. Но поздно. Строй на несколько минут нарушился, короткая схватка – и бойцы разоружили бандитов.

У меня словно камень с плеч свалился. Снова обращаюсь к бойцам и командирам. Призываю их восстановить боевую славу в предстоящих боях против врангелевцев, быть верными большевистской партии и Советскому правительству. В заключение говорю:

– Боевые знамена останутся в штабе армии до тех пор, пока снова, как и прежде, не загремит ваша воинская слава на полях сражений!

Вижу, все конармейцы слушают меня внимательно, и сам я повеселел, уверенности прибавилось. Теперь уже громко даю команду:

– Взять оружие!

На меня уставились удивленные глаза бойцов. Еще секунда – и я все понял. Конармейцы не верят, что я, командарм, несколько минут назад распекавший их, вдруг разрешил взять оружие. Пришлось повторить команду. На этот раз ее дружно выполнили все как один человек. В это время еще несколько десятков бойцов бросились в лес. Ворошилов и я недоумеваем: в чем дело? Неужели бойцы решили убежать? Между тем из леса послышались выстрелы. Вскоре наше недоумение рассеялось. Оказалось, что в лесу находилась группа наиболее оголтелых бандитов, которая не вышла на построение, но все время наблюдала за нами. За ней-то и погнались бойцы. Преступники бросились наутек, по ним открыли огонь. Несколько человек было убито, остальных поймали и обезоружили.

События в 6-й кавдивизии взволновали меня до глубины души. Было обидно, что подобное произошло в кавдивизии, бойцы которой еще совсем недавно мужественно и беспощадно громили врага. И особенно огорчил тот факт, что случилось это перед решающими боями с Врангелем.

В тот день я ходил мрачный и угнетенный. Мы провели заседание Реввоенсовета, на котором тщательно обсудили, что послужило поводом столь тяжелого происшествия. Горячо,

страстно говорил каждый из нас. И почти каждый предлагал принять самые строгие меры к тем, кто запятнал честь революционного бойца.

– Особая вина во всем случившемся лежит на командире части, – взволнованно говорил начдив 11-й Морозов (на заседание Реввоенсовета были приглашены все начдивы и военкомы). – Не буду голословным. Сейчас, как никогда, надо проявлять повышенное внимание к бойцам: чаще беседовать с ними, узнавать, что у человека на душе, какие думы одолевают его. А товарищ… тяготится этим, его редко увидишь с подчиненными. Дневка – он не к конникам, а в отдельную избу, видите ли, покой ему надо создать. А всем ясно, что чем дальше командир уходит от бойца, тем большая вероятность того, что его перестанут понимать.

– Судить будем всех, кто опозорил революционное знамя Первой Конной! – подвел итоги обсуждения Ворошилов.

Мы знали, что, во всеуслышание говоря о непорядках в наших подразделениях, даем врагу пищу. Но честно сказать об ошибках – значит укрепить свои ряды, а не ослабить их.

Реввоенсовет армии решил виновных в происшествии командиров отстранить от занимаемых должностей и предать суду Революционного военного трибунала».

Конечно, Буденный несколько облагородил неприглядную картину. О злодеяниях упомянул вскользь, нисколько их не конкретизируя. О евреях вообще не упомянул ни слова—в момент публикации «Пройденного пути» еврейская тема в СССР была под фактическим запретом. И все больше упирал на недостаток снабжения, плохое отношение к конармейцам со стороны тыловых служб и происки вражеской агентуры. А ведь агентура того же Врангеля, кстати сказать, никакого понятия о безобразиях, творившихся в Первой конной, понятия не имела. Иначе бы, глядишь, врангелевцы приободрились и куда решительнее пытались бы зацепиться за Северную Таврию.

Но вот самой операции по разоружению мятежной 6-й дивизии Семен Михайлович уделил столько же места, сколько уделял крупным кавалерийским сражениям. И это не случайно. Надо признать, что подготовил и провел ее Буденный образцово. Только вот о бронепоездах в мемуарах не рискнул упомянуть. Но читатель и так должен был осознать, насколько серьезным было дело. И Семен Михайлович по-настоящему гордился тем, что сумел так быстро и ловко обуздать мятежников. Это ведь был еще один его «звездный час».

Если бы не удалось совладать с 6-й кавдивизией, могла бы восстать вся Конармия. А это было бы похлеще Кронштадтского

мятежа – Врангель ведь все еще сидел в Крыму и Северной Таврии. И вот в этом случае выбор бы у Семена Михайловича был бы, прямо скажем, незавидный. Можно было бы, конечно, самому возглавить мятеж под лозунгом «Бей жидов и коммунистов!». Сам Буденный, как мы уже убедились из его выступления на объединенном заседании Реввоенсовета Конармии и присланной из Москвы комиссии, евреев не особенно жаловал, как и подавляющее большинство конармейцев. Но открытых антисемитских высказываний никогда не допускал, поскольку давно уже понял, что с советской властью надо вести себя очень осторожно. А трехлетний опыт Гражданской войны научил его, что антисоветские восстания неизменно заканчиваются провалом. Так что командарм Первой конной никогда бы не рискнул пойти добывать сомнительные лавры батьки Махно или предводителя крестьянского восстания на Тамбовщине Антонова.

Но и останься Буденный в стороне от возможного восстания Конармии, по головке бы его все равно не погладили. Семен Михайлович был нужен советской власти постольку, поскольку за ним шли красноармейские массы. Если бы конармейцы отвернулись бы от Буденного, для большевиков он бы превратился в балласт. Его могли бы спокойно обвинить в «контрреволюционных настроениях» и потворстве грабежам и погромам и расстрелять, как Думенко или, позднее, Миронова. Или, в лучшем случае, перевели бы на какую-нибудь малозначительную должность, означавшую конец карьеры.

Думается, Буденный в тот момент прекрасно сознавал, как много поставлено на карту. Он понимал, что если не расправится беспощадно с бандитами в Конармии, то навсегда лишится доверия со стороны политического руководства. Но в то же время Семен Михайлович чувствовал, что расправу с непокорными надо провести так, чтобы не лишиться доверия ни самих наказанных (разумеется, тех, кто остался в живых), ни других конармейцев. Несколько десятков зачинщиков расстрелять было необходимо – как для острастки остальных, так и для того, чтобы продемонстрировать прибывшей из Москвы комиссии, что Реввоенсовет Конармии решительно борется с бандитизмом. Зато остальных, в том числе командиров, он предпочел помиловать и дать возможность заслужить прощение в новых боях. Соратник Буденного генерал-полковник Ока Городовиков через много лет после Гражданской войны свидетельствовал: «Батька своих людей не сдавал».

И тут очень помогла легенда о вражеской агентуре, будто бы ответственной в первую очередь за погромы и убийства. Русский человек, как, наверное, и представители других народов, очень не

любит признавать себя в чем-либо виновным, а уж тем более – в грабежах, убийствах, насилиях. Куда удобнее переложить ответственность на каких-нибудь внешних врагов. Буденный и Ворошилов эту народную психологию прекрасно знали, и Семен Михайлович использовал довод о вражеской агентуре сполна. Конармейцы, не слишком обремененные образованием и критическим мышлением, охотно поверили командарму, что во всем виноваты «агенты Врангеля и Петлюры», и даже с энтузиазмом выдали зачинщиков, очевидно, предназначавшихся на роль этих агентов и частью расстрелянных еще до приезда московской комиссии.

А вот если бы 6-я дивизия не подчинилась приказу Реввоенсовета, а бойцы Особой кавбригады отказались бы стрелять в мятежников и, хуже того, перешли бы на их сторону… Наверное, при одной мысли о таком развитии событий у Буденного мурашки по коже бы побежали. Но пронесло.

Еще раз повторю, что Семен Михайлович был косноязычен. Но именно он, а не Ворошилов умел заставить бойцов слушаться своей воли, что блестяще продемонстрировал 11 октября при разоружении 6-й дивизии. Вероятно, в интонациях его голоса, в самом внешнем виде бравого драгунского унтера с пышными усами было что-то такое, что завораживающе действовало на бойцов. Что-то неуловимое, что не передают ни фотографии, ни мемуары.

Стоит отметить, что и насчет самой московской комиссии в мемуарах Буденного немало лукавства. Из третьего тома «Пройденного пути» можно понять, что комиссия состояла всего из трех человек – Калинина, Луначарского и Семашко. Кажется, можно объяснить, почему выпали из ее членов Каменев и Преображенский, участвовавшие в антисталинских оппозициях и к моменту публикации мемуаров не реабилитированные ни в судебном, ни в партийном порядке (их реабилитация произошла только в годы перестройки). Однако почему Буденный пропустил вполне правоверного ленинца-сталинца Д. И. Курского, ни в каких оппозициях не замешанного и благополучно умершего своей смертью в Москве еще в 1932 году? А вот почему. У милейшего Дмитрия Ивановича была плохая должность – нарком юстиции. Приезд Луначарского вполне можно было объяснить тем, что он озаботился постановкой в Конармии партийно-пропагандистской работы, приезд наркома здравоохранения Семашко столь же легко было связать с необходимостью наладить санитарное дело в Первой конной. Наконец, приезд Калинина тоже по-своему укладывался в логику снабженческих проблем. Давний друг Конармии, что специально подчеркивал Буденный,

и, что еще важнее, формальный глава советской власти, мог здорово помочь со снабжением Конармии всем необходимым. Во всяком случае, Семен Михайлович пытался убедить своих читателей, что Михаил Иванович именно за этим приехал в Первую конную. Ну и, конечно, чтобы выступить на митингах перед бойцами, рассказать им о последних новостях внутренней и внешней политики.

На самом-то деле комиссия приехала в первую очередь снимать стружку с Реввоенсовета Конармии и наметить контуры будущего суда и расправы над уличенными в бандитизме. Вот для чего и потребовался нарком юстиции. И фактическим главой комиссии был не Калинин, а Каменев – единственный из всех членов комиссии полноправный член Политбюро (Калинин тогда был только кандидатом). Поэтому именно мнение Льва Борисовича в Москве было решающим для судьбы руководства Конармии. Но тучи над Буденным и Ворошиловым рассеялись, их действия в целом признали правильными, ответственность за эксцессы конармейцев переложили на низшее звено и мифическую «белогвардейскую агентуру».

Между тем руководство Красной армии весьма тревожило состояние Первой конной, которая должна была стать главной ударной силой в решающем наступлении на Врангеля. В отчете политуправления Реввоенсовета республики за июнь – октябрь 1920 года особо подчеркивалось, что «буденновцы, заменившие красноармейские части, ознаменовали свое прибытие погромами». В результате население «напугано налетами и дебошами нашей кавалерии, но в душе озлоблено так, что тыл неблагонадежен и представляет собою серьезную угрозу для армии».

В связи с этим командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе писал Ленину о необходимости «принятия срочных мер по приведению в порядок в политическом отношении Первой Конной армии», поскольку «в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем». Показательно, что еще в период Польской кампании В. И. Ленин передал через Берзина в адрес РВС Юго-Западного фронта убедительную просьбу: «Не делать из Буденного легендарного героя и не восхвалять его как личность в печати… так как это очень пагубно влияет на него». Как в воду глядел Ильич!

По состоянию на 2 октября 1920 года Первая конная армия имела 1577 человек комсостава, 13 967 бойцов-кавалеристов, 2621 пехотинца, 34 500 лошадей, 58 орудий, 260 пулеметов, три бронепоезда, одну бронелетучку, три автобронеотряда и 20 самолетов. Но только за октябрь из Первой конной дезертировали

1200 бойцов. А еще несколько тысяч, сведенных в маршевые полки, признавались не вполне надежными. Но все равно Конармия, пополненная людьми и лошадьми, обеспеченная продовольствием, фуражом и боеприпасами, представляла собой грозную силу. Вот только дух большинства бойцов был уже не тот, чем, скажем, в начале польского похода. Да и не так много конармейцев из этого похода вернулось.

Итак, после завершения борьбы с Польшей Конармию бросили против Врангеля. Не без сложностей, связанных с разложением отдельных частей, бойцы Буденного прибыли на Южный фронт – для последнего решительного боя Гражданской войны.

После разгрома под Варшавой Ленин и Троцкий стремились помириться с поляками и поскорее покончить с белой армией. Главком С. С. Каменев также осознал безнадежность ведения войны с Польшей. 12 октября 1920 года, в день вступления в силу советско-польского перемирия, он предложил Политбюро все силы бросить против врангелевской армии в Крыму, мотивируя это тем, что вести борьбу с Польшей Красная армия все равно в данный момент не в состоянии: «…Мы не можем рассчитывать на то, что до ликвидации Врангеля мы будем в состоянии, продолжая борьбу с ним, уделить такие силы и средства для Запада, чтобы в короткий срок восстановить там нашу боевую мощь до размеров, гарантирующих нам успех в борьбе с поляками, если бы они разорвали условия перемирия… Необходима резкая массировка сил и средств против одного из… противников, и именно против Врангеля, в силу общей обстановки; с этим решением связан известный риск ввиду ослабления наших сил на западе, но и при половинчатом решении этот риск тоже не может быть устранен в достаточной мере, так как нет никакой уверенности, что одновременно с борьбой на юге мы сможем дать на запад средства для полного восстановления его мощи».

Заключению перемирия с Польшей предшествовал визит Троцкого в штаб Западного фронта. Это посещение Лев Давыдович описал следующим образом: «Наши армии откатились на четыреста и более километров. После вчерашних блестящих побед никому не хотелось с этим мириться. Вернувшись с врангелевского фронта, я застал в Москве настроение в пользу второй польской войны. Теперь и Рыков перешел в другой лагерь. „Раз начали, – говорил он, – надо кончать“. Командование Западного фронта обнадеживало: прибыло достаточно пополнений, артиллерия обновлена и пр. Желание являлось отцом мысли. „Что мы имеем на Западном фронте? – возражал

я. – Морально разбитые кадры, в которые теперь влито сырое человеческое тесто. С такой армией воевать нельзя. Вернее сказать, с такой армией можно еще кое-как обороняться, отступая и готовя в тылу вторую армию, но бессмысленно думать, что такая армия может снова подняться в победоносное наступление по пути, усеянному ее собственными обломками“. Я заявил, что повторение уже совершенной ошибки обойдется нам в десять раз дороже и что я не подчиняюсь намечающемуся решению, а буду апеллировать к партии. Хотя Ленин формально и отстаивал продолжение войны, но без той уверенности и настойчивости, что в первый раз. Мое несокрушимое убеждение в необходимости заключить мир, хотя бы и тяжкий, произвело на него должное впечатление. Он предложил отсрочить решение вопроса до того, как я съезжу на Западный фронт и вынесу непосредственное впечатление о состоянии наших армий после отката. Это означало для меня, что Ленин, по существу дела, уже присоединяется к моей позиции.

В штабе фронта я застал настроения в пользу второй войны. Но в этих настроениях не было никакой уверенности: они представляли отражение московских настроений. Чем ниже я спускался по военной лестнице – через армию к дивизии, полку и роте, тем яснее становилась невозможность наступательной войны. Я отправил Ленину на эту тему письмо, написанное от руки, не сняв для себя даже копии, а сам отправился в дальнейший объезд. Двух-трех дней, проведенных на фронте, было вполне достаточно, чтобы подтвердить вывод, с которым я приехал на фронт. Я вернулся в Москву, и Политбюро чуть ли не единогласно вынесло решение в пользу немедленного заключения мира».

К миру стремилась и Польша. Ее войска продвинулись далеко на восток. Перед ними находились деморализованные остатки разгромленных армий Западного фронта, получившие сырое, необученное и не вполне благонадежное политически, учитывая недовольство крестьянства продразверсткой, пополнение. Кроме того, Красная армия в полной мере была армией Гражданской войны. Столь тяжелое поражение, какое случилось под Варшавой, основательно подорвало ее дух. Поражение в следующем за Варшавским Неманском сражении, в результате которого советские войска откатились за Минск, подтвердило это. Дальнейшее наступление поляков грозило тем, что красноармейцы обратятся в беспорядочное бегство. Фактически путь на Смоленск и Москву для польской армии был открыт. Однако надвигалась осенняя распутица и война грозила затянуться. Главное же, поляки вовсе не горели желанием

захватывать Москву для генерала Врангеля. Как писал Пилсудский еще в начале 1919 года: «Возможно, я и смог бы дойти до Москвы и прогнать большевиков оттуда. Но что потом?.. Места у них много. А я Москвы ни в Лондон, ни в Варшаву не переделаю. Только, видимо, отомщу за гимназическую молодость в Вильне и прикажу написать на стенах Кремля: „Говорить по-русски запрещается“…»

Главные причины, заставившие Польшу прекратить успешно для нее складывающуюся войну с Советской Россией, лежали не в военной, а в чисто политической плоскости. Полный разгром Красной армии приводил к власти в Кремле Врангеля, который до сих пор не признал даже польской независимости. И не было никакой уверенности, что, укрепив свое внутреннее положение, барон не попытается восстановить единую и неделимую. И если в противостоянии с Советской Россией, стремившейся зажечь пламя пролетарской революции по всему миру, Польша могла рассчитывать на помощь держав Антанты, то в случае прихода к власти в Москве Врангеля, сторонника «единой и неделимой России», Пилсудский уже не мог полагаться на англо-французскую поддержку польской независимости, пожелай российское «белое» правительство восстановить в той или иной форме контроль над Польшей. «Начальник Польского государства» явно считал большевиков, заявивших в свое время о признании независимости Польши, меньшим злом по сравнению с Деникиным, Колчаком и Врангелем.

Наверное, выход мог бы быть найден, признай тот же Врангель независимость Польши и Украины. Фактически Пилсудский начал войну с Советской Россией ради создания независимого от Москвы Украинского государства. Тогда между Россией и Польшей создавался достаточно сильный «буфер» и Варшава могла бы чувствовать себя гарантированной от покушений Москвы. Однако надеяться на то, что Врангель признает Директорию Петлюры, не приходилось. А значит, не имело смысла польскими руками таскать каштаны из огня для русских белогвардейцев. Таким образом, участь Врангеля была решена, хотя он еще пытался наступать за Днепром и в середине августа высадил десант на Кубани. Однако Заднепровская операция Русской армии провалилась еще до прибытия Первой конной. Что касается кубанского десанта полковника Улагая, то он, так и не сумев поднять на борьбу основную массу казачества, бесславно вернулся в Крым уже в конце августа. Эти неудачи, по признанию Врангеля, сильно подорвали моральный дух его войск.

Тут сказался присущий «черному барону» авантюризм. Когда к концу сентября ему стало ясно, что поляки не намерены далее

продолжать борьбу и договориться с ними не удастся, надо было не затевать за четыре дня до подписания советско-польского перемирия Заднепровскую операцию, а немедленно отводить все войска в Крым. Но Петр Николаевич был прежде всего военным профессионалом, и этот профессионализм сыграл с ним злую шутку. Как и всякий полководец, он мечтал разбить противостоящего ему противника и все еще азартно пытался ликвидировать Каховский плацдарм. В мемуарах он мотивировал решение задержаться в Северной Таврии, несмотря на достоверные сведения о подходе крупных сил красных с Западного фронта, необходимостью дождаться сбора урожая, чтобы вывезти в Крым хлеб. Но, во-первых, далеко не факт, что крестьяне отдали бы свое зерно отступающим в Крым белым за ничего не значащие бумажки. Во-вторых, хлеб при необходимости можно было надеяться получить из-за границы. Вряд ли бы та же Франция допустила бы гуманитарную катастрофу в Крыму, если бы белым пришлось задержаться там на зиму 1920 года. В итоге же Врангель подставил Русскую армию в Северной Таврии под удар вчетверо превосходящих сил противника и потерял всякую возможность длительного удержания Крыма.

Конечно, к октябрю 1920 года даже самые боеспособные советские части сильно устали от войны, что мы видели на примере Первой конной. Но и войска Врангеля находились далеко не в лучшем состоянии, потерпев поражения за Днепром и на Кубани, а после советско-польского перемирия они окончательно утратили веру в победу. По этой причине Врангелю не удалось использовать ряд промахов советского командования при проведении операции в Северной Таврии и позднее, при штурме крымских укреплений. Белые думали больше не о том, чтобы разбить хотя бы отдельные части противника, а о скорейшем отступлении.

Среди советских военачальников не было единства насчет того, как именно лучше разбить Врангеля. 26 октября 1920 года командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе «для личного сведения командармов» разослал директиву № 0163. В ней говорилось: «Ставлю армиям фронта задачу – разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров и захватить перешейки. Во исполнение этой общей задачи правобережная армия должна отрезать противнику пути отступления в Крым и наступлением на Восток разбить резервы Врангеля в районе Мелитополя».

По этому поводу Буденный в мемуарах утверждал: «Следовало прежде всего ликвидировать Мелитопольскую группу. Иначе противник, подавшись правее Александровки, пропустит

наши части через Перекоп и Крым и отрежет их. Закроет ворота. Настораживало и то, что Врангель при осаде нами Перекопа мог ударить в тыл нашим частям».

При поддержке Ворошилова Буденный разослал свой план Ленину, главкому Каменеву, Реввоенсовету республики и командующему Фрунзе. По словам буденновского адъютанта и биографа А. М. Золототрубова, «Буденный сообщал В. И. Ленину и М. В. Фрунзе, что директива № 0163 не содержит в себе характеристики и оценки сил и намерений противника, не охватывает в целом операцию Южного фронта, совершенно умалчивает об операциях на самом полуострове. А разновременное наступление армий даст противнику возможность бить наши силы по частям. Кроме того, оторванность 2-й Конной армии от главных фланговых групп лишает последнюю сильной поддержки в лице этих армий и подвергает ее риску остаться бездействующей или быть разгромленной. У противника, безусловно, имеются сильные резервы в Крыму, которые обеспечивают оборону укрепленного перешейка, а в случае успеха могут подкрепить необходимый участок и довершить операцию. "А потому, – писал Буденный, – со своей стороны полагал бы:

1) операцию начать 31 октября 1920 г. и одновременно по всему фронту, имея свободный сильный фронтовой резерв;

2) 2-ю Конную армию к моменту наступления сосредоточить у Берислава для совместных операций 1, 2 и 6-й армий;

3) для большей успешности действий всей конницы совершенно необходимо объединение конных частей под одним общим командованием;

4) второй наш кулак должен быть сосредоточен примерно в районе Большая и Малая Михайловка, на побережье нужно иметь кавалерийскую группу до трех кавалерийских дивизий. Точные оперативные задачи правой и нашей групп – согласованным ударом уничтожить противника, группирующегося между Перекопом и Днепром. 6-я армия, поставив две дивизии в район Каланчаки – Оскажиднов, остальными силами на плечах противника врывается на полуостров. В случае успеха вслед за 6-й бросаются на подкрепление еще две дивизии. Всей остальной конной массой, по уничтожении перекопской группы противника, бить в направлении на Мелитополь с целью отрезать пути отступления противника на Сиваш и уничтожения живой силы. Правой нашей группе стремительными концентрическими ударами содействовать левой группе, действуя в направлении на Мелитополь. Вот те соображения, которые по долгу революционной совести я счел необходимым довести до вашего

сведения".

Буденный также просил подчинить 1-ю Конную армию не командованию Южного фронта, а непосредственно главкому Республики. Однако это ходатайство было оставлено без внимания. К тому же от члена Реввоенсовета Южфронта С. И. Гусева были получены сведения, что «дивизии 1-й Конной проходят по Украине, чиня не только жестокие экспроприации, но и черносотенный погром»».

Замечу, что подобные споры между командующими армиями и фронтом и обращение командармов к главкому через голову комфронта совершенно недопустимы в нормальных вооруженных силах, тем более в боевых условиях. Однако во время Гражданской войны, как мы уже убедились ранее, подобные споры в Красной армии возникали неоднократно, причем стороны апеллировали не только к военному начальству, но и к высшим партийно-правительственным инстанциям. Впрочем, такое же обсуждение боевых приказов, пожалуй, еще более широко практиковалось у белых. Тот же Врангель не раз спорил с Деникиным и фактически не исполнял некоторые его приказы, в том числе в период отступления Добровольческой армии после провала генерального наступления на Москву. Но у большевиков Ленин и Троцкий все же во всех случаях оказывались в состоянии заставить своих подчиненных придерживаться единой линии ведения боевых действий, а вот Колчаку и Деникину это не удавалось, особенно в период поражений.

23 октября находившийся в Харькове, в штабе Южного фронта, главком Каменев, получив телеграмму Буденного, в свою очередь телеграфировал в Москву Троцкому: «Не вдаваясь в рассмотрение плана, представленного т. Буденным, ходатайствую предложить Реввоенсовету I Конной армии никаких своих сроков не назначать, а твердо держаться числа определенного т. Фрунзе, а именно 28 октября». Троцкий и Ленин согласились с Каменевым. 24 октября Ленин телеграфировал Реввоенсовету Первой конной: «Врангель явно оттягивает свои части. Возможно, что он уже сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от 1-й Конной. Предлагаю РВС 1-й Конной применить самые героические меры для ускорения сосредоточения 1-й Конной».

Фрунзе отклонил план Буденного в том числе и потому, что торопился покончить с Врангелем до зимы и не хотел даже на три дня откладывать наступление. Командующий фронтом опасался, что за это время противник успеет отойти из Северной Таврии за крымские перешейки. Но на самом деле Врангель самонадеянно

собирался дать красным сражение на подступах к Крыму, рассчитывая удержать хотя бы часть Северной Таврии и, по крайней мере, продержаться там столько времени, чтобы успеть собрать и вывезти в Крым новый урожай. В принципе Врангелю, если бы он действительно хотел без потерь отойти в Крым, как мы уже отмечали, надо было сделать это сразу же после известия о заключении советско-польского перемирия, и уж, во всяком случае, после краха Заднепровской операции. Однако «черный барон» был слишком уверен в своих силах. И раз уж он к 25 октября еще не начал отход, значит, готовился сразиться в Северной Таврии, рассчитывая на успех в маневренной борьбе. Вероятно, Петр Николаевич еще питал какие-то надежды, что Красную армию можно будет если не разбить, то хотя бы сильно потрепать в степях Северной Таврии.

Конечно, план Буденного во многом был продиктован его соперничеством с Мироновым. Семен Михайлович не без оснований рассчитывал, что если вся кавалерия будет объединена под началом одного командира, то командование будет возложено на него, как более проверенного и лояльного коммунистам. Кроме того, он рассчитывал выиграть еще три дня на сосредоточение и приведение в порядок Первой конной, которая, судя по телеграмме Гусева, еще далеко не изжила погромные настроения. Но, независимо от этого личного обстоятельства, нельзя не признать, что план Реввоенсовета Первой конной, разработанный Буденным, Ворошиловым и новым начальником штаба Г. И. Лецким, сменившим Зотова, имел гораздо больше шансов на разгром белых в Северной Таврии, чем план Фрунзе. Красная кавалерия, сосредоточенная в один мощный кулак, безусловно, превосходила бы врангелевскую конницу, имела все шансы разбить ее и не допустить отхода в Крым основных сил Русской армии. В этом случае Первая и Вторая конные армии тесно взаимодействовали бы с самого начала наступления и имели бы все шансы занять перешейки и отрезать Врангелю пути отступления в Крым. Одновременное наступление всех советских армий не позволило бы Врангелю маневрировать своими силами и бить противника по частям.

Не случайно в вышедшем в 1930 году трехтомнике «Гражданская война. 1918–1921» признавалось: «Командование 1-й Конной армии (Буденный, Ворошилов) предложило командованию Южным фронтом… более решительный план оперативного использования 1-й Конной армии. По этому предложению Конная армия должна была прорваться через Сальковский перешеек в Крым и перехватить с юга пути отступления армии Врангеля. Этот план был отклонен как

командованием Южного фронта, так и Главным командованием. В настоящее время, когда историки обладают материалами, характеризующими состояние тыла белых и группировку их сил к началу решительных действий Красной Армии, нельзя не признать, что самый смелый и полный риска план командования Конной армии в тех условиях мог дать совершенно исключительные результаты».

Но советская сторона тогда, повторю, не знала планов Врангеля и опасалась, что он успеет отойти в Крым еще до начала наступления. Хотя вряд ли бы барон успел сделать это за те три дополнительных дня, что давал ему план Буденного. Ведь никаких признаков подготовки к отходу белых из Северной Таврии разведкой выявлено не было. Стоит отметить также, что в плане Буденного не содержалось никакого особого риска, учитывая четырехкратное численное превосходство советских войск над Русской армией. Наоборот, он был гораздо менее рискованным, чем реально претворенный в жизнь план Фрунзе. Ведь, по плану Буденного, все армии должны были наступать в тесном взаимодействии друг с другом, а обе конные армии вообще иметь единое командование. В результате не получилось бы, как вышло в действительности в ходе реализации плана Фрунзе, что врангелевцы смогли последовательно атаковать сначала Первую, а затем Вторую конные армии, нанеся им большие потери.

28 октября 1920 года началось наступление красных в Северной Таврии. Как писал советский военный историк Н. Е. Какурин, «силы обеих сторон ко времени начала решительного сражения в Северной Таврии исчислялись: советские войска (IV, VI, XIII, I и II конные армии) – 133 тысячи штыков и сабель при 500 орудиях (кроме того, 17 бронепоездов, 31 бронемашина, 29 аэропланов); силы противника – 37 220 штыков и сабель при 213 орудиях (кроме того, 6 бронепоездов, 18 бронемашин и 8 авиационных отрядов); таким образом, красные войска превосходили противника вчетверо в отношении живой силы и свыше чем в два раза в отношении артиллерии». Тем не менее сражение сразу же приняло ожесточенный характер.

Переход Первой конной армии Буденного на левый берег Днепра был осуществлен рано утром 28 октября. 6-я и 11-я кавдивизии составили Северную, а 4-я и 14-я – Южную группу. Северная группа становилась на пути отступления врага, а Южная – выходила к перешейкам, закрывая ему путь в Крым. На следующий день конармейцы заняли заповедник Аскания-Нова, закрывая Врангелю путь в Крым. Однако после ожесточенных боев Врангель смог прорваться на полуостров. В боях погибли

командир и комиссар 11-й кавдивизии Ф. К. Морозов и П. В. Бахтуров. Конармия понесла самые тяжелые потери за всю свою историю.

Буденный писал в мемуарах: «Когда войска белых начали отступать, исход сражения, его успех в значительной мере встали в прямую зависимость от действий 2-й Конной армии. Ей ставилась задача 29 октября во что бы то ни стало прорваться на Серогозы, совместно с 6-й и 1-й Конной армиями окружить здесь наиболее сильную ударную группировку врага, в том числе такие подвижные части, как конный корпус Барбовича и Кубанская кавалерийская дивизия, и уничтожить. Эта центральная вражеская группировка была наиболее опасной. Ее ни в коем случае не следовало выпускать из района Серогоз.

Сейчас, как никогда, требовалась решительность в действиях, следовало проявить максимум инициативы и наступать, наступать, не считаясь ни с какими трудностями, врезаться во вражеские группировки, рассекать их, окружать, уничтожать по частям. Тогда Врангель был бы зажат в железные тиски и разбит. Но, к сожалению, противнику удалось сковать действия 2-й Конной армии, сражение у никопольского плацдарма затянулось».

Помимо Ф. К. Миронова, Буденный обвинял в задержке наступления командование 4-й и 13-й армий, которое действовало недостаточно активно и позволило Врангелю снять с мелитопольского направления и перебросить против Первой конной три дивизии. Сложившееся положение беспокоило и Фрунзе, который 30 октября приказал обеим армиям энергично двигаться вперед. Когда Ворошилов сообщил об этом Буденному, тот покачал головой:

– Поздно, Климент Ефремович. Теперь всю лавину белогвардейских войск придется сдерживать нашей армии.

И оказался прав: «Обстановка накалялась с каждым часом. Колонны противника, отступавшего из районов Серогоз и Агаймана, обрушились в районе Ново-Алексеевки на 4-ю кавдивизию. Бой завязался жестокий. По железнодорожному полотну, ведя картечный огонь, двигались бронепоезда белых, а справа и слева от насыпи шли плотные цепи офицерских полков. В особенно тяжелое положение попала 3-я кавбригада, которой пришлось пробиваться буквально между колоннами противника. Начдив 4 С. К. Тимошенко сам несколько раз в строю конников бросался в контратаки. Он был дважды ранен, но продолжал руководить боем. Дивизия выдержала напор белых. В боях красные конники перебили много вражеских солдат, в течение двух дней захватили до 2 тысяч пленных, в том числе 15

офицеров.

В это же время яростным атакам в районе Рождественки подвергалась 14-я кавдивизия А. Я. Пархоменко. Белые наседали на нее с трех сторон. Весь день 31 октября и до вечера 1 ноября дивизия, показывая чудеса отваги и мужества, сдерживала отчаянный напор врангелевцев. Только к исходу дня 1 ноября она вышла из боя и сосредоточилась в районе Ново-Троицкое.

Еще более жестокий бой проходил 31 октября в Отраде. О нем следует рассказать подробнее.

После первого дня наступления полештарм 1-й Конной и Особая кавбригада по моему указанию расположились в Отраде. Этот населенный пункт, дворов 200–300, занимал важное ключевое положение по отношению к Чонгару и Геническу. Через его центр проходила хорошая проселочная дорога. Село стояло на пригорке. От него далеко вокруг простиралась степь, что давало возможность вести круговой обзор. Забегая вперед, скажу, что именно благодаря этому, когда на Отраду навалились из Северной Таврии полчища врангелевцев, мы сумели обнаружить вражеские войска далеко на подходе к селу и вовремя подготовиться к бою. Словом, Отрада была во всех отношениях выгодным участком. Отсюда мне легче было руководить дивизиями во время боев…

…Раздался писк телефонного аппарата. Снимаю трубку. Тревога! Белые прорвались к селу.

Полки Особой бригады занимали исходную позицию. Я вышел на улицу. Мне подали коня. Не вижу Ворошилова. Захожу вновь в избу. Климент Ефремович сидит за столом и орудует иголкой.

– Нашел время, – говорю. – Бросай!

– А что стряслось? – спокойно спрашивает он.

– Белые рядом!

– Ну и пусть. Раз пришли – встретим, как договорились. Сейчас приведу в порядок шинель и…

– Быстрее, – начинаю сердиться я.

– А куда торопиться? – смеется он.

Климент Ефремович был на редкость смелый человек. Его пренебрежение опасностью иногда выходило за рамки обычных представлений о храбрости. Он буквально играл со смертью. По этой причине не раз попадал в тяжелые переплеты и чудом оставался цел.

Я сказал Ворошилову, что поскачу в Особую бригаду, а его попросил тут людей организовать. Надо посадить на коней всех, кто только может владеть шашкой.

Когда я прискакал в Особую бригаду, Степной-Спижарный

уже развернул полки для боя. Командир 1-го полка Горячев увел своих конников к ветряку – северо-западнее Отрады, построил фронтом к северу.

2-й полк прикрывал батарею. Вдали на фоне еще светлого горизонта темнели подходившие к селу массы белых. На Отраду наваливались несколько полков пехоты и конницы, поддерживаемых огнем артиллерии и броневиков.

Митров, увидев меня, сказал:

– Товарищ командарм, прикажите открыть огонь!

– Пусть ближе подойдут, потерпите!

Вот белые подошли на расстояние орудийного выстрела. Даю знак, и тотчас заговорили наши пушки.

Завязался ожесточенный артиллерийский бой. Метрах в ста от меня разорвался вражеский снаряд. На моих глазах был убит Екимов. Мы потеряли одного из лучших красных офицеров. Екимов долго командовал 2-м полком (раньше полк назывался Сибирским), принимал участие в ожесточенных боях против Колчака и Юденича.

На секунду под огнем врага люди дрогнули. И тут я решил, что поведу полк в атаку сам.

– Товарищ командарм, куда вы, нельзя вам! – крикнул Степной-Спижарный.

Конечно, с точки зрения штабных работников, мне не следовало лезть под пули. Я сам, подобно Чапаеву, учил командиров, где им надо находиться в бою, откуда лучше руководить боем. Но разве сейчас было время думать о своей безопасности?! Положение, в какое мы попали, было отчаянным – 4-я дивизия еще не давала о себе знать. Нас могли выручить лишь беззаветная храбрость и мужество конников, хладнокровие и смелость командиров. Я верил в своих людей.

– Шашки к бою! – скомандовал я. – За мной, в атаку, марш-марш!

Выхвачены шашки, коням даны шпоры, с места в карьер мы понеслись навстречу врагу. Неистовая стрельба с обеих сторон слилась в сплошной могучий рев. Глушило уши, до боли сдавливало голову, не слышно команд. Да и вряд ли кому нужно было что-то говорить и слушать. Цель атаки, ее направление для всех очевидны и ясны.

Стремительно несется полк на белых. Могучее «ура» раздается над степью. У меня в голове одна мысль – сдержать натиск врага, не дать ему прорваться к центру села, где находится полештарм. Я был уверен, что Ворошилов уже успел там подготовить людей и что врагу не удастся нас сломить.

Бойцы полка, который я повел в атаку, дрались беззаветно.

Нам удалось отбросить белых от села. Я приказал Степному-Спижарному удержать северную часть Отрады во что бы то ни стало, а сам помчался к батарее Митрова, которая под прикрытием полка Горячева вела меткий огонь по белым. И вдруг слышу:

– Товарищ командарм, белые прорываются к полештарму с юга!

Отступив под нашим ударом на северной стороне села, враг бросил до трех полков в тыл Отрады.

Что делать? Решаю ударить по ним полком Екимова.

– За мной, орлы! – громко командую бойцам.

Мы рванулись в центр села. У полештарма уже шел бой. Ворвавшись на площадь, увидели перед собой казачью сотню и врезались в нее. Белые открыли огонь из поставленных во дворах ручных пулеметов. Передние лошади, ошарашенные выстрелами в упор, вздыбились, однако под напором скачущих сзади промчались вперед. Вихрем носились красные конники по улицам и переулкам Отрады, круша врага. Белогвардейцы не выдержали и стали отступать.

В этом бою Климент Ефремович едва не погиб. Когда в тылу полештарма с южной стороны Отрады появились неприятельские конники, Ворошилов во главе эскадрона бросился в атаку. Несколько белогвардейцев ринулись на Ворошилова. Впереди несся один с пикой в руках. Ворошилов выстрелил в него, но промахнулся. Врангелевец ударил Ворошилова пикой. Казалось, смерть неизбежна. Но воинское счастье и в этот раз не изменило Клименту Ефремовичу. Острие пики завязло в толстой бурке, которая была на Ворошилове. Раздалось несколько выстрелов. Белогвардеец свалился с лошади мертвый. Стрелял красноармеец Шпитальный.

В тяжелом бою за Отраду красные конники показали чудеса героизма и храбрости. Командир эскадрона связи С. М. Заславский, о котором я писал выше, в самую тяжелую минуту атаковал ворвавшегося в село противника, врезался в середину колонны и лично зарубил несколько белогвардейцев. Преследуя противника, С. М. Заславский с бойцами освободил попавших в плен трубачей, перевязочный пункт, кухню Особой кавбригады и захватил три вражеских пулемета…

Ценой героических усилий многих бойцов и командиров, ценой многих жизней нам удалось сдержать натиск белогвардейских войск под Отрадой».

Таких эпизодов в мемуарах Буденного немало. Хотя их драматизм и пафос в немалой степени добавлены умелыми литобработчиками, не приходится сомневаться, что бои в

Северной Таврии шли жестокие и Семен Михайлович проявил в них недюжинную храбрость. Положение красных осложнялось тем, что их противники широко использовали броневики, танки и аэропланы, которые летали над конниками и забрасывали их бомбами. У Первой конной не было ни броневиков, ни авиации – перед наступлением их передали в распоряжение других частей. 2 ноября Буденный обратился к Фрунзе со следующей запиской:

«Первая Конармия выполняет вашу директиву в тяжелых условиях отсутствия в армии автоброневиков и авиации. Несмотря на все усилия, просьбы, техника не была доставлена до сих пор, и борьба проходит в неравных схватках. Теперь у противника огромное количество автоброневиков и аэропланов. Топографические условия и погода благоприятствуют для пользования авточастями. Беспрерывное курсирование автоброневиков противника лишает кавдивизии возможности полностью выполнять боезадачи; бомбометание с аэропланов, группами летающих над конными массами, ничем не парализуется с нашей стороны. За всю операцию над нашим расположением не появился ни один наш аэроплан».

Все это позволило белым пробиться через боевые порядки Первой конной и 3 ноября организованно уйти в Крым. В мемуарах Буденного говорится: «Последние вражеские части покинули Северную Таврию и перешли в Крым по Чонгарскому мосту. Мост горел. Передовые эскадроны 6-й кавдивизии сумели прорваться сквозь огонь по мосту на противоположный берег Сиваша, но, встретив там особенно упорное сопротивление врангелевцев, вынуждены были отойти… Главный костяк врангелевских частей – офицеры были смертельными нашими врагами и дрались с большим упорством и ожесточением… Преследуя отступающих, 6-я кавдивизия первой вышла на Чонгарский полуостров. Здесь были подготовлены противником бетонированные окопы, прикрытые проволочным заграждением. Если бы сюда подоспела хоть одна стрелковая дивизия и заняла эти окопы, она преградила бы путь врангелевцам в Крым. Но наша пехота не поспевала за уходящим на повозках противником. С 30-й дивизией у меня не было связи. И шедшие непрерывным потоком вражеские подразделения с броневиками и тяжелой артиллерией оттеснили нас, заняли окопы и укрепились в них…»

Сражения тех дней, в том числе ожесточенный бой, который полештарму Первой конной пришлось вести в селе Отрада, запечатлел на пленку кинооператор Эдуард Тиссэ, снимавший впоследствии фильмы Сергея Эйзенштейна. Он вспоминал: «Я продолжал снимать до той минуты, пока кавалерия белых не подошла вплотную к мельнице, где я находился. Красная

кавалерия перешла в контратаку. С большим трудом с киноаппаратом мне удалось сойти вниз, где меня подхватили на тачанку…»

Теперь посмотрим, как те же бои в Северной Таврии виделись со стороны белых. П. Н. Врангель писал по горячим следам в статье, опубликованной в газете «Южные вести» в конце 1920 года: «Стратегический план большевиков, благодаря хорошо поставленной у нас агентуре, был нам заранее известен… Он состоял в том, чтобы главной массой своих сил, именно 6-й и 1-й кавалерийской армией Буденного… прорваться в тыл Русской армии, захватить перешейки и отрезать ее от Крыма». Собственные контрмеры главнокомандующий Русской армией в той же статье изложил следующим образом: «В ночь с 17 на 18 октября (30–31 октября), заслонившись с севера конным донским корпусом, удачно отбивавшим атаки 2-й Конной армии противника, наша ударная группа неожиданно подошла к расположившимся на ночлег в районе Сальково красным…. На рассвете 18 октября (31 октября) наша группа неожиданно атаковала красных, прижав их к Сивашу».

В мемуарах Врангель описал завершающее сражение в Северной Таврии гораздо более подробно: «Согласно директиве красного командования, противник 13 октября переправился в никопольском районе частями II конной армии, с временно приданными ей пехотными дивизиями. В дальнейшем II конной армии Миронова была поставлена задача стремительно ударить на юг в направлении станции Сальково. IV армия из района Орехов – Александровск двинулась всей массой пехоты в направлении Васильевка – Тимашевка для нанесения удара главным силам Русской армии с северо-востока. XIII армии, занимавшей линию Бердянск – Пологи, ставилась задача овладеть Мелитополем. Главный удар должен был быть нанесен из каховского плацдарма частями I конной и VI советских армий, причем в то время, как VI армия должна была наступать на юг в общем направлении на Перекоп, I конная должна была бить по нашим главным силам в районе Серогоз, стремясь прорваться к Салькову и Геническу. Закончив сосредоточение, противник 15 октября перешел по всему фронту в решительное наступление.

Ко времени моего прибытия в Джанкой части генерала Кутепова и генерала Абрамова уже третий день вели бой. Мороз все крепчал, десятилетиями Крым не видал в это время года таких холодов. Количество обмороженных беспрерывно росло. Люди кутались в первое попавшееся тряпье, некоторые набивали под рубахи солому… Несмотря на всю доблесть войск, Корниловская дивизия была оттеснена от Н. Рогачека, противник

прочно закрепился на левом берегу реки и стал распространяться на юг. Потеснены были 15 октября и части 2-го корпуса наступавшим из каховского плацдарма противником. Отсюда должно было ожидать главного удара красных.

Я передал в распоряжение генерала Абрамова бывшие в моем резерве 1-ю и 2-ю донские казачьи дивизии, приказав им ударить в тыл действовавшей со стороны Н. Рогачека II конной армии красных, стремясь отрезать ее от переправ. Одновременно я приказал генералу Кутепову, заслонившись с севера Корниловской дивизией, всеми силами ударной группы, сосредоточенной в районе Серогоз, обрушиться на каховскую группу красных.

16 октября мороз с утра достиг 14 градусов. Спустился густой туман. В нескольких шагах ничего не было видно. К вечеру поступило донесение от 2-го корпуса, что части последнего, теснимые противником, продолжают отходить к Перекопу. Крупные массы конницы красных, обтекая правый фланг 2-го корпуса, быстро продвигались на восток, I конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма. Между тем генерал Кутепов медлил. В течение целого дня 16-го он продолжал оставаться в районе Серогоз. Я по радио передал ему приказание спешно двигаться к Салькову, стремясь прижать прорвавшегося противника к Сивашу. Однако было ясно, что противник успеет подойти к перешейку прежде, нежели части генерала Кутепова туда прибудут. Противник двигался беспрепятственно и ожидать его в районе Салькова можно было к вечеру 17-го. Укрепленная позиция, прикрывшая выходы из Крыма, была занята лишь слабыми караульными командами. Красные части с налета легко могли захватить сальковское дефиле, прервав всякую связь Крыма с армией. Необходимо было спешно занять дефиле войсками.

Генералу Абрамову я послал приказание в ночь с 16-го на 17-е направить к Салькову под прикрытием бронепоездов сосредоточенную в Мелитополе 7-ю пехотную дивизию. В течение ночи эшелоны с войсками двинулись по железной дороге. Однако вследствие забитости пути движение шло крайне медленно. Мороз достиг 20 градусов. Неприспособленные к таким холодам станционные водокачки замерзли. Эшелоны с войсками застряли в пути. Наступили жуткие часы. Под рукой у меня войск не было, – доступ в Крым для противника был открыт. В течение всего дня 17-го все, что только можно было собрать из способного носить оружие, направлялось к Салькову: юнкерское училище из Симферополя, артиллерийская школа, мой конвой; из Феодосии были вытребованы не успевшие закончить формирование

кубанские части генерала Фостикова.

В сумерки передовые части красной конницы подошли к Салькову и завязали перестрелку с нашими слабыми частями. К ночи спешенная красная кавалерия пыталась наступать, однако ружейным огнем и артиллерией была отбита.

Среди ночи удалось связаться по радио с генералом Кутеповым. Он занимал район с. Агаймана и на утро 18-го предполагал двигаться в Отраду – Рождественское. Я приказал ему возможно ускорить движение, войти в связь с частями II армии, отходящими по железной дороге и, объединив командование, ударить на противника с севера, прижимая его к Сивашу.

Утром 18-го части генерала Абрамова стали подходить к станции Рыкове 3-я донская дивизия доблестного генерала Гуселыцикова завязала бой с противником в районе Ново-Алексеевки. К полудню части генерала Кутепова подходили к Рождественскому и Отраде, имея в правой, западной, колонне Кубанскую казачью, 2-ю конную дивизии и Терско-Астраханскую бригаду, в левой, восточной, – 1-ю конную и Дроздовскую дивизии, в арьергарде – Корниловскую дивизию.

Противник, видимо, плохо осведомленный в обстановке, продолжал всей массой своей конницы оставаться в районе Ново-Алексеевка – Салькове – Геническ. Положение конницы «товарища» Буденного, прижатой с северо-востока и с севера нашими частями к болотистому, солончаковому, еще плохо замерзшему Сивашу, могло оказаться бесконечно тяжелым. Части пешей 3-й донской дивизии генерала Гуселыцикова, совместно с подошедшей 7-й пехотной дивизией, поддержанные бронепоездами, решительно обрушились на, видимо, не ожидавшего удара с этой стороны врага. Конница Буденного была застигнута врасплох; полки стояли по дворам расседланными. Беспорядочно металась красная кавалерия. Врассыпную выскакивали наспех собранные эскадроны, прорываясь между нашей пехотой. Одна батарея противника в полной запряжке и большая часть его обозов попали в руки генерала Гуселыцикова. Выход в Крым для армии был открыт.

Действуй генерал Кутепов более решительно, цвет красной кавалерии, конницу «товарища» Буденного, постигла бы участь конницы Жлобы. К сожалению, наступательный порыв войск был уже в значительной степени утерян. Не имея тыла, окруженные врагом со всех сторон, потрясенные жестокими испытаниями, войска дрались вяло. Сами начальники не проявляли уже должной уверенности. Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы

генерала Кутепова на восток.

К ночи части генерала Кутепова сосредоточились в районе Отрада – Рождественское, где и удерживались, отбивая атаки красных в течение 19-го октября. Части генерала Абрамова медленно отходили, ведя тяжелые бои, к Геническу и Салькову.

20 октября генерал Абрамов стал втягиваться в дефиле. За частями генерала Абрамова стали подходить части генерала Кутепова, преследуемые по пятам конницей красных, II конная красная армия к этому времени сосредоточилась в Петровском, туда же подтягивалась латышская, 9, 30 и 52-я стрелковые дивизии. Восточнее, вдоль линии железной дороги, наступали 5-я и 9-я кавалерийские дивизии и части «батьки» Махно. Западнее действовали части 1-й конной армии красных. К вечеру 20 октября сальковскую позицию заняла Дроздовская дивизия. Остальные части генералов Кутепова и Абрамова (1-я и 2-я донская дивизии, 1-я и 2-я конные дивизии, Кубанская казачья дивизия, Терско-Астраханская бригада и Корниловская дивизия) проходили на Чонгарский полуостров. Марковская дивизия с частями 7-й пехотной и 3-й донской дивизией прошли на Геническ.

В ночь на 21 октября красные обрушились на сальковскую позицию, прорвали было фронт Дроздовской дивизии и на плечах ее ворвались на Чонгарский полуостров, но контратакой были отбиты и положение восстановлено. Части 2-го корпуса заняли перекопскую позицию.

Решительная битва в Северной Таврии закончилась. Противник овладел всей территорией, захваченной у него в течение лета. В его руки досталась большая военная добыча: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами, 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около двух миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Наши части понесли жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными. Значительное число было оставлено пленными и отставшими, главным образом, из числа бывших красноармейцев, поставленных разновременно в строй. Были отдельные случаи и массовых сдач в плен. Так сдался целиком один из батальонов Дроздовской дивизии. Однако армия осталась цела и наши части в свою очередь захватили 15 орудий, около 2000 пленных, много оружия и пулеметов».

Несмотря на тяжелые потери, Врангелю было чем гордиться. В условиях четырехкратного численного превосходства противника он сделал почти невозможное: не дал Второй конной армии соединиться с Первой конной, бросил против конармейцев английские броневики и танки, собранные в кулак кавалерийские

соединения и пехоту и – прорвался в Крым.

В свое оправдание Буденный писал в мемуарах: «Когда войска белых начали отступать, исход сражения, его успех в значительной мере встали в прямую зависимость от действий 2-й Конной армии. Ей ставилась задача 29 октября во что бы то ни стало прорваться на Серогозы, совместно с 6-й и 1-й Конной армиями окружить здесь наиболее сильную ударную группировку врага… и уничтожить… Но, к сожалению, противнику удалось сковать действия 2-й Конной армии… Она утром и весь день вела разрозненные бои с отдельными неприятельскими частями… Командарм 2-й Конной решил, что на него наступают главные силы Врангеля, и дал команду изменить направление своих главных сил с южного на юго-восточное. Это было отклонением от поставленной командованием фронта задачи… Было еще время исправить ошибку… Но время было упущено и главные силы ударной группы генерала Кутепова обрушились на Первую конную».

Однако член РВС Южного фронта С. И. Гусев в речи, произнесенной 18 ноября 1920 года, говорил совсем другое: «Врангелю удалось прорваться в Крым благодаря нашей нищете в боевых припасах, в технике. У нас не было броневиков, не было танков… У неприятеля были десятки броневиков, 60 грузовиков, на которых он установил пулеметы, и благодаря этому ему удалось прорвать окружавшее его кольцо… Вторая конная армия в бою проявила такую силу, что Врангель был введен в заблуждение и принял ее за армию Буденного… 30 октября Врангель дал приказ разбить 2-ю Конную армию… Это, как мы знаем, ему не удалось. Вспоминая о боях в Северной Таврии, маршал Буденный проявляет недовольство действиями командования 2-й Конной армии, а также 4-й и 13-й армий, которые, на его взгляд, „действовали недостаточно активно“. Короче, он недоволен действиями всех, кроме… командарма Буденного. По человечеству понятно, но разве так учит партия?»

Позднее, когда стали известны все документы обеих сторон о боях в Северной Таврии, советские историки пришли к выводу, что вина за то, что Врангеля упустили в Крым, все же лежит по большей части на командовании Второй конной и полевых советских армий. Н. Е. Какурин в «Стратегическом очерке гражданской войны» писал: «I конная армия стремительно двинулась вперед, но при этом разделила свои силы на две равные по численности группы (по две дивизии) с промежутком в 40 км между ними…

Однако II конная армия не проявила должной стремительности в течение этих двух дней и не продвинулась

главной массой своих сил далее района с. Белозерки, сцепившись с двумя кавалерийскими полками противника, действовавшими очень активно. Наступление IV и XIII армий начало развиваться успешно, но вперед они продвигались также медленно.

Глубокий прорыв конницы Буденного явился полной неожиданностью для противника, но промедление II конной армии и задержка VI армии на Перекопе дали ему возможность разобраться в обстановке и наметить план отхода, тем более что на 30 октября I конная армия, в свою очередь, намечала лишь общую перегруппировку своих дивизий фронтом на север, причем всем им ставились лишь оборонительные задачи.

Связавшись со своими войсками, Врангель, ставка которого находилась в Джанкое, приказал донскому корпусу спешно пробиваться на Чонгарский перешеек, прикрывшись со стороны XII армии лишь заслонами; то же должен был сделать и корпус Кутепова из района Серогоз. 30 и 31 октября эти корпуса в ряде упорных боев пробили себе путь сквозь обособленно действовавшие дивизии I конной армии и в течение 1 и 2 ноября, прикрываясь упорно дравшимися арьергардами, ушли в Крым…

Вышеуказанные обстоятельства дали возможность отойти главным силам Врангеля ценою тяжелых потерь в Крым; при этом он потерял около 100 орудий и 7 бронепоездов, громадное количество огнеприпасов и свыше 20 тысяч одними пленными, что составляло до 60 % личного состава его армий».

Здесь Какурин критикует командование Первой конной только за то, что оно разделило свои дивизии на две группы. Однако само по себе такое решение вряд ли можно считать ошибочным. Во-первых, трудно было управлять сразу четырьмя дивизиями. Во-вторых, концентрация всех дивизий Конармии на одном направлении оставляло другие пути отхода врангелевцев в Крым открытыми.

Фрунзе предупреждал командарма Второй конной Миронова: «Обращаю ваше внимание на отсутствие должной энергии и решительности в действиях вашей конницы. Вместо того, чтобы, согласно моему приказу, стянувшись в общую ударную массу, стремительно броситься в район Серогозы, Калашинская, главная масса ее весь день 30 октября пассивно провела в районе Б. Белозерка, отбивая атаку двух конных полков противника, явно имевшую цель прикрыть отход главных сил. Этим же непростительным бездействием не была дана своевременная помощь частям 1-й Конармии, вынужденным в районе Агайман выдерживать бой, не давший решающих результатов, с главной массой конницы противника».

Не исключено, что Миронов сознательно берег бойцов своей

малочисленной армии, чтобы потом, после окончания Гражданской войны, иметь достаточно сил для предъявления власти каких-то политических требований от лица казачества и крестьянства. Во всяком случае, наверху, похоже, именно так и решили. И Миронова после завершения операции против Врангеля, как мы помним, переместили на почетный пост инспектора кавалерии, который по виду был значительным, но не предусматривал непосредственного командования войсками. Вскоре Миронова, еще не успевшего вступить в новую должность, тихо арестовали, а потом столь же тихо, без суда, расстреляли.

По иронии судьбы Буденный сам в 1924–1937 годах был инспектором кавалерии РККА. Но при назначении его на этот пост главным было не желание удалить его от непосредственного командования войсками (хотя и этот мотив тоже присутствовал), а необходимость предоставить Семену Михайловичу такой пост, на котором он не мог особенно навредить развитию вооруженных сил. Инспекция кавалерии занималась разработкой уставов и определением потребностей красной кавалерии в снабжении и конском составе. Тут любовь Буденного к лошадям была абсолютно к месту, равно как и его познания в коневодстве. Боевая подготовка кавалерии тоже была его коньком, этим он занимался еще в царской армии – правда, тогда только в масштабе взвода. Что же касается стратегии и тактики боевого применения кавалерии, то бывший командарм Первой конной этим не озабочивался. Данные вопросы были прерогативой Штаба РККА, а позднее Генерального штаба.

В мирное время харизма Буденного не была востребована, зато для целей пропаганды внешне солидная должность инспектора кавалерии вполне подходила. Миронов же для пропагандистской фигуры совсем не годился, да и вряд ли вообще долго засиделся бы на этой бюрократической должности. Его и не собирались на ней держать, но использовали ее как приманку, чтобы выманить командарма из расположения Второй конной. И поведение Филиппа Кузьмича во время последних боев против Врангеля, возможно, для людей в Кремле стало одним из толчков для принятия решения о его ликвидации.

Буденновцы не успели взорвать мост через Генический пролив, по которому часть армии Врангеля ушла в Крым. Это было единственное, за что Фрунзе покритиковал Буденного в ходе операции в Северной Таврии. Но большой вины Семена Михайловича и в этом случае не было. Бездействие Второй конной и других армий вынудило конармейцев в одиночку драться с лучшими врангелевскими частями, и ошибка с мостом могла проистекать от общей усталости, а также от того, что

Буденный надеялся удержать этот мост, чтобы по нему, согласно плану операции, вторгнуться в Крым.

7 ноября 1920 года, без какой-либо оперативной паузы, чтобы не дать противнику опомниться, войска Южного фронта пошли на штурм Перекопа. Первая конная была введена в прорыв только 13 ноября и форсированным маршем двинулась на Симферополь и Севастополь вслед за 6-й и Второй конными армиями. Такое промедление объясняется тем, что армия Буденного была слишком сильно потрепана во время боев в Северной Таврии, так как приняла на себя главный удар врангелевцев, да и для прорыва укреплений использовать кавалерию было нецелесообразно. 14 ноября Буденный и Ворошилов с авангардом Конармии вошли в Симферополь, в на следующий день – в покинутый накануне Врангелем Севастополь. 16 ноября Буденный докладывал Реввоенсовету республики: «Врангель ликвидирован ровно в двадцать дней, как и обещал, ко дню годовщины 1-й Конармии. Поздравляю с окончательной победой над Врангелем тов. Ленина, ВЦИК и ЦК РКП(б)».

А 16 ноября 1920 года командующие Первой и Второй конными армиями дали совместную телеграмму в Москву: «12 ноября Вторая Конная заняла с боем Джанкой, Курман-Кемельчи, окончательно принудив противника паническим бегством очистить Крым.

4-я армия, приняв Джанкой от Второй Конной армии, направилась в сторону Феодосии. Вторая же Конная в 18 часов 13 ноября вошла без боя в Симферополь, очищенный противником в 13 час. 13 ноября.

Первая Конная армия к вечеру 14 ноября сосредоточилась в районе Симферополя.

6-я армия (51-я дивизия) в 15 часов 15 ноября вошла в Севастополь, очищенный накануне противником, и одновременно заняла Ялту… Крым очищен от противника».

Телеграмму подписали Ворошилов с Буденным, член Реввоенсовета Второй конной Н. П. Горбунов и начальник 51-й дивизии В. К. Блюхер.

За победу над Врангелем Реввоенсовет Южного фронта наградил Буденного серебряной шашкой, прежде принадлежавшей бухарскому эмиру. А в январе 1921 года ВЦИК РСФСР пожаловал его высшей наградой республики – почетным огнестрельным оружием, позолоченным маузером, украшенным орденом Боевого Красного Знамени, – за умелое руководство Первой конной армией.

Фрунзе позднее так оценивал роль Конармии Буденного в Гражданской войне: «Оружие ее играло решающую роль во

многих важнейших кампаниях времен гражданской войны. Деникин, белополяки, Врангель, Махно – одних этих имен достаточно, чтобы судить о роли Первой Конной в истории наших революционных войн… В нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе и своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии в целом».

Кстати сказать, существует предание, что во время боев за Крым, когда Буденный проверял трофейные патроны – бездымные они или нет, – он поднес к ним папиросу. Порох вспыхнул и опалил один ус, который стал седым. С тех пор Семен Михайлович его подкрашивал. Буденный хотел совсем сбрить усы, но Фрунзе не дал: «Это, Семен, не твои усы, а народные…» Легенда это или нет, но роли Буденного в советской мифологии Гражданской войны она вполне соответствует. Какой же герой-кавалерист без усов? Пожалуй, для советской власти усы Буденного иногда были важнее его головы.

С ликвидацией врангелевского фронта Гражданская война для Первой конной не кончилась. Буденновцы с конца 1920 года боролись с махновцами, с которыми только что бок о бок сражались против Врангеля. В этих боях погибли начдив 14-й дивизии А. Я. Пархоменко и командующий всеми антимахновскими частями А. А. Богенгард. 3 января 1921 года махновцы зарубили их недалеко от села Бузовки на Херсонщине, внезапно напав на ехавших на тачанках красных командиров. Но силы были слишком неравны. К середине весны с основными отрядами махновцев, социальная база которых после введения нэпа значительно сузилась, было покончено. Многие повстанцы погибли в боях или были захвачены в плен, многие воспользовались объявленной амнистией. Сам Н. И. Махно с небольшим отрядом 26 августа 1921 года перешел Днестр и сдался румынским войскам.

Еще за четыре месяца до этого, 28 апреля 1921 года, штаб и Реввоенсовет Конармии были преобразованы в штаб и Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа. Фактически это означало, что регулярные войска для борьбы с махновским движением привлекать уже не требуется. Ворошилов стал командующим округом, Буденный – его заместителем и членом Реввоенсовета СКВО. Одновременно он сохранил пост командующего Конармией, которая была сокращена до двух дивизий. Заместителем командующего СКВО по строевой части стал М. К. Левандовский, заместителем по политчасти – О. У. Саков, начальником штаба округа – А. М. Перемытов. Вторым членом Реввоенсовета округа и членом Реввоенсовета Первой

конной был назначен А. С. Бубнов. Кроме того, Ворошилов навсегда остался почетным первым членом Реввоенсовета Конармии.

Состояние Конармии после борьбы с Врангелем и махновцами было лишь немногим лучше того, в котором она возвращалась с Польского фронта. Начальник Особого отдела Первой конной латыш Зведерис доносил Президиуму ВЧК:

> «В Армии бандитизм не изживется до тех пор, пока существует такая личность, как ВОРОШИЛОВ, ибо человек с такими тенденциями, ясно, является лицом, в котором находили поддержку все эти полупартизаны-полубандиты.
>
> ВОРОШИЛОВ, самодур по натуре, решил, что дальнейшее усиление Особотдела может иметь скверные последствия персонально для многих высоких «барахольщиков»…

Началась демобилизация. Создалось особое триумфальное, демобилизационно-праздничное настроение, вылившееся в повальном пьянстве и полном развале работы Штаба и учреждений, дошедшего до того, что когда МАХНО был в 20 верстах от Екатеринослава, и только случайно не завернул пограбить, в городе не только не было никакой фактической силы, но не было принято положительно никаких мер предохранения…

В то же время в Реввоенсовете и членами (МИНИН держался осторожнее и не был замечен), и секретарями распивалось вино, привезенное из Крыма и с Кавказа ДИЖБИТОМ. Дела доходили до такой циничности, что публика, напившись, отправлялась по разным благотворительным вечерам, прокучивая там сотни тысяч, и требовала обязательного присутствия для подачи на столик молоденькой коммунистки…

Установлено, что среди пьянствующей братии, из приближенных рыцарей, есть и довольно темные в политическом отношении лица, как секретарь ВОРОШИЛОВА – ХМЕЛЬНИЦКИЙ, бывший офицер, бывший коммунист, из Красной Армии перешедший к Деникину, бывший там на командной должности… В Красной Армии сделался любимым фаворитом ВОРОШИЛОВА. Довольно подозрительными оказались и некоторые шоферы ВОРОШИЛОВА и БУДЕННОГО, привезенные из Крыма, с офицерскими физиономиями…»

Однако в связи с переформированием Конармии Ворошилову и Буденному удалось благополучно сплавить Зведериса в Москву. Его рапорт никаких последствий для них не имел. А Рафаил

Петрович Хмельницкий, несмотря на свою сомнительную в политическом отношении репутацию, так и остался порученцем Ворошилова вплоть до Великой Отечественной войны, стал генералом, благополучно пережил все чистки и мирно почил в 1964 году в возрасте 66 лет.

Штаб Северо-Кавказского военного округа и Конармии разместился в Ростове в бывшей гостинице «Палас-отель». Семьи Буденного и Ворошилова жили в одном шикарном особняке, оставленном сбежавшими «бывшими» новой власти. При всех трудностях со снабжением армии, при всех засухах и неурожаях к обеду всегда подавались вино и фрукты, стол украшали живые цветы.

Но мирная жизнь для Буденного и буденновцев еще не наступила. На Северном Кавказе Конармии пришлось сражаться с белопартизанскими отрядами генералов Пржевальского и Ухтомского, полковников Назарова и Трубачева, подполковников Кривоносова, Юдина и многих других общей численностью до семи тысяч человек. Дончека и Особому отделу Конармии удалось в июне 1921 года арестовать руководство белого подполья в Ростове. Его руководителей, генерал-лейтенанта Ухтомского и полковника Назарова, заставили подписать обращение с призывом о прекращении борьбы. В результате несколько тысяч казаков сдались, воспользовавшись амнистией, которая действовала до 1 сентября 1921 года.

20 сентября Буденный был назначен командующим всеми войсками на Кубани и Черноморье. Его задачей было уничтожение Кубанской повстанческой армии генерала Пржевальского. Повстанцы были прижаты к реке Кубань. При переправе значительная часть их была уничтожена, уцелевшие ушли в горы. С организованным повстанческим движением на Северном Кавказе к концу года было покончено. Свою роль, помимо карательных операций Конармии, как уже говорилось, сыграло то, что после отмены продразверстки и введения новой экономической политики (нэпа) у казаков пропал стимул к вооруженной борьбе с Советами. Гражданская война для Буденного закончилась.

Глава седьмая
«КАВАЛЕРИСТ» НОМЕР ОДИН

На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года Буденный предложил снять непосильный натуральный налог мясом с тех хозяйств, где имелось не более одной пары волов. Это предложение было принято. У Семена Михайловича создавалась репутация народного заступника, что беспокоило его друга Ворошилова. Дружба Буденного и Ворошилова, о которой столько сказано и написано, на поверку была со стороны Климента Ефремовича – по крайней мере, в первые годы – чем-то вроде соглядатайства. В доверительном письме Сталину 1 февраля 1923 года Ворошилов без тени смущения утверждал: «Буденный… слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер… В представлении наших врагов Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего „народное“ движение… Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение… интересов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним… Буденного знаю лучше, чем кто бы то ни было в партии, и считаю вместе с тобой, что его необходимо использовать для революции целиком и полностью. В меру моих сил я делал в этом отношении всё, от меня зависящее, и как будто бы результаты положительные».

Особенно беспокоила будущего наркома обороны невероятная популярность Буденного среди конармейцев: «Наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, „буденновской“ армии, „буденновцах“ и прочем, что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам. Сегодня комиссар штаба 1-й Конной т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й Конной. На вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: „За Буденного“». Ворошилов также опасался назначения Буденного наркомом земледелия, поскольку «бросать Буденного в крестьянско-земельную пучину было бы сумасшествием».

Выходит, что «друг Клим» рассматривал «друга Семена» исключительно в интересах партии и пролетарской революции, а в случае чего мог и шлепнуть, как бывшего командира Конного корпуса Бориса Мокеевича Думенко, о чем с гордостью вспоминал в том же письме: «Если бы я вовремя не убрал Думенко, он наделал бы нам больших неприятностей». Тогда, в 1923-м,

Ворошилов всерьез опасался, что в случае конфликта партии с крестьянством народ тряхнет стариной, вспомнит Разина и Пугачева и изберет Буденного своим вождем. Его, как и Тухачевского, подозревали в бонапартизме. Нельзя было допустить, чтобы красноармейцы шли в бой и умирали «за Буденного». Положено-то было умирать «за партию», «за мировую революцию» и персонально за вождей: сначала «за Ленина», потом «за Сталина».

Буденный был настоящим полководцем Гражданской войны, а там от умения убеждать подчиненных, что они идут в бой за правое дело, зачастую зависел исход сражения. В глазах большевиков Буденный был крестьянским вождем, который так или иначе умел держать в узде стихию масс, направлять ее на службу революции. Ворошилов же, как кажется, всерьез опасался, что стихия выйдет из-под контроля и вознесет Буденного к власти. На самом деле никаких бонапартистских замыслов у Буденного не было. Для этого Семен Михайлович был чересчур далек от политики и обладал слишком узким политическим и культурным кругозором. Да и деловых качеств у него, прямо скажем, хватало только на заведование небольшим конным заводом. Сталин очень скоро убедился в этом и опасений Ворошилова насчет Буденного не разделял.

Когда уже после Великой Отечественной войны Климент Ефремович испытал сталинскую опалу, был обвинен в том, что является матерым британским шпионом, и имел все шансы отправиться вслед за Тухачевским, проживи Сталин чуть подольше, Семен Михайлович никаких неприятных последствий этого не испытал и ни в чем заподозрен не был. Разгадка была проста. Тогда, после войны, Иосиф Виссарионович расчищал политический олимп от старой гвардии, чтобы его приемник смог бы легче укрепиться у власти. Буденный же никакого политического значения не имел, поэтому убирать его было не нужно.

А в начале 20-х годов Сталин решил, что Семена Михайловича можно использовать для борьбы против главного оппонента – Троцкого. В марте 1922 года Буденный побывал в Москве на XI съезде партии. После окончания работы съезда только что избранный генеральным секретарем Сталин принял Буденного. Это произошло 4 апреля. Семен Михайлович заявил в беседе с генсеком, что конница находится в бедственном положении. И дело совсем не в ее плановом сокращении. У кавалерийских частей очень мало артиллерии. Так, полк отдельной кавдивизии имеет лишь два орудия, а полк отдельной кавбригады – вообще одно. Между тем у поляков в 1920 году на

один кавполк приходилось пять артиллерийских орудий. Буденный также отметил, что при современных средствах наблюдения, особенно с воздуха, и в условиях насыщения пехоты огневыми средствами конница становится все более уязвимой, в том числе от ударов авиации, которая наверняка будет развиваться ускоренными темпами. Семену Михайловичу был памятен разгром корпуса Жлобы в Северной Таврии, в котором значительную роль сыграли врангелевские аэропланы, быстро обнаруживавшие красную конницу и бомбившие ее. Поэтому вся надежда только на внезапность кавалерийских атак, а также на подкрепление конницы огневой мощью, авиацией и бронечастями.

Буденный считал также необходимым унифицировать штат кавалерийских дивизий, увеличить конский запас и оснастить кавалерийские части дополнительными средствами связи, чтобы была возможность оперативного управления. Внимательно выслушав все эти соображения, Сталин напугал Буденного планами Троцкого вообще ликвидировать конницу, чем заручился его безоговорочной поддержкой в предстоящей борьбе за смещение Льва Давыдовича с поста председателя Реввоенсовета республики. После этой беседы Буденному был предложен высокий пост помощника главкома по кавалерии, но Семен Михайлович попросил дать ему еще год для завершения дел в СКВО.

31 декабря 1922 года «всесоюзный староста» М. И. Калинин вручил Буденному второй орден Красного Знамени – за успехи на Польском фронте. А 5 сентября 1923 года Буденный получил предписание выехать в Москву на должность помощника главкома по кавалерии.

Сталин сохранил подчеркнутое внимание к Буденному и в последующие годы. Так, в 1933 году он подарил ему свою фотографию с теплой подписью: «Создателю Красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу от И. Сталина. 11.5.33 г.». Правда, в то время уже чаще на первое место в качестве создателя красной конницы пропаганда ставила Ворошилова, а в конце 30-х годов это место занял сам Сталин.

В январе 1924 года Буденный входил в комиссию по проверке Московского военного округа. По результатам проверки в связи с выявленными недостатками сторонник Троцкого Н. И. Муралов в мае 1924 года был перемещен на пост командующего Северо-Кавказским военным округом, а его место в Московском военном округе занял Ворошилов, в свою очередь, оставив пост командующего СКВО. Эта рокировка была большой победой Сталина в борьбе с Троцким, так как Московский округ имел

особенно важное значение в разворачивающейся борьбе за власть. Буденный же с октября 1923 года занимал пост помощника главкома по кавалерии, а с упразднением поста главкома возглавил в 1924 году Инспекцию кавалерии РККА.

На II Всесоюзном съезде Советов, проходившем в Москве с 26 января по 2 февраля 1924 года, Буденного избрали в Президиум ЦИК СССР. А 25 марта того же года Э. М. Склянский, ближайший соратник Троцкого, был удален из Реввоенсовета и заменен Фрунзе. В новый состав РВС вошли Троцкий (председатель), Фрунзе (заместитель), Бубнов (начальник ПУРа), Уншлихт (начальник снабжения), Ворошилов, Лашевич, Буденный, Каменев, Розенгольц, Орджоникидзе, Элиава, Мясников, Хидыр-Алиев и Караев. 26 января 1925 года наступил закономерный итог борьбы за власть в Красной армии – Фрунзе сменил Троцкого на посту председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам. К. Е. Ворошилов стал его заместителем на обоих постах, продолжая одновременно командовать ключевым Московским военным округом. После загадочной смерти Фрунзе на операционном столе в октябре того же года Ворошилов занял его место.

Вторая жена Буденного О. С. Михайлова на следствии утверждала, что Буденный был обижен назначением Ворошилова на пост наркома по военным и морским делам. По этому поводу Семен Михайлович будто бы заявил, что «намерен постоять за себя и собирается ехать на Дон собирать участников гражданской войны, с которыми воевал в первые годы революции, и либо выйдет победителем, заставив руководителей партии и страны вооруженной силой считаться с ним, либо потеряет голову». А при известии о назначении Тухачевского заместителем наркома Буденный якобы заявил жене: «Я как пойду по лесам, так я им покажу к чертям жидовский Кремль».

Характерно также, что накануне ареста Тухачевского, по утверждению жены и ее племянницы, Семен Михайлович «сделал выпад против Иосифа Виссарионовича. В такой резкой форме я слышала его высказывания впервые… Раньше он рассказывал только сплетни». Почти наверняка все эти показания были выдумкой, написанной под диктовку следователя. Не такой наивный был человек Семен Михайлович, чтобы в присутствии жены и тем более ее племянницы негативно высказываться о Сталине. Тем более что отношения с Ольгой Стефановной, открыто изменявшей ему с певцом Алексеевым, были тогда уже отнюдь не самыми теплыми. И невероятно представить себе, что Буденный метил на такой сугубо политический пост, как нарком обороны, рассчитывал обойти здесь Ворошилова и даже грозился

ехать на Дон поднимать казаков. Очевидно, НКВД на всякий случай собирал материал, чтобы пристегнуть Буденного к очередному военному заговору. Но Сталин не собирался давать ход буденновскому делу, поскольку с самого начала чистки собирался сохранить конармейскую группировку. Надо же ему было опираться на кого-то среди военных!

Вот колоритный портрет Буденного первой половины 20-х годов в воспоминаниях бывшего секретаря Политбюро Бориса Бажанова, одного из первых советских перебежчиков: «Вся сталинская военная группа времен гражданской войны пошла вверх. В ней трудно найти какого-либо способного военного. Но уже умело оркестрированная пропаганда некоторых из них произвела в знаменитости, например, Буденного.

Это был очень живописный персонаж. Типичный вахмистр царской армии, хороший кавалерист и рубака, он оказался в начале гражданской войны во главе кавалерийской банды, сражавшейся против белых. Во главе – формально – манипулировали бандой несколько коммунистов. Банда разрасталась, одерживала успехи – конница была танками этих годов. В какой-то момент Москва, делавшая ставку на конницу, занялась вплотную Буденным. Троцкий в это время бросил лозунг «Пролетарий, на коня!», звучавший довольно комично своей напыщенностью и нереальностью. Дело в том, что хорошую конницу делали люди степей – прирожденные кавалеристы, как, например, казаки. Можно еще было посадить на коня крестьянина, который, не будучи кавалеристом, все же лошадь знал, привык к ней и умел с ней обращаться. Но городской рабочий («пролетариат») на коне был никуда. Лозунг Троцкого звучал смешно.

В какой-то момент Буденный в знак внимания получил из Москвы подарки: автомобиль и партийный билет. Несколько встревоженный Буденный созвал главарей своей банды. «Вот, братва, – доложил он, – прислали мне из Москвы автомобиль и вот это». Тут бережно, как хрупкую китайскую вазочку, подожил он на стол партийный билет. Братва призадумалась, но по зрелом размышлении решила: «Автомобиль, Семен, бери; автомобиль – это хорошо. А 'это' (партбилет), знаешь, хай лежить: он хлеба не просит». Так Буденный стал коммунистом.

Банда Буденного скоро разрослась в бригаду, потом в конный корпус. Москва дала ему комиссаров и хорошего начальника штаба. Повышаясь в чинах и будучи командующим, Буденный в операционные дела и в командование не вмешивался. Когда штаб спрашивал его мнение по поводу задуманной операции, он неизменно отвечал: «А это вы как знаете. Мое дело – рубать».

Во время гражданской войны он «рубал» и беспрекословно слушался приставленных к нему и командовавших им Сталина и Ворошилова. После войны он был сделан чем-то вроде инспектора кавалерии. В конце концов как-то решили пустить его на заседание знаменитого Политбюро. Моя память точно сохранила это забавное событие.

На заседании Политбюро очередь доходит до вопросов военного ведомства. Я распоряжаюсь впустить в зал вызванных военных, и в том числе Буденного. Буденный входит на цыпочках, но сильно грохоча тяжелыми сапогами. Между столом и стеной проход широк, но вся фигура Буденного выражает опасение – как бы чего не свалить и не сломать. Ему указывают стул рядом с Рыковым. Буденный садится. Усы у него торчат как у таракана. Он смотрит прямо перед собой и явно ничего не понимает в том, что говорится. Он как бы думает: «Вот поди ж ты, это и есть то знаменитое Политбюро, которое, говорят, все может, даже превратить мужчину в женщину».

Между тем с делами Реввоенсовета кончено. Каменев говорит: «Со стратегией покончили. Военные люди свободны». Сидит Буденный, не понимает таких тонкостей. И Каменев тоже чудак: «Военные люди свободны». Вот если бы так: «Товарищ Буденный! Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!» Ну, тогда все было бы понятно. Тут Сталин с широким жестом гостеприимного хозяина: «Сиди, Семен, сиди». Так, выпучив глаза и по-прежнему глядя прямо перед собой, просидел Буденный еще два-три вопроса. В конце концов я ему объяснил, что пора уходить.

Потом Буденный стал маршалом, а в 1943 году даже вошел в Центральный Комитет партии. Правда, это был ЦК сталинского призыва, и если бы Сталин обладал чувством юмора, он бы заодно, по примеру Калигулы, мог бы ввести в Центральный Комитет и буденновского коня. Но Сталин чувством юмора не обладал.

Надо добавить, что во время советско-германской войны ничтожество и Ворошилова, и Буденного после первых же операций стало так очевидно, что Сталину пришлось их отправить на Урал готовить резервы».

Несомненно, все, что относится в мемуарах Бажанова к периоду Гражданской войны, отражает не его личный опыт общения с Буденным, а те слухи, которые циркулировали среди верхушки советского общества по поводу командарма Первой конной. Так что ручаться за дословную передачу слов Буденного, конечно, нельзя. Что-то здесь идет от рождавшихся уже тогда анекдотов «буденновского цикла». Но вот зарисовка «Буденный на

Политбюро» сделана явно с натуры. В целом же свидетельство Бажанова прекрасно передает восприятие фигуры «первой шашки республики» советской политической элитой. Семен Михайлович выглядит в этих пристрастных мемуарах каким-то опереточным персонажем, этаким ряженым в кругу вождей, лихим рубакой, ничего не смыслящим ни в стратегии, ни в тактике.

Ну, насчет тактики мы уже убедились на примере ряда сражений Гражданской войны, что это не так. Буденный показал себя хитрым и достаточно умелым кавалерийским тактиком. Но ни стратегом, ни политиком он, безусловно, не был. Да и на кадровые и организационные решения в Красной армии Буденный, разумеется, не влиял – это была декорация, призванная продемонстрировать народу народный характер его любимой армии.

Фрунзе поручил Буденному подготовить боевой устав кавалерии. Так появился на свет «Временный боевой устав конницы РККА». Кавалерия признавалась самостоятельным родом сухопутных войск. Ее основными качествами считались подвижность, свобода маневра, способность атаковать в конном строю, ошеломляя противника. Необходимыми условиями действий кавалерии считались сильная огневая поддержка и внезапность.

Несомненно, это был продукт коллективного творчества. Сам Буденный его конечно же не писал – трудились над ним в основном военспецы-штабисты, еще не изгнанные окончательно из РККА. Но, по крайней мере, Семен Михайлович его одобрил. То, что предлагалось новым уставом, вполне отвечало реалиям 20-х годов. Хотя атаки в конном строю уже тогда можно было применять только против слабого противника, вроде китайцев и афганцев, почти не имевших тяжелого вооружения. Атаки же против обороны, обладавшей огневой мощью хотя бы германской армии периода Первой мировой войны, были форменным самоубийством. В Гражданскую войну конечно же плотность орудий и пулеметов на километр фронта была во много раз меньше, чем в Первую мировую. Поэтому кавалерия чувствовала себя вольготно и претендовала на роль основной ударной силы.

Однако, учитывая потенциальные возможности великих держав, с которыми Красная армия могла столкнуться в новой мировой войне, будущая война должна была скорее напоминать Первую мировую, а не Гражданскую. А в такой войне кавалерия могла играть лишь сугубо вспомогательную роль. Но на это Буденный, искренне любивший кавалерию и лошадей, согласиться никак не мог. Он и новые бронетанковые части собирался по возможности включать в состав кавалерийских

дивизий и корпусов. Что еще важнее, идею о тесном взаимодействии танков и кавалерии при организационном главенстве последней разделял и Ворошилов. А это тормозило организационную эмансипацию бронетанковых войск.

На Буденного также возложили инспектирование конных заводов. В результате Гражданской войны их число существенно сократилось и кавалерии не хватало хороших лошадей. По части совершенствования коневодства Буденный предложил выделить крестьянам хороших племенных коней, чтобы они были сами заинтересованы в разведении их для поставок армии. Предложение было принято в виде единого государственного плана использования племенного материала. На разведение породистых лошадей крестьянам выделялись специальные кредиты.

Под руководством Буденного в ряде районов страны были созданы табунно-ремонтные заводы с наиболее передовыми по тому времени методами разведения и выращивания лошадей. Такие коневодческие хозяйства появились в Заволжье, задонских степях и ряде степных районов азиатской части страны. Все эти меры привели к тому, что кризис в коневодстве, вызванный большой убылью хороших лошадей в период Гражданской войны и разрухи, постепенно миновал. В результате в годы Великой Отечественной Красная армия получила более трех миллионов первоклассных лошадей. Они использовались не только и не столько для кавалерийских корпусов, а главным образом для гужевого транспорта, на котором основывалось снабжение войск, особенно в первые два года войны. Здесь Буденный, безусловно, занимался своим любимым делом и достиг определенных успехов. Стоит добавить, что с его именем связана знаменитая буденновская порода лошадей, выведенная на основанных им конных заводах имени Буденного и имени Первой конной в Ростовской области. Правда, фактически эта порода появилась еще в начале XX века.

Надо отдать должное Семену Михайловичу: своих подчиненных он старался всячески защищать, даже в период массовых репрессий. Так, в 1938 году Буденный добился от Сталина освобождения почти всех директоров конных заводов, арестованных Ежовым. По свидетельству третьей жены маршала Марии Васильевны, «когда стали сажать в тюрьму начальников конных заводов – а они были в основном заслуженные люди, революционные бойцы, – Семен Михайлович пошел к Ворошилову защищать их, тот послал его к Сталину. Семен Михайлович рассказывал, как он прямо в лицо Сталину сказал:

– Сегодня сажают тех, кто защищал революцию. Значит, надо

сажать и меня. И вас.

Сталин ответил:

– Ты, Семен, совсем с ума сошел».

Возможно, что-то в этом разговоре Буденный по своему обыкновению и присочинил, но остается фактом, что многих директоров конезаводов он действительно спас от расправы.

В 1927 году оппозиция во главе с Троцким и Зиновьевым была окончательно разгромлена, ее сторонники изгнаны из армии или смещены с руководящих постов. После этого Ворошилов, Буденный и другие представители особо близкой к Сталину «конармейской» группировки развернули активную борьбу с конкурирующей группировкой во главе с Тухачевским. Эту группировку условно можно назвать «пехотной».

В 20-е годы зарождался культ Буденного как первой шашки республики, сына крестьянина-бедняка, благодаря возможностям, предоставленным советской властью, и мудрому руководству со стороны коммунистической партии ставшего одним из виднейших полководцев Гражданской войны.

Особенно способствовали популяризации образа Буденного песни о Первой конной и ее бравом командарме, которые сам Семен Михайлович очень любил распевать в дружеском застолье. Наряду с «Маршем буденновцев» на слова Д'Актиля широкое распространение получил написанный в 1923 году известным поэтом Николаем Асеевым «Марш Буденного» (музыку к нему создал А. Давиденко):

С неба полуденного
жара – не подступи.
Конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —

смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем, —
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
Конная Буденного,
армия – вперед!

Позднее, в 1927 году, Николай Асеев написал еще одну песню о буденновцах – «Первая Конная» (музыка того же А. Давиденко), гораздо менее удачную:

Лишь край небес подернется
Каленой каймой.
Слетать бы мне, буденновцы,
До Дону домой.

ПРИПЕВ:
Конь вороной,
Не стой подо мной,
Лети, стелись без отдыха донской стороной.
Беги, беги, Воронко,

Хорошая сторонка,
Серый, буланый,
Мелькай над поляной.
Серый, каурый, бурей лети!

Пока молчат без окрика
В степях кречета,
В далеком Сальском округе
Бойцов не сосчитать.

Гляди, теперь просторные
Какие поля,
А было под Касторной
Теснились, пыля.

Деньки скупы и поздненьки,
Густы вечера,
А были все колхозники
Бойцами вчера.

Ты нам свою защиту,
Страна, поручи,
У нас удар рассчитан,
Клинки горячи.

Эта песня в народе не прижилась. А вот асеевский «Марш Буденного», как и несколько других конармейских песен, пережил самого Буденного и исполнялся до самого конца советской эпохи. К таким песням относилась и «Кон-армейская», созданная в 1935 году поэтом Алексеем Сурковым и мастеровитыми братьями Покрасс:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили

На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем, —
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем!

В марте 1926 года Буденный получил весьма ответственное задание. Его вызвал к себе Сталин и порадовал известием, что ЦК партии решил послать в Среднюю Азию своего представителя для «окончательного решения» оставшегося еще с Гражданской войны вопроса борьбы с басмачеством. Партия учла большой опыт Семена Михайловича в ликвидации махновцев на Украине и казачьих повстанческих отрядов на Дону и Северном Кавказе.

Партийное поручение надо было выполнять незамедлительно. 27 марта Буденный прибыл в Ташкент, где встретился с командующим Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевским и начальником политуправления фронта Н. Н. Кузьминым. Семен Михайлович устроил им изрядный разнос за слабую постановку борьбы с басмачами. Он потребовал отказаться от отдельных операций, проводимых с большими промежутками по времени и не дававших эффекта в борьбе с подвижными и хорошо знающими местность отрядами басмачей. Буденный настаивал на проведении одной широкомасштабной операции, чтобы за три-четыре месяца покончить с басмачеством.

29 марта 1926 года Буденный побывал в Кулябском, Вахшском и Гиссарском гарнизонах, а также в городе Термезе вблизи афганской границы. По возвращении в Ташкент Семен Михайлович потребовал вести операции не разрозненными и сборными отрядами, а целыми частями и подразделениями –

бригадами, полками, эскадронами. Басмачей следовало отрезать от баз снабжения и привлекать к борьбе с ними местное население, не останавливаясь перед взятием заложников и круговой порукой. Рядовым басмачам, прекратившим борьбу, была обещана амнистия. Буденный лично участвовал в вооруженных схватках с басмачами.

Журналист Александр Щелоков так изложил причины и последствия срочной командировки Буденного: «Раздражение Москвы вызвала отложенная боевая операция в Сурхандарьинской области, в ходе которой намечалась окончательная ликвидация наиболее активных басмаческих формирований. Ворошилов, уже нарком по военным и морским делам, потребовал срочных объяснений. 23 марта 1926 года член РВС Туркестанского фронта Николай Кузьмин направил в Реввоенсовет СССР подробный доклад. В нем сообщалось, что планировалась комбинированная акция, то есть силовая в сочетании с проведением советско-партийно-экономических мероприятий в Сурхандарьинской области, а затем в Таджикистане. Причем вся операция по изъятию пособников должна сопровождаться и быть заключена военным нажимом на Хурам-Бека и Ибрагим-Бека – двух руководителей, оставшихся у нас. С целью военного нажима к частям, расположенным в Таджикистане и Сурхандарьинской области, были выделены два полка стратегической конницы. Командование было поручено одному из лучших знатоков местных условий по согласованию со Ср. Аз. Бюро, Узбекским правительством и Таджикским правительством – т. Мелькумову».

Однако, когда подготовка была закончена, выяснилось, что операция совпадает с мусульманским постом, а потому ЦК КП(б) Узбекистана принял решение ее отложить. Действовать самостоятельно, без гражданских властей, руководство Туркестанского фронта не сочло возможным. Москву объяснение явно не устроило… Создалось впечатление, будто командующему Туркфронтом Константину Авксентьевскому не хватает решительности и жесткости. Придать действиям войск эти качества и должен был Буденный. Он в присутствии членов РВС фронта, по свидетельству Тодорского, сказал Авксентьевскому: «Вы тут никогда не решите задач, если будете продолжать чикаться. Не надо бояться крови. Если бы мы в Центре ее боялись, то по Тамбовщине до сих пор бродили бы банды Антонова»…

Обречь на «образцовую» карательную акцию Ферганскую долину, в которой обретались несколько десятков уголовников, грабивших кишлаки, было сочтено неразумным. Зато в Сурхандарьинской области оперировали сразу две достаточно крупные басмаческие банды – Хурам-Бека и Ибрагим-Бека. Долгое

существование им обеспечивала близость афганской границы, куда в случае опасности басмачи уходили, откуда они получали пополнение и оружие…

Подкормив и помыв в бане кавалеристов 6-й бригады, обеспечив ее вооружением и конским составом за счет других соединений, Буденный начал операцию, которая в отчетных документах получила название «ударной кампании». Надо сказать, что для басмачей неожиданной она не стала. «Если сравнивать нашу агентуру с агентурой Хурама и Ибрагим-Бека, – говорил Авксентьевский на одном из совещаний, – первая ничего не стоит». Основная часть отряда Ибрагим-Бека вместе с главарем заблаговременно ушла в Афганистан. Однако боевые донесения без упоминания о Буденном позже рапортовали, что за «ударную кампанию» ликвидированы 21 курбаши и 866 джигитов, притом что до этого разведка насчитывала их в том районе не более 300.

Если военный результат усилий Буденного был не так уж велик, то организационный оказался довольно значительным. Семен Михайлович обратил внимание на низкую эффективность действий Туркестанского фронта. В 1925 году было 875 боестолкновений с басмачами, но потери последних составили всего лишь 164 убитых и 20 пленных. Получалось, что в 80 процентах боев басмачи вообще не несли никакого урона. Буденный сразу же предложил Туркестанский фронт переименовать в военный округ, поскольку слово «фронт» в мирное время звучало не очень здорово для советской власти, особенно в международном плане. Какой же тогда Средняя Азия плацдарм для распространения мировой революции на страны Востока, если там для борьбы с местным населением приходится держать целый фронт? И 4 июня, вскоре после возвращения Буденного в Москву, Туркестанский фронт был официально преобразован в Среднеазиатский военный округ.

Буденный также настоял на привлечении к борьбе с басмачеством среднеазиатских крестьян. Фактически их повязали круговой порукой за действия басмачей, не останавливаясь и перед взятием заложников. Поскольку многие басмачи после набега сами превращались в мирных дехкан, то Буденный, по преданию, приказывал при вступлении в кишлаки раздевать подозрительных и смотреть, нет ли на плече следа от винтовки и не красная ли задница, оттого что всю ночь провел в седле. И если таковые находились, то их на месте расстреливали. Даже если это легенда, то достаточно красноречивая. После этой командировки в Средней Азии именем Буденного матери пугали детей.

В военном отношении басмачи были не слишком сильным

противником. Они испытывали острую нехватку боеприпасов, не имели тяжелого вооружения и не были обучены тактике современного боя, поскольку жители Средней Азии не подлежали призыву в императорскую армию. Поэтому подавляющее большинство из них не участвовало в Первой мировой войне и даже не было знакомо с современным вооружением. Главная сила басмачей заключалась в хорошем знании местности и в подвижности (многие имели запасных коней). Поэтому эффективно бороться с басмачами могли только конные отряды. И именно там, в Средней Азии, было где развернуться замечательному кавалерийскому тактику.

В целом надо признать, что, хотя потери басмачей были значительно завышены за счет «мелких пособников» басмачей, их родственников и совсем ни в чем не повинных заложников, после проведенной Буденным операции басмачество на территории Узбекистана и Таджикистана пошло на убыль. Буденный, как человек со Средней Азией ничем не связанный, считаться с религиозными чувствами и традициями коренного населения не собирался, а делал упор только на силу. Его потому и послали, что ожидали от командарма Первой конной той жестокости, на которую не были способны местные начальники, так или иначе зависимые от населения. После операции люди были запуганы и уже боялись помогать басмачам. Сыграла свою роль и земельно-водная реформа 1925–1929 годов, подорвавшая позиции крупных землевладельцев и привлекшая на сторону советской власти часть дехкан.

За проведенную «ударную кампанию» по борьбе с басмачеством Буденный был награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР. Новый всплеск басмачества случился в начале 30-х годов, когда в Среднюю Азию пришла сплошная коллективизация. Но прежнего размаха он уже никогда не достиг. С ним справились теперь уже без Буденного. Надо сказать, что в Средней Азии Семен Михайлович провел всего полтора месяца – с 27 марта по 11 мая 1926 года, когда он уже участвовал в очередном заседании Реввоенсовета в Москве.

По возвращении в Москву Буденный с готовностью ввязался в новые схватки с «пехотинцами». 16 апреля 1928 года командующий Белорусским военным округом А. И. Егоров, инспектор кавалерии РККА С. М. Буденный и начальник снабжения РККА П. Е. Дыбенко направили наркому Ворошилову совместное письмо, в котором обвиняли начальника штаба РККА Тухачевского в стремлении захватить всю власть в армии.

«Штаб РККА, – писали они, – имеет внутри себя тенденции, если не сказать хуже, целевую установку, заменить собой, или

вернее взять в свои руки руководящую роль по всем вопросам строительства и оперативного руководство РККА».

Авторы письма предлагали заменить начальника штаба РККА лицом с «более высокими организаторскими способностями, а равно и с большим опытом боевой практической работы». Их позиция была поддержана первым заместителем председателя РВС СССР и наркома И. Уншлихтом, начальником ГУРККА М. Левандовским и заместителем начальника УВУЗ РККА Н. Кузьминым (жена последнего, что любопытно, была любовницей Тухачевского). В результате Тухачевский лишился поста начальника штаба РККА и был отправлен командовать Ленинградским военным округом.

Уже после реабилитации Тухачевского, в 60-е годы, Буденный утверждал, что «в строительстве Красной армии и конкретно в создании бронетанковых войск М. Н. Тухачевский упорно стоял на позициях облегчения за счет ослабления брони и вооружения их легким оружием. Не бронестойкость и мощный огонь, а „устрашающая“ подвижность – в этом он видел главное». В данном случае Семен Михайлович не погрешил против истины. Тухачевский действительно увлекался количеством танков – в ущерб качеству. И к тому же загорелся идеей создания танков-тракторов, которые можно было бы в мирное время использовать в сельском хозяйстве. Если бы эта идея была реализована, получились бы машины, не пригодные ни для пахоты, ни для боевых действий. Возможно, уже тогда родился анекдот о «советском мирно пашущем тракторе», в любой момент готовом дать отпор агрессорам.

По настоянию Сталина Буденный закончил военную академию. Уже после Великой Отечественной войны Семен Михайлович говорил: «Тяжелое у меня было детство. И дед и отец батрачили. В школе мне учиться не пришлось, грамоте выучился сам. Зато когда разбили белогвардейцев, Советская власть сделала все, чтобы мы могли учиться. И в 1932 году я закончил Военную академию имени Фрунзе». В 48 лет Буденный совершил свой первый прыжок с парашютом – этого требовали от выпускников академии. Сталин критиковал Буденного за это, говоря, что руководителям такого уровня запрещено в целях безопасности даже машину самим водить, а не то что с парашютом прыгать. Но, узнав, что это входит в курс обучения в академии, гневаться перестал.

Тут стоит добавить, что обучался Буденный в особой группе, без отрыва от основных обязанностей в Инспекции кавалерии, и вряд ли преподаватели рисковали ставить двойки и даже тройки будущему маршалу. Кстати сказать, помимо специальных

предметов, Семен Михайлович впервые изучил в академии русский язык, литературу, математику, историю и географию в объеме средней школы.

Бывший советский военный корреспондент «Известий» Михаил Соловьев, которому не раз приходилось писать речи за Буденного, в годы войны раненым попал в немецкий плен, а после войны эмигрировал в США. О Семене Михайловиче он остался самого скверного мнения – и как о полководце, и как о человеке. Соловьев утверждал: «Мы можем быть очень снисходительными в установлении обязательного минимума знаний для генералов, но всё же решать уравнение с одним неизвестным они должны уметь. Между тем для маршала Буденного, например, окончившего военную академию, пишущего книги на военные темы, такое уравнение лежит выше границы его математических познаний».

Тот же Соловьев дает такую зарисовку жизни Буденного в 30-е годы: «Никто, даже Сталин, не мог определить, где действительное его (Буденного. – *Б. С.)* место. Усатого полководца можно было видеть на самых различных постах в военных управлениях. Однажды почему-то решили, что Буденный, поскольку он командовал конной армией, должен уметь управлять коневодством, и послали его на пост начальника коневодческого управления Наркомата земледелия. Но вскоре и оттуда его пришлось убрать. Об этом эпизоде Буденный рассказывал журналистам в Московском доме печати.

На новом посту Буденному опять не повезло. Кони, словно назло, стали дохнуть в непомерном числе. Это было время становления колхозов, страшное не только для людей, но и для сельскохозяйственного скота. «Коней в колхозах ни черта не кормили, с чего бы они жили», – рассказывал Буденный.

Однажды Сталин вызвал его к себе. "Ну, думаю, держись, готовь чуб, – повествовал он. – Прихожу, и вводят раба божьего Семена к Сталину. А у меня в ногах сплошная неуверенность. Иосиф Виссарионович этак с подвохом меня спрашивает:

– Так ты, Семен, в конях толк понимаешь?

– Понимаю, – говорю. – С детства к этому приучен.

– А лошади-то дохнут, – тихо говорит Сталин.

– А черт их знает, – говорю, – чего они дохнут. Самые подробные инструкции на места спустили, всё в них расписали – сколько сена и овса давать, как поить и прочее.

– А лошади всё-таки дохнут, – опять говорит Сталин. – Ты им напрасно инструкции шлешь. Они в письменности не разбираются, им корм требуется. Сколько у тебя Заготсено корма для скота имеет? Сколько на севере? На юге? На западе?

Вижу, гневается Иосиф Виссарионович, и взмолился я тут: отпустите, – говорю, – меня назад в армию. Сил моих нет. В управлении больше двух сотен сотрудников и все пишут-пишут-пишут. Целый день только и делаю, что подписываю. Сам понимаю, что коней инструкциями не накормишь, да только где же я сена возьму, если на местах не заготовляют!

Послушал меня Сталин и говорит: 'Да, надо тебя пожалеть. И коней пожалеть'. Позвонил Ворошилову и вернулся я в армию"».

Из всех советских полководцев, если не считать Ворошилова, Буденный был наиболее заметным. Хитроватый казак весьма ревниво берег свою популярность. От природы он не речист, но вряд ли кто-нибудь другой может сравниться с ним по количеству произнесенных речей. Он выступал перед студентами московских высших учебных заведений и перед детьми во Дворце пионеров. Его усатое лицо появлялось во вновь открытом родильном доме для фабричных работниц и на московском ипподроме перед началом скачек. Он неизменный оратор на съездах в Кремле.

Меня косноязычная словоохотливость Буденного волновала лишь потому, что она в некоторой мере отравляла мне жизнь. Перед каждым выступлением своего шефа адъютант Буденного разыскивал меня и предупреждал:

– Приказано вам быть к семи ноль-ноль. Приходилось тащиться куда-нибудь на окраину города, где Буденный произносил очередную свою речь. Выждав ее окончание, я возвращался в редакцию. Поздно ночью раздавался телефонный звонок. Я ждал его. Знал, что Буденный не успокоится, пока не узнает, будет ли написано в газете о его выступлении. Происходил приблизительно такой разговор:

– Ну, как понравилась тебе моя речь? – спрашивал Буденный.

– Хорошая речь.

– Ты ее всю записал?

– Всю (обычно я ничего не записывал).

– На какой странице завтра будет напечатано?

– Не будет печататься. Редактор говорит, что вам не стоило бы выступать на таком маловажном собрании.

– Слушай, скажи твоему редактору, что это не его дело указывать мне. Если завтра речь напечатана не будет, я перенесу этот вопрос в ЦК партии. Понятно?

Буденный с грохотом бросал трубку на рычаг, а я плелся к редактору и после слезных просьб тот соглашался переверстать четвертую полосу, чтобы выгадать тридцать строк для сообщения о речи Буденного.

В публичных своих выступлениях Буденный почти всегда разыгрывал роль старого рубаки. На всю жизнь разучил он эту

роль и уже от нее не отступал. Долго и привычно говорил о лошадях. Это было частью заученной роли. Выступая однажды на совещании по вопросам физиологии при Академии наук СССР, поучал академиков, как надо чистить, кормить и поить коней, и требовал «придумать» такую конюшню, чтобы коням в ней было «светло, тепло и весело».

В печати очень часто появлялись речи Буденного, вполне грамотные и даже не лишенные блеска. Косноязычие Буденного этому не могло помешать, так как в советской пропаганде необычайно разработана технология «причесывания» речей. Вот как, например, родилась речь Буденного о развитии животноводства, которая, вероятно, войдет в посмертное издание произведений маршала (подобное собрание так и не появилось. Даже четвертый том «Пройденного пути», повествующий о событиях Великой Отечественной войны, был опубликован лишь во фрагментах в журнале «Дон», а отдельной книгой не вышел до сих пор. – *Б. С.)*.

Во время съездов в Кремле создается специальная группа сотрудников, целью которой является обработка стенограмм. В 1934 году в такую группу был привлечен и я. Как новичку в такого рода делах, мои товарищи подсовывали мне самые тяжелые стенограммы. Однажды положили на стол запись речи Буденного. Она занимала с десяток страниц. Прочитал я стенограмму один раз, прочитал второй, но ничего не понял. Что-то невнятное говорилось о лошадях и о том, что врага будем бить по-сталински. Дальше Буденный делал экскурс в прошлое, но так путано, что разобраться в этом не было никакой возможности.

В перерыве между заседаниями я обходил знакомых делегатов съезда, но не нашел ни одного, который мог бы связно передать содержание речи Буденного. Ничего не оставалось, как написать эту речь заново. Вызванный из Наркомзема специалист по животноводству и я засели за работу. Через два часа дело было сделано. Но чтобы завершить его, надо было получить подпись на «стенограмме».

Вечером я отправился к Буденному и был введен в его обширный кабинет. Тяжелая кожаная мебель. Огромный письменный стол. Образцовый порядок на его блестящей поверхности наводил на мысль, что этим столом для работы не пользуются.

Большой шкаф, заполненный книгами с неизменным полным собранием сочинений Ленина в черном тисненом переплете. Из соседней комнаты доносились громкие голоса. Свободные вечера Буденный заполнял шумными пирушками с друзьями.

Буденный вошел в расстегнутом кителе и с некоторым

трудом уразумел причину моего появления. Он погрузился в глубокое кресло, скрестил руки на груди и тоном грустного смирения приказал читать. После нашей обработки речь Буденного занимала четыре страницы и на чтение ушло четверть часа. Кончив, я перевел глаза на Буденного. Он мирно дремал, опустив голову на грудь. Обойдя вокруг стола, я потряс его за плечо. Он очнулся и растерянно уставился на меня. Потом припомнил и потянулся за «стенограммой».

– Ты, я вижу, ничего не исправил, – проговорил он хрипловатым голосом. – Хорошую речугу я загнул?

Я заверил Буденного, что речь вполне хорошая и, дописав по его желанию слова: «Великому Сталину ура!», получил размашистую его подпись.

Буденный всегда развивает кипучую деятельность, но это деятельность особого рода, от которой никто ничего не ждет. Деловой потенциал маршала равен нулю. Долгие годы он занимал пост генерал-инспектора кавалерии Красной армии. Мирное и тихое сидение его в инспекции кавалерии, в которой всеми делами вершил молодой и талантливый С. Ветроградский, впоследствии погибший по делу Тухачевского, разнообразилось частым произнесением речей и еще более частыми буйными пирушками с друзьями.

Буденный всегда был ясен, понятен и скучен. Но однажды он поразил меня необыкновенно. В продолжение недели я ежедневно заходил в инспекцию кавалерии и каждый раз глуповатый адъютант Буденного сообщал мне, почему-то шепотом, что Буденный «всё еще читает». При этом молодой офицер округлял глаза и начинал походить на испуганную сову. Поведение Буденного было столь необычным, столь потрясающим, что весть об этом облетела всю газетную братию в Москве. Буденный читал Шекспира. Среди нас это занятие вызвало полное смятение умов. Почему это вдруг Семена Михайловича «повело на Шекспира»? Так и осталось бы это тайной, не помоги сам Буденный решить головоломную задачу. Однажды, когда я зашел в инспекцию кавалерии, Буденный поманил меня к себе в кабинет. На его письменном столе лежал том Шекспира, открытый на последней странице «Гамлета».

Буденный положил свою небольшую руку на раскрытую книгу.

– Вот, Гамлета довелось на старости лет читать, – проговорил он. – Здорово написал, бродяга.

– Кто написал? – спросил я.

– Гамлет. Он датским принцем был и всякую чертовщину там развел.

Но я понимал, что Буденный позвал меня не за тем, чтобы похвалить «писателя Гамлета», одобрительно названного им бродягой.

– Послушай, как ты понимаешь выражение «гамлетизированный поросенок»? – спросил вдруг Буденный. – Я всю книгу прочитал, а о поросятах в ней ничего не нашел.

Оказалось, что Буденный читал шекспировского «Гамлета» лишь потому, что кто-то из высокопоставленных вождей назвал его «гамлетизированным поросенком». Он хотел знать, не в обиду ли это было сказано. Откровенно говоря, более удачного определения Буденного подобрать трудно. Любил Буденный пожить во всю силу, совершенно не задумываясь над тем, что в море нищеты и обездоленности, затопившем страну, его широкая жизнь содержит в себе нечто поросячье. Но в то же время, подвыпив, Буденный впадал в мировую скорбь весьма определенного оттенка. Однажды в Кремле, на каком-то очередном банкете, он, размазывая по лицу пьяные слезы, сокрушался о судьбе мирового пролетариата. В другой раз его сочувствие вызвали жертвы землетрясения, и он кричал, что все должны отправляться на помощь японским трудящимся, под которыми «земля трясется».

«Гамлетизированный поросенок» – очень подходило для Буденного.

Московский дом печати, находящийся в особняке Саввы Морозова невдалеке от Арбатской площади, был многими облюбован для времяпрепровождения. Имелись в этом доме уютные комнаты для интимных встреч, прекрасный ресторан, услужливые лакеи. Частенько появлялся в нем и Буденный, любивший побывать в компании газетного люда. Насколько я могу припомнить, такие встречи с Буденным в доме печати всегда заканчивались хоровым пением. Где-нибудь в дальней комнате вдруг взвивался тенор Буденного и вслед за ним тянулся нескладный хор мужских голосов. Неизменно после пения Буденный говорил журналистам: «Ну, и погано же вы поете, товарищи, не то, что у нас в армии». И почти с той же неизменностью добавлял: «Я, например, с самим Шаляпиным пел». И дальше следовал рассказ о том, как Шаляпин, в голодные времена в Москве, был приглашен в вагон Буденного и как они втроем – Буденный, Ворошилов и сам Шаляпин – пели волжские песни. «А когда Федор Иванович уходил, мы ему окорок запеченный в тесте преподнесли». В то голодное время это была немалая награда и, кажется, Ф. И. Шаляпин не раз вспоминал о ней.

Особенно же любит Буденный распевать песни о самом себе.

Из его дома часто неслась залихватская песня, исполняемая многими мужскими голосами:

Никто пути пройденного у нас не отберет,
Мы конная Буденного, дивизия, вперед.

А когда эта песня в народном переложении отобразила перманентный полуголод в стране, то Буденный и новый ее вариант принял:

Товарищ Ворошилов, война ведь на носу,
А конная Буденного пошла на колбасу.

Распевал Буденный эту песню и восторженно вскрикивал: «Буденновская-то армия на колбасу! Вот ведь гады!» Слово «гады» в его лексиконе звучало похвалой.

Буденный долго представлялся мне явлением комическим и никаких особых чувств во мне не вызывал – ни любви, ни ненависти. Для моего тогдашнего умонастроения была характерной внутренняя обособленность от того мира, в котором протекала моя работа. Это еще не было отрицанием этого мира, а лишь подсознательным ощущением его случайности и ненужности… Модно было бы сказать, что я уже тогда был антикоммунистом, но это было бы модной неправдой. Для меня это был период нарастания сомнений, и если быть правдивым, то надо сказать, что искал я тогда средств сомнения эти рассеять и обрести безмятежную веру в то, что всё идет хорошо и так, как и следует ему идти. В том, что сомнения эти я не убил в себе, а привели они меня позже к крайнему, безграничному отрицанию коммунизма – очень мало моей заслуги. Просто жизнь обнажила язвы коммунистического бытия и заставила прозреть даже тех, кто прозрения не искал.

В какой-то мере этому моему прозрению способствовал и Буденный. Пока я видел его шумную жизнь, я мог воспринимать его в комическом плане. Но после выстрела…

Впрочем, об этом стоит рассказать более подробно, так как эпизод, завершившийся выстрелом в беззащитную женщину, – чингисхановщина в самой откровенной форме.

Буденный был женат. Его жена, простая казачка, боготворила своего Семена. Она прошла вместе с ним через гражданскую войну, и много ран на телах бойцов и командиров было перевязано ею в госпитале. После гражданской войны Буденный проявил жадную потребность к иной, более привлекательной

жизни. Кутежи и женщины стали его потребностью. Жена со многим мирилась, надеясь, что ее Семен «перебродит». Потихоньку бегала в церковь в Брюсовском переулке молиться о муже. Иногда смирение сменялось в ней буйным протестом, и тогда разыгрывались некрасивые скандалы.

Однажды сердце Буденного было пленено кассиршей с Курского вокзала в Москве. Эта женщина впоследствии стала его женой. Увлечение оказалось серьезнее и длительнее всех бывших раньше. Жена Буденного стоически переносила и это очередное горе, пока сам Буденный не вызвал ее на открытый бунт. В зимний вечер, когда собралась очередная компания для кутежа, Буденный воспылал желанием показать друзьям свою возлюбленную и приказал адъютанту привезти ее в дом. Жена Буденного не смогла снести такого унижения. С бранью и плачем выбежала она из комнаты, а вслед за нею вышел бледный от ярости Буденный. До гостей донесся выстрел.

Убийство Буденным жены обнажило передо мною подлинное лицо Буденного. А когда после недельного домашнего ареста он снова появился, прощенный Сталиным, я уже видел в нем не столько комическое, сколько трагическое явление в нашей жизни. Ведь, в действительности, страшно жить в стране, где все это может происходить и где в маршалах ходит Буденный, а в вождях Сталин и Маленков.

На этом можно и покончить наш рассказ о Буденном. Черные усы – это подделка. Они уже давно поседели и выкрашены парикмахером. Сурово нахмуренный взгляд – обман, так как за суровостью проглядывает жалкий страх лишиться на старости лет высокого места. Золотое шитье маршальского мундира, золото и бриллианты орденов, – всё исходящее от него сияние, не может скрыть жалкого облика маршала-раба, впряженного в колесницу коммунистической диктатуры и состарившегося в этой упряжи».

Критика жестокая и, похоже, не вполне справедливая. Начнем с того, что от коневодства Буденного Сталин отнюдь не отстранил. Напротив, в 1947 году он назначил маршала заместителем министра сельского хозяйства по коневодству и коннозаводству. Значит, по крайней мере в этой сфере, деятельность Буденного Сталина устраивала. Тем более что в период коллективизации кормить лошадей действительно было нечем. Да и в мировую скорбь Семен Михайлович, я думаю, впадал не только по поводу мирового пролетариата и жертв землетрясения в Японии, но и в связи с судьбой родного крестьянства. Другое дело, что дальше пьяных слез эта скорбь не шла.

Насчет убийства Буденным его первой жены Соловьев явно

передает не рассказ самого Семена Михайловича (не стал бы он таким хвалиться, даже в пьяном виде), а слухи, ходившие в столичной журналистской тусовке. Как мы убедимся дальше, дело со смертью первой буденновской жены Надежды Ивановны (девичья ее фамилия не выяснена до сих пор) достаточно темное, но наиболее вероятная версия ее гибели – это все-таки самоубийство. Официальная версия, дабы не обидеть Буденного, свела все дело к несчастному случаю, а молва – к убийству лихим командармом опостылевшей жены, мешавшей слиться в экстазе с любовницей. Но, как кажется, Семен Михайлович был недостаточно горяч, чтобы пристрелить жену в присутствии целой кучи народу. Да и нужды в этом не было – тогда развестись с женой было проще простого. А вот то, что самоубийству Надежды Ивановны предшествовал крупный скандал с мужем, представляется вполне вероятным. Здесь рассказ Соловьева вполне может отражать истину. Но, как мы убедимся далее, вторая жена Буденного была певицей Большого театра, а вовсе не кассиршей с Курского вокзала, хотя и родилась действительно в Курской губернии.

В то же время многое Соловьев, как кажется, подметил в Буденном верно. Семен Михайлович был болезненно тщеславен, на редкость косноязычен, плохо умел организовывать канцелярскую и штабную работу. Обладал не слишком широкой эрудицией и кругозором. Любил посидеть с друзьями по Первой конной, выпить, попеть песни. Армейскими делами всерьез уже не занимался. В общем, во многом соответствовал уровню анекдотов о самом себе. Только вот трусом Буденный не был. Он просто был хитрым и в житейском плане очень расчетливым человеком. Понимал, что выступать против Сталина – все равно что плевать против ветра. И покорно подписывал расстрельные приговоры. А когда приговоры касались его личных врагов, то, возможно, принимал их даже с энтузиазмом.

Писатель-эмигрант Марк Алданов, взирая на Буденного на кадрах советской кинохроники начала 30-х годов, охарактеризовал его в очерке «Советские люди» с куда большей симпатией: «Знаменитый Буденный! Он замечателен, этот древний, почвенный, неизвестный Западу образ. Это нечто подлинное на маскараде: настоящий солдат среди рабочих в генеральских мундирах. Буденный удивительно не похож на интернационалиста и на „строителя будущего“. Художник, который пожелал бы дать иллюстрации к „Войне и миру“, мог бы с него писать доезжачего Данилу… Я дорого дал бы, чтобы поглядеть на Буденного во время заседания Третьего Интернационала или послушать его политическую беседу,

например, с Карлом Радеком. Говорили, что, проезжая по Красной площади, Семен Михайлович тайком крестился на кремлевские храмы. Что не мешало ему, замечу, отнюдь не по-христиански давить „инородцев“ в Средней Азии. Правда, в коллективизацию его все-таки не стали бросать в карательные акции против русских или украинских крестьян. Может, все-таки опасались, что своих мужиков Семен Михайлович так просто давить не будет? Не думаю. Чего-чего, а кровь проливать Буденный никогда не боялся. Но использование его в качестве карателя могло серьезно разрушить буденновский миф. Одно дело – уничтожать басмачей и их пособников на окраине империи, в далекой Средней Азии, для жителей которых имя Буденного – все равно пустой звук. И совсем иное – заставлять его идти огнем и мечом по коренным российским, украинским или кубанским губерниям. Там такая память быстро уничтожит образ Буденного как „народного заступника“».

Вероятно, у интеллигента Алданова еще сохранялись какие-то иллюзии, что непохожий на «интернационалистов» и «строителей будущего» богобоязненный крестьянский сын Семен Буденный еще сможет, чем черт не шутит, сыграть роль этакого «красного Бонапарта». Недаром же в эмигрантской печати высказывались идеи, что если дать Буденному генеральский чин и орден Святой Анны 1-й степени, то он, пожалуй, сыграет роль нового генерала Монка и проложит дорогу к реставрации династии Романовых. Но у Михаила Соловьева, которому приходилось близко соприкасаться с легендарным командармом, никаких иллюзий на его счет не было.

Популярность Буденного использовалась для оправдания в глазах народа идеи коллективизации. Он выступал 19 февраля 1933 года на 1-м съезде колхозников-ударников в поддержку сталинского курса. А 26 апреля того же года «Правда» опубликовала сталинское поздравление Буденному в связи с юбилеем: «Боевому товарищу по гражданской войне, организатору и водителю славной Красной конницы, талантливейшему выдвиженцу революционных крестьян в руководители Красной Армии, товарищу Буденному, в день его пятидесятилетия – горячий большевистский привет! Крепко жму Вашу руку, дорогой Семен Михайлович».

Надо сказать, что даже после осуждения «культа личности» на XX съезде партии Буденный ни разу не выступил с публичной критикой Сталина. Нет ее и в мемуарах «Пройденный путь», первый том которых вышел в 1958 году, в разгар оттепели. И о репрессиях Семен Михайлович тоже не сказал ни слова – отчасти, наверное, потому, что и сам был к ним причастен.

В 1933 году в связи с коллективизацией появилась очередная песня про Буденного и буденновцев, скромно названная «Песня о героях», наверняка пополнившая среди прочих репертуар буденновских застолий. Ее сотворили все тот же А. Давиденко с Б. Шехтером (музыка) и поэт Н. Владимирский (слова):

Как в степи зеленой,
Где шумел Буденный,
Где за власть Советов
Песня с боем спета,
Полегли, уснули
Под землей сырою,
Скошенные пулей,
Октября герои.

ПРИПЕВ:
Эх, недаром, эх, недаром,
За серп и за молот борясь,
В атаках буденновских армий
Их кровь на поля пролилась.

Над костями павших
Не расти бурьянам,
Не развеять пепел
Ветрам, ураганам.
Силою буденной
Тракторов колонны
В коллективах наших
Дружно землю пашут.

Нет, не ослабело
Боевое дело,
Будет колоситься
Рослая пшеница.
Мы в степи зеленой,
Где дрались герои,
Тракторной колонной
Урожай утроим.

Армией сплоченной,
Многомиллионной
Продолжаем путь их
Революционный.

Эй, дружней за дело!
Чтоб вся степь гудела
Обороной грозной
В наш посев колхозный!

Авторы песни, разумеется, не уточняли, что в период коллективизации кровь тоже проливалась весьма обильно. Тысячи крестьян были расстреляны за сопротивление «перегибам», сотни тысяч погибли в ссылках и лагерях, миллионы сгинули от голода.

Думается, в той или иной степени Буденный о последствиях коллективизации знал. Но он прекрасно понимал, что выступать против коллективизации смертельно опасно. И вовсе не собирался разделять судьбу лидеров правой оппозиции, выступивших против ускоренных темпов и насильственных методов вовлечения крестьян в «социалистические формы хозяйствования». И Сталин оценил верность своего боевого соратника. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 году Буденный был избран кандидатом в члены ЦК, а Ворошилов, в свою очередь, стал членом Политбюро.

Выступая на этом «съезде победителей», Семен Михайлович, в частности, заявил: «Наша партия победила и разгромила вдребезги всех наших врагов, которые мешали нам на пути осуществления генеральной линии, мешали миллионным массам во главе с партией бороться за построение социализма в нашей стране. Разумеется, оппозиционные платформы, которые выставлялись лидерами и правого и „левого“ оппортунизма, вели линию на реставрацию капитализма в нашей стране. Если бы им, паче чаяния, удалось повернуть нашу партию на ту линию, мы бы уже давным-давно были втянуты в войну. Короче говоря, для нас, большевиков, борющихся за осуществление генеральной линии нашей партии под гениальным руководством нашего великого вождя товарища Сталина, ясно, куда бы мы попали, если бы победила та или другая платформа оппортунизма.

Теперь, товарищи, разрешите мне остановиться на том вопросе, который так резко и в упор поставил товарищ Сталин, – на вопросе о животноводстве. Животноводство у нас, нужно прямо сказать, не пользовалось на протяжении всей нашей работы – и в первую пятилетку и в первый год второй пятилетки – достаточным вниманием. Если сегодня проверить работников этой отрасли, мы там найдем самых, я бы сказал, отсталых людей как в отношении общеполитического развития, так и в отношении производственной квалификации. Я хорошо знаком с сельским

хозяйством, так как я все время связан с ним…

Вопрос о животноводстве, поставленный здесь товарищами Сталиным и Ворошиловым, дает все основания, чтобы всем нам внимательно подумать над ним. Ведь лошадь ни в какой степени не может быть противопоставлена развитию нашего автотранспорта и других машин. Так нельзя рассуждать. Нужно как раз сочетать эти два дела. Машина берет на себя тяжелую работу, лошадь – легкую. Машина и лошадь, таким образом, друг друга дополняют, а не вытесняют. Вы учтите, товарищи, тот факт, что в 1929 году наша промышленность имела 400 тысяч лошадей, а сейчас она имеет не менее 1200 тысяч лошадей. Чем же это объяснить? Дело объясняется очень просто: объясняется подъемом промышленности и здоровым экономическим смыслом наших хозяйственников. Города наши берут лошадь для того, чтобы в сочетании с автомобилем поставить лучше работу. На близком расстоянии автомобиль является нерентабельным, он рентабелен только для дальних расстояний. Зато лошадь на близком расстоянии рентабельна. Возьмите фабрику. Надо завозить сырье из складов, которые тут же, близко, при фабрике. Что же, машину вы будете крутить? Чепуха, нельзя рассуждать так. А некоторые думают: пусть горит горючее, разве его жалко? А потом кричат, что у нас нет, не хватает его.

Кроме того, говоря о задачах развития животноводства, я считаю необходимым, чтобы в животноводческих хозяйствах был постоянный состав кадров, постоянный состав агрономов, постоянный состав ветеринарных врачей и зоотехников. Товарищ Сталин говорил о том, что у нас есть группа людей – честных болтунов. У нас есть еще другая группа людей – шатунов, которые шатаются целую пятилетку напролет, ничего не делают и только ездят по железным дорогам и получают подъемные.

(**Сталин**. Правильно.)

Буденный. Сидит в одном месте, наделает дела, а потом переезжает в другое место, и так ездит без конца. **(Сталин**. Правильно.)

Буденный. Есть такая группа. Я считаю, что, если человек провалился в одном месте, нужно об этом сказать, чтобы на новом месте о его ошибках знали. А если он повторяет свои ошибки, тогда вовсе не надо допускать его к ответственной работе».

Очень характерно, что в программной речи на партийном форуме (написал ее конечно же не он сам, а группа референтов) Семен Михайлович почти ничего не сказал о строительстве Красной армии, а освещал в основном вопросы животноводства и коневодства. Практически Буденный больше играл роль

поставщика коней для Красной армии, чем одного из ее высших командиров. Когда прославленный герой Гражданской войны, без пяти минут маршал, рассказывал делегатам о выжеребовке и осеменении в случный период, им, наверное, довольно забавно было такое слушать. Партийные вожди тихо подсмеивались над рубакой Семеном, вынужденным теперь заниматься разведением лошадей. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Буденный был одним из немногих партийцев, кто спокойно улыбался в свои роскошные, хотя и подкрашенные усы, и на следующем, XVIII партсъезде в 1939 году. А почти все, кто когда-то смеялся над ним, сгинули навеки в лубянских подвалах.

В 1936 году статью «Дружнее драться за подъем коневодства», написанную для газеты «Советская Киргизия», Буденный завершил такими словами: «Центральным лозунгом нашей работы в области коневодства должна быть борьба за ускоренное воспроизводство, за такое население республики конем, при котором все нужды колхозов, колхозников, единоличников и государства были бы удовлетворены целиком и полностью. Конь – наш верный помощник в боях за социализм, и забывать о нем, пренебрегать им никто не имеет права. Стахановцы, ворошиловские кавалеристы, вся огромная армия работников коневодства, все руководители партийных и советских организаций должны по-большевистски драться за подъем коневодства. Советская Киргизия по развитию коневодства должна быть одной из самых передовых республик в Стране Советов».

Ясное дело, статью писал не сам Семен Михайлович, у которого для подобной ерунды не было ни времени, ни литературных способностей, а его референты. Может быть, они специально хотели поиздеваться над свежеиспеченным маршалом, потому что у нормального читателя пассажи, подобные процитированным, могли вызвать только улыбку. А может быть, дело здесь просто в стиле 30-х годов, когда подобные штампы теми, кто их творил, воспринимались вполне серьезно.

Постепенно рос Буденный и в военной иерархии, но тут его обязанности в основном были бюрократического свойства. В 1934 году после упразднения Реввоенсовета и преобразования Народного комиссариата по военным и морским делам в Народный комиссариат обороны Буденный, оставаясь инспектором кавалерии, стал членом Военного совета при наркоме Ворошилове и председателем высшей аттестационной комиссии командного состава.

О том, как воспринимали Буденного в войсках, хорошее представление дают мемуары Г. К. Жукова. В 1935 году Буденный

лично прибыл вручать орден Ленина 4-й кавалерийской дивизии, которой командовал Георгий Константинович. Семен Михайлович обратился к бойцам с дежурной речью: «Будьте достойны тех, кто в годы Гражданской войны прославил вашу дивизию. У нас есть еще немало врагов, и нам следует быть начеку. Орден Ленина – это награда за все ваши труды, но она и зовет вас, товарищи, к новым делам во имя интересов нашей трудовой республики…» В мемуарах Жуков не пожалел иронии: «С. М. Буденный умел разговаривать с бойцами и командирами. Конечно, занятий, учений или штабных игр с личным составом он сам не проводил. Но ему это в вину никто не ставил. Хотя, конечно, это было большим минусом в его деятельности. Видимо, считали, что Семен Михайлович теперь больше политическая фигура, чем военная».

Глава восьмая
ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

20 ноября 1935 года Буденный стал одним из первых пяти маршалов Советского Союза вместе с Ворошиловым, Тухачевским, Егоровым и Блюхером. В статье о первых маршалах виднейший советский публицист Михаил Кольцов так отозвался о Буденном: «Чудесный самородок, народный герой, поднявшийся из крестьянских низов, овеянный легендой Семен Михайлович Буденный – разве его врожденное умение руководить огромными конными массами не вписало его имя навсегда в историю?»

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Буденный был членом комиссии, санкционировавшей исключение из партии и арест Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Кстати, Якир, бывший членом этой же комиссии, голосовал не только за арест, но и за расстрел бывших вождей оппозиции. При обсуждении вопроса о Бухарине и Рыкове Буденный выступил «за исключение, предание суду и расстрел», а в мае 1937 года при опросе об исключении из партии М. Н. Тухачевского и Я. Э. Рудзутака написал: «Безусловно – за. Нужно этих мерзавцев казнить».

Как известно, прологом к делу Тухачевского послужила ссора во время банкета после парада 1 мая 1936 года. Тогда после изрядной дозы горячительных напитков Ворошилов, Буденный и Тухачевский заспорили о делах давних: кто же был виновником поражения под Варшавой, а затем очень скоро перешли на современность. Тухачевский обвинил бывших руководителей Конармии, что они на ответственные посты расставляют лично преданных им командиров-конармейцев, создают собственную группировку в Красной армии. Ворошилов раздраженно бросил: «А вокруг вас разве не группируются?»

О том, что было на банкете, а потом на Политбюро, Ворошилов рассказал 1 июня 1937 года на расширенном заседании Военного совета, целиком посвященном «контрреволюционному заговору» в РККА: «В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом, на второй день, Тухачевский отказался от всего сказанного… Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П. Б. (Политбюро) и на этом заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом

заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату». Тут подал реплику Сталин: «Он отказался от своих обвинений». – «Да, – повторил Ворошилов, – отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

В связи с начавшейся чисткой в армии Сталин особенно нуждался в поддержке своих друзей из конармейской группировки. И выдвинул Буденного на один из ключевых постов. В мае 1937 года, когда вовсю шли аресты участников мнимого «военно-фашистского заговора», он предложил назначить Буденного командующим войсками Московского военного округа. К тому времени предложения Сталина уже стали приказами, и 6 июня, за несколько дней до суда над Тухачевским, маршал приступил к исполнению новых обязанностей с освобождением от прежней должности начальника инспекции кавалерии. Основная роль Буденного на новом посту, несомненно, сводилась к чистке округа от врагов народа. Начальником штаба МВО при Буденном состоял А. И. Антонов – будущий генерал армии и начальник Генерального штаба. Вероятно, он фактически и решал все оперативные вопросы руководства округом. Семен Михайлович же по большей части проверял на лояльность кадры.

11 июня 1937 года Буденный в составе Специального судебного присутствия осудил на смерть Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка и их товарищей. В записке Сталину об этом процессе Семен Михайлович писал: «Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он всё предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 года. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал…»

Буденный также отметил: «Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и всё, что записано в обвинительном заключении, – всё это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в

позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда…»

Буденный знал, что Тухачевский собирался добиться смещения его с Ворошиловым с высоких постов, и видел в нем своего врага. Вряд ли Семен Михайлович верил, что Тухачевский – заговорщик и шпион, вся биография Михаила Николаевича заставляла поставить этот тезис под сомнение. Правда, после реабилитации Тухачевского и других Буденный оправдывался: «Люди на следствии и на суде признавались в самых страшных преступлениях! Как я мог не поверить». Но на самом деле Буденный предрешил их участь уже до суда, когда одобрил арест Тухачевского. А на суде, как он однажды признался, просто выполнял волю Сталина.

Признание это последовало при следующих обстоятельствах. В начале 1960-х годов военному историку В. Д. Поликарпову довелось быть редактором второго тома буденновских мемуаров «Пройденный путь». Он так вспоминал о своей встрече с маршалом: «Адъютант, он же литературный работник Буденного, полковник Молодых, с нарочито серьезным взглядом, будто предупреждающим: „Вот сейчас он вам задаст“, провел нас в большую залу, уставленную посередине столами буквой „Т“. Навстречу, из-за большого письменного стола вышел декоративно-петушистый, с развесистыми усами невысокий мужичок, подал руку первому шедшему, начальнику Воениздата генералу Копытину, затем – поочередно его заместителю полковнику Маринову, главному редактору мемуарной редакции полковнику Зотову, наконец, мне, тогда подполковнику.

– Ну-с, с чем приехали? – спросил маршал. – Садитесь!

Вслед за нами вошел и тоже сел за длинный стол второй «литработник» – отставной полковник-кавалерист С. В. Чернов.

– Мы должны предварительно доложить вам, товарищ маршал, наше первое мнение, – начал Копытин, – и договориться о дальнейшей работе над рукописью…

– А какая там еще работа? Там все сделано. Ведь так? – обратился маршал к Чернову.

– Как будто старались… – ответил тот.

– Ну вот, пусть редактор доложит… – добавил Маринов.

Я взял написанное заключение (оно занимало чуть больше страницы машинописного текста) и стал внятно, с акцентом в нужных местах, читать.

Естественно, вначале речь шла вообще о пользе мемуаров, в особенности написанных такими крупными военачальниками, как

маршал Буденный. Это принималось как должное и автором, и его литературными работниками. Спокойно воспринимали это и мои начальники. Но вот дело дошло до того, что в рукописи дана необъективная, более того – неверная характеристика таких полководцев и военных деятелей, как ставшие в 1937 году жертвами сталинского произвола М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, В. М. Примаков и другие. С этим автор примириться не мог.

– Да ведь они троцкисты! – воскликнул он.

– Троцкистами они были постольку, поскольку служили под начальством Троцкого, председателя Реввоенсовета республики, – не смолчал я. – В таком случае и вас кто-нибудь вправе отнести к троцкистам. Ведь служили же под его начальством? Выполняли его приказы? А если бы не выполняли, что бы с вами было?

– Ну да! Еще чего! Ведь они вместе с Троцким хотели красную конницу погубить! – не унимался Буденный.

– А как же Примаков? Он же кавалерист, да еще какой! Тоже конницу, что ли, хотел загубить?! – не мог промолчать я.

– Примаков – то другое дело, – продолжал Буденный. – Примакова я, ох, как любил. Это конник так конник. И я хотел его любым способом защитить. Но когда он сам, на суде, признался, что состоял в контрреволюционной организации и они намеревались заарестовать весь Кремль, то что тут оставалось и мне делать? Защищать? Это отпадало.

– Но разве вы не знаете, как выбивались из подсудимых самооговоры? – спросил я.

– Это теперь легко сказать, а тогда…

– Товарищ маршал! – перешел на более высокую ноту и я. – Вы не можете забыть, что вы были одним из членов суда над этими военачальниками, и это решение суда отменено за отсутствием состава преступлений, и эти лица посмертно реабилитированы, а те, кто их преследовал, заклеймены позором. Не пришлось бы и вам оправдываться, признавать свою вину? Так, может быть, это следовало бы начинать с этой рукописи, а не усугублять ею прошлое, связанное с Военной коллегией под председательством Ульриха?

Я видел, как Копытин и Маринов устремили на меня глаза, а Михаил Михайлович Зотов чуть не с улыбкой подбадривал меня: давай, мол, давай, Вася!

– А вот вы и не знаете, как все это было, – заговорил Буденный. – А было вот как: уже поздно вечером позвонил мне на дачу Сталин: так, мол, и так, завтра с утра в Военной коллегии будут судить троцкистов-террористов, и тебе, Семен, надо там быть – членом суда; да смотри – слабины не давай, их расстрелять надо будет. Что тут делать? Приказ Хозяина – это

приказ.

– Ну, и вы исполняли его ретиво, – заметил я.

– Как положено, – подтвердил маршал. – Тут либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Разве это не понятно?»

Думаю, что в этой беседе Семен Михайлович не лукавил. Показательно, что он ни словом не обмолвился ни о какой папке с секретными материалами о связях подсудимых с германской разведкой. А ведь сам Хрущев распространял слухи о такой папке, будто бы подброшенной Сталину немцами в провокационных целях. Буденному было бы очень выгодно сослаться в разговоре с явно не очень дружески расположенным к нему редактором на эту папку, чтобы хоть как-то оправдаться и убедить Поликарпова и остальных офицеров, что тогда, в 37-м, он действительно верил в виновность Тухачевского и остальных подсудимых. Однако ни о какой папке Буденный не говорил, что еще раз доказывает, что ее в природе не существовало (да и в материалах дела она никак не отражена). Зато Семен Михайлович честно признался, что и тогда в виновность Тухачевского не верил, а просто выполнял сталинский приказ, прекрасно понимая, что в случае отказа он сам окажется среди участников «военно-фашистского заговора». Опыт Гражданской войны, судьба Думенко и Миронова, расправа со всяческими оппозициями должны были научить его, как легко фальсифицируются расстрельные дела.

29 августа 1937 года, внося свой посильный вклад как в борьбу с врагами народа, так и в строительство Красной армии, Буденный написал Ворошилову о том, что в Инспекции кавалерии ему «приходилось бороться, разумеется, при поддержке Вашей и тов. Сталина, за существование конницы… так как враги народа в лице Тухачевского, Левичева, Меженинова и всякой другой сволочи, работавшей в центральном аппарате, а также при помощи Якира и Уборевича, до последнего момента всяческими способами стремились уничтожить в системе вооруженных сил нашей страны такой род войск, как конница». Бывший командарм Первой конной возражал «против какой бы то ни было реорганизации конницы и ее сокращения».

Климент Ефремович попытался урезонить Семена Михайловича: «Конницу обучали не враги народа, а мы с вами, и вы больше, чем я, так как непосредственно этим занимались». И предупредил, что «конницу нужно и будем сокращать», поскольку, дескать, таковы требования современной войны. Однако благодаря особой любви бывших руководителей Конармии к коннице накануне Великой Отечественной в составе Красной армии насчитывалось девять кавалерийских и четыре горно-кавалерийских дивизии, причем в годы войны их

количество даже возросло. При этом они использовались непосредственно на фронте и несли большие потери при атаках на укрепленные позиции. В германской же армии к началу Второй мировой войны была всего одна кавалерийская дивизия. Правда, в дальнейшем численность кавалерии в вермахте возросла, однако главным образом за счет национальных частей – в том числе сформированных из тех же казаков. Причем использовались кавалерийские части в основном для борьбы с партизанами на оккупированных территориях.

В ходе начавшейся чистки критика высказывалась и в адрес Буденного, и в адрес Ворошилова. Многие фигуранты «военно-фашистского заговора» в своих показаниях называли их имена в качестве соучастников. 22 января 1938 года на совещании высшего комсостава РККА Сталин заявил: «Тут многие товарищи говорили уже о недовольстве Дыбенко, Егорова и Буденного… Мы не против того, чтобы товарищи были недовольны теми или иными фактами. Не в этом дело. Важно, чтобы они пришли и вовремя сказали Центральному комитету, что тем-то и тем-то недовольны… Недовольны тем, что якобы их мало выдвигают. Это неправильно. Нас можно упрекнуть в том, что мы слишком рано или слишком много выдвигаем и популяризируем таких людей, как Буденный, Егоров и др. Нас нельзя упрекнуть в том, что мы затираем талантливых людей». Показательно, однако, что среди названных поименно «зазнавшихся» военачальников Егоров и Дыбенко были в конце концов расстреляны, а Буденный даже выговора не получил.

Выступление же Сталина было просто прелюдией к уже предрешенному аресту Дыбенко и Егорова. 25 января 1938 года Сталин и Молотов подписали специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР по факту «предательства» Дыбенко, командовавшего Ленинградским военным округом. Было справедливо отмечено, что Дыбенко «морально-бытово разложился… давал очень плохой пример подчиненным». Но главным обвинением против него стали «контакты с американскими представителями» – то есть обвинение в шпионаже. Следствию удалось установить, что Дыбенко просил американцев материально помочь родной сестре, которая проживала в США. После этих «шпионских» просьб сестра стала получать пособие.

В постановлении также отмечалось, что Дыбенко «вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении…». В письме Сталину Дыбенко пьянство отрицал, но в несколько своеобразной форме: «Записки служащих

гостиницы „Националь“ содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было». Выходит, если в «Национале» пьешь, то это как бы и не пьянка. А вот бытового разложения и сам Дыбенко не отрицал. 19 февраля его вызвали в Москву, где, уволив из армии, назначили заместителем наркома лесной промышленности. А уже 26 февраля арестовали как участника «военно-фашистского заговора», троцкиста и завербованного еще в 1915 году шпиона Германии и США. На следствии, которое проходило пять месяцев, он «признал» под пытками и заговор, и шпионаж, оговорив в числе прочих и «заговорщика» Буденного… 29 июля 1938 года он был казнен вместе с командующим военно-морскими силами СССР В. Орловым и пятью командармами.

Самым же удивительным и неожиданным оказалось падение одного из видных представителей конармейской группировки маршала А. И. Егорова, верного сталинского соратника со времен Царицына. Сгубили Александра Ильича тщеславие и невоздержанность на язык, особенно среди «своих». Но «свои»-то на поверку и оказались «чужими». Александра Ильича в октябре 37-го выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Вяземскому избирательному округу. Решив, что теперь-то бояться нечего, Егоров поделился наболевшим с давними друзьями из Первой конной – заместителем наркома обороны по кадрам Е. А. Щаденко и начальником финансово-планового управления РККА А. В. Хрулевым. Эта откровенность оказалась для маршала роковой. Уже в декабре 37-го, вскоре после того как Егоров стал депутатом Верховного Совета и формально обрел депутатскую неприкосновенность, на стол Ворошилова легли доносы Ефима Афанасьевича и Андрея Васильевича. Два друга согласно утверждали, что Егоров во время товарищеского ужина (отмечали назначение Щаденко заместителем наркома обороны, последовавшее в конце ноября) высказал недовольство тем, что историю Гражданской войны освещают неправильно – его, Егорова, роль умаляют, а роль Сталина и Ворошилова «незаслуженно возвеличивают».

Видно, выпили в тот вечер военачальники лишнего, потерял Александр Ильич бдительность, расчувствовался, разоткровенничался перед верными, как казалось, друзьями и бесповоротно погубил себя. Может, Щаденко с Хрулевым решили, что маршал их таким образом проверяет, а может, подумали, что он подобными опасными мыслями и с другими военачальниками делится. Тогда совсем нехорошо получиться может. Кто-то другой донесет, а потом на следствии выяснится, что такой разговор

Егоров вел еще с Щаденко и Хрулевым, а они не донесли. Так самим запросто во враги народа попасть можно.

Судьба же Егорова была решена. Не мог терпеть Сталин на посту первого заместителя наркома обороны да и вообще в армии и на свободе человека, который публично возносит ему здравицы, а на дружеской пирушке высказывает недовольство, что Сталина слишком уж хвалят, да еще и приписывают ему (несомненно, с его согласия) собственные егоровские заслуги в Гражданской войне. Меньше расстрела за это Александру Ильичу никак не выпадало.

Дальше все шло по стандартной схеме. Маршала сняли с поста первого заместителя наркома и отправили командовать Закавказским военным округом. Затем арестовали его жену Галину Цешковскую как «польскую шпионку» и известными способами получили от нее показания на мужа. 4 февраля 1938 года Егоров прибыл в Тбилиси к новому месту службы, 25 февраля его уволили из армии, 27 марта арестовали, а 23 февраля 1939 года расстреляли.

А вот Буденный даже в состоянии сильного подпития никаких сомнительных высказываний в адрес Сталина и Ворошилова не допускал, потому остался цел и невредим. Правда, на следствии Александр Ильич, поняв, что терять ему нечего и что вчерашние друзья его спасать не собираются, дал развернутые показания на Буденного. По признанию опального маршала, назначение Ворошилова на должность наркома и свою отставку с поста командующего вооруженными силами Украины и Крыма он воспринял весьма болезненно. «Накануне назначения Ворошилова, – показал Егоров, – я беседовал с Буденным, который, так же как и я, был резко враждебно настроен к Ворошилову, считая его назначение неправильным, а мое удаление из РККА – ударом и по нему лично».

«Было какое-то озлобление Буденного в отношении Ворошилова, – вспоминал далее Егоров о ситуации осенью

1925 года, после смерти М. В. Фрунзе. – Дело дошло до такого положения, когда Буденный прямо сказал, что не допустит, чтобы Ворошилов был наркомом, и что он готов скорее его убить, чем согласиться с этим назначением». Объясняя эти конфиденциальные разговоры, Егоров говорил: «С Буденным меня связывала старинная дружба еще с 1919 года по Царицыну. Вся наша последующая работа до конца Гражданской войны проходила под знаком полной гармонии в личных отношениях…»

Александр Ильич поведал также о том, что с 1926 года к их «группировке» присоединился П. Е. Дыбенко. «Дыбенко называл Буденного „генералом без армии“, „неудачным Мюратом“, что

еще более настраивало Буденного против Ворошилова… Так, на протяжении 1925–1927 годов сложилась наша „тройка“», – писал Егоров в собственноручных показаниях. Признания Егорова покорно подтверждал и Дыбенко: «После смерти Фрунзе встал вопрос о новом наркоме, и вновь возникла борьба между различными группировками в армии за продвижение на этот пост своих кандидатов… К этому же времени (1925–1926 годам) относится мое сближение с Егоровым и Буденным… Моя поддержка Егорова и Буденного сблизила нас… нас даже называли в армии триумвиратом». Вспоминая свои отношения с названными военачальниками, Дыбенко утверждал: «Будучи в Москве, я посещал Егорова на его квартире либо встречался с ним у Буденного».

Дыбенко, по его словам, сближала с Буденным и Егоровым общность военно-политических взглядов: «В период 1926 года сложилась наша группа и мы начали подбирать своих сторонников в армии вначале под флагом групповой борьбы против Ворошилова…» В эту группировку будто бы вошли еще два военачальника – М. К. Левандовский, а затем Н. Д. Каширин. Разумеется, дружественные отношения Семена Михайловича с соратниками по Первой конной армии Дыбенко (или диктовавшие ему показания следователи) тоже постарался представить частью широкого заговора. «Летом 1925 года, – вспоминал один из кавалерийских начальников, – на квартире Горячева была выпивка по случаю возвращения Тимошенко из Венгрии. Присутствовали Буденный с его первой женой, Тимошенко, Горбачев, Сакен и я…»

Уже после начала Великой Отечественной войны, в июле 1941 года, заместитель начальника 3-го управления НКО капитан госбезопасности А. Н. Клыков направил Берии справку на Буденного, где утверждалось: «Показаниями ряда арестованных участников военно-фашистского заговора устанавливается, что Буденный является участником и членом руководства антисоветской организации правых в РККА, возглавляя как член руководства антисоветские формирования в коннице РККА и среди казачества.

Буденный еще в 1925 году, после назначения народным комиссаром Военно-морских сил СССР Ворошилова К. Е., сблизился с бывшим тогда командующим БВО Егоровым А. И., а в последующие годы с Дыбенко П. Е. (в тот период начальник снабжения РККА) и вместе с ними возглавил антисоветскую организацию правых. Правые взгляды Буденного складывались под влиянием Томского, с которым Буденный поддерживал связь все годы. В 1931 году… Буденный был у Рыкова и выражал ему

свое сочувствие (после отставки с поста председателя Совнаркома. – *Б.* С.). Буденный много говорил Рыкову о недовольстве крестьян коллективизацией и в конце разговора заявил: «Прикажи А. И., и я тебя поддержу—на Дону и Кубани мои ребята только и ждут моего приказа садиться на лошадей. Я, знаешь, человек военный»».

На Буденного дали показания еще многие из числа осужденных и расстрелянных. Так, маршал Егоров утверждал: «Именно он, Буденный, осуществлял связь с Кашириным, Апанасенко, Жлобой, которые проводили активную антисоветскую работу среди казачества. Они использовали создание специальных казачьих частей для подготовки своих контрреволюционных формирований… Во главе этих частей ими были поставлены свои люди, завербованные участники военного заговора и антисоветской организации правых. Из числа участников антисоветского подполья в коннице Буденный мне назвал Косогова (комкор), Шеко (комдив), Горячева (комкор), Сердича (комкор) и Федоренко (пом. инструктора кавалерии)». Дыбенко же признал на допросе 15 марта 1938 года, что Буденный возглавлял антисоветское подполье в кавалерии. У следователя, допрашивавшего Н. Д. Каширина, фантазия оказалась еще богаче. Подследственный будто бы показал: «Вокруг маршала Егорова Александра Ильича сложилась группировка… Во время разговоров со мной в июле 1932 года Егоров назвал своим сообщником и главной опорой Буденного Семена Михайловича… По расчетам Егорова антисоветское вооруженное восстание должна будет поддержать большая часть всей конницы РККА во главе с самим Буденным…»

На основе этих показаний Клыков сделал вывод, что Буденный предназначался на роль «руководителя антисоветского подполья среди казачества… могущего возглавить антисоветское восстание, опирающееся на антисоветские казачьи кадры». Вывод, конечно, совершенно фантастический. А вот А. И. Седякин, похоже, не выдумывал, когда показал на допросе 10 февраля 1938 года, что Буденный в разговорах с ним ругал коллективизацию и заявлял при этом: «Я, Буденный, казаков белых, конечно, бил, но я против того, чтобы их разорять… Теперь сплошная коллективизация… Зря погубили казачью конницу». Замечу, что критика в этих словах звучит вполне умеренно и имеет достаточно прагматическую направленность: «Погубили хорошую конницу!» Сталин такую критику мог даже принять, как частично согласился он с письмами Шолохова о «перегибах» коллективизации на Дону.

Обширные показания против Буденного дала жена маршала

Егорова Г. А. Цешковская, впоследствии расстрелянная: «В Москве 1932–1935 годов как бы сами собой организовались светские салоны, напоминающие то ли дворянское прошлое Руси, русской знати, блиставшие приемами по средам, пятницам с обязательным присутствием знаменитостей, певцов, художников, то ли салоны декабристов. Такие салоны устраивались у Бубновой, у Гринько, у нас. Предлогом для этого являлась читка новой пьесы или сценария или маленький концерт какого-нибудь квартета. Внутренняя сторона грязная, нехорошая, голоса фальшивили, шли вразрез общему тону жизни в стране. Почему-то всегда получалось, что завсегдатаями этих вечеров были люди с надтреснутой душой, с личными обидами на свое положение, обойденные вниманием, я бы сказала, озлобленные существующими порядками в стране. Так получалось – женщины готовили кухню, судили, обсуждали назначения, перемещения, потихоньку поругивали руководство, отражая мысли и чаяния своих мужей… Бубнова говорила, что Андрея Сергеевича Бубнова затирают, а ведь он был в пятерке с Лениным.

Тухачевский – аристократ голубой крови, всегда весел, всегда в кругу дам, он объединял военную группу, шел, не сгибаясь, прямо к цели, не скрывая своей неприязни к руководству. Вся эта публика непризнанных талантов тянулась кверху, не разбирая путей и средств, все было пущено в ход – и лесть, и двуличие, и ничем не прикрытое подхалимство, но их честолюбивые замашки кем-то были распознаны, их не пускали, сдерживали, отбрасывали назад, они негодовали, и вот эта озлобленность просачивалась здесь в салонах, в кругу своих. Все это было видно невооруженным глазом. Это преклонение перед всем заграничным, неверие в возможность сделать лучше у себя в стране, искали виновников и находили в руководстве…

Несколько другая публика была у Буденного. Здесь собирались соратники по Конной армии, ветераны походов со времен гражданской войны: Апанасенко, Косогов, Тюленев, Щаденко, Тимошенко, Городовиков, Кулик. Десятки раз я слышала пересказы каждого о личной доблести и геройстве в походной жизни. Тщеславие, наигранная поза, стремление быть на виду, ревность ко всему молодому, обгоняющему их, были характерными чертами этой компании. Возглавлял ее Семен Михайлович Буденный. Он, как в зеркале, отражал в себе все недостатки и достоинства каждого из них и оберегал каждого человека от всякого рода посягательств».

Тогда же Егорова показала: «Разновременно я рассказала Лукасевичу (польскому послу в Москве. – *Б. С.)* о существовавших групповщинах в рядах армии, враждебных отношениях среди

отдельных лиц, рассказывала о недовольствах, проявляемых Тухачевским, Уборевичем, Якиром по отношению к Ворошилову, об их стремлении стать на место Ворошилова, на что, как каждый из них считал, он имеет основание: больше опыта, больше знаний. Рассказывала Лукасевичу, что существует вторая группировка Егорова – Буденного, которая стоит в оппозиции к Тухачевскому».

Вероятно, слухи о подобных показаниях проникали в общество. Отсюда рождались мифы, будто только чудо спасло Буденного от ареста. Существует, например, легенда, будто Ежов отдал приказ арестовать Буденного. Когда к нему на дачу явились чекисты, Семен Михайлович выкатил из тайника пулемет, водрузил его на чердак и стал звонить Сталину: «Иосиф Виссарионович, переодетые враги хотят меня захватить!.. Буду отстреливаться до последнего, но живым не сдамся!» – «Держись, Семен, высылаю подмогу!» А потом на приеме в Кремле Сталин отвел Буденного в сторону: «Семен, а пулемет ты все-таки сдай!»

Разумеется, эта история – чистой воды фантазия. Арестовать Буденного мог приказать только Сталин, и он от своего намерения никогда бы не отступился. И никто не стал бы арестовывать Буденного на даче. Его просто вызвали бы в Наркомат обороны и тихо и спокойно взяли бы в кабинете старого друга – Ворошилова. Но легенда хорошо передает характер Буденного. Можно не сомневаться, что командарм Первой конной не дался бы живым, если бы его попробовали арестовать.

Между прочим, сам Ежов после ареста, на одном из допросов в апреле 1939 года назвал Буденного, а также будущего маршала Б. М. Шапошникова среди известных ему «военных заговорщиков», будто бы готовивших вместе с ним убийство Сталина и государственный переворот. Однако никаких последствий для обоих это не имело, дел ни на Буденного, ни на Шапошникова и не думали заводить. Сталин прекрасно знал цену таким показаниям, равно как и то, что никакого заговора Ежов не организовывал. Но Николая Ивановича надо было тихо казнить, чтобы свалить на него в глазах общественности вину за «перегибы» великой чистки. А вот Семена Михайловича и Бориса Михайловича отправлять «в штаб Тухачевского» Сталин вовсе не собирался.

Сталин ценил Буденного не только за преданность, но и за умение хорошо играть на гармони. Его игра и песни скрашивали скучные кремлевские посиделки. Как вспоминала третья жена маршала Мария Васильевна, «иногда возле нашей дачи тормозила машина, вбегал взъерошенный шофер: „Марья Васильевна!

Несите гармошку! Иосиф Виссарионович с Семеном Михайловичем петь собираются…“ Я никогда не слышала, как пел Сталин, но у мужа был прекрасный голос. В ЦК ему точно не было равных».

Однако, по утверждению дочери маршала Нины Семеновны Буденной, отношения отца со Сталиным были не столь уж близкими: «После смерти Сталина я, рыдая, подошла к папе и в слезах спрашиваю: „Папа, как же мы теперь будем жить?“ А он помолчал немного и ответил: „Думаю, что неплохо“». Подозреваю, что это тоже была легенда, рожденная в годы оттепели, когда быть слишком близким к Сталину стало немодно. На самом деле Буденный, по всей вероятности, искренне скорбел о кончине Сталина, который лично ему делал только добро, ни разу не наказал и не подверг опале. Во время похорон Буденный, вместе с другими маршалами, нес ордена генералиссимуса, но это, правда, была протокольная обязанность. Сам по себе этот факт ничего о чувствах и переживаниях Семена Михайловича сказать не может.

В декабре 1937 года Буденный был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, а на первой же сессии стал членом Президиума Верховного Совета. В марте 1938 года он сделался членом Главного Военного совета под председательством Ворошилова.

Культ Буденного в конце 30-х годов продолжал существовать, но уже уступал не только культу Сталина, но и культу Ворошилова. В 1938 году появилась песня о луганском слесаре Климе (музыка братьев Покрасс, слова Виктора Гусева):

За рекою, за луганской
Шли бойцы за рядом ряд,
Пробирался спозаранку
Ворошиловский отряд.
Тучи по небу летели,
Вербы кланялись ветрам,
Молча матери глядели
Вслед ушедшим сыновьям!

ПРИПЕВ:
Слушай песню боевую,
В ночь гляди сквозь мрак и дым.
Береги страну родную,
Как луганский слесарь Клим!

Не забудет Дубовязка,
Как по рощам, по низам
Удирали немцы в касках
От луганских партизан!
Где могучею колонной
Под шрапнельный свист и звон
Ворошилов и Буденный
Вели войско через Дон!

От Архангельска до Крыма,
Из Урала на Алтай
Боевая слава Клима
Пронеслась из края в край.
Если грянет бой суровый,
Враг коварный нападет, —
Нас тогда к победам новым
Первый маршал поведет.

Характерно, что здесь рядом с Ворошиловым по-прежнему упоминался Буденный. Это свидетельствовало, что ворошиловский культ вовсе не должен был заменить буденновский, а мирно уживаться с ним. Но, в отличие от песен про Семена Михайловича, песни про Климента Ефремовича никогда не шли из красноармейской массы, а создавались только по заказу сверху. Хотя про Буденного к концу 30-х годов песни тоже писали по заказу. В том же 1938 году родилась очередная песня о нем, названная просто «Маршал Буденный» (музыка Вано Мурадели, стихи Александра Гатова). Впрочем, «первый красный офицер» тоже здесь фигурировал:

В станице Батайской, в степной тишине,
Где даль широка и орлы в вышине,
Бесстрашным он рос для народа родной
Наш маршал и друг, легендарный герой.

Буденный, как песня на всех языках
О наших победах, о славных полках.
В разведку вместе с танками по берегу и вброд,
Во славу Красной Армии, буденновцы, вперед!
(2 раза)

Повсюду Буденный громил беляков,
Советскую власть защищал от волков.

По коням, бойцы! И в пожарах войны
Деникин разбит и разбиты паны.

Буденного слава летит по стране,
Враги под копытами, мы на коне.
В разведку вместе с танками в пески и через лед,
Во славу Красной Армии, буденновцы, вперед!
(2 раза)

Веди, Ворошилов, нарком дорогой,
Буденный с тобой и победа с тобой,
И в новых боях от горячих копыт
Враги задрожат и земля задрожит.

Сквозь бури и грозы Буденный прошел,
Он сталинский самый могучий орел,
В разведку вместе с танками и в небе самолет,
Во славу Красной Армии, буденновцы, вперед!
(2 раза)

С точки зрения поэзии текст, может, и ничего. Хотя станица Батайская сюда вставлена, очевидно, только для того, чтобы стихотворный размер сохранить. Ведь родился и рос наш герой в окрестностях станицы Платовской. А вот с точки зрения тактики то, что поется в этой песне, – полная ерунда. Зачем, спрашивается, кавалерии идти в разведку вместе с танками? И зачем танки пускать через лед? Если местность проходима, тогда разумнее пустить с танками мотоциклистов. Если же может пройти только всадник, то о танках, естественно, и речи быть не может. Да и с точки зрения истории заметна явная лакировка. «Паны», как известно, Буденным разбиты не были, и в конце концов Конармия бесславно бежала от них под Замостьем.

Семен Михайлович рассказывает в мемуарах, как при обсуждении в Наркомате обороны вопроса, какой должна быть башня у нового танка Т-34, он честно признался: «Я в танках мало что смыслю. Тут слово за специалистами». С танками у него вообще были сложные отношения. В мемуарах, описывая маневры 40-го года, Буденный простодушно рассказал, как, увидев, что снаряды атакующих танков рвутся далеко от цели, сам сел в головной танк и лично возглавил атаку. Танк едва не свалился в овраг, но смог первым достичь позиций артиллерии «противника». Когда он подъехал к наблюдательному пункту на

танке, Тимошенко сердито бросил: «Кто вам разрешил участвовать в атаке?» – «Убежал командующий, а мы тут его ищем», – усмехнулся Шапошников. На защиту Буденного встал Мерецков: «Танкисты, узнав, что в головной машине маршал, значительно усилили темп атаки». Все же при разборе учений Тимошенко мягко пожурил Буденного: «А вам, Семен Михайлович, советую не в танк садиться, а быть на КП и руководить войсками. Это в Гражданскую войну с шашкой наголо мы мчались за вами в атаку. Но те времена давно прошли, да и танк – не лошадь».

После бесславной советско-финляндской войны Ворошилов был смещен с поста наркома обороны, но остался членом Политбюро. Новым наркомом 7 мая 1940 года стал бывший начальник дивизии в Первой конной Семен Константинович Тимошенко. Но, в отличие от Ворошилова, к Тимошенко полного доверия у Сталина не было. Поэтому в августе 1940 года Иосиф Виссарионович повысил Буденного до первого заместителя наркома обороны. Как раз тогда начальником Генштаба был назначен бывший подчиненный и ставленник Тимошенко К. А. Мерецков. По формальной иерархии Семен Михайлович стал вторым лицом в наркомате после Тимошенко, отодвинув Мерецкова на третье место. Семену Константиновичу не очень-то удобно было командовать своим бывшим командармом. Фактически Буденный не зависел от Тимошенко и обо всем происходящем в военном ведомстве мог докладывать лично Сталину, минуя наркома.

Как первый заместитель наркома обороны, Буденный отвечал прежде всего за тыловое обеспечение войск. В декабре 1940 года, выступая на совещании высшего состава, он отмечал, что у немецкой армии во время операций на Западе тыл действовал как хороший хронометр. Состояние же тыла советских войск не внушало ему оптимизма: «Насчет тыла мы много разговариваем, а сейчас нужно делать. В первую очередь нам нужны люди оперативно грамотные и прекрасно знающие оперативный тыл, чтобы они при академии Генштаба прошли курс по организации соответствующего тыла. А сейчас люди не знают, как организовать тыл. Мне пришлось в Белоруссии (во время советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. – *Б. С.)* возить горючее для 5-го механизированного корпуса по воздуху. Хорошо, что там и драться не с кем было. На дорогах от Новогрудка до Волковыска 75 процентов танков стояло из-за горючего. Командующий говорил, что он может послать горючее только на самолетах, а кто организует? Организация тыла требует знающих людей». Кстати сказать, за организацию тыла отвечал в

первую очередь сам Семен Михайлович, но никакого наказания за выявленные недостатки он, как водится, не понес.

В той примечательной речи Буденный подробно остановился на роли и взаимодействии отдельных родов войск. Он, в частности, сказал: «После Первой империалистической войны мы явились с вами живыми свидетелями того, что помимо железнодорожного транспорта произошло развитие шоссейных и грунтовых дорог. Армия резко разделилась в своей структуре на две части. Одна часть – малоподвижная и другая – подвижная. Наряду с железнодорожным транспортом появился транспорт автомобильный, который может перевозить дивизии, корпуса и даже армии. Появились авиадесанты и авиатранспорт… И вот когда я говорю, что армия разделилась резко на малоподвижные и подвижные рода войск, я имею в виду в числе последних мотопехоту, танки, авиацию и мотоциклетные части…

Какие же происходили дебаты с точки зрения применения подвижных родов войск как в тактике, так и в оперативном искусстве этих новых и уже массированных родов войск – танков, авиации и мотопехоты? Я помню, и вы это знаете прекрасно, у нас трактовали эти вопросы по-разному. Эта трактовка и рассуждение всегда упирались в однобокость. Рассуждали абстрактно. В частности, когда речь шла о коннице, то говорили, что, мол-де, конница теперь отжила свой век, и она больше не нужна в современной войне. Этот вопрос дебатировали один-два года и потом решили, что все-таки авиация не враг конницы, она может ее поддерживать и что они могут совместно действовать. Затем появились танкетки. Тут появляется мнение, что танкетки это враг конницы, они обязательно ее уничтожат. Теория Фуллера (английский военный теоретик, сторонник создания профессиональных механизированных армий, небольших по численности, но насыщенных танками и авиацией. – *Б. С.)* вклинилась в мозги некоторым людям нашей армии, а потом отказались и от этого.

Оперативная мысль о применении танков гнездилась в армии в свое время таким образом, что танки могут действовать в оперативном масштабе, без всякой поддержки конницы, мотопехоты и вообще пехоты. Потом пришли опять к другому заключению, что танки не могут действовать самостоятельно. Говорили, что они могут решать задачи только на поле боя, на переднем крае обороны противника. И вот последовал Хасан. Мы в танках там понесли лишние потери и поэтому некоторые сделали выводы, что танки сейчас отжили свой век. Танки, конечно, в горах действовать успешно не могут. На финском театре также, не зная условий театра, применяли танки неудачно.

После этого опыта вновь раздаются голоса, что танки не оправдали надежд. Так огульно подходить к оценке родов войск и их использованию было бы неправильно…

Переходя к вопросам сегодняшнего дня, мне кажется, что мы должны сейчас не рассуждать, а делать. Конница у нас есть, мотопехота есть, танки есть, мехкорпуса есть, авиация также есть. Нужно сейчас учить людей работать во взаимодействии. Кроме того, если даже имеется единый начальник на земле, то нужно связываться и с воздухом. Следовательно, при едином начальнике должен быть авиационный начальник. Наконец, нужен штаб, объединяющий работу. Мы должны объединить все подвижные рода войск: авиацию, конницу, танки, мотомехчасти. Их нужно не бросать для того, чтобы затыкать дыры, как раньше затыкали подвижными родами войск.

Тов. Павлов (командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов делал доклад об использовании механизированных войск в наступательной операции и о вводе в прорыв механизированного корпуса. – *Б. С.)* правильно ставит вопрос о подготовке к вводу в прорыв эшелона развития успеха. Пустить в прорыв – это не простой вопрос. Мне кажется, что командир кавалерийского корпуса, командир мехкорпуса, командир мотокорпуса или дивизии обязательно должны понимать друг друга. Это дается тренировкой. Тренировкой на картах, тренировкой в поле и тренировкой на учениях. Нужно добиться того, чтобы они понимали друг друга на расстоянии с одного слова».

Легко убедиться, что Буденный на примере того, как резко менялись взгляды на использование и значение танков, пытался отстоять тезис о важной роли в будущей большой войне кавалерии, которая будет тесно взаимодействовать с танками и авиацией. Фактически он озвучил идею создания конно-механизированных групп, реально созданных после назначения Буденного командующим кавалерией в 1943 году. В состав таких групп входили танковые, механизированные и кавалерийские корпуса. На самом деле кавалеристы в данном случае только тормозили движение механизированных частей в тех местностях, где имелись хорошие дороги и не было значительных войск противника, так что механизированные и танковые войска могли использовать свое преимущество в скорости. В тех же местностях, где не было дорог, например в горных, наоборот, танковые и механизированные части становились обузой для кавалеристов. В случае же, если приходилось атаковать противника, успевшего занять оборонительные позиции, кавалеристы были хорошей мишенью для неприятельской артиллерии и пулеметов, а при

передвижении в колоннах по открытой местности – и для авиации, поскольку зенитных средств у конницы было совершенно недостаточно. Немцы, у которых танкисты обычно взаимодействовали с моторизованными частями, пехоту к линии атаки вообще предпочитали доставлять на бронетранспортерах и никогда не бросали кавалерию и танки в совместные атаки на укрепившегося противника. В Красной же армии бронетранспортеров вообще не было, и уровень потерь от вражеского огня при выдвижении пехотинцев к линии атаки считался вполне приемлемым.

Мысли Буденного о необходимости еще в мирное время организовывать взаимодействие командиров различных родов войск, учить их этому как на картах, так и в поле были абсолютно правильными. Правда, как и большинству участников совещания, доклад Буденному наверняка писали референты с академическим образованием (Жукову, например, его доклад о характере современной наступательной операции писали полковник И. Х. Баграмян и подполковник Г. В. Иванов). Но, во всяком случае, Семен Михайлович их точку зрения одобрил. Что же касается приведенного им примера с низким темпом продвижения советских танковых соединений в Белоруссии из-за нехватки горючего, то это было вызвано плохой организацией управления танковыми частями, в том числе из-за нехватки радиосредств и из-за столь же плохой организации их снабжения. Эти пороки были свойственны советским бронетанковым войскам и на протяжении всей Великой Отечественной войны.

Вообще советские дивизии были значительно хуже немецких обеспечены автотранспортом и средствами связи, особенно в первые годы войны. Например, в 1941 году советская стрелковая дивизия имела по штату 558 автомобилей, 99 тракторов и вовсе не имела мотоциклов, тогда как у германской пехотной дивизии было 902 автомашины, 62 трактора и 527 мотоциклов. Радиостанций особенно не хватало в советских танковых частях, где их ставили только на танки командиров подразделений.

Не так уж неправы были Буденный и маршал Г. И. Кулик (бывший начальник артиллерии Первой конной), когда ратовали за сохранение значительной части артиллерии на конной тяге до тех пор, пока не появятся в нужном количестве подходящие автомобили и тягачи, не будут построены пригодные для них дороги. Окончательно проблема была решена только с появлением в России американских «студебекеров», которых до начала войны никто поставлять Советскому Союзу, естественно, не собирался. А немцы осенью 41-го, потеряв на российском бездорожье пятую часть своего автопарка, вынуждены были все

чаще заменять автомобили лошадьми.

Буденный и Кулик ратовали также за более многочисленные дивизии Красной армии, по 18–20 тысяч человек, что помогло бы сократить дефицит радиостанций. Однако реально развитие Красной армии пошло по другому пути – по пути постоянного увеличения числа дивизий и корпусов при значительном сокращении численности их личного состава, что только уменьшало степень их управляемости. Правда, в 1943 году, когда увеличились поставки по ленд-лизу, дефицит средств связи в Красной армии также сократился.

Начатое по приказу Сталина накануне Великой Отечественной войны формирование 29 механизированных корпусов, в каждом из которых по штату должно было быть более тысячи танков – вдвое больше, чем в существовавших ранее танковых корпусах, – только ухудшило положение Красной армии. Ведь средств связи в новом корпусе не стало больше, следовательно, он был еще менее управляемым, чем прежний танковый.

К концу 30-х годов имя Буденного постепенно исчезало из новых песен, заменяясь именем Ворошилова, а потом и Тимошенко, который в 1940 году стал наркомом обороны. Например, в знаменитой предвоенной песне «Если завтра война» были такие строки:

Мы войны не хотим, но себя защитим, —
Оборону крепим мы недаром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила, —
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

А когда наркомом обороны назначили Тимошенко, стали петь:

С нами Сталин родной, Тимошенко герой,
Нас к победе ведет Ворошилов!

Буденному в этой песне места уже не нашлось. Наверняка Семен Михайлович в душе тяжело переживал это умаление собственной славы, но виду не подавал.

А вот в песне 1940 года «Боевая конная» (композитор Д. Васильев-Буглай, поэт В. Лебедев-Кумач), специально посвященной Первой конной и появившейся в связи с аннексией восточных польских земель, место Буденному все-таки нашлось. Тут уж без командарма было никак нельзя:

Запоем, друзья, о Первой конной,
Чтоб на славу песня удалась.
Чтоб во все полки и эскадроны
Легкой птицей понеслась.

ПРИПЕВ:
Славься силой молодецкой,
В битвах закаленная,
Гордость Родины советской
Боевая конная!

Знойным летом и зимой студеной
Под жестоким вражеским свинцом
Собирал ряды твои Буденный,
Ворошилов был твоим отцом.

Октябрил тебя товарищ Сталин.
И бойцам по-сталински сказал:
«Чтобы люди были крепче стали,
Чтобы конь, как молния, летал!»

И сбылося сталинское слово,
Как оно сбывается всегда, —
Разбивала конница любого,
Не давала скрыться никуда.

Сосчитай-ка битых, перебитых
Всех врагов за двадцать славных лет, —
Сто имен баронов и бандитов,
Сто вагонов пышных эполет!

Нам напомнят стены Сталинграда
Про геройских Родины сынов;

Нам расскажут Дубно и Отрада,
Как рубили белых и панов.

Слава павшим конникам-героям,
Честь и слава доблестным живым!
Имена их будут перед боем
Зажигать нас пылом боевым.

Но по степени популярности, да и по эстетическим качествам, «Боевая конная» на порядок уступала песне «Если завтра война». Один глагол «октябрил» (в значении «крестил») чего стоит! Но все равно Семену Михайловичу было чем пополнять свой застольный репертуар.

Глава девятая
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Начало войны застало Буденного в кабинете наркома обороны. В 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года пришло сообщение о налете немецкой авиации на города Белоруссии. 23 июня была создана Ставка Главного Командования, в состав которой вошел в числе других маршал Буденный. 25 июня он возглавил группу армий резерва Ставки с задачей задержать продвижение противника на рубеже Сущево – река Днепр, а при малейшей возможности контратаковать. Но о такой возможности даже речи не было – фронт трещал по всем швам, и 1 июля в условиях резкого осложнения обстановки группу армий переподчинили маршалу Тимошенко. Его заместителями стали С. М. Буденный и А. И. Еременко.

Но в заместителях у своего бывшего подчиненного Семен Михайлович проходил недолго. Уже 10 июля его назначили главнокомандующим войсками Юго-Западного стратегического направления – входившие в его состав Юго-Западный и Южный фронты обороняли Украину. Накануне Буденный прибыл в Москву. Сталин ласково напутствовал Семена Михайловича, отправлявшегося в столицу Советской Украины: «Отвечаете головой за Киев, так что думайте, как сдержать врага. Резервов пока у меня нет, и как бы ни было тяжело, не просите, напрасная трата времени». В Киев Семен Михайлович прибыл вечером того же 10 июля.

Обстоятельства этого назначения проясняет несколько необычный, зато вполне надежный источник. 28 июня 1953 года Л. П. Берия из заточения писал Ворошилову: «В начале войны товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил назначить в тяжелые времена, переживаемые нашей Родиной, известных всей стране т-щей, Вас и Буденного, командующими фронтами. Обругать обругал, а чуть позже т-щ Сталин назначение провел».

Художественным воплощением этой идеи стала песня, появившаяся в первые дни войны, но затем быстро забытая, поскольку в бой Красную армию пришлось вести совсем другим маршалам. Эта песня называлась «Три маршала», и написали ее все те же братья Покрасс и Лебедев-Кумач:

Грозно движутся могучие колонны,
И ведут их на геройские дела

Ворошилов, Тимошенко и Буденный —
Три проверенных, прославленных орла.

ПРИПЕВ:
Призыв раздается:
– К победе – вперед!
В своих полководцах
Уверен народ.
Веди, Ворошилов!
Веди, Тимошенко!
Веди нас, Буденный,
В победный поход!

Наши маршалы любимы всем народом,
Все их помыслы – с народом заодно,
И недаром их победам и походам
Столько песен боевых посвящено.

По-геройски на врага они ходили
И по-сталински умеют воевать,
Нас в бои со славою водили
И учили, как победу добывать.

И сегодня мы идем за ними смело,
Чтоб разбить врагов в решительном бою.
За свободу, за святое наше дело,
За отчизну ненаглядную свою!

А вот еще одна песня, появившаяся в первые недели войны, когда Тимошенко еще оставался наркомом обороны (19 июля его на этом посту сменил Сталин, ставший 8 августа еще и Верховным главнокомандующим). Ее создали композитор И. Дунаевский и поэт И. Добровольский:

Запевайте песню звонкую,
Запевайте песню веселей.
За свою родимую сторонку,
О могучей силушке своей.

Разгромим рукой суровою,
Разгромим фашистов всех в бою.
Мы по зову Сталина родного
В бой идем за Родину свою.

Ты веди несметной силою,
Ты веди войска в победный бой,
Наш народный сокол яснокрылый,
Ворошилов – маршал боевой.

Ты ударь могучей лавою,
Ты ударь грозою над врагом,
Ты покрой отчизну нашу славою,
Тимошенко – сталинский нарком.

Боевою закаленною,
Боевой могучею стеной
На фашистов, маршал наш Буденный,
Двинь полки в последний грозный бой!

А вот – еще одна, совсем уж фольклорная по форме, – «Встреча Буденного с казаками» (музыка В. Соловьева-Седого, слова А. Чуркина):

Ехал товарищ Буденный
Стороной родной.
Встретил в долине зеленой
Конный полк донской.
«Гей, здорово, казаки,
Удалые рубаки!» —
«Здравствуй, товарищ Буденный,
Наш орел степной!»

«Как, казаки, поживаем,
Как, друзья, живем?
Весело ль песни спеваем,
Как врагов мы бьем?»
Отвечают казаки,
Удалые рубаки:
«Дюже с тобою мы, батько,
Жару им даем!

Чтобы очей не казали
В наш родимый край,
Чтобы в чем было ныряли
В Неман аль в Дунай.
Отомстим за колхозы,
За горючие слезы, —
В наши казацкие руки

Саблю только дай!

Только с войной мы покончим,
Защитим наш край,
В нашу станицу, Буденный,
В гости приезжай.
У донского народа
Вдоволь хлеба и меда,
В хатах найдутся бандуры
Песни, знай, спевай!»

«Что же, спасибо, казаки,
Весь донской народ,
Грянем, как буря, в атаку
Все за мной, вперед!

Храбро будем мы биться
За родные станицы,
Враг под конем да под пикой
Смерть в бою найдет!»

На самом-то деле, к несчастью, не казаки с Буденным давали немцам жару, а совсем наоборот, немцы гнали разбитые советские армии до Ростова. А многие казаки вообще перешли на сторону врага, помня об обидах, нанесенных им Советами, и предпочитали служить в вермахте, а не в Красной армии. Например, некий Семен Ларин писал в ноябре 1942 года отцу в станицу Егорлыкскую: «…Имею право гордиться, что нахожусь в германской армии солдатом, числюсь как донской казак. По мобилизации не воевал, сразу пошел на сторону германской армии. Вообще у красных не воевал ни одной минуты, а пошел в германскую армию». И мстить за колхозы казаки собирались не немцам, а большевикам…

К тому моменту, когда Буденный прибыл в Полтаву, в штаб Юго-Западного направления, войска Юго-Западного и Южного фронтов уже проиграли приграничные сражения и лишились почти всех танков. Немцы шли на Киев, и Буденный имел приказ удержать столицу Советской Украины во что бы то ни стало.

Вот как описывает приезд Семена Михайловича в Киев, в штаб Юго-Западного фронта, Никита Сергеевич Хрущев, в то время – глава коммунистов Украины и член Военного совета фронта: «Буденный приехал к нам в ходе упорных боев за Киев. Я спросил: „Что делается на других фронтах? Я ничего не знаю,

никакой информации мы не получаем. Вы, Семен Михайлович, из Москвы. Ведь вы знаете?“ – „Да, – говорит, – знаю и расскажу вам“. И он, один на один, рассказал мне, что Западный фронт буквально рухнул под первыми же выстрелами и расчленился. Там не сумели организовать должного отпора противнику. Противник воспользовался нашим ротозейством и уничтожил авиацию фронта на аэродромах, а также нанес сильный урон нашим наземным войскам уже 22 июня, при первом же ударе. Фронт развалился. Сталин послал туда Кулика, чтобы помочь комплектованию. Но от маршала Кулика нет пока никаких сведений. Что с ним, неизвестно. Я выразил сожаление: „Жалко, погиб Кулик“. Буденный же сказал: „А вы не жалейте его“. И это было сказано таким тоном, который давал понять, что Кулика считают в Москве изменником; что он, видимо, передался противнику. Я знал Кулика, считал его честным человеком и поэтому сказал, что мне его жалко. „Ну, вы не жалейте его, не жалейте“, – повторил Буденный. Я понял, что, видимо, он имел какой-то разговор об этом со Сталиным.

Зачем Буденный приехал, трудно сказать. Пробыл у нас недолго. А вечером спросил: «Где мы будем отдыхать? Давайте вместе ляжем спать». Я согласился. «А где? У вас? Где вы отдыхаете?» Говорю: «Вот тут я и отдыхаю». Вышли из дома. Снаружи была разбита палатка, и в ней набросано сено. «Вот здесь, в палатке, я и сплю». – «Да вы что?» Я объяснил ему: здесь, где наш штаб, – болото, нельзя рыть щели, появится вода. Поэтому я спасаюсь при авиабомбежке в палатке. Буденный: «Ну, ладно. Раз вы здесь, то я тоже с вами». И мы легли, поспали несколько часов, отдохнули. Рано утром нас разбудила немецкая авиация. Самолеты на бреющем полете летали над поселком и бомбили его. Наши зенитки вели огонь. Никакого попадания в самолеты в поле зрения не было видно. А наши самолеты не появлялись. Я рассердился и возмутился этим. Обращаюсь к Астахову: «Ну, что же это такое? Почему они безнаказанно летают и бомбят, а мы не можем ничего сделать?» Немцы уже отбомбились и улетели. Астахов докладывает: «Столько-то самолетов было сбито». Я спросил: «А где сбитые? Я не видел, чтобы они падали». – «А они упали за Днепром». – «Ну, если они упали за Днепром, то можно докладывать, что сбито их даже больше». Думаю, что Астаховым был взят грех на душу. Может быть, и сбили что-то, но меня очень обескуражило его заявление, и я сказал: «Бойцы видят, как безнаказанно летают немцы, а мы не наносим противнику урона».

Буденный вскоре уехал от нас. В войска он не ездил, вернулся в Москву. С какими заданиями приезжал (а иначе и быть не могло

– это же не экскурсия), мне было неизвестно, он мне этого не сказал. Просто поговорили с ним, он заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела штаба Баграмяна. Его беседа с Баграмяном произвела на меня тяжелое впечатление. Я ее хорошо запомнил и до сих пор не могу забыть. Дело было после обеда. Буденный слушал Баграмяна, который докладывал об обстановке. Баграмян – очень четкий человек, доложил все, как есть, о всех войсках, которые у нас тогда были: их расположение, обстановку. Тут Буденный насел на Баграмяна. Отчего, не знаю конкретно. Я особенно не придавал тогда значения этой беседе. На военном языке это означает: разбираться в обстановке. Начальник оперативного отдела штаба докладывал обстановку Маршалу Советского Союза, присланному из Москвы.

Помню только, что закончился разбор обстановки такими словами: «Что же у вас такое? Вы не знаете своих войск». – «Как не знаю, я же вам доложил, товарищ маршал», – отвечает Баграмян. «Вот я слушаю вас, смотрю на вас и считаю – расстрелять вас надо. Расстрелять за такое дело», – этаким писклявым голосом говорит Семен Михайлович. Баграмян: «Зачем же, Семен Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником оперативного отдела, вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А какая польза от того, что меня расстреляют?» Буденный же в грубой форме уговаривал Баграмяна, чтобы тот согласился на расстрел. Ну, конечно, Баграмян никак не мог согласиться. Я был даже удивлен, почему Семен Михайлович так упорно добивался «согласия» Баграмяна. Конечно, надо учитывать, что такой «любезный» разговор происходил между Маршалом Советского Союза и полковником после очень обильного обеда с коньяком. И все-таки, несмотря на это обстоятельство, форма разговора была недопустимой. Он велся представителем Ставки Верховного Главнокомандования и, конечно, никак не отвечал задачам, которые тогда стояли, и не мог помочь делу и нашим войскам. Это тоже свидетельствует о том, какое было состояние у людей. Семен Михайлович совершенно вышел тогда за рамки дозволенного. Но мы просто посмотрели тогда на этот разговор несерьезно. Хотя он и касался жизни человека, однако обошелся без последствий. Семен Михайлович уехал, а мы остались в прежнем тяжелом положении, которое после его приезда не улучшилось и не ухудшилось».

Думаю, что память немного подвела Хрущева. Раз Буденный приехал в разгар боев за Киев, значит, речь идет о его поездке 10 июля, уже в качестве главкома Юго-Западного направления. Вероятно, следующие воспоминания Никиты Сергеевича также

относятся именно к этому времени, сразу после отъезда Буденного из Киева, хотя Хрущев из-за вполне простительной через три десятилетия аберрации памяти относит новую встречу с Буденным к концу июля.

Замечу, кстати, что в тот свой приезд в Киев Буденный выделил Юго-Западному фронту из резервов два стрелковых корпуса, один из которых только что прибыл с Северного Кавказа. Это помогло задержать продвижение врага.

Хрущев вспоминал: «Однажды, в конце июля или в начале августа 1941 года, мне позвонил из Москвы в Киев Сталин и сказал, что создан штаб Юго-Западного направления. Командующим войсками Юго-Западного направления назначили Буденного. Буденный будет сидеть под Полтавой со своим небольшим оперативным штабом по управлению и координации действий двух фронтов: Юго-Западного, войсками которого командовал Кирпонос, а я был там членом Военного совета, и Южного фронта, войсками которого командовал в то время, кажется, Тюленев…

Итак, Сталин сказал мне: «Буденный в Полтаве один, и мы считаем, что Вам надо было бы к нему поехать. Мы утвердим Вас членом Военного совета Главного командования Юго-Западного направления, и Вы с Буденным будете командовать двумя фронтами: Юго-Западным и Южным». Отвечаю: «Если мне нужно поехать на Юго-Западное направление, в штаб к Буденному, то вместо меня можно назначить товарища Бурмистенко – второго секретаря ЦК Коммунистической партии Украины. Очень хороший товарищ, умный человек, и он вполне справится с обязанностями. Он знает людей и они его знают. Отношение к нему очень хорошее. Командующим же оставить Кирпоноса». – «Хорошо, – говорит. – Вы тогда вызывайте Бурмистенко и скажите, что он утверждается членом Военного совета Юго-Западного фронта. А Вы немедленно снимайтесь и выезжайте к Буденному. Будете там командовать вместе с Буденным»…

Когда я подъехал к штабу Буденного, меня удивил стоявший у крыльца танк. Заметив мое недоумение, Буденный пояснил: «Сейчас не то, что в Гражданскую. У немцев техника, самолеты, вот я от них в танке и укрываюсь, езжу на нем вместо автомашины».

Я приступил к обязанностям члена Военного совета Юго-Западного направления. Что же это был за штаб, что за организация – штаб направления? Чем она конкретно занималась, я и сейчас сказать не могу. Командование направления никакими вопросами обеспечения, боеприпасами, материальным снабжением, боевым обеспечением не занималось. Этими

вопросами занимались сами штабы фронтов, у них имелась непосредственная связь со Ставкой, и они решали все со Ставкой, минуя нас. Командование направления взаимодействовало с фронтами только в вопросах оперативного характера. Нам докладывали обстановку, перед нами отчитывались командующие, но отчитывались как бы на равных: мы могли давать им советы, те или другие. Командующие принимали от нас эти советы, указания и, если они им нравились, то выполняли. А если не нравились, то по своим каналам (а таких каналов у них было сколько угодно) апеллировали в Генеральный штаб.

С Буденным у меня сложились очень хорошие отношения. Характер у него, с одной стороны, положительный, а с другой – очень задиристый. Однажды мы с ним возвращались поздно вечером из Днепропетровска. Обстановка была тяжелая: наши войска оставляли Днепропетровск. Часовой, охранявший подъезды к нашему штабу, задержал нас. Буденный начал с ним говорить и оскорблять его. Солдат стал отвечать ему согласно уставу. Тут Буденный начал ему более настойчиво «разъяснять», и разъяснение это кончилось тем, что он ударил солдата по лицу. Я был просто поражен. Как так? Маршал Советского Союза ударил человека, совершенно невиновного, действовавшего согласно уставу, ударил в нарушение всех уставных норм. Мы там ехали, и он нас задержал, это была его обязанность, он ведь для этого и поставлен. Чистый произвол! Я объясняю этот случай вспыльчивостью маршала. Потому что, в принципе, Буденный не таков, но он сохранил, видимо, прежнюю привычку как старший унтер-офицер, которым он был в царской армии. Вот и проявилась такая несдержанность. Мы потом разговаривали с Семеном Михайловичем по этому поводу, и я чувствовал, что он сам переживал случившееся. К сожалению, Буденный не однажды позволял себе такие выходки…»

Вероятно, звонок Сталина последовал сразу же после отъезда Буденного из Киева. В результате Хрущеву, на его счастье, пришлось отправиться в Полтаву. А останься Никита Сергеевич в Киеве, и он вполне мог разделить печальную судьбу командования Юго-Западного фронта, погибшего в сентябре при выходе из окружения. Правда, думаю, что в этом случае за Хрущевым все-таки прислали бы в последний момент специальный самолет. Вот за его товарищем Михаилом Алексеевичем Бурмистенко, вторым секретарем компартии Украины и членом Военного совета Юго-Западного фронта, самолет так и не прилетел, и он погиб в бою.

По поводу рукоприкладства советских военачальников Хрущев написал довольно подробно: «Конечно, Сталин глубокого

доверия никогда и никому не оказывал. Всегда у него было заложено внутренне какое-то подозрение к любому человеку. Он мне как-то сказал в пылу откровения: „Пропащий я человек, никому не верю. Я сам себе не верю“. Это он сказал мне в 1952 году, в Сухуми, в присутствии Микояна. Вот характерная черта Сталина. Не знаю, что тогда на него нашло, если он набрался вдруг духу и откровенно сам дал себе характеристику. А в 1942 году я сказал ему: „Товарищ Сталин, я могу назвать кандидатов только из числа тех людей, которые командовали войсками на нашем направлении. Других я не знаю. Поэтому командующего на Сталинградский фронт должны назвать вы. Вы больше людей знаете, у вас шире горизонт“. – „Да что вы? Что вы? Я уже сказал вам про Еременко. Очень хорошим был бы там командующим Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он с войсками в окружении. Если бы можно было его оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но Власова нет. Называйте вы сами, кого хотите!“ Крепился я, крепился, но был поставлен в такие условия, что не мог выйти из помещения, пока не назову командующего войсками Сталинградского фронта. Говорю: „Из людей нашего фронта я назвал бы Гордова, даже при всех его недостатках (недостаток его заключался в грубости. Он дрался с людьми). Сам, – продолжаю, – очень щупленький человечек, но бьет своих офицеров. Однако военное дело он понимает. Поэтому я бы назвал его“.

В то время он командовал 21-й армией и был в нашем распоряжении. Я уже знал его поближе по участку фронта, который он занимал на Донце. Членом Военного совета у него был Сердюк. Я от Сердюка имел характеристику на Гордова – и хорошую, и плохую. Хорошую – в смысле знания дела, его энергии и храбрости; плохую – насчет его грубости вплоть до избиения людей. Это, правда, в то время считалось в какой-то степени положительной чертой командира. Сам Сталин, когда ему докладывал о чем-либо какой-нибудь командир, часто приговаривал: «А вы ему морду набили? Морду ему набить, морду!» Одним словом, набить морду подчиненному тогда считалось геройством. И били! Потом уже я узнал, что однажды Еременко ударил даже члена Военного совета. Я ему потом говорил: «Андрей Иванович, ну как же вы позволили себе ударить? Вы ведь генерал, командующий. И вы ударили члена Военного совета?!» – «Знаете ли, – отвечает, – такая обстановка была». – «Какая бы ни была обстановка, есть и другие средства объясняться с членом Военного совета, нежели вести кулачные бои». Он опять объяснил, что сложилась тяжелая обстановка. Надо было срочно прислать снаряды, он приехал по этому

вопросу, а член Военного совета сидит и играет в шахматы. Я говорю ему: «Ну, не знаю. Если он играл в шахматы в такое трудное время, это, конечно, нехорошо, но ударить его – не украшение для командующего, да и вообще для человека». Потом этот член Военного совета стал секретарем Астраханского обкома партии, уже после смерти Сталина. Порядочный был человек, заслуживающий уважения.

Давал в морду и Буденный. Я уже рассказывал, как он ударил солдата. Бил подчиненных и Георгий Захаров. Потом он стал заместителем командующего войсками Сталинградского фронта. Я его ценил и уважал как человека, понимающего военное дело. Он преданный Советскому государству и Коммунистической партии воин, но очень не сдержан на руку. На Сталинградском фронте я, правда, уже никогда не видел, чтобы Еременко позволил себе рукоприкладство. Я только знал о таких фактах его жизни в прошлом.

А пока что, одним словом, я назвал Сталину Гордова. Сталин говорит: «Хорошо, утвердим Гордова». Тут же, как обычно, сидел Молотов. Сталин и говорит ему: «Бери блокнот, карандаш и пиши приказ о назначении Гордова». Вскоре Гордов приступил к исполнению обязанностей командующего войсками фронта».

Здесь стоит подчеркнуть, что Буденный был единственным из советских маршалов, кто бил в морду рядовых красноармейцев. Жуков, Еременко, Конев (по свидетельству маршала А. Е. Голованова, из-за слабого здоровья больше полагавшийся не на кулак, а на палку) и прочие до красноармейцев не опускались. Капитанов и майоров они просто расстреливали, а меньше чем полковнику физиономию не чистили. Тут проявилась своеобразная народность Семена Михайловича, а также память о тех временах, когда он еще служил в царской армии простым унтером. Генералам же и старшим офицерам он, по свидетельству Хрущева, грозил расстрелом. Однако до сих пор не обнародовано никаких данных, что в годы Великой Отечественной кто-нибудь был действительно расстрелян по приказу Буденного – все-таки он был отходчив…

Буденного сняли с Юго-Западного направления потому, что он, видя угрозу окружения, вместе с Кирпоносом в августе – сентябре 1941 года настаивал на немедленном отходе из Киева и днепровской дуги на рубеж реки Псёл. Это было правильное предложение. В тот момент у Юго-Западного фронта не было боеспособных танковых частей, чтобы парировать наступление танковой группы Клейста с Кременчугского плацдарма. Семен Михайлович также с недовольством сообщал в Ставку, что Брянский фронт А. И. Еременко, который должен был разбить

танковую группу Гудериана, угрожавшую замкнуть с севера кольцо окружения вокруг Киева, явно не справляется со своей задачей. Но Сталин отход запретил. На Иосифа Виссарионовича сильнейшим образом повлияла позиция начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова, надеявшегося удержать Киев. В результате произошла катастрофа. Главные силы Юго-Западного фронта попали в окружение и были уничтожены.

Хрущев вспоминает, как это произошло: «Мы с Буденным выехали к Малиновскому. Вместо погибшей в окружении прежней 6-й армии была создана новая, и ей был присвоен тот же номер. Командующим этой-то армией и был назначен Малиновский. Прежде Малиновский мне был неизвестен. Раньше он командовал корпусом. Штаб армии располагался, по-моему, в школе города Новомосковска. Приехали мы. Была очень тяжелая обстановка, противник все время держал дорогу под бомбежкой, чтобы нам нельзя было подбрасывать подкрепления. Но у нас нечего было и подбрасывать. Вошли мы с Буденным в школу и увидели такую картину: кругом все гудит, гремит; докладывает обстановку командующий 6-й армией Малиновский, и в это же время принесли на носилках командующего войсками Южного фронта Тюленева. Рана у него была несерьезная, но ходить он не мог, так как был ранен в ногу (повреждена мякоть). Тюленев для вдохновения бойцов сам пошел в их рядах, повел их в атаку на противника и при разрыве мины был ранен. С ним же пришел секретарь обкома партии Задионченко.

После ранения Тюленева командующим войсками Южного фронта был назначен казак, который до того командовал танковым корпусом, по фамилии Рябышев. Было сделано все, что в наших силах, чтобы отбросить противника и не позволить ему создать опорный плацдарм на левом берегу Днепра. Но наши усилия не увенчались успехом. Реальных сил, реальных возможностей у нас не имелось. В это же время мы обнаружили, что противник, концентрируя войска, пытается форсировать Днепр севернее Днепропетровска, в районе Кременчуга. Опять было предпринято все, что в наших силах: направили туда авиацию, бомбили на подходах к реке танковые войска и пехоту противника, чтобы не позволить ему форсировать Днепр. Но противник все-таки форсировал реку и создал плацдарм, помимо района Днепропетровска, еще и в районе Кременчуга и занял левобережную часть этого города.

Когда мы стали разгадывать, какие же дальнейшие намерения имеет противник, то вырисовалась достаточно ясная картина. Его замысел нам представлялся таким: ударом с юга, с плацдарма у Кременчуга, и ударом с севера, где противник вышел

почти что к Курску, прорваться по нашим тылам (войск там у нас не было) и замкнуть окружение наших войск, расположенных по Днепру у Черкасс и за Днепром в Киеве. Мы обсудили сложившуюся обстановку. Дополнительных сил в нашем распоряжении не было. Даже разгадав вражеский замысел, мы не могли парализовать его осуществление. У нас созрело такое решение: взять некоторое количество войск, артиллерии и прикрыться на фланге в направлении от Киева к Кременчугу, с тем чтобы здесь, в украинских степях, было чем преградить немцам путь на север и не дать им возможность сомкнуть кольцо. Что мы могли взять? Было видно, что войска, которые имелись в Киеве, пока не используются. Там создалась тихая обстановка, и противник никаких усилий против Киева не предпринимал.

Мы с Буденным подготовили соответствующий приказ и послали текст в Москву, чтобы получить согласие. Сами же осуществить такую перегруппировку не имели права. Москва отреагировала очень быстро, но своеобразно. Никакого ответа нам не дали, а вместо того вдруг прилетел маршал Тимошенко с предписанием Буденному сдать главное командование Юго-Западным направлением. В обязанности главнокомандующего войсками Юго-Западного направления вступил Тимошенко. Мы с Буденным распрощались. Буденный сказал мне: «Вот каков результат нашей инициативы», – и уехал. Переменили главнокомандующего, но обстановка не изменилась, так как новый главнокомандующий приехал с голыми руками…

Мы с Буденным предложили тогда произвести перегруппировку: взять артиллерию с Киевского направления и использовать для предупреждения главной опасности на левом фланге, на Кременчугском направлении. Северное направление, откуда противник двинулся на окружение наших войск, лежало на территории вне нашего влияния, влияния Юго-Западного направления. Там командовал войсками генерал Еременко. Противник прорвался от Гомеля на юго-восток. А мы не получили разрешения на перегруппировку. Приехал Тимошенко удерживать те позиции, на которых были расположены наши войска. Не прошло и недели, как противник отрезал их. Наши предположения, как показала история, были правильными. Я не могу сейчас сказать, что если бы мы провели эту перегруппировку, то катастрофы не случилось бы. Нет, наверное, она тоже произошла бы. Но, во всяком случае, может быть, не столь сильная, потому что мы кое-что вытащили бы из киевской артиллерии и усилили свой левый фланг в направлении Кременчуга. Там завязались бы тяжелые для противника бои и, может быть, у него не хватило бы войск для завершения

операции. Даже когда он уже окружил наши войска, их группы довольно свободно проникали через линию фронта туда и сюда. Это свидетельствует о том, что линия наступления противника была очень жиденькой».

11 сентября Буденный был освобожден от должности главкома Юго-Западного направления. Его сразу же вызвал к себе Сталин, который заявил: «Мне кажется, вы не все сделали, что требовалось. Да, согласен, что Еременко не смог остановить танковую группу Гудериана. Но ведь и у вас было немало войск». – «У нас почти не было танков, товарищ Сталин, – возразил Семен Михайлович. – Я уверен, что ваше решение вместо меня назначить главкомом Юго-Западного направления Тимошенко ничего не изменит. В самый критический момент, и вдруг смена главкома. Нет, я этого не понимаю. Конечно, ваш приказ для меня закон, но что это даст? Судьба Киева решена, его вот-вот возьмут гитлеровцы. Я же докладывал в Ставку и лично Вам, товарищ Сталин, свои соображения, просил разрешить отвод войск, но…» – и Буденный только с досадой махнул рукой.

Сталин, помолчав, неожиданно стал оправдываться: «Ставка была уверена, что Брянский фронт нанесет чувствительный удар по группе Гудериана. Еременко уверял меня, что он это сделает».

12 сентября 1941 года Буденный был назначен командующим войсками Резервного фронта вместо Жукова, направленного в Ленинград. В течение двух суток Семен Михайлович объезжал войска. Большинство составляли необстрелянные бойцы, особенно в ополченских дивизиях. Резервный фронт в основном был укомплектован дивизиями московского ополчения и бывшими запасными частями. У многих ополченцев не было даже винтовок.

Через несколько дней войска Юго-Западного фронта были почти полностью уничтожены. Но Сталин не стал возлагать на Буденного ответственность за происшедшую катастрофу, очевидно, молчаливо признав свою и маршала Шапошникова вину. А через три недели после того как Буденный вступил в командование Резервным фронтом, на Западном направлении разразилась еще более серьезная катастрофа, чем под Киевом. Директива о переходе к обороне на Западном направлении была отдана Ставкой ВГК с большим опозданием, только 27 сентября 1941 года, а уже через три дня 2-я танковая группа немцев начала наступление против Брянского фронта, который до этого безуспешно пытался ее разбить. За три дня подготовить оборону не было никакой возможности. Не лучше было положение Западного и Резервного фронтов, которые до этого также вели наступление в течение полутора-двух месяцев и не успели

подготовить долговременной обороны.

Еще 21 сентября 1941 года фон Бок записал в дневнике: «С востока на 2-ю танковую группу Гудериана продолжают наседать русские. 29-й моторизованной дивизии (Фремерей) на участке у Новгород-Северского противостоят части восьми-девяти русских дивизий». Бои на этом участке фронта продолжались и на следующий день. Гальдер 23 сентября на фронте группы армий «Центр» отмечал «незначительные атаки противника». По мнению же российских историков М. Ходаренка и Б. Невзорова, «соединения 16, 19, 22, 24, 29 и 43-й армий наступали даже в последней декаде сентября, группа генерала Ермакова – всю вторую половину его, а 13-я армия, по существу, весь месяц. Это отвлекало войска от организации глубоко эшелонированной обороны, не позволяло создать оборонительные группировки и в конечном итоге – приводило к большим потерям личного состава. Так, группа Ермакова только лишь 27 сентября потеряла 4913 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести». Бывший заместитель начальника штаба Брянского фронта генерал Л. М. Сандалов в мемуарах признавал: «То, что группа Ермакова вела во второй половине сентября главным образом наступательные бои и мало внимания оказывала вопросам обороны, ослабило левофланговые войска фронта, а противнику принесло огромные выгоды». Бывший командующий Брянским фронтом маршал А. И. Еременко, напротив, в мемуарах утверждал: «Подводя краткий итог боевой деятельности войск Брянского фронта за период с 14 августа по 30 сентября 1941 г., следует сказать, что в результате контрударов и контратак войск фронта, особенно контрудара в районе Трубчевска, гитлеровцам были нанесены значительные потери, ослабившие мощь их ударных группировок». Но он же отмечает, что войска группы Ермакова и 13-й армии получили приказ о переходе к обороне только 28 сентября.

Только 25 сентября, как отметил в своем дневнике Гальдер, было зафиксировано строительство противником укреплений на фронте группы армий «Центр». При этом командующий Западным фронтом генерал И. С. Конев считал, что немцы будут наступать по кратчайшему пути – вдоль Смоленской дороги. Там и возводились основные укрепления. Немцы же нанесли удары севернее и южнее дороги. Возможно, на решение Конева повлияло сообщение пленного немецкого летчика. Командующий Западным фронтом 26 сентября докладывал Сталину и Шапошникову, что по материалам опроса пленного летчика «противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма – Москва».

Вопреки распространенному мнению, советские войска не

сильно уступали противнику в людях и технике. Численность личного состава группы армий «Центр» в начале октября составляла 1 929 406 человек, из которых около 1,8 млн участвовали в операции «Тайфун». У немцев здесь имелось 1387 самолетов и около 1700 танков. Им противостояли войска трех советских фронтов, имевшие, по оценке К. Рейнхардта, 1 252 591 человек личного состава, 849 танков, 5637 орудий и 4961 миномет, 62 651 автомашину и трактор, 936 самолетов, в том числе 545 истребителей на линии фронта около 730 километров.

Войска 22, 29, 30, 19, 16 и 20-й армий Западного фронта занимали оборону на главном, Московском направлении в полосе шириной 340 километров от озера Селигер до Ельни. Войска 24-й и 43-й армий Резервного фронта обороняли рубеж от Ельни до железной дороги Рославль – Киров в полосе шириной до 100 километров, а 31, 49, 32 и 33-я армии Резервного фронта занимали позиции в тылу Западного фронта в полосе шириной 300 километров по линии Осташков – Селижарово – восточнее Дорогобужа. Войска Брянского фронта (50, 3, 13-я армии, оперативная группа генерал-майора Ермакова; командующий генерал-полковник Еременко) прикрывали Брянско-Калужское и Севско-Орловско-Тульское направления; передний край их обороны в полосе шириной 290 километров проходил по линии Снопоть—Почеп—Погар, Глухов. Вероятно, ошибкой была дислокация четырех армий на тыловом оборонительном рубеже. После прорыва обороны они не смогли ни нанести контрудар, ни задержать продвижение противника и были легко разбиты немецкими подвижными соединениями. Лучше было бы использовать их для удержания главной полосы обороны.

К. Рейнхардт основывался на советских данных, которые явно занижены, по крайней мере, по части танков, так как немцы захватили их в Вяземском и Брянских котлах 1242, а некоторому числу танков к тому же удалось выйти из окружения. Возможно, 849 танков – это число машин, боеготовых к началу октября. Также и данные о том, что в полосе обороны Западного фронта в частях РККА было 486 танков, у немцев – 591, а орудий и минометов – соответственно 4028 и 5651, доказывают, что советских танков было не менее 1242. Иначе получается, что Западный фронт имел более 57 % всех танков, имевшихся у трех фронтов Западного направления.

В целом сложившееся соотношение сил позволяло Красной армии успешно обороняться при условии координации действий всех обороняющихся на Московском направлении сил и их правильной группировки. На один километр фронта обороны приходилось в среднем около 1650 бойцов, 14,2 орудия и

минометов (в том числе восемь орудий), 1,65 танка, 1,3 самолета. С учетом же того, что значительную часть полосы обороны занимали труднопроходимые лесные массивы и болота, можно было значительно увеличить плотность войск, сконцентрировав войска на наиболее опасных направлениях – там, где могли пройти немецкие танки. Однако поскольку войска трех фронтов вели наступательные операции вплоть до последней декады сентября, времени для перегруппировки практически не осталось. Для сравнения: у немцев в Нормандии в июне 1944 года плотность артиллерии составляла менее трех орудий и менее одного танка на километр фронта, тем не менее им почти два месяца удавалось удерживать фронт против высадившихся союзников.

Однако как раз координации действий трех фронтов на Московском направлении и не было, что пагубно сказалось на судьбе советской обороны. Теоретически действия фронтов должны были координировать Ставка и Генштаб, однако у них хватало забот и помимо этого, в том числе с войсками других направлений. Правильнее было бы объединить в один хотя бы два фронта, Западный и Резервный, армии которых все равно оборонялись чересполосно. Однако подчинять Буденного Коневу, в ту пору всего лишь генерал-полковнику, было не совсем удобно. В то же время поручать Буденному командование всеми войсками на Западном направлении Сталин явно не хотел, поскольку не был уверен, что Семен Михайлович справится со столь сложной задачей. Однако и отзывать его с командования Сталин тоже не собирался, чтобы не обидеть – тем более что насчет необходимости скорейшего отвода войск из-под Киева, как оказалось, маршал был абсолютно прав. В результате объединять фронты и менять их командующих пришлось уже после начала немецкого наступления, когда окружение основной массы советских войск стало фактом.

24 сентября 1941 года начальник германского Генштаба генерал Франц Гальдер, находясь в штабе группы армий «Центр» в Смоленске вместе с главкомом сухопутных войск фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем, записал в дневнике: «Фон Бок сообщил, что хочет перейти в наступление на фронте Гудериана 30.9, а на остальных участках – 2.10. Во всяком случае, между этими двумя фазами наступления должен быть перерыв не менее 48 часов». Сам фельдмаршал Федор фон Бок, командующий группой армий «Центр», отметил в дневнике в тот же день: «На состоявшемся в его (Браухича. – *Б. С.)* присутствии совещании командующих армиями и танковыми группами ничего нового не прозвучало, за исключением того, что Гудериану позволили

наступать уже 30 сентября. По мне лучше, если у него будет немножко форы, потому что он все еще довольно далеко от правого фланга, на котором будет нанесен главный удар, и отдачи от действий танков можно ожидать лишь 4–5 дней спустя после начала операции. Другие командующие будут готовы ко 2 октября, лишь Гот (3-я танковая группа) предлагает 3 октября». Фактически такое разнесение на двое суток времени начала наступления на разных направлениях позволяло надеяться, что советские резервы будут в первую очередь переброшены для отражения удара Гудериана, что позволит легче повести наступление на главном направлении. Тут сказалась и плохая координация действий трех советских фронтов. На практике такую координацию, как мы уже говорили, должна была осуществлять Ставка, которой, однако, приходилось уделять внимание всем стратегическим направлениям, и поэтому с принятием решений по отражению «Тайфуна» она катастрофически запаздывала.

Гальдер 2 октября с удовлетворением записал в дневнике: «Главные силы группы армий перешли в наступление („Тайфун“) и успешно продвигаются. Гудериан считает, что его соединения прорвали оборону противника на всю глубину. Соединения группы Гудериана, действующие в центре, стремительно наступают на Орел. 2-я армия вела упорные бои при форсировании Десны. Ей удалось форсировать реку и отбросить противника примерно на 5 км. 4-я танковая группа рассеяла сопротивлявшиеся группы противника и продвинулась на 15 км в глубину. Войска 4-й армии успешно наступают на всем фронте и продвинулись в среднем на 6—12 км». 4 октября он записывает: «Операция „Тайфун“ развивается почти классически. Танковая группа Гудериана, наступая через Орел, достигла Мценска, не встречая никакого сопротивления. Танковая группа Гёппнера стремительно прорвалась сквозь оборону противника и вышла к Можайску. Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого. Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника».

Причиной окружения большого числа советских дивизий была неудачная группировка в обороне, когда в результате многие участки были слабо прикрыты. Именно по ним и ударили немецкие танковые группы. И сильно запоздал приказ на отход. Он был получен лишь 5 октября, но уже 7 октября танковые группы Гудериана и Гота замкнули кольцо вокруг Вязьмы. И лишь 12 октября все войска, действовавшие на Западном направлении,

были реально объединены под командованием новоназначенного командующего Западным фронтом Г. К. Жукова.

Как отмечают М. Ходаренок и Б. Невзоров, «на центральном участке советско-германского фронта было окружено семь полевых управлений армий (из 15), 64 дивизии (из 95), 11 танковых бригад (из 13) и 50 артиллерийских полков РГК (из 64). Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы». В сводке германского командования по итогам Вяземского сражения говорилось о 663 тысячах пленных, 1242 захваченных советских танках и 5412 орудиях. Немецкая группа армий «Центр» потеряла 145 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из Вяземского котла удалось выйти 85 тысячам человек, а из Брянского – около 23 тысячам. Приплюсуем к ним 98 тысяч военнослужащих из 29-й и 33-й армий, избежавших окружения, группы Ермакова и из 22-й армии, в которой была окружена только одна дивизия.

Разгром войск Западного, Резервного и Брянского фронтов в октября 1941 года создал предпосылки для наступления германской группы армий «Центр» непосредственно на советскую столицу. Только неблагоприятные погодные условия осенней распутицы не позволили немцам сразу же развить успех и выйти непосредственно к Москве, в тот момент еще очень слабо защищенной. В дальнейшем мужество защитников Москвы, подход резервов из глубины страны, а также трудности снабжения германских войск в зимний период, недостаточная подготовка вермахта к зимней кампании сорвали план «Тайфун» и не позволили германским войскам овладеть столицей. Бывший командующий 3-й танковой группой Генрих Гот не без оснований утверждал: «Не русская зима, а осенние дожди положили конец немецкому наступлению. Дождь лил днем и ночью, дождь шел непрерывно, вперемежку со снегом. Дороги размокли, и движение приостановилось. Недостаток боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия определял тактическую и оперативную обстановку последующих трех недель».

Но нельзя все сводить к погоде, а конкретно – к осенней распутице, как это делают германские генералы. Да ведь и то, что погода помешала маршу на Москву, было, в сущности, одним из просчетов немцев. Никакой военной тайны не было в том, что во второй половине октября в Центральной России начинается распутица и что российские дороги в своем большинстве – отнюдь не европейские шоссе.

В целом можно констатировать, что причины быстрого поражения советских войск под Брянском и Вязьмой в октябре 1941 года были следующими: плохая подготовка оборонительных

рубежей из-за того, что переход к обороне Западного, Брянского и Резервного фронтов был осуществлен с опозданием; плохая координация действий трех советских фронтов на Западном направлении, фактически не имевших единого руководства; неправильное определение направлений главного удара немецких войск; запоздалое разрешение на отход; быстрая потеря управления войсками советскими командирами после прорыва фронта. Вина во всем этом лежит как на Ставке, так и на командовании фронтов.

Войска Западного и Резервного фронтов, как уже говорилось, располагались чересполосно, причем большинство армий Резервного фронта, являясь вторым эшелоном Западного, командующему этим последним не подчинялись, что затруднило ведение оборонительных боев. Из-за недостатка средств радиосвязи и боевого опыта командующие армиями и фронтами больше полагались на проводную связь да на посылаемых в войска делегатов. Но в боевых условиях проводная связь часто рвалась, а делегаты не могли разыскать штабы, часто менявшие место дислокации из-за того, что противник прорвал фронт и приходилось быстро отступать.

Организация командования войсками, прикрывавшими Московское направление, также оставляла желать лучшего. В составе трех фронтов имелось 16 армий, в подчинении которых, в свою очередь, находились 95 дивизий и 13 танковых бригад. На один армейский штаб в среднем приходилось семь с небольшим дивизий и около одной танковой бригады. Это было в полтора-два раза больше, чем в одном немецком армейском корпусе, насчитывавшем от трех до пяти дивизий. После катастрофических поражений первых месяцев войны корпусное звено было ликвидировано – якобы из-за недостатка опытных штабных кадров. Однако на самом деле функции корпусных штабов у нас стали выполнять штабы армий. Не случайно количество немецких корпусных штабов было примерно равно количеству армейских штабов противостоявших им советских войск. Но на каждый советский штаб приходилось значительно большее число соединений, чем на каждый немецкий, а средств связи было меньше, что только увеличивало хаос.

Зато армий в Красной армии было в несколько раз больше, чем в вермахте. На Москву в октябре 1941 года наступали три полевые армии и три подчиненные им танковые группы. Все они были объединены в одну группу армий «Центр». Соответственно, для противостоявших им советских войск оптимальной была бы следующая структура: 1 фронт, 3–4 армии, 16 корпусных штабов. А вот число дивизий легко можно было уменьшить, чтобы не

перегружать корпусные штабы. Ведь средств связи у нас было меньше, чем у немцев. Поэтому дивизий стоило бы иметь меньше, но относительно большей численности, чтобы уменьшить общее их число и повысить за счет этого обеспеченность их штабов радиостанциями. Но, к сожалению, советская Ставка действовала прямо противоположным образом. После тяжелых потерь первых недель войны штаты стрелковых дивизий были уменьшены с довоенных 14 483 человек до 10 858 на 29 июля 1941 года. И это при том, что численность немецкой пехотной дивизии достигала по штату 16 859 человек.

Если бы по штатной численности советские стрелковые дивизии были бы примерно равны немецким пехотным, если бы советские танковые бригады были бы развернуты, как у немцев в дивизии, то есть подкреплены мотопехотой (по числу танков две советские танковые бригады того времени были примерно равны одной немецкой танковой дивизии), то на Московском направлении было бы порядка 61 стрелковой, мотострелковой и танковой дивизий, для которых вполне хватило бы шестнадцати корпусных штабов, в свою очередь, сведенных в четыре армии. Тогда, наверное, и система управления была бы стройнее и решения принимались и доводились до частей и соединений быстрее. Но на практике в Красной армии применялась совсем другая организационная стратегия. Возобладала характерная для советской эпохи страсть к гигантомании. Пусть дивизий будет побольше числом – солиднее выглядит. Пусть вместо корпусов будут армии. Во-первых, генеральских должностей с большими звездами будет побольше. Во-вторых, командующему армией при необходимости проще будет обратиться не только к командующему фронтом, но и в саму Ставку, несмотря на то, что от этого увеличится неразбериха в управлении войсками. В последний год войны страстью к формированию новых дивизий вместо пополнения уже существующих страдал и Гитлер. Возможно, это помогало ему приуменьшать в собственном сознании масштаб поражений, которые терпел вермахт. Руководство же Красной армии подобной страстью отличалось на протяжении всей войны.

В ходе Вяземского сражения все три командующих советскими фронтами, быстро потеряв связь с войсками, направились в те армии, которые, как они и думали, подверглись главным ударам противника, оставив свои штабы на прежних местах дислокации. То же произошло и со многими командующими армиями. В результате войска получали противоречащие друг другу приказы и от командующих, и от их штабов, а также от Ставки. Параллельно командующие искали

свои штабы, штабы – командующих, а Ставка – и тех и других.

Чисто теоретически в условиях плохой связи и координации действий оборону вообще разумнее было бы строить в один эшелон. Ведь армии второго эшелона на практике не успели принять участие в отражении немецкого наступления и в своем большинстве погибли в окружении. А так, если бы плотность обороны за счет вторых эшелонов была бы увеличена, немцы потратили на прорыв больше времени и сил и значительной части советских войск, вероятно, удалось бы избежать окружения. Но ни Сталин, ни его генералы и маршалы не хотели признаться даже себе, что по уровню оперативно-тактического мастерства вермахт далеко превосходил тогда ослабленную репрессиями Красную армию и что для более успешной борьбы с ним надо было применять тактику слабейших против сильнейших.

2 октября, когда немецкая группа армий «Центр» начала наступление на Москву, находившийся в тот момент в боевых порядках 43-й армии Буденный помогал командованию армии организовать оборону. Но враг за восемь часов наступления прорвал всю тактическую глубину обороны армии и вышел к позициям дивизий второго эшелона. Семен Михайлович наметил контрудар, но для сосредоточения войск даже при наличии автотранспорта требовалось не менее 2,5 суток. А автотранспорта катастрофически не хватало. Главное же, за двое-трое суток ударная группа противника, насчитывавшая до девяти пехотных и четырех танковых дивизий, продвинулась бы дальше на восток, и контрудар пришелся бы по пустому месту, даже если бы каким-то чудом предназначенные для него дивизии и бригады удалось бы собрать. Кроме того, Буденный примерно вдвое занизил силы немцев. Тут сказалась давняя болезнь всего советского общества, не миновавшая и Красную армию: стремление приукрасить действительность в донесениях начальству, чтобы избежать наказания. Командиры в донесениях в штабы армий и фронта преуменьшали количество неприятельских войск, совершивших прорыв, чтобы ситуация не выглядела катастрофической. Они наивно надеялись, что еще удастся поправить положение. Но противник упреждал в развертывании советские резервы, так как его дивизии обладали значительно большей мобильностью. К тому же многие мосты доставались немцам в неповрежденном состоянии.

Оборону Буденный так и не смог организовать. Хуже того, еще 30 сентября, за два дня до немецкого наступления, он затеял перегруппировку войск. В результате три дивизии были сняты с фронта 33-й армии, а замена им, несмотря на доклад командования армии, прислана не была. Вследствие этого в

боевых порядках 33-й армии образовался разрыв в 14 километров, прикрытый лишь несколькими стрелковыми ротами. Немцы туда и ударили. Они обошли позиции 43-й армии с левого фланга. 5 октября Буденный донес в Ставку, что на левом фланге Резервного фронта создалось чрезвычайно тяжелое положение. Прорыв немцев вдоль Московского шоссе закрыть нечем. Фронт своими силами задержать противника на направлении Спас-Деменск – Всходы – Вязьма, и Спас-Деменск – Юхнов – Медынь не может. Буденный просил помочь авиацией и подтянуть резервы главнокомандования. В тот же день Ставка согласилась по предложению Буденного отвести войска на линию Ведерники – Мосальск – Жиздра, но было поздно. Немецкие войска продвинулись уже западнее этой линии.

Вскоре связь с командованием Западного фронта и со Ставкой оборвалась. Штаб фронта потерял и связь с армиями. Рано утром 8 октября Буденный со штабом прибыл в Малоярославец. Он не знал, что как раз в этот день Ставка заменила его на посту командующего Резервным фронтом Г. К. Жуковым. По пути на шоссе Юхнов – Вязьма Семен Михайлович чуть не погиб, столкнувшись с немецкими танками. Основная же часть штаба оказалась на 105-м километре от Москвы, в лесу за железнодорожным мостом через Протву. Буденный нашел его только с помощью Жукова, встретившего Семена Михайловича в Малоярославце.

6 октября состоялся примечательный разговор по прямому проводу начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова с начальником штаба Резервного фронта генералом А. В. Анисовым:

«Анисов: Связи с 303 сд в течение дня установить не удалось. 33-я армия как организм пока не существует. В Красное Лосьмино есть командующий и член Военного совета, штаба нет, где – неизвестно. Средств связи также нет. Высланные на двух самолетах и одной автомашине командир оперативного отдела и офицер связи для розыска штаба армии и дивизий пока не вернулись. Никаких данных о положении частей 33 А штаб фронта не имеет… Необходима срочная присылка вооруженного пополнения хотя бы 30 тыс. Все.

Шапошников: Мне непонятно, для кого же присылать вооруженное пополнение, когда Вы в своем докладе не назвали ни одного полка стрелкового или артиллерийского, ни одной дивизии… и когда отходят красноармейцы без комсостава и, по-видимому, без вооружения и матчасти. Можно потерять связь, но уже не до такой степени, чтобы через перерывчатый фронт противника нельзя было добраться до частей, которые, без

сомнения, где-то существуют и, по всей вероятности, дерутся. По-видимому, посланные Вами офицеры связи довольно не храбро подошли к выполнению своих задач. Необходимо более энергичных и толковых командиров направить для этого. Нам важен не розыск командующих армий, а войсковых организмов…

Анисов: Пополнение нужно, потому что 24-я армия понесла большие потери, но почти полностью сохранила матчасть.

Шапошников: Где командующий фронтом?

Анисов: Командующий фронтом около 14 часов выехал в Малоярославец, а оттуда намерен поехать в Калугу для проверки работы высланных на это направление командиров штаба и установления связи с соединениями, прибывающими в этот район… Возвращаться сюда он не собирался, ибо сегодня намечается переезд в тот район нашего штаба.

Шапошников: Куда именно переходит штаб? Имейте в виду, чтобы во время перехода была связь с Вами как на старом, так и на новом месте… У меня все. Доносите, как только что-либо получите, хотя бы об одном полку».

Комментируя этот документ, военный историк Л. Н. Лопуховский замечает: «По словам Жукова, он нашел Буденного 8 октября на окраине Малоярославца в райисполкоме, у которого находились две легковые машины. Что он делал целые сутки в отрыве от штаба и без средств связи? Впечатление такое, что он прятался и от Ставки, и от собственного штаба, чтобы не отвечать на вопросы, ответов на которые он все равно не знал. А начальник штаба отдувался за командующего, как мог. Чего стоила его просьба о присылке не дивизий и полков, а 30 тысяч вооруженного пополнения! Куда, зачем? Какими категориями мыслил начальник штаба генерал Анисов? Какую матчасть могли освоить в 24-й армии в обстановке неуправляемого отхода?»

Что ж, слова горькие, но Буденным и руководством Резервного фронта вполне заслуженные. А чего стоит объяснение маршалом своей поездки в район Калуги необходимостью лично проверить работу высланных ранее в этот район командиров штаба? Где бы он их стал искать? Похоже, что Семен Михайлович действительно пытался всеми правдами и неправдами уйти от ответственности за очередное поражение.

8 октября днем Жуков разыскал Буденного в Малоярославце и ознакомил его с директивой Ставки о его снятии с поста командующего Резервным фронтом. После этого Семен Михайлович отбыл в Москву. 10 октября Резервный фронт был включен в состав Западного, командовать которым стал Жуков. Конев остался его заместителем. Что касается Буденного, то он почти месяц оставался не у дел. Наконец, в начале ноября, когда

обстановка под Москвой более или менее стабилизировалась, а немецкое наступление приостановилось, Сталин поручил ему организовать военный парад на Красной площади 7 ноября.

Михаил Соловьев утверждает: «Тимошенко и Буденный потеряли гигантские армии во второстепенных операциях. В Москве полз слух, что Сталин встретил незадачливых полководцев по-отечески: побил палкой». Слух этот, понятно, был вздорным: не царское это дело собственноручно лупить палкой подданных, пусть даже и в маршальском звании. Да и не на второстепенных операциях потеряли сотни тысяч бойцов сталинские маршалы, а на важнейших стратегических направлениях – Западном и Юго-Западном.

За катастрофу под Вязьмой и Брянском Буденный, как и двое других командующих фронтами, не понес никакого наказания. Возможно, Сталин в глубине души сознавал, что главная вина лежит на нем и Генштабе, и не стал наказывать ни Конева, ни Буденного, ни Еременко. Ведь все трое делали абсолютно одинаковые ошибки – направились в боевые порядки войск, потеряли связь с армиями и с собственными штабами, запоздали с быстрым отходом, который один только и мог уменьшить масштабы катастрофы, не могли толком информировать Ставку о положении своих войск. Да еще не ставили подчиненным конкретных заданий на оборону, а предлагали самим их выработать, а потом представить на утверждение. Это приводило только к потере драгоценного времени, а в условиях плохой связи оказывалось неосуществимым. Выделить кого-то одного из троицы как главного виновного было довольно трудно. Буденный к тому же был национальным героем и безоговорочно преданным Сталину человеком. Наказывать его было никак нельзя. Но тогда и остальных карать за неудачу тоже было не совсем удобно. А может, Верховный просто решил, что репрессировать или отстранять от дел сразу трех высокопоставленных военачальников будет неразумно: достойную замену им в данный момент все равно найти не удастся. И в 1942 году все трое опять командовали фронтами.

Семен Михайлович всегда, и в Гражданскую, и в Великую Отечественную, норовил быть в боевых порядках войск, чтобы самому видеть ход сражения. В Гражданскую, когда под его началом было 10–15 тысяч человек, подобные замашки «полевого командира» себя еще оправдывали. Буденному надо было поддержать свой авторитет перед красноармейцами, а риск погибнуть был не так уж велик. Ведь в сабельном бою Буденному не было равных, а плотность огня была несравненно меньше, чем в обеих мировых войнах. А вот в Великую Отечественную, когда

Семену Михайловичу пришлось руководить сотнями тысяч человек, для управления которыми необходимы были современные средства связи, подобное участие в атаках и длительное нахождение на передовой стало просто пагубным. И дело не только в том, что риск погибнуть или быть раненым возрос многократно (вспомним, что были ранены Тюленев и Ворошилов, азартно пошедшие в атаку вместе с пехотой). Еще хуже было то, что во время длительных экскурсий на передний край безнадежно терялось управление войсками. А это, как правило, вело к катастрофическим неудачам и большим потерям. Да, Великая Отечественная явно не была войной Буденного. Всем своим сердцем и разумом Семен Михайлович навсегда остался «на той далекой, на Гражданской».

7 ноября 1941 года Буденный командовал парадом на Красной площади, который проводился, несмотря на опасность налетов немецкой авиации (правда, погода была нелетная). Потом Семен Михайлович стоял рядом со Сталиным на мавзолее и слушал речь Верховного: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков… Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Генерал М. Ф. Лукин, попавший раненым в плен под Вязьмой, на допросе в штабе группы армий «Центр», предлагая немцам сформировать антикоммунистическое русское контрправительство, так отозвался о советских полководцах: «Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны, – это Буденный и Тимошенко. Буденный – это человек из народа, в 1938 году Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Буденный и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Буденный, и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы выступить, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в ваших силах, а не в наших. Жуков и Шапошников не являются такими популярными, но они очень хорошие солдаты. Правда, я не думаю, что новые сформированные дивизии смогут вести

наступательные действия; они могут только хорошо обороняться. Очень многие не хотят воевать, и при наступлении наших наступающих часто брали в плен очень легко. В районе южнее Ярцева вы имели 50 орудий на одном километре фронта, но наша пехота все равно должна была наступать три раза. Было очень много убитых, и очень многие не желали прорываться из окружения, а сдавались. Все-таки потери составили не менее 10 тысяч человек».

Михаил Федорович, очевидно, не знал о состоявшемся 7 ноября параде, иначе вряд ли рискнул бы зачислить Семена Михайловича в ряды тех, кто готов восстать против Сталина. Возможно, до Лукина дошли слухи о показаниях участников «военно-фашистского заговора» против Буденного и Тимошенко, и он склонен был принять их за чистую монету. А быть может, пленный генерал, рассказывая об оппозиционности двух первых лиц в руководстве Красной армии, пытался таким образом убедить немцев, что русскому антибольшевистскому правительству будет на кого опереться, и, сумев привлечь на свою сторону Буденного с Тимошенко, оно убедит Красную армию прекратить сопротивление и быстро закончить войну. Излишне доказывать, что ни Семен Михайлович, ни Семен Константинович ни сном ни духом не думали о восстании против Сталина. Тимошенко – правда, уже после окончания войны, – вообще породнился с вождем, выдав свою дочь Екатерину за его сына Василия.

5 декабря советские войска перешли под Москвой в контрнаступление. В результате группа армий «Центр» была отброшена от Москвы на 150–200 километров. Это было первое крупное поражение германской сухопутной армии во Второй мировой войне и первый крупный успех советского оружия, имевший стратегическое значение. Но Буденного в тот момент уже не было на Московском направлении.

Вскоре после парада 7 ноября Семен Михайлович отправился под Сталинград для инспектирования оборонительных сооружений. Там произошел конфликт между инженером А. Н. Комаровским, предложившим передовой метод строительства дотов из сборных железобетонных деталей, и специалистами из Ставки, требовавшими монолитного железобетона. Разобравшись в сути происходящего, лично испытав конструкции на прочность и поражаемость артиллерийским огнем, Буденный выступил в защиту нового метода. Ставка согласилась с мнением Буденного и дала «добро». В результате противник позже понес большие потери и потерял много времени, прорывая линию долговременных оборонительных сооружений Сталинграда.

Правда, по иронии судьбы, когда армия Паулюса сама попала в окружение, теперь уже советским войскам пришлось с большими потерями преодолевать те же самые укрепления.

После посещения Сталинграда Буденный отправился в Крым, где потребовал от командующего Отдельной Приморской армией И. Е. Петрова как можно дольше держаться в Севастополе, не позволяя перебросить немецкие войска из Крыма на Кавказ или под Москву. 5 декабря 1941 года в качестве представителя Ставки Буденный на Тамани руководил подготовкой десанта на Керченский полуостров, который завершился успехом. Однако в январе 1942 года немецко-румынским войскам удалось отнять у советской 51-й армии Феодосию. Но Керчь советские войска тогда удержали.

21 апреля 1942 года Буденный был назначен главкомом Северо-Кавказского направления, а в мае – командующим Северо-Кавказским фронтом. Уже 22 апреля Буденный побывал в штабе Крымского фронта и доложил, что глубоко эшелонированной обороны на Керченском полуострове нет и войска могут не выдержать удара 11-й немецкой армии. 8 мая немцы прорвали оборону 44-й армии. Уже 10 мая Ставка приказала отвести войска Крымского фронта к Керчи. Сталин потребовал от Буденного немедленно отбыть в Керчь. Буденный и адмирал Исаков добрались туда на катерах 12 мая. Семен Михайлович после совещания с командованием фронта оценил обстановку как безнадежную и распорядился прекратить переправку грузов на Керченский полуостров и немедленно начать эвакуацию, направив для этого все суда, имевшиеся на Тамани. Но эвакуировали пока только тяжелое вооружение. Лишь 14 мая, когда немцы ворвались на окраину Керчи, была поручена санкция Ставки на всеобщую эвакуацию, проведенную вполне провально.

В результате основная часть войск, оборонявшихся на Керченском полуострове (до 170 тысяч человек), попала в плен.

Но и за крымскую катастрофу Сталин Буденного не наказал. Ведь Семен Михайлович честно предупреждал, что войска к обороне не подготовлены и серьезного немецкого наступления не выдержат. Кроме того, непосредственно за боевые действия на Керченском полуострове отвечало командование Крымского фронта и представитель Ставки – начальник ГлавПУРа Л. З. Мехлис. С них и спросили.

Назначая Буденного командующим Северо-Кавказским направлением и фронтом, Сталин рассчитывал, что в родных местах популярность легендарного командарма Первой конной заставит местных красноармейцев более упорно сражаться – тем более что многие кубанские и донские казаки и горцы Северного

Кавказа охотно вступали в ряды вермахта, в котором видели освободителя от большевиков.

28 июля 1942 года в состав Северо-Кавказского фронта были включены армии Южного фронта. После оставления советскими войсками Ростова Буденный полагал, что теперь остановить врага можно будет только на Тереке и в предгорьях Кавказа. Он писал в Ставку: «Главной и основной линией обороны должны быть река Терек и Кавказский хребет. Для обороны военно-морских баз – Новороссийск, Анапа, Туапсе – 47-ю армию с отдельным стрелковым корпусом подчинить в оперативном отношении Черноморскому флоту».

Однако советские войска на Кавказе все равно продолжали отступать. Наводить порядок туда в качестве представителя Ставки был послан член ГКО и нарком внутренних дел Л. П. Берия. Уже 1 сентября 1942 года он направил Сталину следующую характерную телеграмму: «Командующим Закавказским фронтом (Лаврентий Павлович предлагал Северо-Кавказский фронт слить с Закавказским. – *Б. С.)* считаю целесообразным назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Буденный. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Буденного на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности он, безусловно, провалит дело…»

По словам Марии Васильевны Буденной, «в войну, когда Берия без ведома Семена Михайловича стал на Северном Кавказе по своему усмотрению переставлять воинские части, Семен Михайлович разозлился и пошел к Сталину, тот не поддержал Семена Михайловича:

– Берия сам кавказец, ему лучше знать, как расставлять части на Кавказе.

– Но ведь Берия не военный человек, а чекист, – возражал Семен Михайлович, – это не одно и то же».

Вероятно, здесь перед нами отзвук того конфликта, который привел к цитированной выше телеграмме Берии Сталину. Однако вряд ли сам по себе этот конфликт стал причиной смещения Буденного с поста командующего Северо-Кавказским фронтом и направлением, последовавшим уже 2 сентября. Тут были более веские причины. Во-первых, поскольку немцы уже подошли к Главному Кавказскому хребту и вот-вот могли ворваться в Закавказье, было, безусловно, целесообразно поставить все советские войска на Кавказе под единое командование. Во-вторых, учитывая, что с именем Буденного в войсках связывали только отступление, да и Наполеоном во время сражений на

Северном Кавказе он себя не показал, лучше было заменить его на Тюленева, который еще не воевал, у которого пока еще не было репутации «генерала отступления» и который по деловым качествам все-таки превосходил Семена Михайловича. Кроме того, Тюленев уже четыре года командовал Закавказским фронтом и хорошо знал театр военных действий.

Обстоятельства этой поездки Берии на Кавказ хорошо изложены в мемуарах тогдашнего заместителя начальника оперативного отдела Генштаба С. М. Штеменко. Берия, чье имя в период, когда Штеменко писал свои мемуары, запрещено было упоминать в открытой печати, действует здесь под псевдонимом начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта П. И. Бодина. Штеменко пишет: «Лишь через несколько дней после вызова в Ставку, а именно 21 августа, П. И. Бодин объявил мне:

– Подготовьтесь, завтра в 4 часа поедете со мной на аэродром. Возьмите шифровальщика и нескольких направленцев.

Мне тогда готовиться почти не требовалось. Все данные по своему направлению я знал наизусть, а жили мы тут же, где и работали, на Кировской. Утром в назначенное время поехали в машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину представился командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, пошли через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и прямо с аэродрома направились в штаб фронта. Город еще не спал. Многие улицы были ярко освещены и полны людей.

П. И. Бодин немедленно заслушал доклад начальника штаба фронта А. И. Субботина и объяснил, с какими задачами мы прибыли. Их было немало: уточнить на месте обстановку, наметить дополнительные меры по усилению обороны Закавказья и провести их в жизнь, создать резервы из войск, отошедших и отходящих в Закавказье с севера, а также за счет мобилизации новых контингентов из местного населения и, наконец, ускорить подготовку оборонительных рубежей, прежде всего на бакинском направлении. В заключение Бодин обратился к командующему фронтом:

– Известно ли вам, что союзники пытаются использовать наше тяжелое положение на фронтах и вырвать согласие на ввод английских войск в Закавказье? Этого, конечно, допустить нельзя. Государственный Комитет Обороны считает защиту Закавказья

важнейшей государственной задачей, и мы обязаны принять все меры, чтобы отразить натиск врага, обескровить его, а затем и разгромить. Надежды Гитлера и вожделения союзников надо похоронить…

Практическая наша деятельность здесь началась с того, что уже 24 августа в Закавказье было введено военное положение. Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. А те части и соединения, которые оказались обескровленными в предшествовавших боях, утеряли органы управления или вооружение, отводились в тыл. На главном, бакинском направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус…

Тяжелая обстановка сложилась на Таманском полуострове и в Новороссийске, где располагались базы нашего флота. Отсюда враг намеревался содействовать удару на Туапсе, и здесь его успехи оказались серьезнее. В конце августа – начале сентября он отвоевал полуостров и захватил большую часть Новороссийска. Для 47-й армии и частей флота, оборонявших этот крупнейший порт Черноморского побережья, создалось критическое положение. Исход борьбы решали стойкость войск, искусство и мужество командования, целесообразность принимаемых решений и твердость проведения их в жизнь. Мы считали, что в этом районе прежде всего следует организовать надежное управление войсками. 1 сентября на базе Северо-Кавказского фронта там была создана Черноморская группа войск, подчиненная Закавказскому фронту. Через несколько дней в командование этой группой вступил герой обороны Севастополя генерал-лейтенант И. Е. Петров. Командующим 47-й армией и всем Новороссийским оборонительным районом Военный совет фронта предложил назначить генерал-майора А. А. Гречко, а руководителем обороны самого города Новороссийска – контр-адмирала С. Г. Горшкова. Это предложение Ставка утвердила. Результаты сказались немедленно. 10 сентября советские войска остановили врага в восточной части Новороссийска между цементными заводами и заставили его перейти к обороне.

Главный Кавказский хребет не входил в зону действий ни Черноморской, ни Северной групп. Оборонявшая его 46-я армия, по идее, должна была находиться в непосредственном подчинении командования фронта. Но потом при штабе фронта появился особый орган, именовавшийся штабом войск обороны Кавказского хребта. Возглавил его генерал Г. Л. Петров из НКВД. Надо прямо сказать, что это была совершенно ненужная,

надуманная промежуточная инстанция. Фактически этот штаб подменял управление 46-й армии.

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создалась бы угроза выхода немцев на юг, к Черному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы из кадровых войск. В районе Красной Поляны путь к морю на Сочи преградила врагу 20-я горнострелковая дивизия под командованием полковника А. П. Турчинского, 23-й пограничный и 33-й механизированный полки НКВД. Далее к востоку занял оборону крупный отряд полковника И. И. Пияшева. Затем оборонялись части 394-й стрелковой дивизии подполковника И. Г. Кантария и другие войска. В горы выдвигались также вооруженные рабочие отряды. Против врага поднялась вся многонациональная семья народов Кавказа. На боевых рубежах и в тылу противника шла гибельная для непрошеных гостей борьба. Братство народов выдержало все испытания. Расчеты оккупантов на его слабость полностью провалились.

Именно к этому времени относятся события в районе Марухского перевала. В очень трудных условиях его героические защитники отбили все попытки немецких горных отрядов захватить перевал и прорваться здесь через Главный Кавказский хребет. Они выполнили свой солдатский долг до конца.

Ожесточенные бои шли на Тереке. Там наступала 1-я танковая армия, в составе которой было два армейских и три танковых корпуса противника. Удар наносился с расчетом вырваться одновременно на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там, ни тут немецкие войска не достигли успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями. Сколько враг ни бился, до грозненской и бакинской нефти добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток.

Не вышло дело и на черноморском направлении, хотя там немцы проявляли исключительную активность, особенно под Туапсе. С конца сентября, после основательной перегруппировки, они вторично повели атаки с явным намерением окружить и уничтожить основные силы 18-й армии. Вновь нависла угроза над морским побережьем. В этих условиях Ставка и Военный совет

фронта укрепили войска армии свежими силами, а в середине октября командовать ею направили генерала А. А. Гречко. Активизировалась и политическая работа. В ходе тяжелых боев советские войска зацепились за последнюю горную гряду на подступах к Туапсе, но врага не пропустили…

Более на туапсинском направлении немецко-фашистские войска в наступление не переходили. Не преодолели они и Кавказский хребет, хотя здесь действовал хорошо обученный горнострелковый корпус. На северном склоне Эльбруса враг захватил стоянку альпинистов «Приют одиннадцати», но далее не продвинулся…

Через месяц мы возвратились в Москву. Вопреки хвастливым заявлениям командования немецкой группы армий «А» о том, что сопротивление советских войск скоро будет сломлено, положение в Закавказье стабилизировалось. С нами не было лишь генерал-лейтенанта П. И. Бодина – его назначили начальником штаба фронта. Но недолго пришлось ему занимать этот высокий пост. 1 ноября Бодин погиб: попал в районе Орджоникидзе под бомбежку немецкой авиации, не захотел для безопасности лечь на землю и расплатился за это жизнью».

С чего это вдруг начальник Оперативного управления Генштаба начинает говорить от имени ГКО? И почему генерал-лейтенант, ничуть не смущаясь, делает выговор командующему фронтом маршалу Буденному? Да потому, что этот монолог в действительности произнес не Бодин, а Берия, в этом нет никаких сомнений. Генеральный комиссар госбезопасности мог не то что выговор маршалу закатить, а при необходимости стереть его в лагерную пыль. Отмечу, что все мероприятия по обороне Закавказья, принятые во время пребывания там Берии, Штеменко, очень квалифицированный генштабист, и 45 лет спустя считал правильными. Также и заменить в мемуарах Берию на погибшего П. И. Бодина было совершенно безопасно (замечу, что во время той же бомбежки был тяжело ранен член Военного совета фронта Л. М. Каганович).

В оправдание Буденного можно отметить, что еще в начале августа 1942 года Семен Михайлович докладывал в Ставку, что в составе четырех армий Северо-Кавказского фронта имелось лишь 24 тысячи активных штыков, 94 самолета и ни одного танка. Боезапасы, продовольствие, медикаменты тоже были на исходе…

Недовольство Сталина Буденным было вызвано как захватом немцами ряда перевалов Главного Кавказского хребта, так и овладением ими 9 августа Майкопом с его нефтеносным районом. При этом стратегически важный стальной шоссейный мост через Белую был захвачен германскими спецназовцами из

учебного полка «Бранденбург» в целости и сохранности. Только во время боев в районе Терека с 16 августа по конец сентября германским 3-м танковым корпусом было взято пять тысяч пленных, причем более половины из них добровольно перешли на сторону немцев. Это свидетельствовало о низком моральном духе войск, подчинявшихся Буденному, равно как и о том, что многие представители кавказских народов не горели желанием сражаться за советскую власть.

Справедливости ради отметим, что замена Буденного Тюленевым к радикальному изменению ситуации на Кавказе не привела. Войска Закавказского фронта продолжали отступать. Остановились они только к середине ноября, и связано это было с тем, что все больше сил немцев поглощал Сталинград. А потом, после окружения армии Паулюса, прорыв вермахта в Закавказье окончательно потерял всякую актуальность. Немецкому командованию пришлось теперь думать о том, как унести оттуда ноги подобру-поздорову. И это им удалось сделать, удержав к тому же Таманский плацдарм. Можно не сомневаться, что ход событий не изменился бы, если бы Закавказский фронт возглавлял не Тюленев, а Буденный. И Семен Михайлович бы тогда мог носить лавры освободителя Северного Кавказа. Но Сталину для новой войны нужны были новые герои. Показательно, что и после освобождения Северного Кавказа старый конармеец Иван Владимирович Тюленев так и не выдвинулся в первый ряд полководцев Великой Отечественной. Может быть, это было связано с досадой Сталина, что немцы с Кавказа все-таки ускользнули. Но немалую роль тут играли и чисто пропагандистские соображения. Сталин понимал, что будет лучше, если победы в Великой Отечественной будут связываться в народной памяти с молодыми полководцами, еще неизвестными в годы Гражданской войны, но зато воспитанными всецело под мудрым сталинским руководством.

По словам дочери Буденного Нины, отец «понимал, что в этот период другого не могло быть и это не от его качеств зависит. Папа знал, что нам придется отступать, и его главной задачей было уберечь людей».

«То есть выиграть он не рассчитывал?» – поинтересовалась журналистка, берущая интервью у дочери маршала.

«Не рассчитывал, – подтвердила Нина Семеновна. – Он говорил, что мы к этой войне были абсолютно не готовы».

В принципе Буденный предлагал не такую уж абсурдную в тогдашних условиях стратегию истощения врага. Она предполагала, что Красная армия должна была преимущественно обороняться, а при невозможности удержать позиции – отступать,

чтобы сохранить силы. Семен Михайлович, по примеру Гражданской войны, стремился минимизировать собственные потери. Как уже говорилось, Красная армия уступала вермахту по уровню боевой подготовки и командования, равно как и по уровню технической оснащенности (особенно в части средств моторизации и связи). Поэтому для советских войск было предпочтительным ведение более простых форм боевых действий, вроде позиционной обороны. В этом случае вполне можно было использовать численное преимущество советской стороны и прикрыть по возможности все уязвимые направления. Также и танки целесообразно было использовать в основном для целей обороны, преимущественно для непосредственной поддержки пехоты, так как опыт подсказал, что в широкомасштабных танковых боях советские танкисты часто терпели поражения даже в последние годы войны, когда превосходство Красной армии в людях и технике было подавляющим.

Однако Сталин, в отличие от Буденного, привык воевать, не считаясь с жертвами собственной армии. В начале войны он рассчитывал на блицкриг, а потом, когда блицкрига не получилось, все равно исповедовал наступательную стратегию. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, Сталин искренне верил, что так быстрее удастся победить Гитлера и меньше зависеть от помощи западных союзников. Во-вторых, он хорошо помнил по опыту Первой мировой, что длительная позиционная война разложила русскую армию, что стало главной причиной революции. В сталинскую же стратегию сокрушения применительно к условиям Великой Отечественной войны Буденный никак не вписывался. Поэтому Сталин и не стал поручать ему ни одной наступательной операции в 1943–1945 годах, когда наступала уже Красная армия. У Семена Михайловича, как кажется, не было столь импонирующей Сталину беспощадности к собственным солдатам, какая была, например, у Георгия Константиновича Жукова. Но потому-то Москву и отстоял Жуков, а не Буденный.

В январе 1943 года Буденный был назначен командующим кавалерией Красной армии. Это был чисто декоративный пост, не предполагавший непосредственного руководства боевыми действиями. Вероятно, Сталин учел, среди прочего, что в 1943 году Семену Михайловичу исполнится уже 60 лет и ему уже не так легко, как молодым, командовать войсками на поле боя. Объявив Буденному о новом назначении, Сталин доверительно изложил ему основы советской стратегии после Сталинграда: «Мы победим, в этом нет сомнения. Сломаем хребет фашистскому зверю. Победим даже в том случае, если союзники не откроют

второго фронта в Европе. Но мы не можем говорить о победе отвлеченно. Нам надо разгромить врага и поставить его на колени как можно быстрее. Однако враг еще силен. Впереди тяжелые бои. От нас потребуются предельное напряжение сил, большие жертвы. И надо сделать так, чтобы эти жертвы не были напрасными. В лагере противника идет подозрительная возня. Гитлеровская клика делает крупную ставку на разлад между СССР и союзниками. Если война затянется, правящие круги США и Англии могут пойти если не на прямую измену, то на сепаратный мир. Этим кругам, – а тон задает им Черчилль, – очень хотелось бы сохранить фашистскую Германию – пусть без Гитлера – как форпост против СССР на Западе. Черчилль идет еще дальше: мечтает восстановить панскую Польшу, бережет буржуазное польское правительство. Мы должны наращивать силу ударов и в то же время воевать с умом, добиваться победы в любом бою малой кровью… И кое-кто за границей полагал и теперь полагает, что война предельно истощит нас. Мы окажемся-де настолько обессиленными, что лишимся какой-либо возможности влиять на международную политику, потеряем всякий международный вес, и тогда нам, даже непобежденным, можно будет диктовать любые условия. А мы должны войти в Западную Европу, имея закаленную в боях армию.

И пусть тогда попробуют господа Черчилли диктовать нам условия мира, применять политику диктата!»

Сталин не исключал, что Красной армии удастся разбить Германию и оккупировать основные страны Западной Европы еще до того, как англо-американские войска высадятся на континенте. Но в беседе с Буденным Иосиф Виссарионович предъявил к Красной армии два взаимоисключающих требования. С одной стороны, не считаясь с жертвами, как можно скорее поставить врага на колени и войти в Западную Европу. С другой стороны, стремиться побеждать малой кровью. Практическое значение из этих установок имела только первая – идти вперед как можно скорее, не считаясь с потерями. Эти слова – «не считаясь с жертвами» – повторяются во многих приказах и директивах Ставки и лично Сталина. Лозунг же «воевать малой кровью», также встречающийся и в приказах, и в беседах Сталина с командующими фронтами, имел чисто пропагандистское значение. Он призван был убедить бойцов и командиров, что высокие начальники заботятся о сбережении их жизней. В народе родилась горькая присказка: в первые два года войны огромные жертвы были принесены, чтобы избежать поражения, а в последние два – чтобы приблизить победу.

Буденный и начальник штаба кавалерии генерал И. С.

Карпачев разработали директиву, которой предписывалось усиленные кавалерийские корпуса использовать на направлении главного удара армии в тесном взаимодействии с другими родами войск. Корпусам следовало передавать в помощь артиллерию РГК, гвардейские минометные части («катюши»), специальные войска, а также придавать им стрелковые дивизии. Не разрешалось использование кавалерийских соединений для самостоятельного прорыва укрепленных позиций, захвата опорных пунктов, а также использовать конницу в местности, где она не имеет свободы оперативного маневра.

К началу 1943 года Красная армия включала 26 кавалерийских дивизий, насчитывавших к 1 мая того же года 239 тысяч человек и 227 тысяч лошадей. По сравнению с максимальной численностью в 1941–1942 годах личный состав кавалерии сократился примерно вдвое. Некоторые кавалерийские соединения были переформированы в танковые и механизированные корпуса. По мере приближения к концу войны роль кавалерии неуклонно сокращалась, но количество кавалерийских дивизий не изменилось. В момент завершения войны с Японией, в ходе которой советская кавалерия совершила тысячекилометровый рейд через монгольские степи, дивизий было по-прежнему 26. Столь большое их количество во многом объяснялось наличием в рядах Красной армии значительного числа кубанских и донских казаков, издавна привыкших сражаться в конном строю.

В том же 1943 году командующий Закавказским фронтом генерал Тюленев предложил сформировать на базе 4-го гвардейского кавкорпуса конную армию в составе семи дивизий. Буденный эту идею отверг, объяснив Сталину, сперва положительно воспринявшему тюленевскую идею, что конармия будет слишком уязвима для вражеской авиации и артиллерии. По предложению Буденного Ставка решила создавать конно-механизированные группы. Семен Михайлович еще до войны пришел к выводу, что корпус должен состоять не менее чем из трех кавалерийских дивизий, а также танковой бригады и артиллерийских частей. Кроме того, корпусу может придаваться моторизованная стрелковая дивизия. Теперь эти идеи претворились в жизнь.

Создание конно-механизированных групп, где кавалеристы объединялись с танковыми и механизированными частями, было давней буденновской идеей. Вряд ли это решение было рациональным – конники только ограничивали подвижность механизированных частей. Только в горно-лесистой местности, где не могли пройти танки и машины, применение кавалерии

было по-настоящему оправданным. Между тем помимо временных конно-механизированных групп, создававшихся в 1943–1945 годах, в 1944 году была создана постоянная 1-я гвардейская конно-механизированная группа под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева в составе 4-го и 6-го гвардейских кавалерийских и 7-го механизированного корпусов.

Верховный не забывал о внешних знаках отличия по отношению к Буденному. 25 апреля 1943 года, в связи с 60-летием, Семен Михайлович был награжден орденом Ленина. По приказу Сталина, как Верховного главнокомандующего, кавалерийские курсы усовершенствования командного состава Красной армии были переименованы в Краснознаменную Высшую офицерскую кавалерийскую школу Красной армии имени С. М. Буденного.

1 мая 1944 года Сталин издал приказ о кавалерии, подготовленный штабом Буденного: «Там, где кавалерийские соединения используются массированно, где они усиливаются механизированными и танковыми соединениями и поддерживаются авиацией, где они используются… для удара по тылам противника или для преследования… там кавалерииские соединения всегда дают хороший боевой эффект. Примерами правильного применения кавалерийских соединений могут служить 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты… Примерами неправильного использования конницы могут служить 1-й Прибалтийский, бывший Западный и 1-й Белорусский фронт».

Нетрудно заметить, что более успешно кавалерия действовала в сухой горно-лесистой или лесостепной (балки) местности юга, а не в лесисто-болотистой местности севера и запада, где лошади вязли в болотах. В открытой же местности, особенно до 1943 года, когда немецкая авиация господствовала на поле боя, кавалерию применять было неэффективно из-за ее уязвимости с воздуха. Лишь в конце 1944-го и в 1945 году, когда немецких самолетов над полем боя уже почти не было, кавалерию можно было эффективно применять в степях Венгрии. Но в горах и всадники, и лошади быстро уставали, особенно при движении вверх, и в тех же Карпатах конница теряла свою подвижность и не наносила существенного вреда противнику.

2 февраля 1944 года Буденный вручил делегации Сталинграда почетный меч – дар британского короля Георга VI. Семену Михайловичу все больше приходилось выполнять чисто представительские функции. Правда, он как член Ставки Верховного главнокомандования принимал участие в планировании ряда стратегических наступательных операций. Так, весной 1944 года он вместе с командующими ряда фронтов

участвовал в совещании в Ставке, на котором обсуждался план операций в летней кампании, в том числе главное наступление в Белоруссии – операция «Багратион» и последующий удар на Львовско-Сандомирском направлении. Одновременно предполагалось, что при приближении советских войск в Варшаве вспыхнет восстание против немцев. Об этом совещании уже в начале мая стало известно германскому командованию. Однако Гитлер не стал отводить войска с «белорусского балкона», так как в этом случае Красная армия еще до начала летней кампании оказалась бы как минимум в районе Бреста и могла угрожать Варшаве.

Буденный предложил выделить для «Багратиона» четыре кавкорпуса. Сталин согласился, что такого количества конницы будет вполне достаточно. Конно-механизированная группа Плиева действовала на 1-м Белорусском фронте, а конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского – на 2-м Белорусском фронте. Буденный перед наступлением побывал у Плиева, обещал ускорить прибытие эшелонов с лошадьми, посоветовал, как организовать взаимодействие с механизированными частями. После начала наступления Семен Михайлович находился на командном пункте 65-й армии генерала П. И. Батова, с которой взаимодействовала группа Плиева. Кавалеристы действовали успешно, хотя и несли большие потери, особенно в лошадях.

30 апреля 1945 года глубокой ночью Буденному позвонил Сталин и сообщил новость о самоубийстве Гитлера. А после окончания войны, 12 мая, Сталин направил Буденного в Берлин для проверки обстановки в городе и обеспечения населения предметами первой необходимости. Это была уже не боевая, а хозяйственная задача.

За Великую Отечественную войну Буденный был удостоен полководческого ордена Суворова 1-й степени. Но собственная его роль в войне была невелика и больше сводилась к формированию различных соединений, в первую очередь резервных и кавалерийских, да к встречам с различными делегациями, советскими и иностранными. Собственно же полководческая работа Семена Михайловича была явно неудачной. Ни одного сражения он так и не выиграл, зато потерпел несколько весьма болезненных поражений.

Глава десятая
МИРНАЯ ЖИЗНЬ И СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Буденный всегда был беспощаден к врагам и ненависть к ним сохранял надолго. Это проявилось в первые дни после Победы и слегка шокировало иностранных военачальников. Посетивший Москву в августе 1945 года командующий союзными войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр вспоминал: «В день, когда пришла весть о победе над Японией (14 августа, когда японское правительство и император объявили о капитуляции; в этот день, накануне отъезда Эйзенхауэра из Москвы, американский посол устроил прием в его честь. – *Б.* С.), маршал Буденный, казалось, не испытывал по этому поводу никакого энтузиазма. Я спросил, почему он не радуется окончанию войны. Он ответил: «О да, но нам надо было бы продолжать сражаться, чтобы убить еще больше этих проклятых японцев». Маршал казался привлекательным, добрым и приветливым человеком, но видно было: его нисколько не волновало, что каждый день продолжения войны означал смерть или раны еще для сотен российских граждан».

Уже знакомый нам Михаил Соловьев так охарактеризовал роль Буденного в Великой Отечественной и причины его политической и карьерной живучести: «Во Второй мировой войне сильно изменился облик офицерского состава Красной армии. Пошел в гору молодняк. Безвестные майоры и капитаны стали генералами. Полковников Рокоссовского и Малиновского война сделала маршалами.

Новые цепки и напористы. Они лучше обучены, чем старые. Кое-что почерпнули в школах-девятилетках. Прошли военные училища и военные академии. Лучше вышколены, больше уверены в себе и тоньше ощущают вкус властвования над людьми. Но в то же время в новых живет дух старых революционных полководцев. Да и сами эти полководцы – поседевшие, обрюзгшие, истомленные жизнью – со сцены не уходят. В молодом армейском офицерстве сочетается бездумность и внутренняя опустошенность старшего поколения с жадной и неразбирающейся в средствах приспособляемостью, привитой новому поколению эпохой вырождающегося коммунизма. «Новые» продолжили традиции «старых» и окончательно низвели военное искусство до немудреного правила: «Бей». Маршал Жуков из «старых», но его тактика приемлется всей армией. Когда во время

Второй мировой войны надо было преодолеть минные поля, Жуков посылал вперед пехоту. Бойцы взрывались на минах. Человеческими телами расчищали путь через минные поля для танков. Танков было мало и ими дорожили, а людьми на Руси, особенно на советской, дорожить никогда не умели и не хотели.

Дух рационализированной чингисхановщины. В советской армии он не умрет, покуда существует эта армия. Поэтому из плеяды современных полководцев мы выберем двух, в облике которых дух чингисхановщины проявляется в наиболее открытой и выразительной форме. И первым из них будет Семен Михайлович Буденный, маршал Советского Союза, кавалер множества орденов, лихой рубака в прошлом и лихой гуляка в настоящем, бывший любимец Сталина и, вероятно, покровительствуемый теперь Маленковым.

Представьте себе человека среднего роста с объемистым брюшком, явно обозначившимся под дорогим тонкошерстным кителем. В сочетании с брюшком грудь кажется впалой. По груди – россыпь орденов и медалей. В обычное время эта россыпь исчезает и заменяется колодками орденских ленточек в три ряда. У человека непомерно низкий и узкий лоб, кустистые брови. Глаза коричневатые, почти черные. Длинноватый нос. Рот прикрывается усами, порядком поредевшими к старости. Усы, брови, волосы – иссиня-черные. Иногда они приобретают фиолетовый оттенок: это когда парикмахер перестарается.

Таков маршал Буденный.

Живет этот маршал остатками былой своей славы, выпавшей ему в годы Гражданской войны и ничем с тех пор не приумноженной. Напоминает он будяк. Возвышается такой будяк над скромной степной травой, царственно покачивает лиловою своей головой, а никому-то он, будяк этот, не нужен. Набредет овечья отара на то место, где растет будяк, объест траву вокруг, но на будяк овцы только с презрением покосятся: живи, бесполезный, красуйся.

Вот так точно и Буденный. Фуражка с золотым шитьем, воротник кителя накладным золотом изукрашен, на шее бриллиантовая маршальская звезда, на груди ордена, а посмотришь на всё это великолепие и невольно о степном будяке вспомнишь. Голова у будяка алая и пушистая, ствол сочный и толстый, земными соками перекормленный.

Из всех маршалов Буденного мне довелось узнать ближе и лучше других. Маршалы народ величественный, и малозначительному журналисту до них не добраться. Но Буденный был иным. Его «будячная» натура делала его бесполезным в любом ведомстве, куда его посылали, и потому он

занимался чем угодно, но только не делами.

Буденный – человек войны. Не современной войны, когда всё решается машинами и страшными смертоносными снарядами, перебрасываемыми на огромные расстояния, а той войны, которая канула в вечность и олицетворялась в людях, в их личной доблести и бесстрашии. Еще в императорской армии, будучи вахмистром, Буденный обратил на себя внимание своею лихостью. Это качество осталось при нем и тогда, когда революция вытолкнула его на поверхность и сделала командиром красной конницы. К концу Гражданской войны стал Буденный одним из самых популярных революционных полководцев, кумиром молодежи, жившей тогда взволнованным предчувствием наступающего царства коммунизма с его великими социальными свершениями. Крепко возлюбил Буденный славу и вряд ли мог бы жить в неизвестности.

После Гражданской войны немногим удалось сохранить приобретенную ими славу, но Буденный сохранил, и хоть потускнела она, но все-таки старому маршалу не придется закончить свой жизненный путь в неизвестности. Поистине, Буденный – баловень судьбы, иначе как бы мог он удержаться на верху военной иерархии! После Гражданской войны на одних лишь прошлых заслугах жить было не легко. Для высоких постов требовалась хоть элементарная образованность, Буденный же знаниями никогда перегружен не был.

И все-таки он устоял.

Может быть, его бездумность способствовала этому даже больше, чем мог бы способствовать подлинный талант, имей он его. Блестящая военная карьера Буденного зиждется не на талантах, не на успехах, не на труде, а на простой удачливости. И самой большой, пожалуй, удачей Буденного было то, что Сталин увидел в Буденном законченный образец бездумного служения, нерассуждающей покорности. Таким Сталин неизменно покровительствовал».

Слова перебежчика Соловьева злы и порой несправедливы, но во многом точны. Самое интересное, что и после Великой Отечественной Буденный смог вполне комфортно существовать, опираясь на славу, завоеванную в Гражданской войне. Причем это продолжалось не только при Сталине, но и при Хрущеве, и при Брежневе.

А вот свою военно-политическую роль Буденный утратил уже в конце 1942 года, когда реально перестал командовать войсками. После войны Сталин в армии, из Красной переименованной в Советскую, опирался, особенно после опалы Жукова, на генералов и маршалов, выдвинувшихся уже в ходе самой Великой

Отечественной и непосредственно с кон-армейской группировкой не связанных. Тут можно назвать Василевского, Соколовского, Конева и ряд других полководцев. Буденный же теперь остался только неким живым монументом бурной революционной эпохи.

После Великой Отечественной коневодство на несколько лет стало главным занятием Семена Михайловича. В 1947 году он был назначен заместителем министра сельского хозяйства по коневодству и конезаводству. Буденный сконцентрировал свои усилия на улучшении кормовой базы и проведении племенной работы в животноводстве. Вот что рассказывает бывший сотрудник Института коневодства, ныне – экскурсовод Московского ипподрома: «Семен Михайлович написал 70 работ по коневодству, писал сам, не референты. Под его редакцией вышел фундаментальный пятитомник „История лошади“. При Хрущеве пришлось перевести Институт коневодства из Москвы в Рязанскую область. Семен Михайлович обеспечил переезд. Сначала построил жилые дома, а уж потом лаборатории. И, пока Буденный был жив, мы жили как у Христа за пазухой и прятались от бед под усами маршала». На Ростовском ипподроме до сих пор ежегодно проходят скачки на приз имени Буденного.

А вот в том, что Буденный книги и статьи по коневодству писал без помощи референтов, позволительно усомниться. Другое дело, что, возможно, в эти книги маршал привносил больше собственных мыслей и опыта, чем в выступления на партийных съездах и иных форумах, где озвученные им тексты выглядели слишком уж гладкими и безликими.

Буденный написал книгу «О племенной работе в коневодстве и конезаводстве», которая в чем-то не устарела и сегодня – во всяком случае, в той части, в которой Буденный опирается на свой практический опыт по выведению буденновской и терской пород, на что он потратил четверть века. Но научное значение этой книги сомнительно. На сессии ВАСХНИЛ 5–9 мая 1949 года, первой после погрома генетики на печально памятной сессии 1948 года, Семен Михайлович заявил, что племенное животноводство надо строить на основе «передовой биологической науки Мичурина – Лысенко». На посты директоров конезаводов Семен Михайлович еще в 30-е годы пристроил бывших кавалерийских командиров, которые далеко не всегда соответствовали новым должностям. Делал он порой и добрые дела. Например, в 1952 году добился, чтобы на Дону был отменен налог на фруктовые деревья, который был непосилен для колхозников и привел к массовой вырубке садов. Как мы уже упоминали, в период «ежовщины» он спас от репрессий многих директоров и работников конных заводов.

В октябре 1952 года, на XIX съезде партии, Буденного перевели из членов в кандидаты в члены ЦК КПСС. Однако этот факт сам по себе не был признаком наступившей опалы. Просто понизилось место маршала в военной иерархии, и его во многом номинальный пост командующего кавалерией, равно как и должность заместителя министра сельского хозяйства по коневодству, явно не тянули уже на полноправного члена ЦК. Ведь в состав ЦК Буденный вошел на XVIII партсъезде в 1939 году, будучи командующим ключевым Московским военным округом и заместителем наркома обороны, а эта должность предполагала полноправное членство в ЦК.

По утверждению дочери Буденного Нины, «Никита Сергеевич Хрущев вытурил его из армии… В 1963-м папа и другие маршалы возвращались с больших маневров, из Тоцких лагерей. Он и Конев посидели в вагоне у Тимошенко, немного выпили. А потом Тимошенко донес на них Хрущеву. Тимошенко не любил папу из-за киевской истории. Папа тогда командовал Юго-Западным направлением и требовал отступления, а Ставка уперлась – и ни в какую. Он понимал, что его снимут, но не хотел идти на провал – и его действительно сняли, вместо него прислали маршала Тимошенко, экс-наркома обороны, бывшего комдива-6 в Первой конной.

Папа и говорит: «Мы с тобой два маршала, давай от нашего имени отправим в Ставку телеграмму и предложим оставить Киев». А Тимошенко отвечает: «Чего я буду свою голову подставлять. Все равно нам бежать до самой Аляски». Ну и попали в плен пятьсот тысяч человек, а Тимошенко откатился дальше Харькова.

Этого он папе не простил и при каждом удобном случае на него стучал. Настучал и сейчас:

– Буденный по дороге пьянствовал и говорил, что в коллективное руководство он верит, но из членов коллективного руководства не доверяет никому.

Вот Никита от него и избавился.

У папы было предынсультное состояние, он с ума сходил – армия для него была всем на свете. Но мама дружила с Ниной Петровной Хрущевой… Мама пошла к Нине Петровне, объяснила ей, что все это наветы Тимошенко (хотя я уверена в том, что папа все так и сказал). Тогда Никита Сергеевич сказал: «Пусть пишет покаянное письмо». Папа покаялся, и ему бросили кусок – посадили на ДОСААФ.

А чтобы сделать папе приятное, как-то сгладить свою резкость, Хрущев велел выделить папе участок земли на нашей госдаче и разрешил ему построить дом (тогда это не

позволялось). Тогда мы нашу нынешнюю дачу и построили. У папы как раз вышли две книжки, все они на нее и ушли. У нас была летняя деревянная конюшенка – ее снесли и построили новый дом.

После этого папа и переселился в Баковку.

Поначалу, когда папа еще был в армии и дача была государственной, она походила на барскую усадьбу. Это сейчас здесь образовался поселок, а тогда вокруг никого не было. Стояла только наша госдача – ограда, а за ней двадцать один гектар земли. С прудом, с ручьем вдоль забора, с конюшней. Большой дом, много обслуживающих людей, они любят нас, мы их обожаем. Словом – сельская идиллия. Те, кто у нас работал, держались за свои места: раньше здесь стоял дом, где они жили, а у многих из них не было другого крова. К тому же отец помогал им чем мог…

В Баковку каждое лето приводили трех-четырех, иногда пять лошадей. Приезжали солдатики, которые ухаживали за лошадьми, приезжали офицеры из Высшей кавалерийской школы в Хамовниках. Один из них был чемпионом страны по верховой езде, а когда-то его, как и других, папа учил выездке… Он и здесь занимался со своими бывшими учениками. Отец в скачках не участвовал, но знал лошадь, имел к ней подход, умел тренировать, видел, что она из себя представляет, и мог предсказать ее будущее по экстерьеру».

Несмотря на явную безобидность, едва ли не всю оставшуюся жизнь Буденный был под колпаком у «органов». На июньском пленуме 1957 года, когда громили «антипартийную группу Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова», маршал Жуков продемонстрировал присутствующим документы с материалами наблюдения за рядом маршалов Советского Союза, за рядом ответственных работников, в том числе за Буденным, за Тимошенко, за Жуковым, за Коневым, за Ворошиловым и другими, с записью подслушанных разговоров в 58 томах.

Можно предположить, что если и сердился Хрущев на Буденного, то только за его близость к опальному маршалу Жукову. Так, 7 сентября 1959 года председатель КГБ А. Н. Шелепин докладывал Хрущеву: «19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С. М. и Жуков Г. К. …Тов. Жуков… заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятия Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям. Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий

начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

«В газете 'Красная Звезда', – продолжал Жуков, – изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным».

В результате возникло целое партийное дело. От участников поминок потребовали объяснений. Маршал Буденный был краток и по-военному четок: «На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих.

Отвечаю. 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжелую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков. При этой встрече маршал Жуков ни о чем подобном не говорил».

Многоопытный Семен Михайлович хорошо усвоил одну из главных мудростей советской жизни – когда возможно, отвечать: не был, не состоял, не участвовал. И не называть никаких фамилий, чтобы не втягивать других людей (а то, глядишь, они же тебя и утопят).

Стоит подчеркнуть, что даже если Никита Сергеевич и дулся на Семена Михайловича из-за его близости к Жукову, это не помешало ему дважды, в 1958 и 1963 годах, наградить Буденного «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. Так что никакая опала Семена Михайловича и на этот раз не постигла. А третью «Золотую Звезду» в 1968 году, к очередному юбилею, ему пожаловал уже Брежнев. По этому поводу Семен Михайлович шутил: «Когда я был герой, еще не было золотых звезд, а сейчас есть золотые звезды, но какой я теперь герой…»

При Никите Сергеевиче и Леониде Ильиче Буденный продолжал играть роль декоративной, пропагандистской фигуры. Во времена Хрущева он символизировал героику Гражданской войны, которую, наряду с героикой Великой Отечественной, старались противопоставить мрачным временам культа личности,

а также в какой-то мере и возвращение к «ленинским заветам». Как-никак Буденный не раз встречался с Лениным, и его адъютант А. М. Золототрубов даже написал от его имени книгу «Встречи с Ильичом». Но это было уже во времена Брежнева, когда образ Буденного – легендарного героя Гражданской и друга Ленина – был востребован не меньше, чем при Хрущеве. О Сталине в те годы вообще предпочитали не говорить, а Семен Михайлович как раз был лучшим символом разрешенной части советского прошлого. Тем более что его соперники, Думенко и Миронов, хотя и реабилитированные, по-прежнему оставались в тени, поскольку из-за своего плохо скрытого антибольшевизма для пропагандистских целей не слишком-то подходили.

В ДОСААФ Буденный был назначен после того, как в 1954 году был упразднен пост командующего кавалерией. Некоторое время Семен Михайлович оставался на чисто символическом посту заместителя министра обороны по особым поручениям. Но было понятно, что после упразднения кавалерии делать Семену Михайловичу в Советской армии просто нечего. Поэтому уже в 1955 году его перевели в ЦК ДОСААФ, сделали членом Президиума. Буденный почти 20 лет возглавлял Центральную наградную комиссию этой организации, призванной осуществлять допризывную подготовку молодежи. По большому счету, это была синекура чистой воды, призванная подсластить отставку.

Но Семен Михайлович продолжал выступать на различных собраниях, сколько позволяло здоровье, поддерживал свой статус живой легенды. После фактического ухода в отставку он занялся мемуарами. С помощью А. М. Золототрубова и других референтов он написал четыре тома «Пройденного пути». Излишне говорить, что о самом Семене Михайловиче там написано только хорошее. К сожалению, четвертый том, где описаны события с 1934 по 1945 год, опубликован лишь частично – в 1975 году в журнале «Дон». Может быть, стоит, наконец, выпустить мемуары Буденного в полном объеме?

Мемуары Буденного очень быстро стали самыми популярными в СССР воспоминаниями о Гражданской войне. Мемуары белогвардейцев после Второй мировой войны уже не издавали, а из советских полководцев Гражданской войны практически никто мемуаров не оставил, поскольку, не без помощи Семена Михайловича, не пережил 1937 и 1938 годов. Так что на этом поле Буденный оказался вне конкуренции. Его мемуары стали для миллионов советских читателей тем же, чем мемуары Жукова применительно к Великой Отечественной. Историю двух войн воспринимали прежде всего через труды этих полководцев.

Популярность маршала была так велика, что на улице, в театре, на выставках ему даже в последние годы жизни буквально не давали проходу. Правда, новых песен о нем больше не сочиняли. Зато анекдоты рассказывали. Вот один из самых известных: «Заходит покупатель в антикварный магазин и просит: „Заверните мне вот эту фаянсовую кису“. А продавец ему укоризненно: „Это не киса, это Семен Михайлович Буденный“». Что ж, в облике Буденного с его роскошными усами и впрямь было что-то кошачье.

А вот еще один анекдот, из последних прижизненных. В 1969 году Семен Михайлович узнает, что было покушение на Брежнева, но неудачное. Террорист стрелял, но в Брежнева не попал. Буденный, с сожалением: «Эх, я же говорил, шашечками надо было, шашечками».

В ночь на 3 декабря 1969 года на 89-м году жизни умер маршал Ворошилов. О «родном Климе» Буденный написал прочувствованный некролог, который появился в «Правде» в день похорон. Семен Михайлович писал: «Он умер как солдат на посту… Жизнь Климента Ефремовича была прекрасной песней, а песня, как подвиг, бессмертна и вечна».

30 мая 1970 года на XVI съезде ВЛКСМ Буденный подарил комсомолу свою наградную шашку, словно завещая самое дорогое. Но после этого прожил еще три года. Благо, что был окружен не только всенародной любовью, но и самой искренней любовью и заботой своих родных и близких.

Последние 35 лет жизни Семену Михайловичу улыбнулось семейное счастье.

Надо сказать, что с женами Буденному не особенно везло. Первая супруга, казачка Надежда Ивановна, большую часть брака провела в разлуке с мужем. Она – на Дону, он – на Дальнем Востоке, а потом на фронтах Первой мировой. После, в Гражданскую, супруги наконец воссоединились. Надежда Ивановна служила медсестрой в буденновском партизанском отряде, потом в кавдивизии, конном корпусе и Первой конной. Однако большой любви между Буденным и его первой женой как будто не было. И закончилась их совместная жизнь трагедией.

В Ростове после окончания Гражданской войны семьи Буденного и Ворошилова поселились в одном шикарном особняке. Надежда Ивановна еще раньше сдружилась с Екатериной Давыдовной Ворошиловой-Горбман. Вместе ездили за город на пикники, часто собирались за общим столом. Обе женщины прошли с мужьями всю Гражданскую войну. Обе были хорошими хозяйками, умели создавать уютный быт, благо постигший страну в 1921 году голод ни Буденного, ни

Ворошилова не коснулся. К обеду всегда можно было достать деликатесы, дорогое вино, фрукты. Но отношения между Надеждой Ивановной и Семеном Михайловичем постепенно портились, как из-за отсутствия детей (Надежда винила в этом мужа), так и из-за того, что Буденный все чаще стал заводить романы на стороне. Говорят, что и супруга платила ему той же монетой.

После переезда в Москву в 1923 году их отношения совсем разладились. В 1924-м Буденный познакомился с Ольгой Стефановной Михайловой, своей будущей второй женой. Тогда ей еще не было и двадцати лет. Познакомились они в Кисловодске, в санатории. Об этом потом, в конце 30-х годов, а если точнее, то 27 января 1938 года, вспоминала на лубянском допросе жена маршала Егорова Галина Антоновна Цешковская: «Я знаю Семена Михайловича с 1920 года как человека веселого, приятного, при этом себе на уме, честолюбивого и тщеславного, человека позы и некоторой доли актерства. Непрерывно развиваясь культурно и политически, Буденный уже не мог удовлетвориться жизнью с простой малограмотной казачкой. Встреча Ольги Стефановны и Семена Михайловича произошла на моих глазах в Кисловодске. Однажды я, Егоров и Буденный поехали кататься к Лермонтовской скале. По приезде туда через некоторый период времени неожиданно приехали две пары. Это были Кулик и Георгадзе с двумя женщинами, одной из которых была Ольга Стефановна. Вскоре я уехала с Егоровым к себе в санаторий, а Буденный остался с новой компанией. Наутро разыгралась сцена ревности с Куликом, который привозил Ольгу Стефановну для себя. Так начался роман Буденного с Ольгой Стефановной.

Казачка застрелилась (очевидно, осознав, что новое увлечение мужа – серьезно. Это произошло в конце ноября 1924 года. – *Б.* С). Буквально на второй день после самоубийства казачки в дом Семена Михайловича пришла Ольга Стефановна. Что принесла она в жизнь Буденного? Красивая, молодая, успешная в области французского языка, солистка Большого театра. Все это радовало и восхищало Буденного.

И вдруг, по истечении 12-летней счастливой семейной жизни, арест Ольги Стефановны. Таким убитым, как у нас на даче, я Семена Михайловича никогда не видела. У него слезы катились градом по щекам. О том, что может плакать Буденный, я никогда не могла предполагать. Арест Ольги Стефановны, с одной стороны, бил по его самолюбию, а с другой – заставил его страдать из-за потери любимой женщины, из-за потери налаженной, привычной семейной жизни.

Новый год мы встречали вместе у нас на даче. После ужина

Буденный подсел ко мне и спросил, знаю ли я об аресте Ольги Стефановны. Я ответила утвердительно и спросила, что же произошло, он мне ответил, что они вместе с Бубновой оказались шпионками. Первая – шпионка польского государства, вторая – шпионка трех государств.

Ольга Стефановна вела шпионскую работу в течение семи лет, жила с каким-то поляком из посольства, получила за свою работу 20 тысяч. Я впервые здесь услыхала от Буденного, что Ольга Стефановна и Бубнова рассказывали обо мне на допросе, как о главаре шпионской группы, что я давала им шпионские поручения. Буденный меня предупредил, чтобы я была готова ко всяким неожиданностям».

О том, что Семен Михайлович и Надежда Ивановна последнее время живут как кошка с собакой, знали многие их знакомые. Вполне естественно, что после трагической смерти жены Буденного поползли зловещие слухи, будто лихой рубака застрелил ее, чтобы столь радикальным способом избавиться от семейных проблем. Так, писатель Михаил Булгаков записал в дневнике 13 декабря 1925 года: «Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала… Она угрожала ему, что выступит с разоблачениями его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистром».

На самом деле все произошло в присутствии нескольких свидетелей. И случилось вот что. В тот день, возвращаясь в темноте домой, Буденный увидел во дворе группу подозрительных мужчин. На всякий случай он снял в кармане пистолет с предохранителя и дослал в ствол патрон. Придя домой, Буденный положил пистолет на стол и отправился переодеваться. В этот момент в доме появилась Надежда с несколькими друзьями. А далее произошло неожиданное, нелепый случай. Надежда Буденная подбежала к столу и, смеясь, говоря что-то веселое друзьям, приставила пистолет к виску. В этот момент в комнату вернулся Буденный и крикнул, что пистолет заряжен. В ответ Надежда засмеялась: «Я боевая, умею обращаться…» После этого раздался выстрел.

По крайней мере, так излагал обстоятельства смерти жены сам Буденный следователю. Как мы помним, ходили слухи, что перед тем, как Надежда Ивановна выстрелила в себя, между ней и мужем произошло публичное выяснение отношений. Вполне возможно, что скандал действительно был и он-то спровоцировал самоубийство. Свидетели скандала не подтверждают, но все они были друзьями Семена Михайловича и, вполне возможно, просто не захотели пачкать грязью имя легендарного командарма.

Во всяком случае, то, что Надежда Ивановна погибла на глазах нескольких свидетелей, не вызывает сомнений. А Буденный был человек хитрый, рассчетливый и вряд ли способный на безрассудные поступки. Поэтому убивать жену при свидетелях он никогда не стал бы. Ведь это наверняка стоило бы ему карьеры, а вполне возможно – и свободы. Конечно, от смерти жены, случившейся на его глазах, Семен Михайлович был в шоке; но после похорон долго горевать не стал и вскоре (если верить жене Егорова, даже через несколько дней) в доме появилась новая хозяйка – Ольга Стефановна Будницкая (сценический псевдоним – Михайлова). Через полгода они сыграли свадьбу.

О том, как погибла первая жена Буденного, вспоминала со слов мужа также его третья жена, Мария Васильевна: «Они пришли из театра, он сел на кровать, начал снимать сапоги. Она – за столом, возится с револьвером. Играючи приставила себе ко лбу: „Смотри, сейчас я нажму на курок!“ Он ей: „Брось, перестань. Это не игрушка, револьвер снят с предохранителя“. Все произошло в считаные секунды. Семен Михайлович говорил, что, видимо, она случайно нажала на курок».

Дочь Нина оставила свой рассказ о гибели первой жены отца, разумеется, тоже с его слов: «Она случайно застрелилась. Это произошло в том же доме, где мы живем сейчас, в Романовом переулке, на бывшей улице Грановского, но в соседнем подъезде. Все случилось в 1924 году – папа совсем недавно поселился на Грановского. С ним жили его мать и сестра, но в тот вечер они были в театре. А папа шел домой с совещания – по Семашко, по Нижнему Кисловскому… И видит: в темноте кучкуется какая-то компания. „Вот я, – так он мне об этом рассказывал, – с предохранителя вальтер свой и снял. Домой пришел и положил его на комод, куда всегда клал. А потом сел и начал сапоги стягивать“. (Они сапоги-то с тальком надевали, и снять их было целое дело.) А жена подошла к комоду, взяла пистолет, к виску приставила. Сказала: „Смотри, Сема“ – и нажала на курок. И все… Папа рассказывал, что в гражданскую она была в Конармии, заведовала медицинской частью… В Конармии у нее наган был. Папа говорил, что она вроде бы умела с ним обращаться, но и то: один раз ехали куда-то в поезде, и пуля в сантиметре от его виска пролетела. Крутила-крутила револьвер в руках, а потом на курок нажала. Нам папа запрещал даже детский пистолет на человека направлять: „А вдруг настоящее оружие в руки попадет“».

Но, скорее всего, это было самоубийство, хотя в разговорах с близкими Буденный до последних дней держался версии несчастного случая. Первая жена Буденного похоронена на Ваганьковском кладбище. Как вспоминала третья буденновская

жена, Мария Васильевна, «муж взял с меня слово, что, пока буду жива, буду ухаживать за этой могилой». Возможно, Буденный чувствовал и свою вину в смерти Надежды Ивановны.

Семь лет спустя, в 1932 году, точно так же покончила с собой вторая жена Сталина Надежда Аллилуева. Сталин знал о трагедии, происшедшей в семье Буденного. Возможно, одинаковое горе, постигшее обоих, способствовало их сближению. Объединяло их и подозрение в убийстве жен – в обоих случаях явно несправедливое.

Надежда Ивановна погибла на глазах многих свидетелей. Не могли они все сговориться и выгородить Буденного. Да и в убийстве жены у Семена Михайловича, если разобраться, большой нужды не было. Он вполне мог с ней развестись и жениться на другой. Или вообще жить с любовницей, не регистрируя брак. Ведь тогда фактический брак признавался наравне с официальным. И какие такие тайны, неведомые высокому партийному начальству, могла поведать обиженная жена, если бы бравый командарм ушел от нее к любовнице? Что он, будучи вахмистром в царской армии, жестоко бил солдат? Так кому это было интересно? Семен Михайлович и своих красноармейцев мог стукнуть, и чаще всего за дело – если труса праздновали или мирных жителей слишком уж сильно грабили. Неужели же то, что Буденный побил кого-то еще в царские времена, могло привести к скандалу теперь, в 1924 году, и кто бы этот скандал стал раздувать? Ведь культ Буденного как героя Гражданской войны, полководца из народа, был в самом расцвете.

А вот то, что Надежда Ивановна, зная, что Семен Михайлович ее разлюбил и может уйти к молодой городской красавице Ольге Стефановне, решила покончить с собой, вполне вероятно. И если в тот роковой вечер между ними действительно не произошло никакого скандала и показания Буденного верны, то возможна следующая версия случившегося. Чтобы не навредить мужу, которого все еще любила, Надежда Ивановна представила самоубийство как несчастный случай. И, быть может, слова Буденного о том, что пистолет снят с предохранителя, послужили для несчастной женщины последним толчком к роковому шагу.

Вскоре после свадьбы Ольга Стефановна поступила в консерваторию, а потом стала солисткой Большого театра. У нее был сильный, нечасто встречающийся голос – контральто.

Поначалу со второй женой у Буденного все было хорошо. Одна беда – не было детей. Ольга Стефановна не собиралась превращаться в домохозяйку, возиться с кричащими младенцами. Ее волновала карьера в Большом, притягивала светская жизнь. Похоже, их брак с Буденным фактически распался еще до ареста.

К тому времени у Ольги Стефановны завязался серьезный роман с тенором Большого театра Алексеевым.

Дочь Буденного Нина так вспоминала о его второй жене – своей тетке: «Женился-то он не на певице, а на обычной девушке (они познакомились в санатории). Она уже его женой в консерваторию поступала. И то он ей объяснял, как надо петь. У него слух был очень хороший: что ему ни сунь в руки, на всем играет. И на баяне, и на аккордеоне, и на гармошке немецкого строя, а это очень сложный инструмент. В пятидесятые годы даже пластинки продавались: играют папа и его приятель из Ростова, диск называется „Дуэт баянистов“.

Так вот: его вторая жена, Ольга Стефановна, начинала учиться как меццо-сопрано, а потом папа ей сказал: «Ты поешь не своим голосом» – и она переквалифицировалась в контральто. Папуля и тут поруководил немножко…

Отцу с его дамами не везло. Тогда он был инспектором кавалерии РККА и больше половины года мотался по военным округам. А молодая жена в Москве одна, и у нее бурный роман с тенором из Большого театра… Папа был в курсе, стукачей в Большом хватало. Но он ничего не предпринимал, а почему – я не знаю. Может быть, из гордости, может, от любви…

И жена моталась без него по посольствам: получает приглашение и едет на прием с женой начальника Генштаба РККА, маршала Егорова. Она вела светскую жизнь и на этом, бедняга, и погорела: ей приписали связь с иностранцами.

Когда ее арестовали, папы в Москве не было: а то ведь поговаривали, будто он ее сам отвез в «чеку»… Но это глупости. Он к Сталину ходил отбивать ее.

У него этот разговор записан:

– У тебя жена плохая!

– А уж это дело не политическое, а семейное. Сталин отправил его к Ежову, и тот сказал, что Ольгу Стефановну взяли только затем, чтобы разузнать о жене Егорова, а потом, мол, отпустят.

Ее, конечно, жалко безумно. Она несколько лет просидела в одиночке, ее насиловали… Потом Ольга Стефановна жила на поселении в Сибири, а в общей сложности мотали ее по тюрьмам и ссылкам 19 лет: с 1937 по 1953 год. На поселении работала уборщицей в школе, и там к ней очень плохо относились: местные считали, что ее арестовали за то, что она хотела отравить Буденного. Отец следил за ее судьбой и, как только стало возможно, вывез ее оттуда, выбил комнату, содержал материально… Но она прожила недолго. Ольга Стефановна вернулась в Москву в 1956 году. Семен Михайлович устроил ее в

больницу, помог получить квартиру».

После ареста жены маршал перевез к себе ее мать. К ней приехала племянница, Мария Васильевна, двоюродная сестра Ольги Стефановны, студентка московского мединститута. Делала Буденному уколы, как медсестра. Маршал ее полюбил. Сосватала их Варвара Ивановна, мать Ольги Стефановны. Вот что вспоминала Мария Васильевна: «В Москву я приехала в тысяча девятьсот тридцать шестом году из Курска. Поступила учиться в стоматологический институт на Каляевской. Жила в общежитии. Была у меня в Москве родственница, Варвара Ивановна, родная сестра моего отца. Я ей, как приехала, позвонила. Она позвала к себе – точно назначила время. Мне, конечно, было известно, что ее дочка, моя двоюродная сестра Ольга, вышла замуж за большого человека. За знаменитого Буденного, которого знает вся страна… Когда шла к ним в дом, я очень беспокоилась, как там будет. Варвара Ивановна встретила меня хорошо. Я стала бывать у нее. Ольгу видела редко, она пропадала по своим делам, а Семена Михайловича ни разу не видела.

Однажды пришла, позвонила в дверь – он на пороге. Как с фотографии в газете сошел.

– Вы к кому? – говорит. Я оробела:

– К Варваре Ивановне.

– А, ну так я вас к ней провожу.

– Не надо. Я знаю, как идти к ней в комнату.

– Знаете? Значит, вы здесь не первый раз?

– Я часто бываю…

Когда в 1937 году посадили его жену, Варвара Ивановна попросила меня иногда приходить, чтобы помочь ей с хозяйством. Помогая тете, я стала часто видеть Семена Михайловича.

Я помогала готовить. Когда, бывало, днем Семен Михайлович приходил обедать, подавала ему. Он благодарил, всегда улыбался.

Однажды тетя, Варвара Ивановна, спрашивает меня:

– У тебя есть компания?

– Есть, – говорю.

– А серьезно есть кто-нибудь?

– Нет.

Она, видимо, подготавливала меня. И ему сказала, что у меня нет жениха.

На следующий день Семен Михайлович спрашивает меня за обедом:

– Как вы ко мне относитесь? Ничего не подозревая, отвечаю:

– Вы мой любимый герой.

– Замуж за меня пойдете?

Я опешила. Долго молчала. И говорю:

– Я боюсь. Он засмеялся:

– Съездите к родителям, посоветуйтесь. И дайте мне ответ.

Он ушел – я к тетке. Она говорит:

– Выходи. Он очень хороший человек. Это я знаю. Он все равно женится на ком-нибудь. Если даже Ольга выйдет из тюрьмы, им вместе не быть. Как это можно: у Буденного жена сидела?! Выходи.

И я поехала в Курск советоваться.

Мать открывает дверь, не ждала, испугалась:

– Тебя из института выгнали?

– Нет, я замуж выхожу. Мать села на стул:

– За кого?

– За Семена Михайловича.

А они в Курске даже не знали, что Ольга в тюрьме.

– Ты в доме у них что-то натворила? – У матери сразу тысяча мыслей, одна другой хуже.

Я ничего не ответила, отдала ей письмо от Варвары Ивановны. Она написала, что Ольгу посадили и что Семен Михайлович хочет жениться на мне…

Долго мы с родителями сидели, говорили и решились. Уезжаю я назад в Москву, мама обнимает меня и плачет. Может, говорит, последний раз видимся. Теперь, поди, к тебе не приедешь. За семью замками будешь.

Вернулась я в Москву, пришла в квартиру к Буденному, подаю ему суп за обедом, он поздоровался и молчит, ничего не говорит о своем предложении. Мне как-то не по себе. Пообедал и спрашивает:

– Ну что вы решили?

– Положительно, – говорю, а у самой уши красные от стыда.

Он тоже весь вспыхнул:

– Боялся спросить. Вдруг откажешь!

И ушел на работу. Вечером вернулся, а я собралась уходить. К тому времени я жила уже не в общежитии. Варвара Ивановна устроила меня на Самотеке, сняла угол у женщины, которая приходила к Буденным делать генеральные уборки.

Семен Михайлович говорит:

– Оставайся в доме. Нечего бегать по самотекам. Вы теперь тут хозяйка.

Он от стеснения мне сначала то «ты», то «вы» говорил. А я так вообще еще долго звала его «Семеном Михайловичем» и на «вы».

Он сердился:

– Я твой муж, а Семен Михайлович на коне сидит. Зажили мы с ним как-то сразу очень хорошо и дружно.

Он так радовался, что рождались дети. У него с теми женами дети не получались, и он думал – в нем причина.

13 августа 1938 года появился на свет Сережа.

6 сентября 1939 года родилась Ниночка.

Я бросила институт. Очень жалко было бросать. И Семен Михайлович жалел, но и детей нянькам отдавать не хотелось.

– Ты уж воспитывай ребят, а я буду платить тебе стипендию, – говорил мне Семен Михайлович.

Третий наш сын, Миша, родился в 1944 году.

Варвара Ивановна еще некоторое время жила с нами, а потом уехала в Ленинград к сестре. Семен Михайлович помог ей получить там квартиру. Сложное это было чувство: ее дочь – жена Семена Михайловича – в тюрьме, она сама меня выдала за него, на ее глазах наше счастье проходит, понимаете?»

Похоже, Варвара Ивановна присмотрела Семену Михайловичу новую молодую жену сразу же после ареста дочери. Она очень точно психологически рассчитала, что Буденный после ареста своей жены инстинктивно будет бояться долгое время оставаться без женщины, причем по двум причинам. Первая – политическая. Если Буденный долго будет оставаться один, не заводя себе жену или любовницу, Сталин может заподозрить, что маршал продолжает любить Ольгу Стефановну и ждет ее возвращения из лагеря (а ждать пришлось бы долгих 19 лет). Значит, наверняка должен затаить обиду на него, Сталина, поскольку прекрасно знает, что его жену, жену маршала и народного героя, без санкции Сталина не могли ни арестовать, ни посадить. А это обстоятельство автоматически делало Буденного, с точки зрения Иосифа Виссарионовича, политически неблагонадежным. Вторая же причина была чисто бытового свойства. Семену Михайловичу хотелось семейного уюта, налаженного быта, который две первые жены так и не смогли ему обеспечить. И немолодому уже маршалу очень хотелось детей.

У Варвары Ивановны был и свой несомненный интерес. Она наверняка опасалась, что после ареста дочери ее могут как минимум выселить из Москвы как члена семьи врага народа. Раз Буденный не смог защитить жену, то тещу тем более не сможет. А если он женится на племяннице, которой всего-то 20 лет и которую ни в каких подозрительных связях при всем желании заподозрить невозможно, то никто ее родную тетку трогать не будет.

Показательно, что тетка пригласила племянницу помогать им по хозяйству уже после того, как дочь была арестована. До этого же Мария Васильевна Семена Михайловича видела лишь однажды, хотя не раз заходила к тетке, жившей в буденновской

квартире. А после исчезновения Ольги Стефановны при желании легко можно было подобрать домработницу в Москве, не прибегая к услугам начинающей студентки из Курска. Варвара Ивановна вполне откровенно сватала племянницу маршалу. А тот был совсем не против: молодая, красивая, в связях с иностранцами и тенорами Большого театра не замечена.

Вряд ли у него к Марии Васильевне сразу же возникла какая-то любовь. Уж слишком деловито Семен Михайлович предлагал руку и сердце своей избраннице, причем сразу, с места в карьер, и двумя словами о личной жизни с ней не перемолвившись, только от бывшей тещи узнав, что у нее вроде бы нет кавалера. Наверное, Варвара Ивановна для того, чтобы у племянницы не появилось ухажеров, поселила ее у домработницы маршала, чтобы Мария была под присмотром. Хотя, конечно, Буденный действительно волновался, что девушка может и отказать ему, старику, а это будет очень болезненным ударом по самолюбию.

А вот что о знакомстве Буденного с третьей женой рассказывала их дочь Нина: «Ее с ним сосватала мать Ольги Стефановны, родная мамина тетка. Мама приехала в Москву учиться в мединституте на стоматолога. И снимала угол в коммунальной квартире: у хозяйки, за занавесочкой… Сюда, на улицу Грановского, она приходила к двоюродной сестре, но папу не видела – очень его стеснялась. А потом, когда Ольги Стефановны в доме уже не было, тетушка и говорит: „Давай-ка я тебя с Семеном Михайловичем познакомлю. Он такой хороший человек, такой замечательный! Ведь если даже Ольгу и выпустят, какая она ему после всего, что было, жена?“

Ну и познакомила.

А мама была хорошенькая…

Она стала приезжать к тетке, чтобы помочь убраться, что-то приготовить. И вот так полегоньку-помаленьку… Любовь была очень большая – они обожали друг друга, как ненормальные».

Тут, вероятно, присутствует некоторое, вполне понятное, преувеличение. На самом деле, как признается сама Мария Васильевна, с самого начала между ними какой-то большой любви не было. Она появилась позже.

Сталин, когда приказал арестовать жену Буденного, использовал метод обеспечения лояльности к своей персоне, опробованный не только на Семене Михайловиче. Были арестованы также жена будущего маршала Г. И. Кулика, жена начальника личного секретариата Сталина А. Н. Поскребышева (этих женщин расстреляли), жена «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, жена второго человека в партийно-государственной иерархии В. М. Молотова (этим двоим повезло – отделались

тюрьмой, лагерем и ссылкой). При этом мужья арестованных оставались на своих постах, даже получали повышение. Кулик, например, стал маршалом, правда, потом был разжалован и в конце концов, уже в 1950 году, расстрелян. Молотов остался в Политбюро, Калинин – во главе Верховного Совета, а Поскребышев почти до самого конца был первым помощником Сталина. Зато если бы Иосиф Виссарионович захотел избавиться от неугодного сановника, всегда можно было получить от жены показания против мужа насчет очередного заговора. Сталин подвешивал маршалов и партийных функционеров на крючок, они это сознавали и не трепыхались.

По этому поводу Хрущев писал в своих мемуарах: «Академия – кузница кадров (Никита Сергеевич был в 1930 году избран секретарем парткома Промышленной академии. – *Б.* С.), как тогда говорили, поэтому меня часто вызывали в ЦК к Ежову, и я всегда находил у него понимание. Он был простой человек, питерский рабочий, а тогда это имело большое значение, – рабочий, да еще питерский. Но под конец своей деятельности, в конце своей жизни, это был уже совершенно другой Ежов. Я думаю, так повлияло на него то, что он знал, что происходит. Он понимал, что Сталин им пользуется как дубинкой для уничтожения кадров, прежде всего старых большевистских кадров, и заливал свою совесть водкой.

Позднее мне рассказывали следующее. На последнем этапе его жизни и деятельности у него заболела жена. Она легла в Кремлевскую больницу, но уже было решено, что, как только она выздоровеет, ее арестуют. Сталин широко применял такой способ ареста. Через жен ответственных работников он старался раскрыть «заговоры», раскрыть «предательство» их мужей – ответственных работников. Жены ведь должны знать их секреты и сумеют помочь государству, разоблачить врагов народа. Так были арестованы жены Михаила Ивановича Калинина, Кулика, Буденного, позже и жена Молотова Жемчужина. Я даже не знаю, сколько их было, таких; наверное, огромное количество невинных женщин, которые пострадали за невиновность своих мужей. Все они были расстреляны или сосланы». Добавим, что Евгения Ежова-Хаютина не стала дожидаться ареста и отравилась в больнице снотворным.

От Ольги Стефановны в заключении без большого труда добились показаний против Буденного. Очевидно, ее не били – хватило одного психологического давления. 14 марта 1938 года жена Буденного написала собственноручные показания:

«Родилась в 1905 году. Отец – крестьянин, сирота, попал в город, прослужил тридцать шесть лет на железной дороге.

Начала учиться в Курске в 1915 году. От царского режима у меня остались очень тяжелые воспоминания, так как отец отдал меня в гимназию. Неправильная речь, дешевые платья, вся одежда, а также звание крестьянки вызывали у соучениц насмешки. Классные дамы детям богатых родителей и сановников не разрешали со мной играть на переменах и без стеснения говорили им при мне, что у них нет ничего общего со мной. «Твой папа мужик?» – спрашивали меня.

Дабы избежать насмешек, отец в 1915 году приписался к городским мещанам. Окончила я школу в 1920 году в Вязьме и сразу же вышла замуж за коменданта станции Вязьма Рунова. Годы военного коммунизма, разрухи переживала безропотно, но без особого энтузиазма: происходит то, что должно происходить, на фронтах немцы и генералы предают, значит, царь не годится, а главное, что теперь никто не будет называть мужичкой. Это меня вполне удовлетворяло, хотя и голодно. В 1924 году я развелась с Руновым, он был алкоголиком, пропивал свою и мою зарплату, а еще тащил из моего скудного гардероба. В 1924 году я, получив двухнедельный отпуск, поехала посмотреть Ессентуки, так как не представляла себе, что такое курорт. Здесь меня Кулик, Тютькин и Георгадзе познакомили с С. М. Буденным. Добиваться этого знакомства я не добивалась, ибо Семена Михайловича знала только по маршалу Буденному (в 1924 году Буденный еще не был маршалом. – *Б. С.)*… Овдовев, Семен Михайлович предложил мне оформить связь, на что я дала согласие и переехала к нему.

В этот период умер Фрунзе и получил назначение нарком Ворошилов. Вначале за столами тосты поднимались за вождя Первой Конной Буденного, потом тосты стали подниматься за вождей Первой Конной Буденного и Ворошилова. Последние годы конармейцы уже смело поднимали бокал за создателя Первой Конной и за вождя Красной Армии Ворошилова. За здоровье Сталина – человека эпохи, вождя мирового пролетариата – тосты всегда поднимались с энтузиазмом. В период особенно острой и уже совершенно открытой борьбы с оппозицией Троцкого конармейцы, посоветовавшись с Семеном Михайловичем, дружно объединились и решили поддерживать Иосифа Виссарионовича.

Мои личные отношения с Семеном Михайловичем были следующие: в начале знакомства я его полюбила за ласку. Несмотря на то, что он меня очень любил, он давал мне почувствовать, что я – человек маленький, что совершенно верно, не имею заслуг и пользуюсь материальными благами, предоставленными мне не по праву, что он пользуется машинами и домами отдыха ЦИКа, потому что заслужил, а при чем здесь я, что моя роль ухаживать и заботиться о его здоровье и хорошем

настроении, что, конечно, правильно, он говорил, что я должна зарабатывать себе славу сама…»

Кое в чем Ольга Стефановна в своих показаниях, несомненно, лукавит. Если она действительно родилась в 1905 году, то получается, что замуж за коменданта Рунова она вышла… в пятнадцатилетнем возрасте, что выглядит маловероятным. Скорее всего, Ольга Стефановна родилась на два-три, а то и четыре года раньше. Такая передвижка даты рождения могла понадобиться для того, чтобы скрыть факт окончания гимназии еще в царское время. Это обстоятельство обычно указывало на более или менее зажиточное положение родителей и подрывало версию о крестьянском происхождении, столь ценимом в советских анкетах. На самом деле отец Ольги (тогда еще Будницкой) мог быть достаточно высокопоставленным железнодорожным чиновником, что после 1917 года никак не стоило афишировать, а тем более – при допросе в НКВД. И что характерно, никакого крупного компромата на Семена Михайловича она не дала. Ведь тщеславие, зазнайство и сожаление, что за него больше не пьют как за создателя Первой конной, к делу не пришьешь.

В позднейшем письме к наркому внутренних дел Ежову Ольга Стефановна писала уже о вещах более серьезных: «С Буденным я жила двенадцать лет и привыкла видеть в нем человека жестокого, ни перед чем не останавливающегося для осуществления своих целей. За двенадцать лет я пережила много побоев, самодурства, угроз и т. д. Семен Михайлович грозил мне убийством, выдачей ГПУ как шпионки. Следствие от меня требовало, чтобы я рассказала все, что мне известно о преступных замыслах кого бы то ни было против Советской власти. Я ничего не рассказывала, так как прежде всего я должна была рассказать о Буденном, мести которого продолжала бояться. За двенадцать лет совместной жизни с Буденным у меня накопилось много фактов, свидетельствующих о том, что он вел какую-то нехорошую работу против руководителей нашей страны, и в первую очередь против Сталина и Ворошилова, и об этих фактах я и хочу сообщить в этом заявлении».

Фактов, однако, набралось не так много, и все они были какие-то неконкретные. Например, вскоре после их женитьбы Буденный якобы высказал обиду, что не его, а Ворошилова назначили наркомом обороны после смерти Фрунзе. Есть в письме Ольги Стефановны и такие утверждения:

«В период острой борьбы с Троцким я спросила Семена Михайловича, за кем мы с ним пойдем, за Сталиным или за Троцким. Семен Михайлович сказал, что это острый вопрос,

сломя голову бросаться в крайности здесь нельзя, надо немножко выждать, как будут развертываться события дальше, тогда и решать вопрос будем… У Семена Михайловича на Дону были темные связи. Мы с ним возвращались с курорта. Во Владикавказе с ним поздоровался какой-то железнодорожник, а затем в купе за бутылкой вина этот железнодорожник долго рассказывал, как он со своим отрядом окружил красных, как душил за горло партизанский отряд, что у него получилась мертвая хватка, его еле оттащили от трупа командира…

Семен Михайлович всегда держался обособленно от Тухачевского, Якира, Уборевича и Корка, однако в конце 1936 года или в начале 1937 года Семен Михайлович был на даче у Тухачевского, сказал, что они заключили между собой деловой договор, будут во всем помогать друг другу и не будут ссориться, – одним словом, дружба до гробовой доски. И действительно, отношение Семена Михайловича к Тухачевскому, Якиру и Уборевичу изменилось. Семен Михайлович и Егоров зачастили к Тухачевскому на дачу, что резко бросалось в глаза. Знаю, что Семен Михайлович давал указания своим приятелям – Апанасенко и Сердичу наладить отношения с Уборевичем».

Насчет самодурства и побоев со стороны Буденного показания Ольги Стефановны похожи на правду. Удар у Семена Михайловича был поставлен профессионально, еще с царских времен; бить он умел так, чтобы не покалечить. Тем более что поводов для битья Ольга Стефановна давала немало. Ее шашни с Алексеевым и другими богемными любовниками восторга у Буденного, мягко говоря, не вызывали, и он вполне мог аккуратно воспитывать свою благоверную, так, чтобы следов на лице не оставалось и Ольга Стефановна могла по-прежнему петь в Большом. О самодурстве Буденного писали и многие мемуаристы, например тот же журналист Михаил Соловьев, в 30-е годы бывший кем-то вроде спичрайтера при прославленном командарме.

А вот политические улики ни на что серьезное не тянули. Поди вспомни какого-то безымянного железнодорожника и докажи, что он рассказывал о борьбе именно с красными партизанами, а, например, не с махновцами. Да и рассказ получается какой-то путаный: то ли железнодорожник душил партизанский отряд, то ли только его командира.

По поводу же визитов Буденного на дачу Тухачевского, если Ольга Стефановна только не выдумала их под диктовку следователя, то они вполне могли делаться по поручению Сталина, чтобы усыпить бдительность Михаила Николаевича и его товарищей. Ведь как раз в конце 36-го Сталин принял

решение об их скорой ликвидации. К тому же по делам службы Буденному и другим «конармейцам» приходилось все равно общаться с людьми из группы Тухачевского, так что при некоторой фантазии служебные контакты всегда можно было выдать за подготовку заговора.

Что же касается противостояния Сталина и Троцкого, то на стороне последнего Семен Михайлович никак не мог оказаться, и Сталин это знал. Буденный ведь оспаривал у Троцкого приоритет в организации крупных конных соединений. И Лев Давыдович хорошо сознавал близость Ворошилова и Буденного к Сталину, на их поддержку никогда не рассчитывал и за ней не обращался.

А вот что поведала внутрикамерная «наседка» К. в своем донесении от 14 июля 1938 года: «Вместе со мной в камере сидит артистка ГАБТ Ольга Михайлова, бывшая жена Буденного. По ее словам, Буденный не только знал, но и был участником антисталинского, антисоветского военного заговора. Михайлова говорит, что ей приходило в голову донести на него, но она не знала, к кому обратиться, она думала, Ворошилов не поверит и расскажет об этом тому же Буденному. Когда начались аресты и разгром военных кадров заговорщиков, Буденный очень боялся за себя и ждал ареста. Во время пленума ЦК 1937 года он также ходил сам не свой… Она сказала, что ей теперь ясно, что во время поездки в 1929–1930 годах в Сибирь Буденный под видом чаепития со старыми партизанами организовывал повстанческие отряды… Михайлова склонна считать, что Буденный хотел ее убрать и скомпрометировать политически, зная о ее связи с артистом Алексеевым, боялся, что уйдя к нему и выйдя из-под его влияния, зная о ряде его антисоветских настроений, она может ему повредить.

Насколько я поняла, Михайлова скрыла все изложенные факты от следствия, так как, по ее словам, она была на допросе в полуневменяемом состоянии, во-вторых, ее про Буденного почти не спрашивали, в-третьих, она боялась говорить про него, в-четвертых, она только сейчас стала многое понимать и оценивать и, наконец, в-пятых, она ждала справедливого упрека, почему не донесла своевременно. Михайлова находится сейчас в состоянии тяжелой депрессии, и беседовать с ней очень трудно, не всегда вызовешь на откровенность».

Надо сказать, что Ольгу Стефановну после ареста и в самом деле постигло тяжелое психическое расстройство, признаки которого, как кажется, наблюдались еще на воле. Поэтому то, что она говорила «наседке», могло быть следствием навязчивого бреда, возникшего под влиянием того, что следователи спрашивали у нее на допросе. Невозможно сегодня определить,

что из сообщенного Ольгой Стефановной на допросах и в беседах в камере соответствует истине, а что является плодом болезненной фантазии или просто продиктовано следователями.

По возвращении из заключения вторая жена Буденного рассказывала третьей жене и своей двоюродной сестре, что в тюрьме во время следствия ее били и пытали, утверждая, что Буденный тоже арестован и изобличен многими показаниями. Вполне возможно, что все это – плод больного воображения. В том состоянии, в котором она попала в тюрьму, следователи и без пыток могли заставить ее дать необходимые им показания.

Жену Буденного на допросах расспрашивали также о посещении иностранных посольств. Ольга Стефановна честно призналась, что иногда бывала там без Буденного и пела для итальянского посла Аттолико. Также вспомнила, что «на одном из приемов в латвийском посольстве один из свиты Мунтерса (посла Латвии. – *Б. С.)* спросил меня, почему не расстреляли Радека, на что я ответила: значит, он еще нужен будет. В японском посольстве спросили, где находится Буденный, и сообщили, якобы он, по слухам, на Дальнем Востоке, готовит войну против Японии. Интересовались, почему я служу, я всегда отвечала, у нас кто не работает, тот не ест, и я люблю искусство.

Иностранцы делали намеки, что им хотелось посмотреть нашу дачу, я отвечала, что там ремонт.

Спрашивали номер телефона, я отвечала, что телефон у нас не работает.

Спрашивали, нравится ли мне Карлсбад, отвечала, что там сильные воды, но очень дорогое лечение».

По поводу своей связи с певцом Алексеевым Ольга Стефановна поведала, что Буденный грозил сопернику тюрьмой, на что будто бы испуганный тенор «сделал предложение, что он сам пойдет в органы НКВД и заявит на меня что-нибудь легкое, за что мне дадут года три лагеря, он за это время накопит денег, и после отбытия наказания мы хорошо заживем вместе».

То, что Буденный мог грозить Алексееву тюрьмой, вполне можно допустить. Идея же о «чем-то легком», наверное, родилась у Ольги Стефановны уже в тюрьме, под влиянием психического расстройства.

Сам Александр Иванович Алексеев, один из лучших Ленских в истории русской оперы, тоже был допрошен в качестве свидетеля. Он утверждал: «Да, у нас были разговоры по вопросам текущей политики, в них она вела себя всегда положительно, я никогда не замечал каких-либо нехороших настроений.

– Что вам рассказывала Михайлова о своих взаимоотношениях с Буденным?

– Говорила, что у нее установились с ним натянутые отношения на почве ревности.

– Вы хотели донести на Михайлову в НКВД что-нибудь легкое?

– Я категорически отрицаю подобный разговор с Михайловой».

В последнем случае, я думаю, Александр Иванович не лукавил. Вообще же он отвечал на вопросы очень грамотно. Попробуй признай, что Михайлова говорила при нем что-то не то о политике партии и правительства, и у следствия сразу же возникнут нехорошие вопросы: почему поддерживал такой разговор и почему сразу же не донес? И тогда уж вполне можно загреметь на Лубянку совсем в другом качестве.

3 августа 1939 года следователь Куркова вынесла постановление о прекращении дела и об освобождении О. С. Михайловой из-под стражи, поскольку «никаких данных для предания суду обвиняемой Михайловой не имеется». В рапорте же начальству Куркова отметила: «Михайлова находится в очень тяжелом, болезненном состоянии. Ее необходимо лечить».

В то время Ежов уже был смещен с поста НКВД. Сменивший его Берия выпустил часть тех, кто был уже арестован, но еще не осужден. Началась так называемая «бериевская оттепель», в рамках которой Куркова и пыталась освободить жену Буденного.

Однако Берия освобождать Михайлову не стал. Очевидно, он принял это решение не самостоятельно, а посоветовавшись со Сталиным. Вероятно, Иосиф Виссарионович решил, что жену Буденного полезнее иметь на всякий случай под рукой, в лагере, если вдруг понадобится что-нибудь сделать с маршалом. Поэтому в ноябре 1939 года дело Михайловой было передано Особому совещанию.

В обвинительном заключении говорилось: «О. С. Михайлова, являясь с 1924 года женой Маршала Советского Союза Буденного (скорее всего, здесь ошибка, поскольку поженились они только в 1925 году. Да и сам Буденный в письме 1955 года, которое мы процитируем ниже, относит их брак к 1925 году. – *Б.* С.), своими связями с иностранцами и поведением дискредитировала последнего, а именно:

1. Являясь женой Буденного, одновременно имела интимную связь с артистом ГАБТ Алексеевым, разрабатывавшимся по подозрению в шпионской деятельности (умер) (Александр Иванович умер в 1939 году на воле, от рака горла и похоронен на престижном Новодевичьем кладбище. – *Б.* С.).

2. Находясь на лечении в Чехословакии, вращалась среди врагов народа, шпионов и заговорщиков Егорова и его жены,

Александрова и Туманова.

Кроме того, установлено, что Михайлова наряду с официальными посещениями иностранных посольств имела неофициальные, по личному приглашению послов, снабжала итальянского посла билетами на свои концерты и неоднократно получала от него подарки.

Арестованные за шпионаж жена бывшего 1-го зам. наркома обороны Егорова и жена бывшего наркома просвещения Бубнова в своих показаниях характеризуют Михайлову как женщину их круга, которая делала то же самое, что и они. Михайлова в наличии у нее подозрительных связей и неофициальном посещении посольств виновной себя признала. Шпионскую деятельность отрицает. На основании изложенного выше, «дело» по обвинению Михайловой направить Особому совещанию на рассмотрение. Ноябрь 1939 года».

Измену мужу, раз он маршал, трактовали примерно как измену родине, а визиты в иностранные посольства и общение с женами расстрелянных врагов народа Егорова и Бубнова тянули на подозрение в шпионаже. 18 ноября 1939 года Особое совещание приговорило О. С. Михайлову к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

15 августа 1945 года срок ее заключения истек, но еще три года несчастную, больную женщину продержали в тюрьме как «социально опасный элемент». Ольгу Стефановну обвинили в антисоветских настроениях и «клеветнических измышлениях» против «руководителя советского правительства и существующего в стране политического строя». Освободили ее только в апреле 1948 года и направили в ссылку в райцентр Енисейск Красноярского края. О ее пребывании там в деле о реабилитации оставил воспоминания другой неизвестный ссыльный: «Она работает уборщицей в средней школе 45. В попытках заговорить с ней я обнаружил ее болезненную отчужденность, запуганность, боязнь знакомства с кем бы то ни было и явную путанность в воспоминаниях, даже в логике речи. Она ограничилась короткими замечаниями, что она не виновата, осуждена как жена маршала, над головой ее ломали шпагу, сама она вела следствие в НКВД, Семен Михайлович сильно болен, никого не принимает, так как ему девяносто четыре года. Михайлова вряд ли одна могла выехать из Енисейска, если бы ее освободили».

Когда после смерти Сталина появилась возможность заступиться за находящихся в заключении родственников, Семен Михайлович, к его чести, этой возможностью воспользовался. 23 июля 1955 года Буденный написал в Главную военную прокуратуру по поводу реабилитации своей второй жены: «В

первые месяцы 1937 года И. В. Сталин в разговоре со мной сказал, что, как ему известно из информации Ежова, моя жена Буденная-Михайлова Ольга Стефановна неприлично ведет себя и компрометирует меня и что нам, подчеркнул он, это ни с какой стороны не выгодно, и мы этого никому не позволим.

Если информация Ежова является правильной, то, говорит И. В. Сталин, ее затянули или могут затянуть в свои сети иностранцы. Товарищ Сталин рекомендовал мне обстоятельно поговорить по этому поводу с Ежовым.

Вскоре я имел встречу с Ежовым, который в беседе сообщил мне, что моя жена, вместе с Бубновой и Егоровой, ходит в иностранные посольства – итальянское, японское, польское, причем на даче японского посольства они пробыли до 3 часов ночи. Тогда же Ежов сказал, что она имеет интимные связи с артистом Большого театра Алексеевым.

О том, что жена со своими подругами была в итальянском посольстве, точнее, у жены посла в компании женщин и спела для них, она говорила мне сама до моего разговора с Ежовым, признав, что не предполагала подобных последствий.

На мой вопрос к Ежову, что же конкретного с точки зрения политической компрометации имеется на ней, он ответил – больше пока ничего, мы будем продолжать наблюдение за ней, а вы с ней на эту тему не говорите.

В июле 1937 года по просьбе Ежова я еще раз заехал к нему. В этот раз он сказал, что у жены, когда она была в итальянском посольстве, была программа скачек и бегов на ипподроме. На это я ответил, ну и что из этого, ведь такие программы свободно продаются и никакой ценности из себя не представляют.

Я думаю, сказал тогда Ежов, что ее надо арестовать и при допросах выяснить характер ее связей с иностранными посольствами, через нее выяснить все о Егоровой и Бубновой, а если окажется, что она не виновата, можно потом освободить.

Я заявил Ежову, что оснований к аресту жены не вижу, так как доказательств о ее политических преступлениях мне не приведено.

Что же касается ее интимных связей с артистом Алексеевым (о чем я имел сведения помимо Ежова и МВД), то, сказал я Ежову, это дело чисто бытового, а не политического порядка, и я думаю, может быть, мне следует с ней развестись.

В августе 1937 года, когда меня не было в Москве (выезжал дней на десять в Гороховецкие лагеря), Ольга Стефановна была арестована.

Лично я инициативы в ее аресте не проявлял, более того, был против этого, так как из того, что мне было известно от Ежова, не

видел к этому никаких оснований. Работника МВД Дагина (знал его лично по работе в Ростове) к себе не вызывал и беседы с ним относительно жены не имел.

Впоследствии, после ареста ряда директоров конных заводов – Александрова, Чумакова, Тарасенко, Давидовича и других, а также ареста жены, я пришел к выводу, что все это Ежов делал с той целью, чтобы путем интриг и провокации добиться получения показаний против меня перед нашей партией и государством и расправиться со мной.

Считаю необходимым дать хотя бы краткую характеристику Ольге Стефановне. Она дочь железнодорожного рабочего, ставшего затем служащим на железнодорожном транспорте, семья их бедная.

Женился на ней в 1925 году. Уже после выхода замуж она поступила в Московскую консерваторию и окончила ее в 1930 году. Училась она старательно, активно вела общественную работу. Никогда не замечалось и намека на то, чтобы она проявляла какое-либо недовольство Советской властью.

В материальном отношении потребности у нее были скромными, алчности в этих вопросах она никогда не проявляла.

В заключение должен сказать – я не верю, чтобы она могла совершить преступление против Советской власти».

Тем временем Семен Михайлович обрел семейное счастье с Марией Васильевной. Мало того что они по-настоящему полюбили друг друга – у маршала наконец появились дети. Как-то раз Буденный сказал жене: «Спасибо тебе, Мария, ты мне продлила жизнь, создала семью. Мне после работы домой хочется. Я всю жизнь мечтал с детьми возиться».

Но и прежнюю жену Семен Михайлович не забывал. Как мог, помогал Ольге Стефановне. После возвращения с поселения поместил ее в кремлевскую больницу (у нее было прогрессирующее психическое расстройство), добился для нее квартиры, купил всю обстановку.

А вот что писал Буденный своей третьей жене с фронта 19 сентября 1941 года: «Здравствуй, дорогая моя мамулька!

Получил твое письмо и вспомнил 20 сентября, которое нас связало на всю жизнь. Мне кажется, что мы с тобой с детства вместе росли и живем до настоящего времени. Люблю я тебя беспредельно и до конца моего последнего удара сердца буду любить. Ты у меня самое любимое в жизни существо, ты, которая принесла счастье, – это наших родных деточек. Думаю, что все кончится хорошо и мы снова будем вместе… Привет тебе, моя родная, крепко целую тебя, твой Семен».

Другим своим женам Буденный таких писем не писал.

Хотя Буденный был намного старше третьей супруги, но, по словам дочери Нины, «папуля был очень бравый, и они жили душа в душу. С мамой ему было хорошо… Но он ее долго никуда не выводил… Он за нее боялся: пусть лучше не попадается вождю на глаза, мало ли что тот надумает. Но потом все-таки взял ее на какой-то прием, и Сталин подошел, выпил за них… После этого папа стал водить маму всюду».

О том же свидетельствует и сама Мария Васильевна: «Жили мы с ним душа в душу с первого дня до последнего. Ни разу не ссорились. В детях он души не чаял. Самое любимое занятие для детей было: утром или вечером забраться к нему в постель, полежать, побарахтаться. Обычно он начинал что-то рассказывать и обрывал, просил их продолжать рассказ – кто как умеет.

Я с тех пор не работала. Правда, много разных курсов окончила: и курсы английского языка, и пчеловодства, и огородничества. И вышивать на швейной машинке научилась. Все домоводческие дела освоила.

От общества кремлевского он меня всегда прятал. Боялся потерять. Иногда он говорил: «Как ты не побоялась пойти за меня, я такой был невезучий: одна жена застрелилась, другая в тюрьму села».

Мы и квартиру поменяли, чтобы ему о прошлом напоминаний не было… Энергии, азарта, жизнелюбия ему было не занимать. Он и с лошади слез только в 85 лет».

Стоит отметить, что все женщины в семье Буденного умели ездить на лошади и стрелять из револьвера. Это и неудивительно. Дочь Буденного Нина вспоминала, что отец впервые посадил ее на коня в четыре года. А с шести лет она уже крепко сидела в седле. А еще Семен Михайлович учил детей фехтованию. По словам Нины, «мы все трое фехтовали. Отец владел оружием в совершенстве – у него ни одной сабельной раны не было, потому что умел отражать нападение». Его сын Михаил также преуспел в фехтовании, стал чемпионом Москвы.

Семен Михайлович, по свидетельству его вдовы, курил «Казбек». Пил весьма умеренно. Думаю, правда, что эта умеренность относилась к последним десятилетиям жизни, когда здоровье уже не позволяло пить по «конармейским нормам». Как мы уже убедились, мемуаристы же, правда, не слишком дружественно настроенные к Семену Михайловичу, а также вторая жена и несколько арестованных друзей в застенках НКВД утверждали, что в 20 и 30-е годы Буденный любил и попить, и погулять.

По свидетельству третьей жены маршала, вопреки распространенному мнению, Семен Михайлович был весьма

образованным человеком. Академию он окончил не для галочки, а по-настоящему, знал три иностранных языка, много читал, собрал уникальную библиотеку из десяти тысяч книг. Трудно сказать, насколько это соответствует истине. Во всяком случае, в его речах и мемуарах эта образованность как-то не проглядывает. Может быть, оттого, что их писали референты, иностранных языков не знавшие…

По словам Марии Васильевны, на коня Буденный садился только в форме. А маршальские брюки с лампасами не снимал даже дома, оставаясь в пижамной куртке. У него был только один штатский костюм, сшитый кремлевскими портными для визита в Турцию. Этот костюм маршал надевал, только когда шел в театр. Только тогда ему удавалось порой остаться неузнанным.

Буденному везло во всех играх. Он обыгрывал всех партнеров в карты, шашки и на бильярде. До старости он любил играть на гармони. Была у него и другая, несколько неожиданная страсть – танцы. Однажды в 30-е годы во время визита советской военной делегации в Турцию турки продемонстрировали национальные пляски, а затем предложили гостям продемонстрировать свои танцы. И лишь один Буденный смог достойно ответить, лихо отплясывая русскую. После этого в советских военных училищах ввели уроки танцев.

Последней лошадью Буденного стал жеребец буденновской породы по кличке Софист. Он был подарен Семену Михайловичу вскоре после войны: «Конь чувствовал приближение Буденного, когда тот еще шел по двору: не видя хозяина, конь прядал ушами, радостно ржал. Семен Михайлович подходил к своему любимцу, как к человеку, что-то нежное шептал ему на ушко, а тот, положив голову на плечо хозяина, слушал его. Ласково поглаживая голову и шею коня, Семен Михайлович угощал его сухарями или морковкой. Конь, мягко уткнувшись носом в хозяйскую ладонь, замирал, чуть-чуть кося глазом. Потом он послушно и четко выполнял команды, подавал поочередно ноги, опускался на колени, ходил за своим хозяином, как ребенок за матерью», – рассказывал один из знакомых Буденного.

В последний раз в своей жизни Семен Михайлович садился в седло в возрасте 87 лет именно на Софиста. Конь прожил 33 года, пережив хозяина на пять лет. После смерти Буденного Софист жил на конюшне Московского конного завода, где и пал в 1978 году. Образ любимого коня Буденного увековечен в памятнике М. И. Кутузову, установленном в Москве перед музеем-панорамой «Бородинская битва» – Софист служил моделью скульптору Н. В. Томскому.

Дочь Нина вспоминала: «Когда папа умер, Софист плакал. На

конезаводе говорили, что он стоял в своем деннике и у него слезы лились. Здесь нет ничего удивительного – лошади телепаты».

Она же свидетельствует, что маршал был заботливым отцом, но в личную жизнь повзрослевших детей не вмешивался, спокойно приняв, в частности, ее брак с популярным артистом Михаилом Державиным. Нина Семеновна вспоминала:

«Своих кавалеров и ухажеров я домой не водила, а в компании у меня только друзья были. Если кто ко мне и приходил, то я их родителям не показывала. Я знала – это все проходящее и малоинтересное…

Миша был единственным, кого я сразу привела в дом (ну, не сразу – через какое-то время). И когда я познакомила молодого человека с родителями, те сразу поняли, что это не просто так.

Потом я маме-то и говорю:

– Ну как тебе?

– Да разве он может не понравиться?

Он же был красоты несусветной – не налюбуешься. Все падали. Да и характер у него сами знаете какой – милейший человек. Как он мог не понравиться?..

Папа его сразу принял. С мамой поначалу были сложности – я начала поздно уходить на свидания. В пол-одиннадцатого я должна была быть дома, а теперь я в пол-одиннадцатого уходила – мы ведь встречались после спектакля. Но я объяснила: у человека такая профессия. А то когда ж мы будем встречаться?..

Не знаю, решилась бы я на развод, будь жив папа: в последние годы он жил только внуками. Таким я его и вспоминаю: зима, Баковка, а он в старой маршальской шинели тащит санки, в санях сидит моя дочка Маша.

Это мой Буденный».

Михаил Державин о своем браке с Ниной Буденной тоже рассказал интервьюерам: «Нас познакомила Юля Хрущева (она была дочерью Леонида, сына Никиты Сергеевича Хрущева), мы до сих пор с ней дружим и перезваниваемся. Она пришла в „Ленком“, где я тогда работал, и говорит: „Мишка, нужно, чтобы ты познакомился с одной очаровательной девушкой“. А я в тот момент разошелся с Катенькой Райкиной и был как-то не у дел. Юля познакомила меня со своей однокурсницей. Ниночкой. Ниной Семеновной Буденной. А потом пришел момент, когда надо было познакомиться с будущим тестем».

Перед встречей с Буденным Державин очень волновался, но, по его словам, «Ниночка меня правильно отрекомендовала. Говорит: „Папа, это Миша Державин. Он из актерской семьи, его папа – артист театра имени Вахтангова, играл главную роль в твоем любимом фильме 'Дело Артамоновых'“. Семен Михайлович

на меня внимательно посмотрел и говорит: „Ну, проходи, сынок“. Я очень удивился, а потом понял, что он часто так называл молодых людей. И привык к Семену Михайловичу и его друзьям. Он любил пошутить. Помню, Эфрос меня спросил: „Миша, как ты думаешь, Буденный читал 'Войну и мир'?“ Когда я задал этот вопрос Семену Михайловичу, он мне ответил: „Сынок, в первый раз еще при жизни автора читал“».

Смерть Буденного оказалась внезапной. По счастью, мучился он недолго. Утром 20 октября 1973 года Семен Михайлович пожаловался жене на сильную головную боль. Прибывшие на вызов врачи не смогли ничем помочь, на следующий день здоровье Буденного ухудшилось, он потерял сознание. К вечеру 26 октября 1973 года Семен Михайлович Буденный скончался от кровоизлияния в мозг. Так кончилась жизнь человека, почти полвека тащившего на своих плечах тяжкий груз – быть живой легендой и символом уже ушедшей эпохи.

Через два дня после смерти Буденный был торжественно похоронен у Кремлевской стены. В 1976 году умерла его бывшая жена Ольга Стефановна. Мария Васильевна Буденная пережила мужа почти на 33 года и скончалась в Москве 13 октября 2006 года в возрасте 90 лет.

В честь маршала был назван город Буденновск в Ставропольском крае (бывший Святой Крест, а позднее Прикумск). Сегодня это название навсегда вошло в российскую историческую память в связи с гибелью множества людей в результате захвата заложников чеченским террористом Шамилем Басаевым в 1995 году. А всего имя Буденного носили не только четыре города и семь районов, но 3215 колхозов (сколько сохранилось сегодня – трудно сказать). Военной ордена Ленина Краснознаменной академии связи было присвоено имя маршала Буденного. На здании штаба Московского военного округа была установлена мемориальная доска в память работы Буденного командующим МВО в 1937–1939 годах. Один из новых московских проспектов также был назван в его честь и до сих пор не переименован. Быть может, это говорит о том, что имя легендарного маршала до сих пор значит для нас больше, чем имена других кумиров советского прошлого.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. М. БУДЕННОГО

1883, 25 апреля — родился на хуторе Козюрин в семье иногороднего крестьянина Михаила Ивановича Буденного и его жены Маланьи Никитичны.

1903, лето — брак с первой женой Надеждой. *15 сентября* — призван в армию.

1904–1905 — участие в Русско-японской войне в составе 46-го казачьего полка.

1905–1906 — служба в Приморском драгунском полку в селе Раздольное под Владивостоком.

1907–1908 — учеба в Петербургской школе наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе.

1908–1914 — служба в Приморском драгунском полку в качестве полкового наездника.

1908, май — присвоено звание младшего унтер-офицера.

Сентябрь — присвоено звание старшего унтер-офицера.

1914, сентябрь — призван из отпуска в 18-й Северский драгунский имени короля датского Кристиана IX полк на должность командира взвода 5-го эскадрона. Полк в составе Кавказской кавалерийской дивизии участвовал в боях на Западном фронте и в Персии.

1917, ноябрь — возвращение в станицу Платовскую.

1918, февраль — на окружном съезде Советов в станице Великокняжеской избран заведующим окружным земельным отделом. *Февраль – июнь* — командир конного партизанского отряда. *Июль – ноябрь* — помощник командира конного полка.

1918, ноябрь – 1919, март — помощник командира 1-й Донской кавбригады.

1919, апрель – июнь — начальник 4-й кавдивизии. *Март* — награжден орденом Красного Знамени.

26 апреля — назначен командиром конного корпуса. *17 ноября* — назначен командармом Первой конной армии. *1921, апрель* — назначен членом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, заместителем командующего округом.

1923, март — награжден почетным огнестрельным оружием и орденом Красного Знамени; также награжден вторым орденом Красного Знамени.

Сентябрь — назначен помощником главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по кавалерии и членом Реввоенсовета республики.

1924, январь — назначен инспектором кавалерии РККА и членом Высшей аттестационной комиссии РВС СССР.

Ноябрь — жена Надежда Ивановна покончила с собой.

Осень — брак со второй женой, певицей Большого театра Ольгой Стефановной Михайловой.

1932, июнь — окончил (в составе Особой группы) Военную академию имени М. В. Фрунзе.

1935, 20 ноября — присвоено звание Маршала Советского Союза.

1937, май — принял участие в суде над группой арестованных военачальников во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. *Июнь* — назначен командующим Московским военным округом и членом Главного военного совета Наркомата обороны.

Август — по обвинению в шпионаже арестована жена О. С. Михайлова. Вскоре у Буденного завязываются отношения с его будущей третьей женой Марией Васильевной.

1938, 13 августа — рождение сына Сергея.

1939, январь — назначен заместителем наркома обороны.

6 сентября — рождение дочери Нины.

1940, август — назначен первым заместителем наркома обороны.

1941, 23 июня — назначен членом Ставки Главного Командования (с 10 июля – Ставка Верховного командования, с 8 августа – Ставка Верховного главнокомандования).

25 июня – 1 июля — командует группой армий резерва Главного Командования.

10 июля — назначен главнокомандующим Юго-Западным направлением.

11 сентября — снят с поста главнокомандующего Юго-Западным направлением.

12 сентября — назначен командующим Резервным фронтом.

8 октября — освобожден от поста командующего Резервным фронтом.

7 ноября — командует военным парадом в Москве.

1942, апрель — назначен главнокомандующим Северо-Кавказским направлением.

Май — назначен командующим Северо-Кавказским фронтом. *2 сентября* — снят с командования Северо-Кавказским направлением и фронтом.

1943, январь — назначен командующим кавалерией Красной армии. *1944* — рождение сына Михаила.

1945, 17 февраля — выведен из состава Ставки Верховного главнокомандования; назначен членом Высшего военного совета

Наркомата обороны.

1947, март — назначен заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству и конезаводству.

1953, май — освобожден от постов заместителя министра сельского хозяйства и командующего кавалерией.

Май — назначен инспектором кавалерии.

Сентябрь — освобожден от поста инспектора кавалерии.

1954, октябрь — назначен заместителем министра обороны по особым поручениям.

1955— назначен членом президиума ДОСААФ.

1958, февраль — присвоено звание Героя Советского Союза.

1963, февраль — присвоено звание дважды Героя Советского Союза.

1968, апрель — присвоено звание трижды Героя Советского Союза.

1973, 26 октября — умер в Москве от последствий инсульта.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 74. Оп. 2. Д. 77 (Переписка К. Е. Ворошилова о необходимости реабилитации Ф. К. Миронова и Б. М. Думенко).

Алданов М. А. Советские люди (В кинематографе) // *Алданов М. А.* Портреты: В 2 т. Т. 2. М.: Захаров, 2006.

Бабель И. Э. Конармия. Рассказы. Дневники. Публицистика. М.: Правда, 1990.

Буденная Н. С. «Георгиевские кресты папа носил дома…» // Известия. 2003 (http://www.peoples.ra/mflitary/liero/budenny/index.html).

Буденный С. М.. Встречи с Ильичом. М.: Изд-во ДОСААФ, 1972.

Буденный С. М. Дружнее драться за подъем коневодства. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1936.

Буденный С. М. Основы тактики конных соединений. М.: Воениздат, 1938.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1–3. М.: Воениздат, 1958–1973.

Буденный С. М. Пройденный путь. Главы из 4-й книги // Дон. 1975. № 1–3, 12.

Васильева Л. С. Кремлевские жены. Кремлевские дети. М.: Вагриус, 2006.

Витошнев С. Г. Семен Буденный. Минск: Кузьма, 1998.

Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн.1, 2. М.: Новости, 1995.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кн. 1, 2. М.: Новости, 1989.

Врангель П. Н. Записки. Т. 1–2. М.: Космос, 1995.

Гейер Г., Макензен Э. фон. От Буга до Кавказа. М.: АСТ; Транзит-книга, 2004.

Голубинцев А. В. Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959.

Гуль Р. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский; *Венков А.В.* Буденный. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Егоров А. И. Героическая эпопея. Сталинград: Книгоиздат, 1937.

Егоров А. И. Львов – Варшава. 1920 год. М. – Л.: Воениздат, 1929.

Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919. М.: Воениздат, 1931.

Елисеев Ф. И. С Хоперцами от Воронежа до Кубани в 1919–1920 гг. Кн.1–5. Нью-Йорк, 1962.

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.

Золототрубов А. М. Буденный. М.: Молодая гвардия, 1983.

Золототрубов А. М. С.М.Буденный. Фотоальбом. М.: Планета, 1986.

Как Климент Ефремович «настучал» на Семена Михайловича. Публикация Л. Х. Казщаковой и В. С. Лебедевой // Военно-исторический журнал. 1993. № 4.

Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 4-го года. М.: ЭКСМО; Яуза, 2006.

Лосев Е. Ф. Миронов. М.: Молодая гвардия, 1991. *Лощиц М.* Беседы с человеком-легендой // Красная звезда. 2003. 24 апреля.

Марковчин В. Веди ж, Буденный, нас смелее… Уголовное дело 1-й конной // Совершенно секретно. 1998. № 8.

Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: Терра, 1993.

Раковский Г. Н. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.

Раковский Г. Н. Конец белых. Прага, 1921.

Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. От Буденного до Булганина. М.: Вече, 2006.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М.: Regnum – Российский архив, 1997.

Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1984.

Соколов Б. В. Георгий Жуков: Триумфы и падения. М.: АСТ-Пресс, 2004.

Соколов Б. В. Истребленные маршалы. Смоленск: Русич, 2000.

Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «красного маршала». М.: Вече, 2003.

Соловьев М. Записки советского военного корреспондента. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

Сталин И. В. Выступление на расширенном заседании Военного Совета при Наркоме Обороны 2 июня 1937 г. // Источник. 1994. № 3.

Трифонов Ю. В. Отблеск костра // *Трифонов Ю. В.* Отблеск костра. Старик. Исчезновение. М.: Московский рабочий, 1988.

ТухачевскийМ.Н. Поход за Вислу; *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М.: Новости, 1992.

Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972.

Хинштейн А. Е. Подземелья Лубянки. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.

ХрущевН. С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. Т. 1–4. М.: Московские новости, 1999.

Чернова Н., Токарев В. «Первая Конная»: кинематографический рейд в забвенье. Исторический комментарий к советскому кинопроцессу 1938–1941 гг. // Киноведческие записки. 2003. № 65.

Шитов А. П., Поликарпов В. Д. Юрий Трифонов и советская эпоха. Факты, документы, воспоминания. М.: Собрание, 2006.

Шкуро А. Г. Записки белого партизана. М.: АСТ, 2004.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1–2. М.: Воениздат, 1968–1974.

Щелоков А. Батька Семен Буденный // Независимое военное обозрение. 2005. 25 ноября.

Яковлева Э. Зять Райкина и Буденного // Советская Белоруссия. Минск, 2001. 29 декабря.

EisenhowerD. Crusade in Europe. N.Y.: Da Capo Press, 1977.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Больше полувека маршал Буденный был живым символом советской боевой славы.

Родина Буденного – станица Платовская.

Родители будущего маршала: мать Маланья Никитична и отец Михаил Иванович.

С.М. Буденный с матерью и родными. *Фото 1925 г.*

Грудь бравого унтер-офицера Семена Буденного украшают четыре Георгиевских креста.

В 18-м Северском драгунском полку. *Фото 1915 г.*

С. М. Буденный – командир красного конного корпуса. Рядом с ним начальник штаба корпуса В. А. Погребов и начальник снабжения Г. К. Сиденко (стоит). *Фото 1919 г.*

Реввоенсовет Первой конной: К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Е. А. Щаденко.

Конармейцы под Майкопом. *Фото 1920 г.*

Командир Донского казачьего корпуса Ф. К. Миронов перед расстрелом в Балашовской тюрьме.

Братья Буденного Леонид и Емельян – командиры конных эскадронов.

Начальник штаба Первой конной С. А. Зотов.

Начальник дивизии И. Р. Апанасенко.

Начальник дивизии О. И. Городовиков.

Начальник дивизии С. К. Тимошенко.

Командир бригады В. И. Книга.

Командир бригады И. В. Тюленев.

Заседание Реввоенсовета Конармии. В центре: К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. К. Минин.

Г. И. Котовский.

Буденный принимает «всероссийского старосту»

В перерывах между боями конармейцы читают газету «Правда».

Противник Буденного – белый генерал А. И. Деникин

Противник Буденного – белый генерал К. К. Мамонтов.

Противник Буденного – «Черный барон» П. П. Врангель.

С. М. Буденный М. В. Фрунзе, и К. Е. Ворошилов планируют операции на Польском фронте.

Победитель Буденного – польский маршал Юзеф Пилсудский.

Тачанки Первой конной в Северной Таврии

Конармейцы в Ростове-на-Дону.

Победный парад Первой конной. Слева направо – С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, О. И. Городовиков. *Ноябрь 1920 г.*

Нестор Махно.

С. М. Буденный в отбитом у белых Севастополе.

До последних лет жизни маршал превосходно держался в седле.

С. М. Буденный на похоронах Ленина.

Буденный и В. В. Куйбышев на конном заводе в Ростовской области. *Фото 1930 г.*

Буденный и монгольский главнокомандующий Х. Чойбалсан. *Фото 1926 г.*

Буденный и Горький: откровенный обмен мнениями по вопросам литературы. *Фото 1932 г.*

Автор «Конармии» Исаак Бабель.

Каждое утро Буденный начинал с зарядки.

На стрельбище. *Фото 1931 г.*

С. М. Буденный и И. В. Сталин с участницами съезда колхозниц-ударниц. *Фото 1935 г.*

Буденный на VII Всесоюзном съезде Советов. *Фото 1935 г.*

Первые маршалы Советского Союза. Слева направо – М. Н. Тухачевский, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, В. К. Блюхер, А. И. Егоров. *Фото 1935 г.*

На Всесоюзном совещании жен командиров РККА. *Фото 1936 г.*

Вторая жена Буденного, певица Ольга Михайлова, в опере Л. Делиба «Лакме» на сцене Большого театра.

Тюремное фото О. С. Буденной-Михайловой.

«Если завтра война…» С. М. Буденный на учениях Московского военного округа.

Лето 1942 года. Буденный командует войсками на Северном Кавказе.

С. М. Буденный в Берлине. *Май 1945 г.*

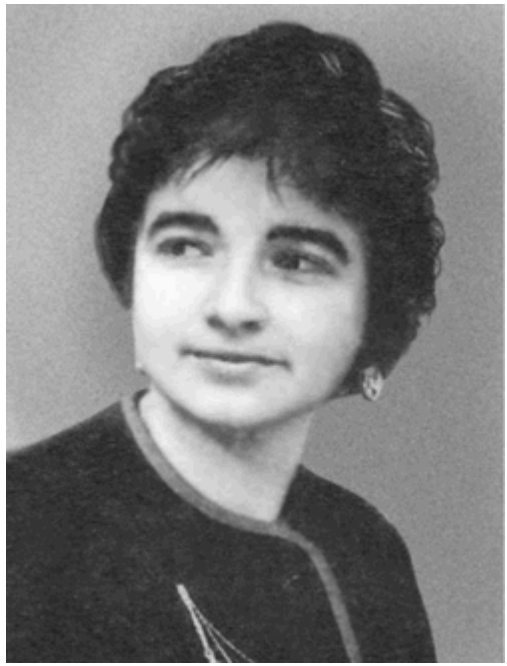
Буденный с Г. К. Жуковым, И. С. Коневым и другими военачальниками на XX съезде КПСС.

Маршал ставит автографы на только что вышедшей книге мемуаров «Пройденный путь». *Фото 1958 г.*

С. М. Буденный инструктирует актера А. Г. Вовси – исполнителя его роли в пьесе Вс. Вишневского «Первая Конная армия». *Фото 1957 г.*

Третья жена маршала – Мария Васильевна Буденная.

С. М. Буденный с женой на отдыхе.



Дочь Буденного Нина.

«Семейная конница» Буденных: сын Миша, дочь Нина и сам Семен Михайлович.

Председатель Президиума Верховного Совета Л. И. Брежнев вручает С. М. Буденному вторую медаль «Золотая Звезда». *Фото 1963 г.*

На XVI съезде ВЛКСМ маршал передает свою шашку в дар комсомольцам. *Фото 1970 г.*

В окружении семьи. *Фото 1972 г.*

Последние главы мемуаров. *Фото 1973 г.*

notes

Примечания

1

Независимая газета. 2006. 12 мая.

2

РГВА. Ф. ЮЗс/246. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-17.

3

Ленинский сборник, XXXIV. С. 209.